Виктор Арнаутов

О ВРЕМЕНИ
И
О СЕБЕ

—воспоминания, эссе

Кемерово, 2019

РПА «Ректаймс»

ББК 63.214(2Р=Рус)

А 84

Арнаутов Виктор Степанович
О времени и о себе: Воспоминания, эссе / В.С. Арнаутов. Кемерово: РПА «Ректаймс», 2019. – 412 с.

Книгу эту можно с некоторыми оговорками отнести к жанру «Семейный альбом». Это – попытка вырваться из плена тоталитарного забвения «Иванов-родства-неомнящих». В неё вошли обновлённые и исправленные воспоминания и эссе. Мемуары «Профессия – студент!» уже были опубликованы в книгах «Деревья обрастают мхами с северной стороны» и в коллективном сборнике «О тех, кто шёл в прердовом ряду». Автобиографическое повествование «Не поле перейти» напечатано в книге «Перепутья судеб». Эссе «Мир тесен», очерк «На родине писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка» и рассказ «К маме» печатаются впервые. Это – удивительные истории встреч и необыкновенных совпадений. А также размышления автора о том, что было бы, или могло быть, если бы не господин Великий Случай. Биографическая фактография тесно переплетается с тем временем, в котором жил, трудился и литературно творил кемеровский писатель Виктор Арнаутов.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

***Компьютерный набор и редактирование* –**
в авторском исполнении
***Вёрстка* – Вадим Антипов**
***Обложка* – Светлана Янченко**

От автора

Уважаемый читатель!

Книгу эту решил я издать не ради того, чтобы, прочитав её, ты сказал: «Ах, какой же хороший (или плохой) этот писатель Виктор Арнаутов!» Вовсе нет.

Через неё мне захотелось показать не только то, каковым вижу себя я сам, но и то время, в котором я родился, рос, учился, работал… И как докатился до жини такой, что стал писать… Наверное, многие помнят ещё из школьных программ поэму Владимира Маяковского «Во весь голос!». В ней есть такие строки: *Профессор, снимите очки-велосипед –*

Я сам расскажу вам о времени и о себе…

Мой нынешний возраст уже позволяет подводить некоторые жизненные итоги. Вот и надумал я собрать воедино те мои литературные вещи, которые уже были напечатаны, и поместить сюда новое эссе «Мир тесен», очерк «На родине писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка» - касающиеся вех моей биографии, моих родственников, друзей детства и студенчества, коллег по работе, многочисленных собратьев по литературе, а также рассказ «К маме».

До недавнего времени считалось нескромным писать о себе и своей судьбе. А чуть ранее – даже и небезопасно, особенно для тех, чьи родовые корни питались не из рабоче-крестьянской социальной почвы. Вот и жили, не зная не только своих прадедов, но и более близких родственников. А, случалось, даже и отрекались от них. Зато теперь настало время попытаться восстановить утраченные родовые связи, и передать эти знания своим потомкам. Мне приходилось быть свидетелем даже того, что мои современники и ровесники, уже начинают разрабатывать книжные экслибрисы, фамильные гербы и регистрировать их в геральдическом Российском Центре Родословия, получая официальные Гербовые Грамоты…

А ведь это – далеко не амбициозность, тщеславие или провинциальный снобизм! Это - вполне закономерное желание

восстановить доброе имя своего рода, фамилии, пусть даже и не «благородно»-дворянского происхождения.

Честь и хвала тем людям, кторые по крупицам собирают и восстанавливают утраченные не только страницы, но и целые главы семейных хроник!

Кроме того, мне думается, что искренняя и честная биографическая проза – такая, как у Виктора Астафьева в его «Последнем поклоне», представляет интерес не только для его родни, но и вызывает сострадание у многочисленных читателей.

Не менее основательным литературным итоговым трудом является и роман-эссе «Память» замечательнго писателя, выходца из Кузбасса, Владимира Алексеевича Чивилихина. Его целеустремлённости, скрупулёзности, педантичности и писательской чистоплотности можно только восхищаться и по-хорошему завидовать.

…Один из любимых бардов, почти мой ровесник, москвич Вадим Егоров, как-то в шутку скаламбурил:

«Скворцы летят в дом скворчества,
Творцы летят в дом Творчества.
Я дверь в том доме отворил
И кой-чего там натворил…»

Вот и я, как мне кажется, «кой-чего» уже «натворил» за двадцать лет моего писательского труда. В том числе, и в плане семейных преданий, неповторимых судеб моих близких и отдалённых родственников.

То же самое касается и моих знакомств в среде прозаиков и поэтов – таких разных по Божественному дару, да и личным качествам. Я вовсе не кичусь знакомствами с именитыми и известными писателями. Просто со временем стал ощущать и себя причастным к этой когорте (пусть невеликой, но всё же частичкой) творческого легиона.

Виктор Арнаутов. Кемерово, октябрь 2018 г.

МИР ТЕСЕН,
или парадоксы совпадений
(Эссе)

Меня давно уже мучает, не даёт покоя … сослагательное наклонение. Что было бы, если бы не Господин Великий Случай? Как из хаоса и случайностей получается некая системная упорядоченность? Случайная закономерность или закономерная случайность? А ведь вся жизнь наша, да и практически всего сущего, подчинена этому.

С давних пор, можно сказать даже с детства или ранней юности, меня бередил вопрос: ну, как это два разных человека, мужчина и женщина, вдруг становятся мужем и женой? Как возникают между ними любовь и взаимосимпатии? Как они находят друг друга? Вдруг, ни с того и ни с сего? Или всё же…

Кто-то жил рядом, не обращая особого (или даже никакого) внимания, и вдруг – на тебе: слюбились, стали мужем и женой. А от этой любви родились дети, да не просто там абстрактные человечки, а конкретные: скажем, Витя, Вова, Таня, Рая… А если бы не встретились их родители, а нашли бы изначально себе совершенно иные пары? Где бы были эти конкретные Витя, Вова, Таня и Рая? Ведь их бы вообще не было на свете, а жили бы совершенно другие люди!

Вот это – да! И так ведь – со всем человечеством! Не сойдись на перепутье двое – и уже не было бы от них конкретных потомков. А у их потомков, допустим, того же Вити, не было бы детей Ярославы и Насти, внуков Николки и Алёны, а могли бы быть абсолютно другие дети и внуки, как и у Вовы не было бы Алёши и Лены, а от Лены – внуков Маши и Насти, от Алёши – Сонечки и Степашки…

Что и говорить – мир тесен!

И так ли уж всё это происходит спонтанно, или Кто-то всё же руководит этой упорядоченностью?

На нашей грешной планете в данное время проживает более шести миллиардов человек, совершенно разных индивидов. А ведь не будь этого самого Господина Великого

Случая, все эти шесть миллиардов конкретных людей, могли бы быть абсолютно иными! И всё у них могло бы быть совершенно другим…

И я осознаю, что вполне могло случиться так, что меня вообще бы не существовало. А если бы и существовал, то могло оказаться, что жизнь моя могла бы уже давно и неоднократно прерваться… Кто-то же меня хранит уже 67 лет! Кто-то ведёт по жизни! И сколько ещё длиться такому моему случайному (или всё же закономерному) земному бытию?

Парадоксы, парадоксы…

Как там у нашего классика Александра Сергеевича по этому поводу: «И гений – парадоксов друг?!»

Вот и попробую я нарисовать здесь и в дальнейшем несколько таких гениальных парадоксальных или закономерных случайностей.

Начну с родителей – мамы Евдокии и отца Степана.

Мама родилась в 1932 году в семье раскулаченных и сосланных в 1930 году из нынешней Новосибирской области в Нарымский край, под опеку Пудинской спецкомендатуры. Места эти были глухими, практически незаселёнными, отрезанными бездорожьем и непроходимыми просторами Васюганских болот. На территории Пудинской спецкомендатуры, размерами в четверть всего Кузбасса, как чёрт репу насеял, были разбросаны с десяток стойбищ из полуоседлых охотников-аборигенов.

Сюда-то и решила Советская власть первоначально сослать на выживание неугодных ей трудяг-крестьян. Помимо Пудинской спецкомендатуры в печально-известный Нарымский округ входило ещё с пяток таких же комендатур.

Лет шесть назад мне довелось побывать в Томске в составе делегации писателей и бывших работников милиции, от Кузбасса, на дне памяти жертв политических репрессий. В центре Томска есть мемориальный комплекс жертвам этих самых репрессий: ухоженный сквер и музей «Следственная тюрьма НКВД». От тюрьмы впечатление жуткое! В одном из «залов» этого музея, прямо на полу, изображена карта Пудинской спецкомендатуры. Я не удержался и сфотографировал её на свой цифровик. А дома посчитал,

сколько на ней было населённых пунктов, образованных «на голой кочке» ссыльными. Оказалось, аж 63! Теперь из них осталось лишь 7, в том числе Пудино, Калининский, Останино, Лушниково… И заново отстроенный городок Кедровый. Тогда Пудинская спецкомендатура насчитывала порядка 15 тысяч сосланных правлишенцев, сначала из ближайших регионов Сибири, а потом уже и со всего СССР. Случай?! Ещё какой!

Прежде я не задумывался над этим, а когда стал постарше, то как-то подсчитал, что в моём родном Красном Яре (находился он в 12 километрах от Пудино), в середине 50-х годов было порядка 50 дворов ссыльных. И в них проживали люди аж десяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, молдаване, болгары, поляки, евреи, греки, латыши, литовцы.

Как я отметил прежде, мама наша родилась уже в ссылке, в Калининске, в четырёх километрах от райцентра (и комендатуры) Пудино. Родилась двойней. Вскоре её родная мать (а моя бабушка Степанида) умерла от цинги. И её отец (а мой дед Абакум) решился отдать одну из малолетних девочек (Дусю) хорошим бездетным знакомым Ивановым (Якову Андреевичу и Анастасии Ивановне), тоже сосланным из их же местности. Так и прижилась наша мама в этой приёмной семье в Красном Яре, изредка видясь со старшим братом Сашей и сестрой-близняшкой Валей, живших в Калининске.

Мой отец (а будущий мамин муж) Степан родился в 1927 году в семье обрусевших болгар далеко от Сибири, в тёплой и солнечной Бессарабии, в селе Владичень Измаильской области. Через неширокий лиман Дуная, напротив, располагался небольшой городок Болград, где в двухэтажном кирпичном доме жил чиновник городской Управы Павел Манолов. Тогда эта часть Бессарабии относилась к Румынии.

Похоже, Степан никогда и не задумывался о том, что где-то, в холодной Сибири, уже создан «рай» для ссыльных – Нарымский. Да и его родители – отец, профессиональный отставной военный Фёдор Афанасьевич и мама Прасковья Павловна, урождённая Манолова, учительница гимназии – и представить себе не могли, как круто изменится вскоре их жизнь…

Это ли не случай?! Ещё какой!

В 1940 году (по пакту Молотова-Риббентропа) Бессарабия вернулась в состав СССР и административно относилась уже к Одесской области Украины. Отца Степана, Фёдора Афанасьевича, накануне большой войны, 12 июня 1941 года, арестовали, припомнив ему службу у Деникина (а он бывал и в рядах красных), военные регулярные сборы офицеров-резервистов у румын, и даже принадлежность к либеральной партии (?)… Короче – весь набор антисоветчика. И тут же, скорым судом осудили по статье 58.4. А далее – сталинские лагеря, на северном Урале, в «Ивдельлаге» – том самом гиблом и мистическом месте, которое позднее получило название перевал Дятлова…

И всё бы ладно – как будто даже по заслугам: а как же – воевал против красных, потом был «мироедом», имея во Владичени, на берегу лимана два гектара виноградников и собственный саманный дом с касамарами.

Оказалось, для Советской власти вины одного Фёдора маловато. А жена-то его кто? Интеллигентка, бывшая учительница физики и математики в гимназии Болграда? А муж да жена – одна сатана! Туда же и её. Ну, пусть не в лагерь, так на бессрочное поселение, в Сибирь! Куда ж ещё?

Скорый суд Одесской опертройки состоялся уже 13 июня 1941 года. И уже все трое: сама Прасковья Павловна и двое её сыновей – шестнадцатилетний Анатолий и четырнадцатилетний Степан с клеймом социально-опасных элементов политической статьи, лишённые гражданских прав – на спецпоселение, безвыездно в Нарымский край.

На сборы, с минимумом одежды и утвари, всего несколько часов. И - никаких апелляций и обжалований.

Не парадокс ли? В чём была вина, скажем, 14-летнего Степана, ссылка которого затянулась аж на 17 лет (с июня 1941 года и по 1958 год)?

И вот уже Прасковья Павловна с двумя подростками-сыновьями к голодной зиме военного 1941 года оказывается в сибирской деревушке, названной Красным Яром. На зиму приютила их в бане по-чёрному семья Ивановых, с приёмной дочерью Дусей.

Пути Евдокии и Степана пересеклись в 1941 году в этом самом Красном Яре – заболотной деревушке Пудинской спецкомендатуры Нарымского округа. Но это ещё только начало… Между ними возрастная разница в пять лет. Смотрел ли Степан на сопливую Дуську, как на будущую жену и мать их общих четверых детей? Да нет, конечно…

А, поди ж ты. Ведь слюбились, дело дошло до свадьбы. И в 19 лет у мамы появился первенец, то есть я. А следом за мною ещё трое, едва ли не погодками. Так что в 24 года у мамы было уже нас четверо! Как она потом неоднократно шутила: родила четверых за одну пятилетку!

И – понеслись цепи случайностей, сначала общие для всех четверых, а потом уже у каждого и по отдельности.

Впрочем… Если уж я упомянул в начале этого эссе сослагательное наклонение, то попробую его и в дальнейшем время от времени использовать, как театрально реквизитное ружьё, висящее на стене и готовое в нужное время выстрелить.

Гражданского союза-брака между мамой и отцом (а таковым и было их сожительство, пока не родилась Рая, и они не зарегистрировались официально) могло и не быть.

Дело в том, что маму нашу совсем девчонкой-подростком (кажется, году в 1947-м) ещё летом обязали сопровождать (гнать) гурт скотины (коров, телят, овец) впятером до самого Томска. А это – по бездорожью – километров восемьсот, не меньше. Попутно – ещё и пасти, чтобы был привес на сдаче. Не имея хорошей обуви и одежды, ночуя где придётся под открытым небом, она простудилась и практически обезножила, не могла уже идти самостоятельно.

Вот её и оставили поправить своё здоровье на попечение добрых людей в одной из попутных деревушек. Оклемалась с Божьей помощью да сердобольными людьми. И уже там, в той деревушке, ей предлагали остаться жить и работать, подыскав и жениха.

Однако мамой будто кто руководил. Она решилась пойти вдогонку своих. Одна, по бездорожью, без спичек и нормальной еды. Ведь могла же и вообще остаться навеки где-нибудь в урмане, заболев повторно…

Был, был и у неё свой Ангел Хранитель. Может, всё та же святая Евдокия. Не дал сгинуть. Почти три месяца длилась эта борьба на выживание. Догнала своих уже едва ли не в Томске. А из Томска её дядя Кеша (младший брат родного отца), учившийся в то время в партшколе, отправил поездом в Новосибирск, к её брату Александру. Могла ведь она и в Новосибирске остаться, получить паспорт, прописаться, устроиться на работу. Выйти замуж за кого угодно…

Могла мама расстаться со своей жизнью и на обратном пути, когда пришлось ранней весной возвращаться домой, в Красный Яр, сбившись с пути в заснеженном болоте и оставшись на ночь без огня и крова… Очень даже могла. Какой уж тут семейный союз со Степаном?!

И где бы тогда были все мы четверо? Да просто-напросто и на свет бы не появились. И никто бы о нас даже и не подозревал, не знал, как и мы друг друга…

Случайность ли, что отец наш, пойдя на Пасху, с напарником заготавливать дрова в лес, попал под рухнувшую на него берёзу? Напарник остался живым, а отца через два дня, на 1 мая 1965, года не стало…

Я всегда думаю о том, что останься отец в живых, и у всех нас могла сложиться совершенно иная судьба. Ну, к примеру, могла наша семья уже через год-другой уехать в Молдавию (бывшую Бессарабию), куда отец намеревался вернуться. Как это сделал его старший брат Анатолий, переехав с семьёй (матерью Прасковьей, женой Натальей и тремя детьми, родившимися в Сибири) из ссыльного Пудино ещё в 1961 году…

Увы и ах… А, может, всё и к лучшему…

А мама наша до сих пор жива, отметив в марте 2017 года своё 85-летие. И живёт на своей малой Родине: помотавшись по Сибири (Куйтун Иркутской области, Томск, Новокузнецк, Красноярск, Кемерово), вернулась в свой первородный Калининский…

Ещё парадокс и цепь случайностей. С **братом моим младшим Володей.**

Будучи моложе меня на полтора года и окончив Пудинскую среднюю школу двумя годами позднее меня, не без моей рекомендации он умудряется поступить (безо всякого протеже) на режиссёрское отделение того же института, где учился и я – Кемеровского института культуры. Ещё на полгода у нас с ним (осенью-зимой 1970-1971 годов) продлилась почти одна и та же путь-дорожка. Мы учимся в одном институте (правда, на разных факультетах) и даже живём в одной комнате студенческого общежития.

А далее – парадоксы судьбы. По крайней мере, для него.

Была в то время в институтах, подобно нашему, на творческих специальностях, не очень добрая практика: набирать студентов на специальности с запасом. То есть, для последующей «выбраковки», не справившихся, по мнению преподавателей, с учебной программой. И с позорной неофициальной формулировкой отчисления – «по профнепригодности».

Вот и попал мой брат к такому руководителю курса по специальности, который не усмотрел в нём задатков будущего режиссёра самодеятельного театра. Из 35 студентов их группы к концу учебного года этот «педагог» освободился от половины, оставив на курсе всего 17 человек. Только один семестр и проучился Володя в этом институте…

И почти всю жизнь брат потом «благодарил» того «педагога» за оценку его творческих способностей, считая, что смог бы и учиться, и окончить институт, а позднее вполне бы был пригоден для работы в каком-нибудь клубе или Дворце культуры. Увы, не сложилось с этой специальностью. Зато были потом и автодорожный техникум, и строительный институт в Томске, и работа на руководящих должностях дорожно-строительных организаций в Иркутской области…

А после отчисления из Кемеровского института культуры вернулся Володя домой, к маме. Засел за руль колёсного трактора «Беларусь», благо школа вместе с аттестатом зрелости выдавала ещё и профессиональное удостоверение «тракториста-машиниста 3-го класса широкого

профиля», и проработал в совхозе «Пудинский» до весеннего призыва в армию.

А вот тут-то и тот самый парадоксальный случай!

Призвали Володю на службу в ряды СА из мест ссылки нашего отца, Пудино, да в десантные войска. И куда бы вы думали? Да в тот самый городок Болград – откуда были высланы наша бабушка Прасковья Павловна с сыновьями Анатолием и Степаном! Тысяч пять километров пролегли между Болградом и Пудино!

И смотрел наш Володя едва ли не из окон казармы и КПП своей части (воздушно-десантного полка) Свирской дивизии на … двухэтажный кирпичный дом своего прадеда – Манолова Павла. А через лиман, во Владичени, всё ещё стоял дом деда Фёдора, сгинувшего в 1942 году в «Ивдельлаге» и реабилитированного впоследствии за отсутствием состава преступления…

И жил ещё во Владичени младший брат деда Фёдора – чичо (деда) Ваня со своей бабой Дорой и сыном Михаилом…

И ходил Володя по тем же самым улочкам городка Болград, как некогда хаживали наши прадед, дед с бабушкой, наш отец со своим братом… И любовался он в умилении на ту самую церковь, в которой венчались в 1923 году Фёдор Афанасьевич Арнаутов и Манолова Прасковья Павловна. И бегал в самоволку на богатейший болградский рынок - «Привоз» (аналог Одесскому), покупая там дешёвые жерделы, жареные семечки, или пропуская втихушку стаканчик самодельного терпкого винца «каберне»…

А бывая во Владичени, у гостеприимного чичо Вани, дегустировал в его подвалах вино, с фамильными секретами, хранящееся в восьми трёхсотпятидесяти литровых дубовых бочках…

Случалось, приезжал он и в краткосрочные увольнения к дяде Анатолию, что жил в своём уже доме в городке Вулконешты, что в восемнадцати километрах от Болграда…

Такие вот изгибы судьбы, совпадения и перекрестья…

И это – лишь одно из многочисленных доказательств, что мир тесен…

Теперь о себе, любимом…

Опустим цепь случайностей из детства и школьных лет, когда мог (да не случилось) и утонуть неоднократно, и разбиться с кедра, и быть застреленным из отцовского ружья…

Хотя на ружье, пожалуй, чуточку и остановлюсь.

А было так. Мне уже исполнилось лет шесть. Мы переехали в Красном Яре в другой дом, о котором я ещё расскажу позднее. Отец наш очень любил охотиться, благо дичи, особенно птицы, в то время в наших местах водилось предостаточно. Обычно он охотился с «тозовкой» - мелкокалиберной винтовкой. А тут – откуда-то у него появилось гладкоствольной ружьё. Вот однажды он пришёл с охоты и забыл разрядить ружьё. А, собираясь в очередной раз поохотиться, он занёс это ружьё в избу почистить ствол. Я сидел в это время за столом на лавке, у окошка. Вот отец и решил прицелиться на свет окна, взведя курок ружья. Да случайно, видимо, и я попал в прицел. Ещё бы секунда – и меня уже никогда не было в живых. Но – видать, и впрямь есть у меня Ангел-хранитель! Он-то и отвёл ствол ружья в сторону, на 90 градусов. Раздался оглушающий выстрел… в стену. Посыпалась штукатурка из вывороченной зарядом дыры размером в кулак… Как же перепугались все мы, находящиеся в это время в избе! А отец – в первую очередь. Сколько было потом брани в адрес отца со стороны мамы и бабушки… Да и у него самого, наверное, появились первые седые волосы на голове.

Ещё о ружье. В пору моего детства было у меня два дружка, постарше, правда, меня. Вот у одного из них и оказалась тозовка старшего брата-геолога, нелепо погибшего в экспедиции. Пошли эти мои дружки зимой на охоту. Уж как там у них дошло до того, что младший из них согласился встать под выстрел. Не в него самого, а в шапку, что была на его голове. А у старшего, хозяина винтовки, хватило ума и смелости выстрелить по этой шапке. В шапку-то он попал, да только пуля царапнула и кожу на голове «мишени». Случайность? Повезло обоим? Может и так… Да только стрелявший лет через восемь сам себе приговор привёл в исполнение: повесился. А «мишень»

живёт до сих пор, хотя тоже – столько у него было ещё в жизни «возможностей» покинуть этот мир…

Помню, ещё и такое, в раннем детстве, когда мне было всего лет пять-шесть. В самом конце лета или начале осени. Был сильный урожай кедровых орехов. Вот отец и взял меня с собой за шишками. И недалеко совсем. Переплыли мы на обласке речку Чузик. Метрах в двухстах от реки стояла кедра (это дерево у нас называли исключительно в женском роде), усыпанная крупными созревшими уже шишками. Я шёл за отцом, продираясь к кедре по зарослям колючих кустарников и крапивы. Мало того, почему-то появилось полчище комарья. Меня нещадно кусали комары, и я хныкал. Тогда отец, перед тем, как залезть на дерево, решил посадить меня в мешок, который мы брали под шишки, наглухо завязав его сверху завязками, и поставил мешок со мной под кедру.

Уже потом он рассказывал мне, что сбивая шишки с нижних сучьев, он взобрался на самую верхушку, где плоды всегда бывают самыми крупными. Кедр, как известно, дерево крайне хрупкое. Вот и обломилась его верхушка под тяжестью отца. И того лишь чудо спасло: мог запросто упасть и разбиться насмерть… И что бы тогда сталось со мною, сидящим в завязанном мешке?

Или вот ещё случай. **Уже с отцом.**

Когда мне исполнилось 10 лет, родители переехали из Красного Яра поближе к Пудино, в Калининский. А бабушка всё ещё никак не хотела расставаться со своим обжитым местом и домом. И мы, ребятня, обычно всё лето проводили у неё. Отец и особенно мама частенько наведывались в Красный Яр. Однажды в конце лета отец посетил Красный Яр по делам работы: он тогда был бригадиром в Калининском отделении совхоза «Пудинский», куда входили и фермы с полями Красного Яра. Да припозднился.

Туда он приехал на своём велосипеде, у которого я, пока отец находился в избе бабушки и обедал, умудрился сломать раму. Ехать на нём обратно, естественно, отец не мог.

До Калининска от Красного Яра было 8 километров. Пешком идти далековато. Вот он и договорился с трактористами, что работали в Красном Яре на силосовании, что они после работы заберут его в кабину и отвезут домой. Кабина в колёсном тракторе «Беларусь» маленькая, не рассчитанная на пассажиров. Ну, двое – ещё куда ни шло, а втроём – совсем тесно. Мало того, как на грех, подвернулась тем трактористам и ещё одна попутчица – молодая вдовушка. Вот те и оказали ей предпочтение. Пришлось отцу остаться ночевать в Красном Яре. К тому же начался сильный ливень.

А когда наутро отец всё же пешком подался обратно, то, не доходя километра до своей деревни, в омутке речки Первая Николка он увидел такое, что у него волосы поднялись дыбом…

Вверх колёсами в воде лежал трактор со сплющенной кабиной. И все трое, находившиеся в ней, были раздавлены, в кровище, а кое у кого даже мозги были видны, вывалившиеся наружу…

Трактор тот, потеряв управление, юзом скатился по расквашенной ливнем глинистой дороге с моста через речушку и перевернулся, погребя под собой всех троих. Насмерть…

А теперь, нагнав жути, перейду к более мажорному. Всё к той же нескончаемой цепи случайностей.

Уже в старших классах меня вовсю стала занимать история. И к окончанию школы у меня не было сомнений и выбора: кем стать и куда пойти учиться дальше. Конечно же, историком. Точные науки и техника меня совершенно не интересовали. В медицину мне идти было противопоказано, поскольку с детства всегда (да и теперь) я боялся крови и одного только вида открытых ран. Стать агрономом или иным работником сельского хозяйства меня не прельщало впитанное с ранних лет отцовское предостережение – «быкам хвосты крутить». О литературе и, тем более, литературном труде я помыслить себе не мог, считая, что это – удел небожителей.

Итак – история, или загадочная археология.

Вот и определил я для себя эту специальность на дальнюю перспективу, как мне тогда думалось, на всю оставшуюся жизнь… Эх, как говорится, кабы молодость знала…

И если бы эта мечта осуществилась, вся дальнейшая судьба моя была бы совсем иной.

Поступать я намерился в Новосибирский педагогический институт, конечно же, на исторический факультет. Поскольку память у меня в то время была ещё весьма цепкая, а школьный предмет «история» был любимым, то моя самоуверенность исключала возможность какого-то бы ни было провала на вступительных экзаменах. Не позволяя себе расслабиться, я и в Новосибирске, живя у дяди в однокомнатной коммунальной квартире, весьма серьёзно готовился к вступительным экзаменам.

Первым был экзамен по истории. Экзаменаторы не требовали от абитуриентов знаний, выходящих за пределы школьной программы. И это первое испытание я прошёл с успехом и оценкой «отлично». Сочинение тоже написал неплохо, получив «четвёрку». А вот устный экзамен по литературе и русскому языку меня подвёл. Точнее подвела моя самоуверенность и расхлябанность. Экзаменационный вопрос по литературе меня нисколько не смутил, я знал, что могу на него ответить. А вот русский язык… Как сейчас, спустя пятьдесят лет, помню то четверостишие, в котором нужно было расставить знаки препинания и объяснить: где там главное предложение, где и особенно какие - второстепенные?

Вот это незабвенное четверостишие поэта Алексея Суркова:

«Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь лежит к Финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.»

Стишок-то, по нынешним моим литературно-писательским меркам, совсем никудышный – и по содержанию, а особенно по идеологии. Но тогда – как же! Ведь в нём был намёк на гениального кормчего, самого Ленина!

И вот, этот самый «вокзал», точнее его определение, и оказались для меня роковыми. Я попал в ловушку. Знаки препинания я расставил верно. Правильно назвал и основное предложение. А вот с придаточными… Точнее, со вторым – «откуда путь лежит к Финляндским скалам» - лоханулся. Я

сказал, что это – придаточное предложение обстоятельства места. А оказалось, что это – придаточное определительное, поскольку отвечает на вопрос «какой вокзал?» И вот из-за этой-то ловушки, в которую я так глупо вляпался, мне поставили «три» балла! Да-а-а… Прямо скажем, жёстко, если не сказать – жестоко. Ну, и кому нужны эти придаточные? Даже и теперь, пользуясь ими в своём писательском арсенале, я никогда и не задумываюсь над тем: а какие же они там на самом деле?

Последний экзамен по немецкому языку я сдал на «пятёрку», поскольку в школе у нас была очень хорошая учительница.

Но для зачисление в студенты мне не хватило всего одного балла. А на предложение декана при собеседовании: стать «кандидатом», я отказался, зная, что это означает в лучшем случае - целый семестр без стипендии и без общежития. А маме такая обуза была не под силу, и без меня ещё троих доучивать в школе надо было…

И что бы было со мной, поступи я тогда в тот вуз? Уж то, что я не оказался бы никоим образом в Кузбассе – почти сто процентов: Новосибирский пединститут был областного значения, а, стало быть, и распределяли его выпускников по школам области. Правда, была ещё одна возможность при отличной учёбе – остаться в том же институте в аспирантуре…

Возвращаясь домой, я тормознулся в Томске, навестив двоюродного брата мамы. Тот работал едва ли не главным инженером на каком-то заводе и преподавал в техникуме. Помню, узнав о моей неудаче, подвыпив, он потащил меня к какому-то вузовскому преподавателю (или даже декану) Томского пединститута, намекая на то, что ему нужно будут дать взятку в случае моего зачисление. Я на всякий случай прихватил из Новосибирского пединститута выписку из экзаменационных ведомостей, и иногда по ним могли зачислить в студенты другого вуза, если там были вакантные места. Но уже одно то, что дядя откровенно намекал на взятку, меня повергло в явное нежелание куда-либо устраиваться таким способом. Я был в то время ярым противником того, что теперь называют коррупцией. Да таковым и остаюсь поныне.

А тогда рано утром следующего же дня, даже не попрощавшись с дядей, сбежал из его квартиры и улетел самолётом домой.

Вторая моя попытка стать историком оказалась не менее драматичной.

Почти год я проработал учителем начальных классов – сначала месяц в начальной школе своей деревни, потом – в восьмилетке соседнего села, находящегося в семидесяти километрах от Пудино. Я опять штудировал школьные учебники по всё тем же предметам – истории, литературе, русскому и немецкому языкам.

На сей раз надумал я поступать уже в Томский университет на историко-филологический факультет. И почти уверен был, что на сей-то раз меня так просто не поймать в какую-нибудь легковесную ловушку… Себя мнил я уже стреляным воробьём.

Томский университет оказался для абитуриентов посерьёзнее Новосибирского пединститута. Тут уже прощупывали будущих студентов на предмет знаний и за рамками школьных программ. Погорел я опять на устном экзамене по литературе (надо же – не парадокс ли для будущего писателя?).

Попался мне в билете вопрос: «Мой любимый писатель». Казалось бы, чего проще? Назови я Пушкина, Гоголя или Маяковского, к коим питал в ту пору слабость, и, пожалуй, отличной оценки мне не миновать. Нет же. Я находился под впечатлениями состояния влюблённости, к тому же, под влиянием откровенно-сентиментальных стихов Эдуарда Асадова. Вот и решился рассказать об этом поэте, читая наизусть и его стихи. Однако мне не повезло. Видимо, Асадов не был в чести у экзаменатора, считавшего и его стихи никчёмными, и самого поэта – недостойного быть любимым у абитуриента, поступающего в университет.

«Четыре» балла я всё же тогда заработал. Но их оказалось опять суммарно недостаточно, чтобы быть зачисленным в студенты…

А вот теперь и – опять тот самый Господин Великий Случай, круто и резко повлиявший на всю мою судьбу. По крайней мере, профессионально. Да и географически тоже. Не будь его, и вся семейная жизнь могла покатиться по другой дорожке…

Пройдя собеседование у декана, который даже и не предложил мне, как в Новосибирске, быть зачисленным кандидатом в студенты, я впал в уныние и отчаяние. Было это, кажется, 17-го или 18-го августа 1969 года. В рассеянности и удручённо я двигался от главного корпуса по затенённым аллеям университетской рощи.

И тут навстречу мне попалась стайка ребят – как оказалось, таких же неудачников-абитуриентов. Я притормознулся возле них. Они оживлённо о чём-то разговаривали, держа в руках небольшой клочок газетной вырезки. Вскоре эта вырезка оказалась и в моих руках. Было это фрагментом газеты «Кузбасс», о существовании которой я и не подозревал. А там, в небольшом квадрате жирным шрифтом было выделено объявление об открытии в городе Кемерово нового вуза – института культуры, и о наборе в него студентов по четырём специальностям. Три из них были творческими: режиссура, дирижирование хором и хореография. На эти специальности я явно не тянул, точнее не был готов, поскольку не знал нотной грамоты, к театру, кроме сельской самодеятельности, отношения не имел. А о хореографии вообще не имел ни малейшего представления, не зная даже и значения этого термина.

Оставалась ещё одна специальность – библиотекаря-библиографа. О профессии библиотекаря у меня и мыслей не водилось. И предложи её кто до этого мне, посчитал бы себя оскорблённым…

Однако прельщал меня здесь теперь более всего незнакомый термин «библиограф». А ещё – всё те же четыре вступительных экзамена, что и в университет, и в пединститут. К тому же, вступительные экзамены там начинались только с 20 августа, то есть через два дня. Но самое главное – всё же возможность стать студентом института! И уже в этом году!

И я принял решение. Как говаривали древние: жребий был брошен. Оставалось совсем «малое»: достойно пройти экзаменационные испытания, уже в третий раз.

Я быстренько рассчитался за общежитие, забрал в приёмной комиссии университета свои документы и на следующее утро был уже в Богашовском аэропорту города Томска. Самолёты в ту пору летали весьма исправно по всей территории необъятного Советского Союза, и билеты на них стоили, по нынешним меркам, едва ли не символически.

К окончанию приёма документов в новый вуз я едва не опоздал. Но всё обошлось, и уже на следующее утро я опять сдавал очередной экзамен. Не буду вдаваться в подробности и драматизм тех экзаменов. Но едва ли не в третий раз меня ожидала неудача. И опять по литературе, за сочинение.

И, тем не менее, я оказался в числе новоиспечённых студентов – студентов знаменательного Первого набора Кемеровского государственного института культуры. Замечу, кстати, что конкурс по избранной специальности тогда был не менее пяти человек на одно место.

Счастью моему тогда не было предела! Да и все мои домочадцы (а особенно мама) радовались и очень гордились за меня!

Да что – я!

Подобных «невезунчиков» было едва ли не половина!

В тот год новоиспечённый институт опоздал со вступительными экзаменами на три недели. Ломанулись сюда, как утопающие за спасительную соломинку, многие «провалившиеся» в других гуманитарных вузах. А среди таковых были абитуриенты Томского, Новосибирского и даже Московского университетов, Кемеровского пединститута, театральных институтов, консерваторий и прочих вузов. Кое-кого из них я успел запомнить ещё по Томскому университету. Они даже опоздали на вступительные, но оказались более предусмотрительными, чем я, взяв там справки о сданных экзаменах. На основании этих-то справок и собеседования, кое-кто из них и был зачислен в студенты!

Особенно мне запомнились тогда мои будущие сокурсники и даже друзья Юрий Ли, Галка Емельянова, Татьяна

Храмова, Люба Кондюрина… Будущий первый Ленинский стипендиат Таня Ерёмина приехала после Московского университета и была зачислена на наш БФ. Из Кемеровского пединститута попали без экзаменов к нам Володя Грачёв и даже моя будущая жена – Людмила Великосельская, кто-то ещё. В том числе и Виктор Эрлих, правда, ему, как и мне, пришлось всё же сдавать здесь все экзамены повторно.

Попутно замечу, что Галка Емельянова (в замужестве Гордукалова), Владимир Грачёв и Виктор Эрлих стали впоследствии докторами наук. Кандидатские диссертации защитили Таня Ерёмина (Мельникова), Юрий Ли, Светлана Котлярова (Попова). Звание вузовского доцента на последнюю пятилетку педагогической деятельности довелось носить и мне; Кроме меня - Володе Ерёменко (с режиссёрского), Ларисе Двойнос и Наталье Михеевой (с дирижёрского). А с Юрой Ли и Грачёвым мне довелось позднее ещё и работать на одной кафедре. И не один год. Оставаясь на всю жизнь друзьями. Как и с Витей Эрлихом…

Мало того, из нашего, первого набора, стали членами Союза писателей России Володя Есенин, Володя Ерёменко и я, грешный…

Вот такие получились закономерные случайности, или все же случайные закономерности…

Молодость, молодость…

Какая же может быть молодость, да без влюблённостей?!

Не обошло это красивое чувство и меня.

Проснулось оно впервые, кажется, лет в пять. Но к нему я попробую вернуться ниже, когда встретить пришлось уже и полностью забытый предмет моего детского обожания, считай, лет через шестьдесят…

А лет в одиннадцать мне сильно понравилась одна девушка (не девочка – старше меня лет на пять), приехавшая в наш Красный Яр, в семье чувашей-переселенцев. Но уже добровольцев, а не спецпереселенцев. Ну, просто заболел я ею. И начал сильно ревновать к старшим ребятам, которые дружили с нею. Красивая была девушка, что и говорить… Хотя влюблённость часто застит глаза. Может и лягушка показаться

Василисой Прекрасной. На меня она особого внимания не обращала, но и не брезговала мною. Случалось, в вечерних играх (типа «ручеёк», «третий лишний» или фанты) я выбирал её в пару, беря за ручку… И сердце моё заходилось в неописуемой нежности и восторгах… Никаких дальнейших последствий эта первая влюблённость не имела, да и иметь не могла. Тем более, что года через три-четыре её семья вновь вернулась к себе на родину. А вот память, поди ж ты, до сих пор хранит её образ…

Лет, наверное, с четырнадцати-пятнадцати, начинали мы, деревенские, «хороводиться», подыскивая себе парочку. Ни на что особо и не претендуя, перебирали мы своих деревенских ровесниц едва ли не каждый месяц. Бывало, правда, и на более долгое время зацикливались на ком-то одной (одном). Не знаю, как где, но у нас в то время было просто негласное «табу»: до свадьбы – никакой физической (или как теперь говорят, сексуальной) близости!

Помню, в начале девятого года обучения в школе, наш класс пополнился новичками из соседней восьмилетки. И опять, едва ли не всех своих новеньких одноклассниц, я уже и на себя «примерял». Помимо них испытывал явные симпатии и к молоденькой учительнице-историчке – вчерашней выпускнице университета

А в последнем, десятом классе, похоже, я и впрямь влюбился – в девушку, учившуюся годом моложе. Влюбился платонически! Иначе и быть не могло. Может быть что-либо и могло возыметь, как закономерное продолжение к окончательному сближению, если бы не разметало нас после школы по разным городам и вузам.

В институт я поступил, когда мне было уже 18 лет, вполне совершеннолетним. И не куда-нибудь, а в настоящий «малинник»! На первый курс нашего факультета было зачислено порядка 90 студентов. Из них – всего восемь или девять ребят. Остальные – все молодые и, в основном, незамужние девушки. Это ли не раздолье?! Есть из кого выбирать! Да и на соседних факультетах тоже девиц было не

менее половины… К тому же – город, не деревня, невест – как на ярмарке!

На первые занятия, помимо прочего, трое из зачисленных ребят не явились. Таки образом, парней осталось на нашем факультете всего шестеро – на такой женский «гаремчик».

Правда и то, что большинство из нас, ребят, так нелегко попавших в институт, основным занятием считали всё же учёбу. Остальное – потом. Большинство, да не все. Так, к примеру, Санька Казанцев – мой одногруппник, «отзвонивший» до этого пятерик за колючим забором, цвиркая рондолевой фиксой, в ехидной ухмылочке, место нашей учёбы цинично называл *институтом культуры и отдыха.* Хватило его при таком отношении к учёбе всего на один курс, за время которого он перепробовал немало девиц, а одна даже родила от него ребёнка…

Чего греха таить, были и у меня объекты воздыхания. Если всех посчитать – десятка полтора, не меньше. До большего, правда, как и в деревне, и здесь не доходило.

А женился я рано, ещё и двадцати одного года не исполнилось. Женился на однокурснице, в конце третьего года обучения.

Вот ведь, опять парадокс.

Почти два года проучились вместе, вместе ходили на поточные лекции. И жили-то в одной общаге, а друг на друга внимания особого не обращали. Особого. По крайней мере я. Нравилась она мне, но не более. К тому же, и у неё кавалеров было предостаточно. И не только кавалеров. Как потом уже выяснилось, она чуть ли не дважды была на пороге замужества. А досталась мне… Да так и живём уже вместе столько лет, приближаясь к «золотой свадьбе».

Случай?! Случайность? Или опять-таки – закономерность?

А как же ещё считать?

А было всё так.

В конце второго курса обучения, на 1 Мая, куратор группы, где училась моя будущая избранница Людмила,

предложила пойти в поход с ночевой, на Писаные скалы. А поскольку в группе у них парней почти не было (за исключением моего друга Юры Ли и Володи Есенина), то пригласили в поход и меня. Согласившись, я в шутку поинтересовался у друга: к кому приколоться? Вот Юра и посоветовал, опять же, едва ли не в шутку: «А к нашей старосте…». Людмила и впрямь была бессменной старостой второй группы до самого окончания института.

Ну вот, с этой-то шутки, по сути дела, всё и закрутилось. В походе мы как-то сблизились, стараясь быть всё время рядышком. Даже ночевали в турбазовском домике на полу, укрывшись одним одеялом. Похоже, впервые там дошло дело и до поцелуев.

После похода раза два сходили вместе в кино. И после одного из таких кинопросмотров она вдруг заявила мне: «Давай, закончим всё на этом?»

Я был обескуражен! Даже ошарашен: такой неожиданный «отлуп»! Вот уж чего никак не ожидал. К тому же, кажется, я и впрямь уже начал в неё влюбляться. И что мне оставалось делать? Согласиться…

…Где же там моё «реквизитное ружьё» – заряженное пулей Господина Великого Случая в сослагательном наклонении?

На той размолвке всё могло и закончиться. А стало быть, не было бы у нас ни Ярославы с Настей, ни Николки с Алёной… Правда, о последних – совсем иная история.

Однако, и у «ружей» бывают иногда осечки при готовящемся выстреле.

Числа 13 или 14 мая 1971 года вдруг неожиданно я получил от Людмилы приглашение на День её рождения, имеющий время быть 15 мая.

Очень удивился. Но дал согласие.

А вот далее-то, с того самого Дня рождения, и понеслось, запуржило, закружилось, заметелилось…

Кажется, мы уже влюбились оба друг в друга… Дошло дело и до моей первой в жизни интимной близости.

Поспособствовал нашему официальному оформлению отношений и ещё один случай. После второго курса, летом 1971 года, я уехал со своим другом Колей из Томского политеха в стройотряд, в Стрежевой. Письма слал оттуда своей любимой едва ли не каждый день, получая обнадёживающие ответы. Не мог дождаться и долгожданной встречи. А когда встретились в сентябре в институте, то оказалось, что наш курс на месяц отправляют на сельхозработы. В село Красные Орлы (станция Берикульская) Мариинского района. Я, как стройотрядовец, мог и не ехать. Но так соскучился по своей любимой, что поехал, сколотив при этом из ребят строительный отряд, будучи уже сам за командира. И вот однажды Людмилу (и меня) пригласила к себе в гости родная тётя моей избранницы. Дело было вечером, в дождливую погоду. И назад в лагерь, на ночь глядя, она нас не отпустила, постелив в боковушке общую кровать… Ну, и как я должен был после этого поступить? Оставалось одно: сделать Людмиле предложение выйти за меня замуж.

Весной 1972 года, в конце третьего года обучения в институте мы расписались с ней в ЗАГСе. А на четвёртом курсе, после Нового, 1973 года, 12 января, у нас родилась первая дочь, которую мы нарекли Ярославой.

А нашей младшенькой и всеми любимой Настюши могло и не появиться на свет. К её рождению мы уже прожили девять лет. Достатка особого не было. Правда, я уже работал в институте старшим преподавателем и заочно обучался в Ленинграде в аспирантуре. Работала и Людмила.

Ярослава училась в школе, занимаясь в спортивных секциях. И очень скучала в одиночестве – без сестрёнки или братика. Нередко она начинала канючить, чтобы мы обзавелись ещё одним ребёнком. Но мы всё продолжали свершать тягчайшие грехи, освобождаясь преждевременно от детей.

И вот однажды, я поехал в Питер на предзащитную сессию.

Получаю от жены письмо, в котором она намекнула о предстоящем для меня сюрпризе. Почему-то у меня сразу возникло подозрение, о каком-таком «сюрпризе» она мне намекает. А по приезду домой я и узнал, о чём шла речь в

загадке. Долго думали-размышляли: как быть? Чего греха таить, обсуждалась и худшая из версий. Однако, решились: рожать второго ребёнка … И никогда позднее не пожалели об этом! Потом неоднократно я говорил, что Настюша у нас – **нежданный, но желанный ребёнок!**

Случайно или нет, но все четверо из маминых детей живём давно уже в разных местах. Я после окончания института обосновался в Кемерово. Володя, отслужив в армии и окончив Томский автодорожный техникум, распределился в Иркутскую область. Татьяна, окончив Томское фармучилище, была распределена в Киселёвск Кемеровской области. Там, найдя свою половинку и обзаведясь двойней прожила лет пять. И уже лет, пожалуй, тридцать, живёт в Красноярске.

Видимо, не последнюю роль сыграл тот факт, что Татьяна уже жила в Красноярске, сюда поступили на учёбу дети Володи – Лена и Алёша. А окончив свои вузы, здесь и осели, перевезя позднее сюда же и своего отца, оставшегося вдовцом. Так что теперь и он – житель Красноярска. На его жизненном пути перипетий и семейных трагедий было поболее, чем досталось всем нам остальным. Но об этом он обещался поведать сам.

Наша младшая сестра Раиса, более всех нас желавшая вырваться из деревни, по иронии судьбы почти всю жизнь там и прожила. Правда, училась и в Томске, и в Кемерове. Одно время даже и жила в Иркутской области, там же, куда распределился и брат. Но… Судьба! Живёт в захиревшем нашем Калинин~~н~~ске. Правда, в отличном доме. Я бы даже назвал его особняком. Замужем – за своим одноклассником Михаилом Голевым. У них уже взрослая дочь Наталья. И двое внуков – Варя и Илюшка.

А через три дома от неё – и мама наша, в своей квартире двухквартирного брусового дома…

Так что у каждого – своя жизнь. У каждого своя судьба, сотканная из своих уникальных ниток, со своими неповторимыми узорами… Нравится она или нет, и такие ли уж мы хозяева своих судеб – зависит не всегда только от нас самих.

Впрочем, как и **смерть.**

Смерть, хоть и является неизбежной закономерностью и финалом любой жизни, тем не менее, для многих людей она выглядит как нелепая и досадная случайность.

Я уже упоминал здесь о нелепой и трагической смерти нашего отца, значительно повлиявшей на судьбы его детей и жены. Всё могло бы быть иначе. Всё…

Ещё несколько таких трагических случайностей – из моего дружеского окружения.

Был в пору начальной педагогической карьеры у меня приятель, тоже преподаватель института, старше меня лет на десять, **Володя** - со смешной фамилией **Саранча**. Казалось, всё в его жизни шло легко и, как будто, даже не всегда серьёзно. За многое он брался. Многое умел. Но ещё большего не доводил до конца. Всю жизнь шутил. И как будто бы даже хотел перехитрить самого себя.

Едва ли не в шутку позволил жене с детьми уехать от него.

Оставшись один, не гнушался девицами и дамами, не отличавшимися строгостью нравов и поведением своих избранников. В народе их нередко называют шалавами.

Однажды зимой он пришёл в гости к одной из таких шапочных знакомых шалав. Жила она неподалёку от его квартиры, в частном секторе. Пообщались с нею, похоже, немного выпили. И тут, как назло, завалил к ней один из её многочисленных бывших хахалей. Стал приставать к ней при Володе, изгаляться и требовать денег на очередную порцию возлияния. Володя, будучи в душе джентльменом и не растеряв ещё этих качеств до конца, вступился за женщину. Тот же, не долго думая, схватил подвернувшийся под руку железный механический утюг и несколько раз шандарахнул заступника по голове. Да так, что у того и глаза повылетали, с мозгами вместе. Тут уже и никакая реанимация не потребовалась… Когда мне довелось забирать его тело из морга – даже смотреть на Володю не смог – настолько было изуродовано его лицо…

Один из самых дорогих и близких мне институтских друзей **Юра Ли** завершил свой жизненный путь не менее трагично. И мгновенно.

Юра Ли был корейцем, родом из Ташкента. Волей случая, как и я, оказался в Кемерове и в институте культуры. Межнациональных распрей между нами никогда не возникало: я с раннего детства жил в интернациональной среде.

За всё время нашей дружбы: четыре года обучения в институте, два стройотряда и более двадцати лет работы на одной кафедре, мы с ним ни разу не поссорились. Мы и уволились с кафедры и из института одновременно. Два друга, два доцента. Похоже даже, он – из-за солидарности со мною.

Я подался в охранники, Юра – в коммерсанты.

Вскоре у Юры уже было три коммерческих ларька. Приобрёл он легковую машину-пикап, на которой частенько сам привозил товар со станций Тайга, Мариинск, или Анжерская, куда поездом переправляли для него родичи из Уссурийска.

И вот однажды ему пришла телеграмма (или был звонок), что нужно срочно получить партию товара в Мариинске. Поезд с товаром должен был прийти ночью. Получив товар и загрузив его в машину, он решил вернуться домой, опять же в ночь. А по пути, уставший, заснул за рулём. Ну, и как обычно бывает в таких случаях - встречная машина. На сей раз Камаз-большегруз… И Юры не стало… Не дожил Юра всего три месяца до своего 60-летия.

Пережди он ночь в том же Мариинске, или не засни в пути, может даже на какие-то секунды – и всё могло бы быть иначе. Могло бы. Увы…

У ещё одного моего институтского друга, а потом и коллеги, **Коли Смольского** – музыканта, великолепного знатока, популяризатора и исполнителя бардовской песни – финал жизненный оказался весьма банальным. В последние годы мы были не так близки, как в пору нашей студенческой молодости. Тогда мы с ним даже «женихаться» хаживали в одну и ту же женскую комнату студенческого общежития. И жёны у нас с ним оказались всё из той же комнаты… Работая в

институте одно время мы даже занимали одинаковые должности – заместителей деканов, правда разных факультетов.

Так вот, Коля всё больше и больше вовлекался в самодеятельную песню, точнее, в организацию всевозможных творческих встреч с приезжими бардами, всяких фестивалей. Я же постепенно стал отходить от этого песенно-гитарного увлечения. Виделись и встречались с ним мы всё реже. Короче, о том, что у Коли стали появляться какие-то проблемы со здоровьем, точнее с сердцем, я и не знал.

В самом начале нулевых годов нового тысячелетия у нас, в Сибирском регионе, набрал очень сильные и мощные обороты ежегодный фестиваль самодеятельной песни «Юргинская осень» или «Бабье лето» - что-то в этом роде. Одним из организаторов этого хлопотного дела и был Коля Смольский. И вот, летом 2004 года, Коля собрался поехать в Юргу, по организационным делам этого самого фестиваля. Вышел из дома, отошёл шагов сорок от своего подъезда. И упал. Умер мгновенно. Отказало сердце… Судьба ему отмерила всего 54 года земного существования.

Володя Ерёменко, ещё один мой очень хороший приятель со студенческих времён. Режиссёр, преподаватель, доцент. Поэт, сценарист, драматург.

Это ему я принёс свои рыбацкие рассказы, а он, прочитав их и восхитившись, свёл меня с поэтом Донбаем – руководителем литературной студии «Притомье». Так что фактически получается, что именно Володя явился моим литературным крёстным. Хотя официально пришлось голосовать при приёме в Союз писателей мне – за него, а не наоборот.

Володя обладал многосторонними творческими дарованиями.

И уж кто его вывел на путь богоискательства – для меня весьма большая загадка. Со студенческих пор помню его бесшабашным, а порой даже и богохульным. Может, это и явилось той самой причиной метаморфозы – превращения Савла в Павла, или Фомы неверующего в истинного апостола?!

Но Володя, будучи сам уже едва ли не доцентом нашего института, вдруг поступает заочно студентом в Московский Свято-Тихоновский богословский институт. Заканчивает его. И начинает вести очень аскетический, и казалось бы, богоугодный образ жизни. Мало того, и его семья почти вся ступает на эту же тропу. Они не пропускают церковные праздники, посты, молебны… И, как поэт-драматург, он пишет, в основном, на эту же тему.

Казалось бы, Володя – сама святость.

Но ведь прекрасно известно всякому богослову, что там, где Бог, есть рядом и антихрист-искуситель.

И вот этот-то лукавый и стал искушать Володю. Да так, что я и не подозревал об этом до поры-до времени. А когда узнал, то никак не мог поверить в это. А искушал его лукавый – зелёным змием. Да так, что Володя уходил в многодневные запои. В один из таких запоев и не стало Володи. А ведь могло всё быть иначе.

Начался тот злополучный запой с, казалось бы, вполне благородного повода. За неделю до этого он с группой наших писателей решил навестить вдову поэта Евгения Буравлёва. Он и меня приглашал пойти туда вместе. Но я по какой-то причине туда не пошёл. Они взяли цветы. А Володя втихушку прихватил с собой ещё и бутылку коньяка. В гостях они и выпили из той бутылки. Да не всю. Остатки он допивал уже дома. С этого и понеслось…

Пил он дома, как всегда, в одиночку. Уже с неделю продолжался запой. А ночами нередко брался и за сочинительство. И вот в одну из таких ночей он встал, вышел из своей комнаты и подался на кухню, видимо, попить воды, а, может, и за добавкой… Споткнувшись, упал и ударился головой.

Дома были жена и сын. Но, встав утром и видя Володю лежащим в кухне на полу, посчитали его спящим пьяным. Он ещё дышал. Решив, что тот проспится, как случалось не единожды, жена пошла на работу, а сын – в университет. А когда вернулись домой – уже было поздно, Володя ушёл в мир иной… Может быть так Бог распорядился с его жизнью? Как знать…

Случилось это за пять дней до его 66-летия.

Саня Дмитриев. В то, что его не стало, я не могу до конца поверить до сих пор. Мёртвым я его не видел, даже на похороны не смог вырваться из-за распутицы… И как же мне не хватает его теперь. Как и Юры Ли. Оба они были настоящими моими друзьями!

И опять – нелепейший и банальнейший случай.

И, зная Саню, не перестаю задавать себе риторический вопрос: ну, как же могло такое произойти? И не совсем верю в официальную (следственную) версию произошедшего. Да в этом сомневаются и многие его знакомые и родня. В том числе, и Санин бывший студент, а позднее наш общий собрат по рыбалкам, подполковник милиции (полиции) криминалист Игорь Долгов.

Наше знакомство с Саней Дмитриевым было случайным. Летом 1982 года мы оказались в одном строительно-шабашковом преподавательском отряде, в селе Чумай. Я – в составе рабочих. Саня – в помощниках у своей жены – поварихи отряда. К этому времени Саня успел окончить филфак Новокузнецкого пединститута, а буквально накануне — получил ещё и диплом ВГИКа (института кинематографии) по специальности киноведа. Примерно в это же время он устроился на работу и к нам в институт, на кафедру кино-фотомастерства. А ещё совсем недавно ему сделали операцию, удалив едва ли не две трети желудка. Работать физически в это время после операции он не мог. А вот отдохнуть на природе летом, рядом с поварихой-женой и шестилетним сыном – почему бы и нет. Там-то мы и познакомились. А сдружил~~ли~~и нас после того рыбалка и многоразовые сплавы по Томи на резиновых лодках. И прошли мы с ним на лодках в несколько приёмов Томь – от Салтымакова и почти до впадения её в Обь.

Последние лет десять Саня жил отдельно от семьи. Сначала в комнате общаги института. Потом – купил в рассрочку однокомнатную квартиру. Очень хорошо обставил её. Имел отличную библиотеку и лучшую в городе, да, пожалуй, и в области фильмотеку – на видеокассетах.

Получив ваковского доцента, Саня преподавал иногда одновременно в трёх, а то и четырёх вузах Кемерова, ведя курсы киноведения, истории кино и культурологии. Как теоретик-культуролог, котировался он очень высоко. Не говоря уже про кино. Тут вообще не было ему равных по знаниям! Лекции по своим учебным курсам он читал виртуозно, импровизированно, никогда не заглядывая в конспекты, которых у него зачатую и не бывало вообще.

Денежки у Сани водились. И немалые. И не только в рублях, но и в валюте. Этого он ни от кого особо и не скрывал. Щедро помогал сыну и дочери, не обижал своих любовниц, коих было тоже предостаточно. И вот – как снег на голову…

Я в это время (март 2014) года гостил у мамы в Томской области. Звонит жена. И буквально ошарашивает известием: убили Саню Дмитриева…

По версии следствия, было всё так.

Саня ~~был~~ находился дома. Как обычно, один. Вдруг в его дверь – звонок. Он, считая, что мой дом – моя крепость, бесшабашно открывает на звонок. В дверях – мужчина, лет тридцати пяти. Якобы, мужчина этот попросил напиться воды. Саня пошёл в кухню, набрал стакан воды, вернулся, подал тому. Тот, выпив воду, якобы, попросился войти в дом, да ещё и поесть. Саня возмутился, что-то ответив ему саркастически. Тогда тот, усмотрев, пока Саня ходил за водой, что в доме этом есть чем поживиться, схватил Саню за шею и стал душить. И задушил, сломав при этом несколько костей – шейного позвоночника и подъязычную. А, расправившись со своей жертвой, убийца затащил тело в туалетную комнату и сбросил в ванну. А сам обшмонал квартиру, забрав золотишко, наличные деньги, пластиковые карты сбербанковских банкоматов, вынул жёсткий диск компьютера, ~~забрал~~ умыкнул хороший фотоаппарат и редкую икону.

Хватились Саню на работе, спустя уже дня три. Началось расследование. Дело это взял под контроль сам Губернатор Аман Тулеев. И, якобы, зацепили убийцу Сани на сданной иконе, аж в Новосибирске. Раскрутили, размотали, провели дознание и следственный эксперимент. Дали официальную версию случившегося – ведь того требовал сам

Тулеев. А, может, версию эту просто навязали убийце следственные органы? Да и убийце ли на самом деле?

Тот, якобы, за несколько месяцев до преступления, был уволен из ментов. Где-то мотался без работы. Каким-то образом оказался в Мариинске. Где-то у поста ГАИ (сам – из бывших ментов), будто бы с помощью гибededешников словил попутную в Кемерово машину. По пути в Кемерово расправился с водителем. В Кемерове, якобы, случайно попал в дом, где жил Саня. (А там были кодовые замки на входных дверях – дом-то едва ли не элитный). Случайно и позвонил в двери квартиры, где жил Дмитриев… Случайно расправился и с её хозяином – в целях ограбления… За два убийства получил тот мерзавец и нелюдь аж 22 года колонии…

И всё же, кое-что не срастается в этой официальной версии. Ну, прежде всего – не был Саня хиляком, чтобы вот так взять и дать себя задушить. Сопротивление бы оказал непременно. Вряд ли тут с ним смог справиться один человек, пусть и владеющий ментовскими приёмами. Скорее всего ~~тут~~ действовал убийца не один, а был сообщник.

Далее, с малой степенью вероятности можно считать случайное попадание в квартиру Сани. ~~Вероятнее всего~~ Логичнее предположить, что тут не обошлось без наводки и предварительного сговора. В пользу этой версии говорит и тот факт, что убийца, оказывается, некогда учился заочно в том же сельхозинституте, что оканчивала и последняя пассия Дмитриева. Вполне возможно, что они знали друг друга. И сговорились, по её наводке. Саня, кроме нашего института, в то время работал ещё и в сельхозе.

И ещё. Коль убийца был бывшим студентом сельхозинститута, пусть и заочником, то Саня мог его просто знать в лицо. А, узнав, он и впустил того безбоязненно в свою квартиру, не предполагая таких жестоких и трагических последствий… Версии, версии, версии… Цепи случайных стечений обстоятельств? А человека – нет…

Как же мы беднеем, нет, даже нищаем, с утратой дорогих нам людей. Будто отщипываем или отрезаем частицу самих себя…

Не секрет, что с годами и с возрастом всё труднее находим мы себе друзей и приятелей. И, тем не менее, случается и такое. Случается.

Время от времени даже и **родственники** отыскиваются, да так, что и представить уже трудно: а как же жили без них столько лет?

Взять, к примеру, моего троюродного брата **Сергея Некрасова** и его жену **Галину**. Моложе меня оба на десять лет. А ведь сдружились уже с ними и семьями…

Моя мама и мама Сергея – двоюродные сёстры, одногодки. А стало быть, у нас с Сергеем был общий прадед – **Василий Михеевич Шадрин**, которого мы оба не видели и не знали.

Лет до тридцати я и не подозревал о существовании Сергея с Галей, впрочем, похоже, как и они обо мне. Они – коренные томичи-горожане. Я же лишь пару раз встречался с бабушкой и дедом Сергея. Да и встречи те теперь уже поблекли, поистончились в памяти. Как ни странно, самого Сергея, я не видел, да практически и не знал ничего о нём. К тому же – изначальная весьма приличная разница в возрасте…

Сергей, окончив школу, поступил в Томское высшее военное училище связи. К его окончанию женился на своей однокласснице. Редкий случай, но факт: проучились вместе в одном классе все десять лет. К моменту их свадьбы Галина уже заканчивала Томский политехнический институт.

По окончании военного училища молодой лейтенант получает назначение на службу в Германию. По тем временам (семидесятые-восьмидесятые годы) попасть служить за границу считалось едва ли не подарком судьбы. Там у них родился и ~~старший~~ сын. Служба военного офицера, как известно, мало зависела от его желаний: куда направят, там и приходилось тянуть военную лямку. Там и семья мыкалась, следуя как ниточка за иголочкой.

Многие из нас должны ещё помнить, как разваливался наш Союз и военный блок, так называемого, стран Варшавского договора. Попали и Сергей с Галей под вывод наших войск из Германии. Далее его судьба забросила в Сибирь, в старинный Минусинск. А из него, через некоторое время, в начале 90-х

годов капитан Некрасов с женой и двумя уже сыновьями оказывается в Кемерове, ~~в~~офицером военно~~м~~го училищ~~ще~~а связи.

Ага, стало быть, кружок замкнулся. В начале девяностых на моём «гражданском мундире» красовались уже «погоны» доцента института культуры.

Мама моя и её старший брат Александр Щадрин пытались всячески поддерживать связи со своими родственниками. А узнав, что их двоюродный племянник Сергей попал служить в Кемерово, где жил и я с семьёй, стали инициировать и нашу с ним встречу.

И встреча такая состоялась. Однажды летом Сергей с Галей и младшим сыном Владиком появились у нас в гостях, в нашей квартире. Галя потом неоднократно признавалась, что побаивалась идти в гости к незнакомым людям, да ещё и к *доценту.* А ничего. Перезнакомились. Выпили за знакомство и встречу, как это водится. Расслабились. Да и сдружились.

И вот уже более четверти века вместе. Выросли наши дети. Стали пенсионерами все мы. При этом, первым из нашей четвёрки вышел на пенсию подполковник Сергей Некрасов. А будто всё ещё остаёмся молодыми: про домашние взаимные визиты можно и не говорить. Нередко бываем друг у друга на летних дачах-огородах, выезжаем на рыбалки, на природу. А лет шесть уже подряд – в обязательном порядке ежегодно сплавляемся на надувных лодках по Томи, с двумя ночевками, купанием, загоранием, рыбалкой, ночными посиделками и песнями у костра…

А позапрошлым летом уговорил я Сергея попытаться отыскать могилу нашего общего прадеда Василия, который ~~что~~ умер ещё в 1957 году и похоронен на ~~сельском~~ кладбище села Первомайское (бывшее Пышкино-Троицкое), что на Чулыме, в сотне километрах от Томска и невдалеке от городка Асино.

Поехали мы вчетвером, с жёнами, на машине Сергея. И надо же, в макушку лета подгадали под самую дождливую погоду. Тем не менее, добрались и до кладбища, шастали под дождём по нему вчетвером часа два. Да так и не сыскали… Видать, за давностью и без присмотра памятник на могиле нашего прадеда снесли, а могилка сравнялась с землёй, а то и

вовсе кто-то другой захоронен на его месте… Поклонились, однако, хотя бы месту, и помянули там, на кладбище, у ворот…

От Сергея ниточка потянулась и к его отцу – **Анатолию Михайловичу**. Как оказалось, поэту. (Ещё бы не быть поэтом – с такой-то фамилией – **Некрасов**!) И неплохому поэту. Стихотворчеством он начал заниматься намного раньше меня. Да только писал всё, что называется, в стол. Правда, печатался он иногда в коллективных сборниках самодеятельных авторов. А вот тут я и предложил: подготовить и издать полноценный сборник стихов Анатолия Некрасова к его юбилею. Сказано – сделано! Благо, опыт у меня кое-какой уже был по составлению, редактированию и изданию книг. А следом за книжкой «Покуда сердце не устало…» – и другой сборник получился – «Для чего нам жизнь дана…». И, наконец, третий сборник стихов – «Я над судьбой своей жалкую…».

Через Анатолия Михайловича, в Томске, на его 80-летии и презентации первой книги стихов, познакомился я с томским поэтом Вениамином Колыхаловым, почти земляком-парабельцем, о котором давно знал, но встречаться не доводилось…

Да разве только эти знакомства потянулись цепочкой от брата Сергея с его женой Галей? А его бывшие сослуживцы - семьи подполковников Слабченко, Фроленковых, Силовых? Сколько приятных часов, складывающихся уже в дни, если не месяцы, провели мы вместе и с ними?!

Не без содействия Гали с Сергеем поступил в Кемеровское училище связи и окончил его - родной племянник моей жены Людмилы – Артём Кириенко, ныне майор. А родители Артёма – Надя с Виктором – уже с тех пор (момента поступления Артёма в училище) приятельствуют и с Некрасовыми… А ведь всего этого могло и не быть, не познакомься я с Сергеем, по настоянию нашей мамы и дяди Саши…

Ещё случай семейной дружбы. Теперь уже из нашей, писательской среды – **«детей лейтенанта Шмидта».**

К нашему писательскому сообществу я начал приобщаться, с подачи Володи Ерёменко, через литературную студию «Притомье» и её руководителя поэта Сергея Донбая. Началось это, кажется, с осени 1998 года. Считай, двадцать лет тому назад. Занятия в студии проводились два раза в месяц, по четвергам. Их посещение не было строго обязательным, если того не требовало какое-либо плановое мероприятие, типа обсуждения и разбора конкретных работ студийцев.

К тому времени студию посещало человек тридцать молодых и начинающих писателей. В основном, поэтов. Но попадались среди них и прозаики. Среди таковых оказался и **Сергей Павлов**. Я уже знал о нём, читал несколько опубликованных его рассказов и юморесок. А вот встретиться никак не получалось, как в той поговорке: «Ванька дома – Маньки нет, Манька дома – Ваньки нет!» Выходило, что на занятия мы появлялись поочерёдно, через раз.

И однажды, уже в самом конце занятия, увидев незнакомого мне человека, я вдруг услыхал краем уха и его фамилию - Павлов. Я – к нему: «Так это Вы – тот самый Сергей Павлов – автор «Окурков», «Мухи» и «Комплекса подмастерья»?». —Да в обнимку! Тот, похоже, опешил вначале, но ответил взаимностью. С той поры и задружились.

Сергей Павлов к тому времени уже завершал свою профессиональную карьеру – следователя прокуратуры, в звании подполковника. И начал пробовать себя в прозе, ~~сначала~~ попервости – малой, потом дело дошло и до романа-эпопеи – «Кузбасская сага», над которым он работает уже десяток лет.

~~Уже~~ Несколько позднее~~,~~ мы выяснили, что у нас с ним очень много общих совпадений, но со сдвигом ровно в один год: я старше его на год. Стало быть, и школу мы окончили со сдвигом в один год, и с поступлением в институты получилась задержка у каждого по году~~:~~; после окончания институтов (он филфак пединститута закончил в 1974 году, я – в 1973) - оба служили в армии по одному году рядовыми. Он получил второе высшее образование, окончив юридический институт, а я – обучаясь в аспирантуре. И дети у нас рождались со сдвигом ровно по году, только у меня – обе дочери, а у него – два сына.

Даже со вступлением в Союз писателей России я опередил его ровно на один год (2002 и 2003)… Такие вот совпадения…

Не знали - не ведали мы с Павловым ни о каком **Александре Ярощуке.** До поры до времени. Пока этот высокий и тучноватый, лысеющий и громогласный, хотя и несколько смущающийся, человек не стал появляться среди писателей в нашем ДЛК, принося с собой на посиделки домашние заготовки – соленья, варенья, а к ним – и соответствующий «сугрев». Раз, другой, третий появился этот, как оказалось, общительный мужик, - с уймой забавных случаев из своей жизни, становясь едва ли не центром внимания и душой компании. Ко всему оказалось, что он ещё и пишет рассказы и юморески. Относилась к нему вся наша братия уважительно, называя по имени-отчеству Александром Михайловичем. А как же иначе? Не хухры-мухры: совсем недавно он занимал пост Председателя Областного профсоюза работников химической промышленности. А до того – начальника одного из цехов преогромнейшего «Азота». К тому же и был он постарше нас с Павловым (и многих наших пишущих сотоварищей) – лет, этак на семь-восемь.

Как рассказывал неоднократно он сам потом, путь в литературу, точнее к литераторам, был у него едва ли не курьёзным и смешным. Работая в Обкоме профсоюзов и начав пописывать уже рассказики, он решил показать их кое-кому из сотрудников. И среди таковых оказалась Ольга Владимировна Голованова – занимавшая должность Председателя Обкома профсоюза работников культуры. А эта самая Ольга лет пять-шесть назад была преподавателем нашего института и являлась неосвобождённым председателем профкома преподавателей и сотрудников. Когда ей предложили должность в Обкоме, то институтский профком она «передала» мне. Работая в Обкоме, время от времени она встречалась со мной и знала, что я стал писать прозу и меня даже приняли уже в Союз писателей России. Вот Ольга и присоветовала Ярощуку: дескать, ты не стесняйся, возьми пару литров водки, закуски – и к писателям! Глядишь, и тебя там признают: ведь Арнаутова же приняли в Союз! А ты – чем хуже?!

Шутка-шуткой, но доля истины в том есть.

Александр Михайлович как-то быстро вошёл в наш круг. А немало тому поспособствовал тогда ещё и Валентин Махалов (писатель, прямо скажем, уровня и авторитета немалого), с которым они сблизились.

Ярощука стал печатать наш журнал «Огни Кузбасса». В «Приложении» к этому журналу в 2005 году вышла первая его книга рассказов «Эх, жизнь наша» - с напутственным предисловием Валентина Махалова. Уже в следующем (2006-м) году были изданы ещё две его книги: «Смешно и не очень» и «Дневник с того света». Его «Дневник» я изрядно покритиковал, зато к книге «Панов, я и другие» (2010 год) уже сам написал доброжелательное предисловие. То же было и с книгой рассказов «Джокер вступает в игру», вышедшей в 2013 году. Кстати, помимо меня, книга эта собрала доброжелательные отзывы Валентина Махалова, Владимира Переводчикова, Василия Попка, Юрия Юдина, других писателей и журналистов.

Не замедлил Александр Михайлович Ярощук и со вступлением в Союз писателей России. Приняли его в СПР в 2009 году.

Будучи на ответственных должностях, Ярощук научился публичным выступлениям. Говорил всегда смело, ясно, чётко, толково и предметно. Если критиковал, то всегда за дело. И не просто, абы покритиковать – но с конкретными позитивными предложениями. Нередко эта критика касалась и наших руководителей – Бурмистрова и Донбая.

А чуть ранее, едва попав в Союз, и глядя ещё со своих недавних «колоколен» на то, что происходит в нашем Союзе писателей Кузбасса, на общих собраниях выступали с критикой и мы с Павловым. Нет, вовсе не с целями смены власти, как о том подумали многие наши собратья по перу. С позитивными предложениями, искренне и наивно веря в то, что многое можно у нас повернуть к лучшему.

За то и попали в бузотёры и оппозиционеры. И как-то постепенно к нам присоединился ещё и Ярощук. А втроём – это уже не поодиночке, это уже сила! Нас начали побаиваться, видя в нас потенциальных приемников на руководящих постах. А мы и сами стали ~~сначала~~ интуитивно держаться вместе. И даже в застольях тоже оказывались обычно рядом. Как-то на одной из

пирушек-межсобойчиков в нашем ДЛК (тогда это было ещё в порядке вещей) напротив нас троих оказался подзапоздавший Донбай. Усаживаясь за стол, он как бы в шутку обронил: «Опять я оказался напротив этих *детей лейтенанта Шмидта*!» Над шуткой посмеялись. Да только с той поры к нам и прилипли – «Дети лейтенанта Шмидта». Да мы и сами меж собой иногда безобидно подтруниваем: старший («умный был детина»), средний («был – и так и сяк»), младший… (попробуй-ка продолжить, назвав этак прокурора-подполковника).

Наши взаимосимпатии (слава Богу, мы никак не пересекаемся творчески), переросли в настоящую дружбу! Да не просто нашей троицы – дружим семьями, отмечая вместе дни рождения, многие праздники дома, на дачах. Уже традицией стали «рыбные дни» - у нас дома, банные – у Ярощуков и Павловых – на дачах. Слушаем очередную порцию павловской «Саги» в авторском исполнении, делая замечания. Ярощук – со схемами и указкой - отрабатывает на нас (репетируя) своё публичное выступление в учёной среде – по своим открытиям из области египетских пирамид.

Поём под мою гитару песни…

Ну, и в нашем ДЛК – тоже стараемся по-прежнему держаться вместе, оставаясь «детьми лейтенанта Шмидта» - с поправкой бывшего следака-прокурора Павлова: «Гусей мы не крали и конвенций нарушать не собираемся». Вот так нередко и становятся друзьями совершенно разные люди, да ещё и в возрасте.

Ещё пример из моей писательской практики и окружения, а их я мог привести тут целую уйму.

Ещё лет шесть-семь назад я обратил внимание на шебутного мужичка-живчика, сначала ненароком забредя на «Притомье», а потом и на поэтическом фестивале «Юго-Александровский родник». Им оказался **Сергей Чернопятов,** как выяснилось, самодеятельный поэт. Гармонист и гитарист-песенник. И тоже самоучка. Впрочем, перефразируя классика, «вышли мы все из самодеятельности». Имею ввиду поэтов и прозаиков. По крайней мере, провинциальных. Ну, кто из нас учился профессионально — писать, какие литературные

институты мы оканчивали? Сами приобщались к творчеству. В меру дара Божьего, проснувшегося рано или поздно. Иногда такие азы ~~преподносил~~осваивались в студиях, устраивавших ликбезы и рихтующих самодеятельную шероховатость прозаиков и стихотворцев. Однако, далеко не все, даже прошедшие и посещавшие такие литературные студии и кружки, становились на профессиональный путь писателя. Я имею ввиду тут прежде всего членство в Союзе писателей России. Хотя у нас в России до сих пор труд писателя не узаконен и считается едва ли не самодеятельным. Тем не менее, приём в члены СПР – это уже качественный показатель пишущего, признание его как писателя авторитетными коллегами.

После поэта Сергея Донбая Кемеровской студией «Притомье» уже более десятка лет руководит поэт Дмитрий Мурзин. Поэт он и в самом деле неплохой. К тому же, заочно (один из немногих) окончил ещё и Литературный институт. Но, если студийцы Донбая через два-три года, как правило, становились членами СПР, то Мурзин не торопился с выводом своих питомцев-«притомцев» на широкую дорогу. А люди там в настоящее время – вполне повзрослевшие, многим в районе 60 лет, в отцы годятся своему шефу. Некоторые из них посещают занятия студии уже лет по десять. Таких молодёжью уже назвать и язык не поворачивается. О результативности работы студии я неоднократно пенял и Мурзину, и говорил на наших собраниях. Однако это мало на что влияло. Я, да и не только, видели творческий рост студийцев, печатая их подборки стихов и рассказы в нашем журнале, переводя из рубрики «Литературная студия» в основные – «Поэзия» и «Проза». Раза три туда попадал уже и Сергей Чернопятов.

В начале прошлого, 2017 года, как-то оказался он на нашем межсобойчике. Пообщались с ним. Он почитал свои стихи, которые уже давненько я оценил для себя, как зрелые. Вот, в состояния подпития, я и предложил ему, не дожидаясь очереди в «Притомье», издать сборничек стихов самостоятельно. А фактически – самиздатовски. Сказал и то, что издание книжечки малым тиражом обойдётся ему в каких-нибудь 10-15 тысяч. Тому моя идея понравилась.

Тропу приватного издания таких книг я уже изрядно проторил и натоптал для себя через частную издательскую фирму «Рек~~Т~~таймс». Там я издал уже шесть или семь своих книжек прозы и путевых заметок. Кстати, качество издания и оформления книг в ней на весьма высоком уровне!

Договорились о встрече с Сергеем, на которую он принесёт мне подборку стихов для книги. Я, будучи человеком обязательным и верным данному слову, пришёл на встречу в назначенное время. Серёги там не оказалось. Ну, как говорится, «Баба с возу – кобыле легче», или «Овёс за брюхом коня не ходит». Однако примерно через неделю – звонок. Сергея. Я попенял ему на необязательность, он начал извиняться и попросил встречу. Смирив гордыню, я дал ему ещё один шанс.

А когда он передал мне кучу стихов на разнокалиберных листках, и я дома почитал их, понял, что стихи-то и впрямь стоящие. Мои сомнения развеяла ещё и жена Людмила, которой тоже понравились стихи Чернопятова.

Я рассортировал их по тематике, наметил разделы будущей книги и принялся за редактирование, компьютерный набор и предварительную вёрстку. Набралось на книжку в сотню страниц. Оговорили название первого сборника - «Словно родом был из Рая». Это – была одна из строк его стихов. Я написал к этому сборнику вступительную статью, прочитав которую автор стихов сказал, что лучше о нём пока никто ещё не отзывался.

В издательство мы подались с ним оба. Быстренько подобрали дизайн обложки и оговорили условия и сроки печати. Примерно через месяц книжка была готова и восторженно (и не без зависти) принята прежде всего среди «притомцев». Её малый тираж (100 экземпляров) разошёлся мгновенно, покидая уже и пределы Кемерова, Кузбасса и даже Сибири. Пришлось допечатывать ещё столько же.

Радости ~~автора~~ и гордости за себя у автора этой книжки не было границ. Ну, и благодарностей, разумеется в мой адрес. Не долго думая, Сергей уже сам предложил мне поработать над второй книгой стихов. И летом того же года, уже по накатанному пути вышел второй сборник – «Тишина нужна

стихам», предисловие к которому мы уговорили написать Мурзина.

Неугомонному пенсионеру Сергею Чернопятову (моложе меня на пятилетку) показалось и этого мало. Чтобы издавать свои книги, он даже устроился ночным сторожем в детском садике.

И у меня оказалась ещё партия черновиков и рукописных листков с его стихами. Кроме них было уже и с пяток прозаических заготовок. И к этому сборнику я приложил свои силы и умение редактора-составителя, написав вступительную статью. Третий сборник Сергея Чернопятова «Падение исключено» вышел в середине декабря 2017 года, буквально накануне нашего общего собрания. Четвёртая книжка стихов «Оставьте мне злобу дня!» выходит осенью 2018 года.

А ещё сразу после выхода первой книжки я посоветовал Сергею написать заявление о приёме его в Союз Писателей России, пообещав ему и свою рекомендацию. Что он и сделал, отдав заявление Бурмистрову.

Накануне собрания Правление нашей организации рассматривало кандидатуры писателей на приём (точнее рекомендацию их) в Союз писателей России. Желающих попасть туда у нас предостаточно. Очередь из кандидатов, - человек в пятнадцать. А принимаем (рекомендуем на приём) всего двух-трёх человек в год. Кандидатуру Сергея Чернопятова Правление предложило рассмотреть на следующий уже год. И это было – отличной перспективой!

Однако в день собрания, 21 декабря 2017 года, всё повернулось совершенно иначе. Перед его началом одна из кандидатур была снята по причине отсутствия нужного количества рекомендаций (необходимо для приёма три рекомендации). И на это место совершенно неожиданно – и для меня, и для самого Сергея, который случайно пришёл на собрание, возникла его фамилия. Я даже опешил от такого поворота. А помимо меня свои рекомендации ему дали Сергей Донбай и Дмитрий Мурзин. И большинством голосов (кажется при трёх против) Чернопятова рекомендовали в Союз писателей России. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын! Вот так, всего за один год! А, не пообещай я тогда по пьяной

лавочке помочь ему в издании книги, сколько бы ему ещё довелось хаживать в вечных подмастерьях?

Такого поворота и прецедента на моей памяти в нашем Союзе я не припомню! И ведь – сплошная цепь счастливых случайностей и стечения обстоятельств…

Признаться, литературных «крестников» за время пребывания меня в Союзе писателей России перевалило уже, пожалуй, и за десяток. И среди таковых – Игорь Петров, Александр Хохлов, Михаил Кривошеин, Виктор Коняев, Владимир Неунывахин, Сергей Чернопятов. Это – из тех, кого приняли. А кроме того – не меньше и тех, кто пока ещё дожидается своей очереди, и ~~в первую очередь~~ прежде всего - замечательный прозаик, тонко чувствующий и знающий природу, и не менее талантливо пишущий об этом – юргинец Кирчик Леонид Васильевич. Увы, будь он поближе к Кемерову и помобильнее – не миновала бы давно и его участь члена Союза писателей России.

Или **Андрей Геннадьевич Калугин** – что родом из Белова – совсем молодой доктор философии, профессор одного из Хиросимских университетов; разрозненные этюды и зарисовки из будущей его книги «Год под сакурой», попавшие мне на чтение и отзывы… Я дал на них обстоятельный и развёрнутый доброжелательный отзыв. Этот отзыв попал Андрею. Завязалась переписка с ним. А вскоре – познакомились и лично. Да и не только с ним – с его родителями, живущими в городе Белово. Был я у него и на презентации уже второй книги «Дороги домой». **Путевые зарисовки из этой книги, признаюсь, послужили толчком и для моих «дневниковых заметок кемеровского туриста» -** о Таиланде, индийской земле Гоа, китайском острове Хайнань, Вьетнаме. Издано уже шесть таких книжек, с моими фотографиями. Да и в журнале публикуются эти «заметки», хотя и в изрядном сокращении, и с запозданием.

Пожалуй, обижу, если не напишу здесь хотя бы немного ещё об одном писателе, ставшем другом – **Владимире Василь евиче Иванове –** почти моём ровеснике**.** Его поэзию довольно

Отформатировано: Шрифт: полужирный

Отформатировано: Шрифт: полужирный

Отформатировано: Шрифт: полужирный

Отформатировано: Шрифт: полужирный

Отформатировано: Шрифт: не полужирный

рано оценили наши корифеи. В частности, ещё сам Василий Фёдоров выдал карт-бланш начинающему поэту. И приняли его в Союз писателей СССР очень рано – тогда он был самым молодым членом СП за Уралом.

Фамилия его для меня возникла случайно.

Где-то ещё вначале 90-х годов в одном из газетных киосков Кемерова я приметил книгу в красном переплёте с названием «Голос». Автором её был некто Владимир Есенин. Фамилия эта для меня была очень даже знакома – поэтическая. Но тот-то был Сергеем. А здесь – Владимир. Каково же было моё удивление, когда автор этой книги оказался моим сокурсником, с которым мы жили даже год в одной комнате студенческой общаги! Это – был первый сборник рассказов и повестей нашего Вовки Есенина.

Открываю предисловие к книге, которое называлось «Причудливые формы в русле традиций». А в его конце – Владимир Иванов. Мы с другом Юрой Ли тогда ещё посмеялись: дескать это сам Володя Есенин написал и поставил своё псевдонимное авторство.

Оказалось, ~~что~~ вовсе нет. Автором предисловия и впрямь был поэт и прозаик Владимир Васильевич Иванов, подружившийся с Володей Есениным ещё до выхода этой книги в 1992 году.

В отличие от многих из нас, пишущих, Владимир Иванов имел весьма приличное филологическое образование: журфак Свердловского университета и даже неоконченный Литературный институт.

Теперь уже точно и не припомню нашей очной первой встречи с Володей Ивановым. Знал я о нём не очень много. И прежде всего то, что вырос он в селе Банново Крапивинского района, куда я с друзьями ездил на рыбалку.

А сблизились мы с ним, когда он попал работать в «КемВод», готовя и издавая газету «Вода и люди». Там и меня он печатал несколько раз. Почти при первой с ним встрече у него в кабинете обменялись мы с ним книгами. Я подарил ему свои две первые книжки, а он – сборник стихов «На Родину еду» и книгу прозы «Вот какая история». И стихи, и проза его

мне понравились. Я, даже на ночь глядя, под спокойное засыпание, читал его рассказы и повести. И вовсе не потому, что они были скучными, нет: они умиротворённо расслабляли меня, вызывая приятные воспоминания из своей жизни.

Володя же явился инициатором и скорого принятия меня в Союз писателей России. Он давал мне и одну из необходимых рекомендаций.

Ближе других из иногородних писателей я сошелся с прозаиком и удивительным человеком – новокузнечанином **Владимиром Максимовичем Неунывахиным**. Из-за разницы в возрасте и большого уважения к этому писателю язык не поворачивается назвать этого моего друга просто по имени. Я и в быту называю его либо по имени-отчеству, либо только по отчеству. То же касается и его – в отношении меня. Во всех своих книгах, подаренных мне, он с уважением пишет: *«Моему литературному учителю и наставнику…»*. Лестно, конечно, но, как мне думается, изрядно завышено и комплиментарно.

Знакомство моё с ним началось заочно. Примерно в одно и то же время, что и с Кирчиком. Где-то году в 2005-м Борис Бурмистров передал мне на чтение и оценку парочку книжек совершенно неизвестного мне автора Владимира Неунывахина – «Под глухариную песню» и, кажется, «Забыть я не в силах». Это были сборники рассказов, многие из которых посвящены очень близкой и любимой мною теме – рыбалке, охоте и природе. Почитав их, я тут же проникся уважением и симпатиями к их автору. И набросал свои обширные отзывы, сделав при этом и немало критических замечаний.

Мои отзывы дошли до автора. Многие из авторов, коих покритиковали, начинают сторониться и косо поглядывать на своего оппонента. Но с Максимычем – совсем иной случай! А ведь мог бы (и не без основания) и обидеться на меня: дескать, яйца курицу не учат! Писательского опыта у Владимира Максимовича – не в пример моему! Правда, в основном, в качестве профессионального журналиста.

Тут будет уместным немного остановиться на его биографическом и послужном списке. Родился он в пригороде Новокузнецка (тогдашнего Сталинска) – в Абагуре аж в

довоенном 1938 году. Стало быть, он старше меня на целых 13 лет. С детства ему пришлось испытать лиха безотцовщины, при живом–то отце. Его родители разошлись, когда мальчику было лет пять-шесть, разделив при этом и детей: младшего Гену забрал отец, а Володя остался с матерью. (Замечу, кстати, что о младшем брате Владимира Максимовича – Геннадии у меня в задумках ещё написать в разделе о курьёзных и случайных встречах).

Военное лихолетье и послевоенные годы вынуждали людей терпеть нужду и лишения. Учиться особо было некогда. Не окончив среднюю школу, подавались в ФЗО, где кормили и одевали бесплатно. Потом – рабочая профессия. И лишь немногие ~~потом~~ доучивались дальше. Работая фрезеровщиком на заводе, Володя стал пописывать статейки в заводскую многотиражку. Стал появляться и в молодёжной литературной студии. Тогда же познакомился и с будущими знаменитостями – писателями Геннадием Емельяновым и Гарием Немченко.

Потом было заочное обучение на филфаке Новокузнецкого пединститута, работа журналистом в многотиражках. А далее – поворот: от журналистской практики – да в политработники и воспитатели в исправительных системах на Севере. И дослужился к выходу на пенсию Владимир Максимович от младшего лейтенанта аж до подполковника! И что меня больше всего подкупило в нём, как в *человеке*: ведь не утратил он *человеческие* качества, работая (или служа) среди правонарушителей. А это очень хорошо видно по его же рассказам, в которых и те, что находились по другую сторону колючего забора, имели *человеческие* обличия…

Богатейший жизненный опыт, любовь к родному краю и природе, неудержимая страсть в рыбалке и охоте – вот та первооснова ~~его~~ всего его творчества! А его педантичность – делать пометки в записных книжках об интересном – своеобразный сырой материал и заготовки для будущих полноценных рассказов и зарисовок. Плюс изрядные навыки писателя и Божий Дар! Нет, всё же никак нельзя не сказать, если даже не поставить на первое место – его удивительные качества благодарности! В этом он превзошёл всех моих литературных

«крестников» и друзей. А ещё – отзывчивость, ответственность и непременная обязательность! Вот – таков он, мой друг – писатель Владимир Максимович Неунывахин.

Ну, и я, по чистой и бескорыстной дружбе, написал немало отзывов и предисловий к его книгам, в том числе и к двум томам из его четырёхтомника. А всего Максимыч за эти пятнадцать лет, со времени выхода своей первой книжки, уже издал порядка двух десятков полновесных многостраничных книг. Да чаще всего – за свой же счёт! А сколько у него публикаций в толстых журналах и газетах?! Редкий номер журнала «Охотничьи просторы» или газеты-толстушки «Охотник и рыболов Сибири» выходит без его рассказов.

20 августа 2018 года он отметил своё 80-летие.

А через пару недель прислал мне бандероль с последней книгой «Житейские истории» - в 670 страниц и письмо, не очень утешительное. Приведу его здесь полностью.

Добрый день, Виктор Степанович!

Высылаю в подарок последнюю книгу, т.к. лично вручить не смогу: с ногами худо. Обезножил. Сказываются многолетние походы с рюкзаком за плечами по таёжным тропкам. Видимо, смазка кончилась.

Юбилей прошёл неплохо, звонили-поздравляли со всех концов России друзья-однополчане и соратники по творчеству. Не поздравили, правда, работники культуры из областного департамента и городского управления культуры, за исключением зама главы района (приходил с шампанским и цветами).

Юбилейный день закончился, а ночью сообщили трагическую весть – ушёл из жизни мой брат Анатолий (в прошлом – хирург и рентгенолог), о нём вы читали в моих рассказах «Воспоминания хирурга», заядлый рыбак, как и вы. Онкология. Мой юбилейный день перемог, не стал омрачать его, ночью ушёл, когда я уснул умиротворённый… Ему 8 августа исполнилось 69 лет. ***Месяца полтора назад я проходил обследование: диагноз – та же онкология****. Но я нисколько не расстроился. Я счастлив, что прожил насыщенную жизнь, добился всего, о чём мечтал. Восемьдесят лет! Не каждый нынче мужик доживает до*

этой даты, а я её разменял и этим горжусь. Всего хватало: и голода, и холода, были и счастливые моменты. Жизнь и состоит из таких моментов, чем-то напоминающая шкуру зебры… Что- то понесло меня не в ту строну. Расфилософствовался…

Огромный привет вам, Виктор Степанович от Гария Немченко (вчера разговаривал с ним по телефону, рассказывал ему о нашем с вами знакомстве). Он даже позавидовал нашим взаимоотношениям и очень сожалел, как он «старый воробей» купился на мякину прохиндея Ничика, которого презирает сегодня всеми фибрами. В общем, привет от Гария – искренний привет и самые добрые пожелания.

На этом разрешите поставить точку. Огромный привет Людмиле Михайловне и Володе Иванову.

До встречи!

Ваш – (подпись) Новокузнецк. 02.09.208 г.

Через него же, Владимира Максимовича, я узнал и о его младшем брате (на два года моложе) – **Геннадии Максимовиче Ненуныхине** – скромном внешне, но тоже очень одарённом и талантливом писателе. Нет, всё же скорее – филологе-исследователе. Как я уже отмечал, ещё в раннем детстве их разделили между отцом и матерью. Но не между собой. И младший брат, почти как и старший, выбрал себе профессию филолога, а точнее – учителя литературы, окончив Новокузнецкий пединститут. Довелось ему поработать не только простым учителем, но и директором школы. Но не этим оставил свой главный след Геннадий Максимович, а как исследователь творчества А.С. Пушкина. Да на таком уровне, что его современники-пушкинисты зауважали – за смелые и оригинальные находки и версии из жизни и творчества самого «нашего всё»! Да откуда же этот пушкиновед? А из заштатного кузбасско-сибирского городка Мыски, что в Горной Шории.

Бывают же совпадения…

Примерно года за полтора до преждевременного ухода в мир иной Геннадия Максимовича (умер 30 октября 2007 года),

его брат Владимир Максимович Неунывахин передал мне парочку книг Геннадия – «Я Вас любил» и «Божественная лира» - о Пушкине. Книги эти я прочитал увлечённо, немало подивившись широте и глубине знания автором предмета своего исследования. А вскоре увидел воочию и их автора – скромного и, казалось даже, застенчивого, худощавого человека в очках, немного похожего на своего старшего брата. Познакомились мы с ним в нашем Доме литераторов. А в редакцию нашего журнала поступили~~ли~~ несколько глав из его третьей книги, которые я прочитал и дал «добро» на их печать в «Огнях Кузбасса».

Почти тогда же попала мне на отзыв и официальное заключение на издание и третья книга Геннадия Неунывахина «И жизнь, и слёзы, и любовь…». Всё из той же «пушкинианы». И на неё я сначала дал положительный отзыв, а потом и написал предисловие к ней. С этим предисловием она и вышла, но только самому автору этой книги увидеть уже не довелось.

А до этого была ещё одна заочная встреча-знакомство с Геннадием, опять же через книгу Владимира Максимовича, в которой была напечатана небольшая ностальгически-покаянная биографическая повесть – «Шерстяные перчатки» и продолжение её «Я вернулся, мама» - уже самого Геннадия… Кстати, сама книга так и называлась – «Я вернулся, мама».

И вот, проходит какое-то время. Владимир Максимович, словно боясь не успеть, готовит к изданию и издаёт одну книгу за книгой.

А среди них, к десятилетию со дня смерти брата, в конце 2016 года выходит отлично изданная книга Геннадия Неунывахина «Душа в заветной лире», объёмом в 690 страниц, в которой, можно сказать, собрано всё основное, написанное им. С хорошим предисловием Владимира Максимовича и отзывами писателей на книги и творчество брата. В том числе и с моими.

Не мог Владимир Максимович обойти этой книгой и меня, сделав очень тёплую и дружескую надпись-автограф.

Раза три я принимался бессистемно читать и перечитывать – и то, что я уже читал по предыдущим книгам, и новое. Читал и откладывал. Но не потому, что было неинтересно.

Пока не захворал, и болезнь не оторвала меня едва ли не на месяц от любимого занятия – зимней рыбалки. Вот тут-то и дошла очередь до книги «Душа в заветной лире». Читал с самого начала, уже всё подряд, не пропуская.

А когда дошёл до 6-го раздела этой книги «Избранное», то обнаружил и приятно удивился подразделам - «Проза», «Стихи» и «Публицистика».

О двух последних разделах говорить здесь не буду, не место. Зато на «Прозе» следует непременно остановиться. Уже сама по себе она интересна, познавательна и ценна с художественной точки зрения. Хотя в основе её и лежат какие-то биографические эпизоды.

Меня зацепило в этой прозе несколько иное. Как раз подпадающее под тематику моего эссе. А именно - случайные совпадения и встречи…

Лет семнадцать назад я впервые попал на рыбалку к своему школьному другу **Анатолию Ивановичу Устюгову** на Обь. Жил он в то время (да живёт и поныне, слава Богу) в большом селе Мельниково Томской области, что находится на левом берегу Оби.

Там случайно познакомился с интересным рыбаком **Александром Петровичем Севастьяновым** – каламбуристом и прикольщиком. Чуточку помоложе нас с другом. Но рыбаком – знатным. Точнее было бы называть его неисправимым профессиональным обским браконьером. Поскольку рыбачил он исключительно сетями или неводом, заводимом с моторной лодки.

Работал Петрович (так мы все называли и обращались к нему) шофёром у моего друга – начальника АТП. Впрочем, бывал Петрович и в главных механиках этого АТП. А тут – кризисные года начала нулевых. Зарплату вовремя не выплачивают, жить как-то надо. Вот и промышляли многие рыбалкой-браконьерством на Оби.

Неоднократно приходилось и мне с кемеровским напарником Володей Черновым пользоваться услугами Петровича, чтобы вернуться домой с рыбой. Однажды даже довелось мне тянуть один береговой ручник невода – вместе со

старшим больным братом Петровича (кажется, Иваном)… Получал я и немало скверных бранных слов от Петровича в свой адрес, если делал что-то не то во время тони. Рыбалка – дело серьёзное, если хочешь добыть рыбы.

Не один раз сиживали мы с ним и у рыбацкого костра, слушая его нескончаемые каламбуры и приколы. Дело дошло до того, что я не мог не взять за основу (прообраз) этого колоритного человека для своего рассказа. И написал рассказ, назвав его «Каламбурист Шестивольтовый». Конечно, в целях художественности, кое-что там пришлось изменить, сгустить и приукрасить, изменив даже и имя моего героя.

Рассказ этот напечатали, книжка попала к Анатолию Ивановичу, а от него и к Петровичу. Не всё ему там понравилось. И однажды, когда мы в очередной раз собрались со съехавшимися друзьями юности у Анатолия в Мельниково дома, туда же пришёл и Петрович. Изрядно приняв на грудь, дело дошло у нас и до песен. К слову сказать, Петрович был хорошим гармонистом и обладателем зычного песенного голоса. Вот тут-то он мне и отомстил за «Шестивольтового»: «А поёшь то ты лучше, чем пишешь…»

Широта души Петровича позволяла даже затариваться рыбой и моему свояку Виктору Кириенко, который стал частенько наведываться из Кемеровской области и без меня в Мельниково.

Между делом, по эпизодикам выясняется, что Петрович – родом из Горной Шории, как он сам говаривал – из Базанчи. И родительская семья его была многодетной, едва ли не в десять человек, и что в ней он был не самый старший…

И вот, читаю у Геннадия Неунывахина в блоке «Портреты моих земляков» рассказ, стоящий едва ли не самым первым, - **«Пётр Севостьянов»**: «Красивый мужик, выше среднего роста, слегка смуглый, с прямым носом и внимательным, изучающим взглядом чуть прищуренных карих глаз. В меру скуласт, быстр в движениях, но не суетлив… Охота и рыбалка благотворно сказывались на физическом состоянии Петра – был сухопар и выносли в, мог сутками шагать по тайге, а зимой на лыжах, и не валился от изнеможения. Под стать себе и

будущую супружницу сосватал – деревенскую красавицу Варю, кстати, мою двоюродную тётку… Зажили в любви и согласии… Варя нарожала Петру аж десять наследников, и все выжили… Со старшими сыновьями Петра я учился в начальных классах и любил ходить к ним в гости… Пацаны радостно встречали меня, как члена семьи, и обязательно угощали рыбой или дичью. Этого добра у них всегда было в избытке: налимы, щуки, хариусы, зайчатина, рябчики, глухари и даже медвежатина… Старшие сыновья часто сопровождали батю на Кондому, помогали ставить сети, перемёты, жерлицы, бегали на охоту за утками, косачами и зайцами…»

Уже только сама фамилия главного героя этого рассказа меня почему-то насторожила. Хотя – не такая уж она и редкая. Припоминаю, что даже в нашей деревне Пудино и её окрестностях Севастьяновых было парочка семей. В том числе и у бабушки нашей Анастасии двоюродный брат мужа носил фамилию Севастьянов. Буква *а* или *о,* стоящая четвёртой, особой роли не играла. Даже сами носители этой фамилии не знали в точности правильного правописания.

И тут же почему-то припомнился мне мой Шестивольтовый. А ведь и у него отчество – Петрович. И похож он был чем-то на описываемого здесь Петра. А увлечённость охотой и рыбалкой, не оттуда ли пошли? Совпадение?! Да мало ли?

К тому же, этот самый Пётр Севостьянов, оказывается, был женат на двоюродной тётке братьев Максимычей – Варваре. И в семье этой было аж десять детей. И жили они в посёлке Барановск, что находился недалече от Базанчи. Вспомнил-таки я и название той самой Базанчи, о существовании которой и не слыхивал до упоминания Петровичем.

Не слишком ли много получается совпадений?

Перед самым новым 2018-м годом звоню другу – Анатолию Ивановичу, поздравляю с наступающим. А уже в повторном дозвоне поинтересовался Петровичем, как он там? А ещё: «Спроси у Петровича: знает ли он посёлок Барановск? И как звали его мать, не Варварой, случайно?!»

Примерно через час звонит мне друг. И передаёт приветы и поздравления от Петровича. Но, что самое

удивительное – так это то, что подтвердились мои догадки. Всё сходится. И жила их семья в Барановске, и маму звали Варварой. Мало того, её девичья фамилия была Неунывахина!

Вот это сюрприз! Оказывается, Александр Петрович Севостьянов доводится троюродным братом моим писателям Максимычам!

Тут уже и я в волнении звоню Владимиру Максимычу и сообщаю ему о своём случайном открытии. Взволнован и тот. Обещает подписать парочку книг Александру Петровичу, чтобы я при встрече передал ему этот нежданный подарок… Так-то вот… Не зря ведь говорят в народе, что **мир тесен!**

Совпадений, связанных впрямую или косвенно, на литературной почве, у меня предостаточно.

Приведу тут ещё несколько.

Осенью 2006 года довелось мне впервые побывать на ежегодной конференции Ассоциации писателей Урала и Западной Сибири (АСПУР), которая проходила в Челябинске. Знаменательна та конференция для меня личными знакомствами со многими писателями Урала и Сибири. И прежде всего, с удивительным человеком – Координатором Ассоциации **Керданом Александром Борисовичем.**

Уже сам по себе – он весьма колоритен, очень недурён собой внешне. И душой – на распашку! В контакт входит с поразительной быстротой, да так, что уже через час-два – словно знакомы были с ним всю жизнь. Моложе меня он лет на пяток. А между тем – он из военных – настоящий полковник! И учёный мир его знает – доктор культурологии. Не говорю уже про то, какой он поэт и прозаик. Всё-то в нём – щедро-гармонично!

После этой встречи общались с ним заочно и даже встречались у нас, в Кемерово.

И вот, году в 2009, в июле отдыхали мы с женой на Алтае. Точнее в Горном Алтае, на «Бирюзовой Катуни». А там – недалече и Сростки – родина Василия Макаровича Шукшина. Я ещё работал в службе безопасности и нужно было срочно уехать на дежурства. Жена осталась, намереваясь побывать в Сростках на ежегодных Шукшинских чтениях, которые к тому же

выпадали едва ли не на очередной юбилей (80 лет) писателя. Съехались туда немало писателей, знаменитых артистов и прочего люда. Туда же приехала на своей машине и наша старшая дочь Ярослава.

И вот, попадают они в Сростках на мероприятие, где выступают со своими стихами поэты. Заходят, немного припозднившись. И в это время подходит очередь выступать со стихами Александру Кердану. Он решается прочитать одно из своих стихотворений, в котором идёт речь о двух женщинах – матери и дочери – похожих и одинаково красивых. И тут же обращает внимание на вошедших, приводя их в качестве примера!

Жена моя лишь слышала от меня о Кердане. Он же – вообще их не знал.

Приезжает Людмила домой и рассказывает мне об этом случае, восторженно отзываясь и о стихах, и об их авторе.

А дня через три, возвращаясь из Сросток, Кердан появляется и у нас, в Кемеровском ДЛК. Я у него и спрашиваю: «Борисыч, ты помнишь, читая в Сростках, обратил внимание на двух вошедших женщин?» - «Конечно, помню. Красивые обе. Как раз в тему моего стихотворения!» - «А знаешь, кто они?» - «Нет, конечно…» - «Это – моя жена и дочь!» - «…?!»…

Будучи членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса» (уже четырнадцать лет), мне частенько приходится лопатить присылаемые в журнал рукописи с прозой и публицистикой. Чего только за это время не перечитал я…

И вот, как-то, лет семь-восемь назад редактор журнала Сергей Донбай выдаёт мне на чтение очередную порцию. Да прямо с конвертом, объёмным и пухлым.

Читаю обратный адрес: Кемеровская область, посёлок Верх-Калтан. **Казанцев Михаил.** Уже сами адрес и фамилия показались мне знакомыми. Интуиция, что ли…

Раскрыл конверт. Там была отпечатанная на пишущей машинке повесть с названием «Пока горит свеча». Взял с собою на дежурство. Читаю её пристрастно. Чувствую, что что-то в ней есть. Многое в ней вызывает во мне ностальгические ассоциации из детства и юности. Отмечаю наличие уже какого-

то литературного слога, хотя пока ещё и не стиля. И тема – актуальная: военная. Правда, заявка в начале повести о том, что в ней будет поведана «другая правда о войне» не оправдалась. Хотя основа повести, её фактография, - явно не «высосана из пальца», а подробное воспроизведение рассказа какого-то ветерана.

И понимаю, что в таком сыром виде в журнал она никак не пойдёт. Нужна доработка, правка. Делаю для себя пометки, намереваясь направить автору письмом свои подробные замечания. Аргументирую эти замечания в каждом конкретном случае.

В общем, разбор этой повести, как мне показалось получился профессиональный, честный и весьма доброжелательный.

А ещё, по ходу чтения повести, во мне всё сильнее и сильнее укреплялось моё подозрение, что автор этот мне знаком. И если не лично, то опосредованно. Уж слишком много совпадений с тем человеком, о котором едва ли не целый год нам рассказывал наш однокурсник Санька Казанцев (Казанчик). И автор этот, выходило, ни кто иной, как его старший брат – Мишаня, учившийся в то время в Томском университете на историческом факультете.

Вот я и сделал приписку в конце своего обширного письма, высказав свои подозрения. Письмо то у меня сохранилось в памяти компьютера. Приведу полностью ту приписку.

Теперь несколько об ином. Для Вас, должно быть, не совсем обычном и неожиданном. У меня есть подозрение, что с Вами я уже очень давно знаком, правда, опосредованно. Хотелось бы получить подтверждение или опровержение моих догадок.

И вот - вопрос "на засыпку": нет ли у Вас младшего брата 1947 года рождения - Александра Казанцева? Если - да, то получается, что я с Вашим братом учился в институте культуры на библиотечном факультете в 1969-70 годах. Мало того, мы даже жили в одной комнате общаги, на Парковой, 15, кв. 46. И учились в одной группе. Припоминаю, что он приехал учиться из Калтана (Вы ведь сейчас тоже проживаете в тех

местах?); очень часто и много говорил о своём старшем брате Мишане, который учился в ТГУ на историческом факультете, а потом, якобы, работал в системе ГУИН. Так ли это? Если он и впрямь - Ваш родной брат, то мне довольно многое известно о его институтском периоде и доинститутской пятилетке. Вы должны понять, о чём я... Жаль, что он так и не доучился - задатки-то у него были природные неплохие: отличная память (он практически никогда не писал конспекты и не готовился к экзаменам - сдавал по памяти, мобилизуя те знания, которые получал на лекциях). Помнится, он даже писал стихи. Отдельные строчки его стихов я помню до сих пор. Однако тот пятилетний доинститутский опыт всё же сыграл не очень хорошую службу. Лет через восемь-десять после того, как он оставил институт, мы случайно встретились с ним в Кемеровском аэропорту: я летел в Питер, на сессию аспирантуры, а он - на какую-то точку нашей области. Выпили по соточке коньяка в портовском буфете, повспоминали студенческие годы, сокурсников и - разлетелись в разные стороны. Интересно, жив ли он теперь? С его характером вполне мог где-нибудь сложить свою буйную головушку... Кстати, мною написаны и опубликованы в последней книге и частично - в альманахе "Красная Горка" (номера 7, 9 и 10) свои обширные мемуары "Профессия - Студент!" - о студенческой жизни. В них ему (Сашке Казанчику - так мы его звали) отводится немало места... Правда, если тот А. Казанцев - и в самом деле Ваш брат.

Не опускайте руки, пишите. С моими замечаниями можете и не соглашаться. Буду рад получить ответ и всячески способствовать продвижению написанного Вами.

С уважением Виктор Арнаутов. *Кемерово, 23.01. 2010*

Вскоре я получил ответ от Михаила Казанцева. Мои подозрения подтвердились. Это был и в самом деле тот самый Мишаня. Он писал мне, что перечитали это моё письмо со своей сестрой не на один раз. И наплакались, вспоминая своего непутёвого братца, который сгинул-таки в лагерях, на четвёртой ходке.

А рассказы и повести Михаила Казанцева (писать он стал гораздо лучше и профессиональнее) мы потом печатали

неоднократно в нашем журнале. Хотя лично с ним до сих пор так и не встретились.

Совершенно удивительными оказались совпадения и встречи ещё с одном писателем. **Геннадием Кругляковым**. О нём я даже написал большой очерк, который был напечатан в нашем журнале под названием «Слышавший реки и травы, и даже недра земные». Пожалуй, не буду я тут мудрствовать и приведу наиболее значимые его фрагменты. Тут столько совпадений и случайностей…

«Его имя и фамилия в моей сознательной жизни возникли тогда, когда я только-только начал приобщаться к писательской среде.

Выпустив в 1999 году в Новосибирске свою первую книжечку рассказов «Вариации на тему «Вокруг рыбалки», ранней весной следующего года я оказался в Томской области, на своей малой родине Пудино, на 60-летнем юбилее нашей средней школы.

Я с гордостью раздавал свои первые автографы, даря и подписывая книжечку своим родичам, друзьям, учителям и однокашникам. Среди однокашников оказался и Миня Синицын – местный самородок-Кулибин, первым запустивший в наш, Богом забытый, болотный край центральное телевещание.

Принимая в дар мою тоненькую книжку в синей облжке, Миня, -стеснительно улыбаясь, спросил:

- А ты не знаком, случаем, с писателем Геннадием Кругляковым?

Я напряг свою память и не обнаружил в ней такового.

- Н-нет, - запинаясь, виновато произнёс в ответ. – А кто он?

- Да... материн родственник. Племянник её, двоюродный. Выходит, он нам с Шуриком троюродным братом доводится... Тоже книжки пишет...

- Да-а? А где он сейчас? – поинтересовался я, скорее из вежливости.

- Жил где-то в Алма-Ате, а теперь, кажется, куда-то под Москву перебрался...

- Ну, Миня! Ты бы ещё про кого из забугорных спросил... Я и своих-то, кузбасских писателей, знаю: раз-два – и обчёлся.

- Так он же наш, пудинский. А жил и в Ляшкино, и в Красном Яре. После нашей школы Томский политех заканчивал...

- Даже так? А возраст у него какой?

- Да постарше нас с тобой лет на десяток, чуть более...

- Нет, Миня, не припомню. С таким не встречался... И зацепиться даже не за что...

На том наш разговор с Михаилом Синицыным тогда и закончился. И, похоже, никогда в жизни я о нём бы и не припомнил. Если бы не один случай...

Издав очередью две своих следующих книжки рассказов, я был в писательской среде Кузбасса уже довольно известным «молодым» автором. Со многими поэтами и прозаиками я успел сблизиться. Из общения со мной, а особенно после книги «Где Чузик мой коричнево змеится...», они уже знали и о Пудино, и о речке детства моего – Чузике.

Я стал частенько наведываться в Дом литераторов Кузбасса. А однажды, было это в ноябре 2004 года, среди завсегдатаев сего пристанища поэтов и прозаиков, я застал в нём и Валентина Махалова. Дядя Валя (так мы, «молодые», называли его) держал в руках книгу, заинтересованно и внимательно вчитываясь в неё.

Увидев меня и поздоровавшись, он, возбуждённо, тут же выдал:

- Ты знаком с таким поэтом, Геннадием Кругляковым?

- Я знал одного Круглякова, но его звали Анатолий Иванович. Да и поэт-то он был, сам знаешь какой... Прозаик всё-таки...

- Нет, этот другой, Геннадий. Тоже, между прочим, пишет про твой Чузик. И поэт - хороший!

- Интересно... К сожалению, не знаю такого...

На этом разговор наш окончился, дядя Валя спешил и был озабочен предстоящей творческой встречей с почитателями его таланта.

Зайдя к Анатолию Павловичу –Иленко, заместителю Председателя Союза писателей Кузбасса, увидал у него на столе книгу “Слушая реки и травы” - того самого автора, о котором только что говорил мне Махалов. Я с любопытством раскрыл её и почти на первых же страницах обнаружил до боли родные и знакомые топонимы: Ляшкино, Красный Яр, Пудино, Чузик... А чуть далее и фамилии: Захаровы, Кругляковы, Пуртовы, Гиеш, Антиповы... Вот это сюрприз! Оказывается Геннадий Кругляков - мой полнейший земляк, родившийся, как и я, в местах спецпоселений, в соседней деревеньке Ляшкино (у меня в повести - Ляхово), в шести километрах от моего Красного Яра.

Придя домой, читал взахлёб его *мемуары* до полуночи, и до того расчувствовался, что не мог уснуть потом ещё часа три... Особенно зацепило меня описание его сиротского детства.

А когда дело дошло до того места, где он жил в Красном Яру, в деревянном рубленом доме, что стоял как раз напротив нашей начальной школы, у меня и вовсе возникло жгучее ностальгическое чувство. И подозрение: уж не тот ли самый это дом, в котором вырос и я? Только с Геннадием это происходило десятью годами ранее.

На следующий день я с нетерпением позвонил маме, что жила в Пудино. Стал спрашивать про Геннадия, Захаровых, Кругляковых. И, между прочим, поинтересовался:

- Мама, а у кого вы купили дом в Красном Яру, что напротив школы?

- У Бекаревых, - услыхал я в ответ, и был разочарован.

И всё же ещё теплилась у меня надежда:

- А что, они всегда там жили?

- Нет. Они покупали его у Кругляковых...

Вот оно! Точно! Всё-таки моя интуиция и вычисления не подвели меня!

...Читая книгу «Слушая реки и травы», я дошел до его публицистики. Очень даже неплохо пишет. Зрело. Возникла мысль: а не написать ли ему письмо? Познакомиться и выслать последние две своих книжки о наших с ним общих родных местах. Авось, да и напишет что о них. ~~Ведь нашим то, кузбасским собратьям по перу, по большому счёту до них и дела~~

~~нет. Как будто я и не пишу, и не издаю их, а читатели покупатели и не интересуются моими книжками...~~

Из всё той же книги я узнал и о нелёгкой судьбе моего земляка. А судьба уготовала ему и весьма замысловатую биографию.

Родился он в предвоенном 1938 году. Его мама, урождённая Захарова Прасковья Ивановна, вместе с раскулаченными родителями была выселена из деревни Карачи, что в районе озера Чаны, в Нарымскую ссылку - «за болото». Как говаривали ссыльные спецпереселенцы, высадили их «на голую кочку» в рямной тайге, на берегу речки Чузик. Там, в восемнадцати километрах от районного центра Пудино наспех выстроились бараки и домишки деревушки, названной Ляшкино. А по соседству, шестью километрами ближе к райцентру, на высоком берегу Чузика разбежались и домики Красного Яра. Красный Яр - раза в три побольше Ляшкина, в нём была уже и начальная четырёхклассная школа с двумя учительницами.

Тайна рождения Геннадию открылась не сразу, уже в сиротстве, лет в десять. Роясь в бельевом шкафу у своей тётки, он вдруг случайно обнаружил свидетельство о рождении. В нём были имя и дата рождения его, но самое страшное – там стояли другая фамилия и другое отчество – Браницкий Геннадий Теодорович...

Несколько позднее из рассказов родной тёти Геннадия выяснилось следующее: его мама в 1937 году была направлена на курсы бухгалтеров за двести вёрст от Пудина - в Парабель, центр соседнего района. Там у них преподавал ссыльный поляк Теодор (Фёдор) Браницкий. Возникли взаимные чувства, перешедшие в интимные отношения. А вот соединиться любящим ссыльным людям, находящимся на поселениях в разных местах, власти не позволили. В следующем году появился на свет Гена, уже в деревушке Ляшкино Пудинского района, куда из Парабеля вернулась его мать.

Родился Геннадий и вырос безотцовщиной. Уже много позднее, интересуясь своей родовой по отцовской линии, ниточка разысканий привела его к известным польским семьям

Браницких, ведущих свои корни от Александры Васильевны Браницкой, урождённой Энгельгардт, племянницы князя Потёмкина – жены коронного гетмана Франциска Ксаверия Браницкого и их дочери – Елизаветы Ксаверьевны Браницкой-Воронцовой. Да-да, той самой графини Елизаветы Воронцовой, с которой был роман во времена южной ссылки у самого Александра Сергеевича Пушкина! Не слабо... Может, отсюда и генетические истоки таланта писателя Геннадия Круглякова?! Как знать...

А с отчеством у него вышло так, что для поступления в Пудинскую среднюю школу в 1950 году, потребовался документ. Тут-то и выдали его приёмным родителям, как свидетельство-дубликат, с указанием фамилии и отчества приёмного отца. Так стал Геннадий Фёдорович Браницкий (Захаров) Геннадием Владимировичем Кругляковым.

Геннадий рано лишился и матери - умерла, унеся с собой и многие семейные тайны. Скончались и её родные родители. Маленький Гена вынужден был мыкаться по родственникам, чаще всего живя в многодетной семье своего двоюродного деда Потапа Захарова (родного деда моих друзей детства и однокашников - Мини и Шурика Синицыных и Толика с Володей Захаровых).

Как-то его, беспризорного Генку, заприметил председатель артели пихтового заводика Владимир Кругляков, живший в Красном Яре, в шести километрах от Ляшкино. Он и уговорил деда Потапа отдать ему мальчонку. Так и оказался Геннадий в семье Кругляковых, усыновивших его и давших ему свою фамилию и отчество. Вот и жили они (правда недолго) в том самом доме напротив школы, в котором и мне потом довелось жить почти десяток годков, спустя некоторое время – сначала вместе с моими родителями, а позднее – наведываться туда и к бабушке.

После окончания начальной школы смышлёного и способного к учёбе мальчишку отправили приёмные родители учиться в Пудино. Все шесть лет учёбы мыкался он по квартирам, каждую субботу пешком преодолевая восемнадцать километров до дома в Ляшкино, куда переехали Кругляковы из

Красного Яра. А под вечер в воскресенье – этот же путь обратно, с котомкой провизии на неделю за плечами...

Окончили мы с ним одни и те же школы: сначала начальную в Красном Яре, а затем и среднюю Пудинскую, с разницей в одиннадцать лет. Застал я ещё и некоторых общих наших учителей, так что получается: мы с Геннадием Кругляковым - дважды одношкольники.

Возможность вырваться из колхозной крепостной кабалы у молодёжи тех мест была практически одна – поступить учиться в институт или техникум. Способности к учёбе у Геннадия сочетались с рано проснувшимся исследовательским любопытством. Так, на каникулах после окончания седьмого класса, он собрал образцы слабожелезистых руд, выступавших по обнажениям берегов нашего Чузика, и радужные разводья болотинок, свидетельствующие о наличии там нефти, и отослал всё это с сопроводительным письмом в Томск, в краеведческий музей. Было это ещё до открытия в наших краях месторождений нефти и газа.

После окончания средней школы Геннадий без особых усилий поступает в Томский политехнический институт на геолого-разведочный факультет, по специальности «Геофизика». Приобретая специальность, Геннадий пробует себя здесь уже и как поэт. Из-под его пера выходят многие стихи, не всегда ещё зрелые, но откровенные, исходящие от души, а не по заказу. В редакции институтской газеты «За кадры» раз в неделю собирается творческая молодёжь литературного объединения «Молодые голоса».

Здесь, в Томске, он посещает литературную студию, знакомится с другими начинающими поэтами, и не только своего института, но и университета. Его стихи начинают появляться в вузовских «многотиражках» и даже, временами, в Томской областной газете «Красное знамя».

Незабываемые впечатления оставила у студента Геннадия Круглякова первая полевая геологическая практика – на Горном Алтае! Чуйский тракт, бирюзовая красавица Катунь, Чемал, величайшая гора Алтая Белуха...

В начале лета 1960 года отчисленный с четвёртого курса студент оказался в Кузнецком Алатау – принятым на работу

сначала младшим техником-геофизиком, а немного позднее – техником – в Северо-Алатауской геофизической экспедиции Западно-Сибирского геологического управления. Экспедиция базировалась в Кемеровской области, недалеко от станции Тяжин. Почти два года он проработал, ведя магнитометрическую съёмку нового месторождения скарнового золота в районе деревни Натальевка.

Написанные в полевых условиях стихи Геннадий отправляет в газеты, его печатает «Комсомолец Кузбасса». За них ему шлют переводы – по три пять рублей за публикацию.

В 1961 году Кругляков возвращается в Томск, восстановившись на заочное отделение своего института...

Потом было окончание института, распределение. Работа и скитание по экспедиционным геолого-разведочным горам Саян и Алатау. Была и Молдавия. И опять судьба занесла его в середине шестидесятых годов в Кузбасс. На сей раз в Горную Шорию – в эти замечательные и уникальные природные места. Не без его участия в районе Таштагола проводились геофизические исследования запасов магнетита - месторождений местных железных руд. Тут он однажды столкнулся и с чудом природы – реликтовым Кузедеевским липовым островом.

Чутко вслушиваясь в дыхание природы, шелест трав и разговоры перекатных речных струй, он восклицает: «Теперь во всём я вижу красоту!» Геннадий продолжает писать стихи, отсылая их время от времени в газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Его печатают, он знакомится с кузбасскими журналистами и писателями. Сближается с поэтами Валентином Махаловым и Игорем Киселёвым. Игорь Киселёв становится и редактором его первой поэтической книжки «Взмах крыла», выпущенной Кемеровским книжным издательством в 1967 году.

Потом романтика геолога и лирика поманила его в Казахстан. На долгие двадцать зрелых лет его пристанищем становится столица Казахстана Алма-Ата. И здесь он попадает в круг замечательных поэтов и прозаиков, среди которых находит особое взаимопонимание с удивительным поэтом Олжасом Сулейменовым.

Как геолога, его не могли не интересовать предшественники, внесшие свой вклад в исследование и изучение Сибири, её богатств и недр. Среди таковых Н.М. Пржевальский и П.П. Семёнов-Тяншанский, А.П. Окладников и В.А. Обручев, И. В. Мушкетов и М.А. Усов. Биография и труды великого путешественника, геолога и исследователя Сибири и труднодоступных районов Средней Азии Ивана Васильевича Мушкетова послужили основой для написания Геннадием Кругляковым –о нём книги «Пегие горы», которая вышла в Алма-Ате в 1986 году.

Однако, вернёмся к тому времени, когда лично я узнал о существовании моего земляка – поэта Геннадия Круглякова.

Сразу же после моего заочного знакомства с Геннадием через его книгу, появилось желание познакомиться с ним лично, или для начала хотя бы написать письмо. Сделал я это едва ли не на следующий день. Написал очень тёплое и ностальгическое письмо, сообщив ему о нашем многом общем. Однако, как было отправить это письмо адресату, ведь в нашем Доме литераторов его адреса никто не знал. Не могли мне толком никто сказать - и каким образом оказалась его книга в ДЛК? Кто её туда принёс?

С большим трудом, окольными путями, сначала через маму, потом через Миню Синицына, его младшую сестру Екатерину, живущую в Томске, я наконец-то добрался и до распространителя книги Геннадия Круглякова – жены его двоюродного дяди Павла Захарова (родного дяди Мини и Шурика Синицыных), живущую в Томске. От неё (Людмилы) я выяснил, что Геннадий Владимирович живёт теперь в подмосковном городе Электросталь, узнал его почтовый и домашний адрес. Моё письмо ушло в надежде на скорый ответ. Увы, такового не последовало.

Вскоре, в марте 2005 года, я побывал на очередном школьном юбилее в Пудино, где в числе именитых учеников и выпускников Пудинской средней школы числились Владимир Крюков и мы с Кругляковым – как писатели России. Я надеялся на встречу и знакомство с ним. Тогда этого не случилось: Геннадий не смог приехать на встречу, послав туда лишь

поздравительную телеграмму и парочку экземпляров своей последней книги.

А к этому времени у меня вышла новая книга «На рифах памяти». И опять – про наши с ним родные места и ностальгические времена. На вечере встречи выпускников школы я делал видеозаписи и даже специально сфотографировался с моими земляками – троюродными братьями и сестрой Геннадия Круглякова, с прицелом – выслать ему всё это с очередным письмом.

Кроме прочего, у меня была и ещё одна подспудная цель: а не напишет ли он свой авторитетный и компетентный отзыв о моей последней книге?

Наконец, вместо письма в моей городской кемеровской квартире раздался телефонный звонок, по межгороду. Слегка запинающийся и путающийся волнительный голос представился: Гена Кругляков.

Он благодарил меня за письма, фотографии с вечера встречи и мои книги. Поскольку о книгах речь шла весьма сдержанно и даже как бы окольно, я понял, что до них у него пока дело не дошло и времени не хватило... Жаль... От такого разговора с ним по телефону настроение моё было несколько подавленным, и представление о Геннадии Круглякове, как человеке, - не самое приятное.

А через некоторое время, в самом начале осени 2005 года, опять же по телефону, Геннадий сообщил мне, что собирается в Томск, и планирует наведаться в Кемерово. Я обрадовался такой появившейся возможности.

Рано утром, 28 сентября, опять позвонил он. И попросил, чтобы я встретил его на Кемеровском автовокзале. В этот день почти вся наша пишущая братия провожала в последний путь большого друга писателей – народного художника России Виктора Сергеевича Зевакина. Поэтому в ДЛК никого не было, и я решил привезти его к себе домой. Вот что осталось в моих дневниковых записях о той встрече с Геннадием Кругляковым.

30 сентября 2005 г.

Позавчера состоялась ещё одна интересная встреча. Точнее, визуальное знакомство с Геннадием Кругляковым. Приехал он проездом из Москвы, через Томск. Я его встретил на

вокзале, привёз к себе домой. Взяли бутылку сухого красного вина и полторашку пива. На скорую руку сготовил пожевать и закусить. Включил видеозаписи с Пудинских школьных встреч... Помянули недавно погибшего моего друга, а его троюродного брата - Михаила Синицына, который меня-то и вывел ещё лет пять назад на поэта Круглякова.

Много говорили о поэзии и поэтах. Кстати, сам Кругляков - человек весьма своеобразный. За кажущейся простотой и демократичностью, чувствуется уже некоторый латентный снобизм и высокомерие по отношению к провинциалам... Категоричен в суждениях, непримирим к графоманам.

Из тех моих книжек, что я ему выслал, он, похоже, прочитал не более двух-трёх рассказов. Хотя меня называет писателем (особенно в разговорах по телефону со своими знакомыми). Я же подписал и две своих книжки его томскому приятелю-земляку профессору ТПИ Гуртякову А.М. (Я о нём наслышан, но не знаком). Покоробило меня, как профессионального библиотекаря, его отношение к дарственным книгам вообще. Сказал, что и хранить многое не стоит и выбрасывать не очень хорошо... Что уж говорить про то, что их он внимательно читает... Так, разве что перелистнёт иногда, засунув в какую-нибудь темнушку.

Показал ему наш журнал "Огни Кузбасса". Он его даже толком и не посмотрел. Много рассказывал о знакомствах с Леонидом Мартыновым, Виктором Боковым, Олжасом Сулейменовым, Валентином Распутиным, Юрием Кузнецовым, Анатолием Парпарой Станиславом Куняевым... ~~Поносил Московскую писательскую организацию во главе с Гусевым, в которой уже порядка 1700 членов, огульно называя их графоманами.~~

Честно признаюсь, ожидал от подобной встречи большей теплоты и взаимопонимания... Вроде, всё и не так уж плохо, но какая-то трещина и даже расширяющаяся дистанционность обозначилась. А накануне, буквально за день, я в "ударе нежных чувств" к малой родине и друзьям, особенно к так нелепо погибшему Мине Синицыну, просматривал видеозаписи. И даже наметил для себя: сделать видеодубль

именно для Круглякова и отослать кассету в Москву. На ней - его троюродные братья - со стороны Захаровых и Синицыных... Теперь убедился: ему это не очень-то и нужно...

Однако, книжку свою, которую я заполучил в нашем ЦДЛК ещё год назад, он подписал мне довольно тепло: "Дорогому Виктору Арнаутову - земляку, более, чем земляку, близкому человеку по восприятию этого грустного мира... Искренне - Геннадий Кругляков". Ну, и на том спасибо...

Как ни странно, но после этой встречи, отношения наши стали налаживаться в лучшую сторону. Особенно после того, как он прочитал мои книги. Частенько стал он позванивать мне по телефону из Электростали. Обычно, уже в состоянии лёгкой прострации от принятого веселящего. Вот ещё одна запись моего дневника:

14 января 2006 г.

Позавчера позвонил из Москвы Г.В. Кругляков, поздравил с Рождеством и Новым Годом, сообщил, что родилась у него очередная внучка. Хвалил опять мою прозу. Только лучше бы он написал что-нибудь о ней критического – было бы нечто материальное, а не устно-хвалебное.

Я сделал фотографии для своего писательского фотоальбома. Пополнил фотками, где я – с Геннадием Кругляковым и с другом, новокузнецким писателем Владимиром Максимовичем Неунывахиным. Поразительное внешнее сходство между ними! Они и возрастом одинаковы. Просто – почти одно и то же лицо! Бывают же такие вот сюрпризы и загадки Природы!

В Томске со временем образовалось своеобразное землячество бывших пудинцев, которые ежегодно, на День физкультурника, в середине августа –собираются человек по тридцать на пригородной даче мастера спорта и бывшего чемпиона России по мотогонкам - нашего земляка Владимира Махно. Среди участников этого «форума» встречаются доктора и кандидаты наук, профессора и доценты вузов, учителя и врачи, военные и инженеры, спортсмены и директора предприятий, культработники и телевизионщики, поэты и прозаики. И не только одни нынешние томичи, но и новосибирцы, алтайцы, кемеровчане.

На одну из таких встреч пригласили и меня, соблазнив тем, что на неё обещается приехать из Москвы и Геннадий Кругляков. Я связался с ним по телефону. Он подтвердил это. Мало того, он сообщил, что намерен после встречи съездить и в наше Пудино, побывать и поклониться Красному Яру и Ляшкино... А, поскольку не стало Мини Синицына, его троюродного брата и моего однокашника, я даже посоветовал ему остановиться там у моей мамы.

Встреча пудинцев состоялась, как и намечалось, в августе 2008 года, в Тимирязево – пригороде Томска, на даче у Володи Махно. Приехал туда и я из Кемерова, со своими школьными друзьями - томичом Николаем Ковшаровым и шегарцем Анатолием Устюговым. Только на ней не было Геннадия Круглякова.

Его уже вообще не было в живых...

Но остались его книги и стихи. Много стихов. Среди которых и вот это:

Слушая реки и травы,
Ранние голоса,
Думаешь: Господи правый,
Так ли прозрачна роса?
Так ли бездонны озёра
С чистою божьей водой?
Колокол звёздного хора
Грозно гудит над тобой.
Выдержать с нами соседство
Больше не в силах леса.
Есть лишь последнее средство –
Грозные небеса.
Небо огнём разразится,
В недрах послышится рык,
Чтобы освободиться
От неразумных владык...
Слушая реки и травы,
Милую детскую речь,
Думаешь: Господи правый,
Как их навек уберечь?

Да-а, великоват, пожалуй, получился тут материал о Геннадии Круглякове. Только уж очень колоритной фигурой он мне показался.

Школьные годы и годы юности – как быстро и далеко они отодвигаются. И лишь там остаются и учителя, и многие однокашники, которых уже нет в живых. Да только память о них жива. А, порой, напомнит о них какая-нибудь преинтереснейшая встреча или случай.

Моим ровесникам, родившимся и выросшим уже после большой войны и великой Победы, казалось бесспорным, что на том все войны уже и закончатся. А уж нам-то никогда не придётся ни с кем воевать. Служить в армии – да, но не воевать… Увы. Снегом на голову средь ясного неба оказались для многих из нас военные конфликты с китайцами на восточной границе, на острове Даманский, в марте 1969 года. Я тогда работал учителем начальных классов восьмилетней школы села Львовка.

А тут: сообщение по радио голосом знаменитого Левитана о событиях на Даманском. Тогда же мы узнали и о погибших на нём наших пограничников. И среди них оказались два моих одноклассника-пудинца – **Иван Ветрич и Саша Ионин.** Что и говорить: теми сообщениями мы были просто шокированы. А когда я попал вскоре служить на Дальний восток, в морскую пехоту, то нас готовили к военным действиям против китайцев. Повсюду были развешены плакаты – с фотографиями изуродованных хунвэйбинами тел наших пограничников: израненными штыками и ножами лицами, выколотыми глазами, отрезанными носами и ушами... Как говорится, зрелище сие не для слабонервных. Но, видимо, нас этим самым готовили психологически – к войне с жестоким и оголтелым противником…

А теперь – об одной удивительной и случайной встрече, которую я немного позднее описал. Как и в случае с Геннадием Кругляковым, я прибегну к тому же приёму – приведу здесь очерк, в саморедакторской правке.

Летом 1974 года я попал в студенческий путинный отряд, аж на самую крайнюю точку нашей территории – остров Шикотан, находящийся в Тихом океане, совсем недалеко от японского острова Хоккайдо.

Работали на консервном заводе, изготавливали «сайру бланшированную в масле». Работа, прямо скажем, не из лёгких. Приходилось по 12 часов стоять у бланшировальных печей, загружая и разгружая их противнями с банками сайры. Иную смену от пота меняли по два-три комплекта халатов: хоть выжимай, как стираное бельё.

Однако, сколь ни была бы тяжкой и нудной работа, но и к ней начинаешь привыкать, навыки вырабатываются, профессионализм какой-никакой. Август подкрался незаметно, ничем пока не отличаясь от июля. По паре пересменков уже сделали, опять вышли в ночную смену. Работалось без сбоев, азартно, рыба валом шла на конвейеры. Стало быть, и денежки капали в наши карманы.

Как-то часов в семь утра, миновав самую кризисную дремоту, я вышел на пирс бухты перекурить и невольно залюбовался живописным видом. В самой бухте ещё стоял туман, а на вершинах соседних сопок золотистыми лучами уже ласкалось шикотанское солнце. С сопок мой взгляд скользнул ниже, по пограничной заставе и почти совсем скрытым в тумане арестованным японским шхунам-кавасаки.

Потом свой взор я перевёл на стоящие у пирса сейнера, которые уже сдавали сайру, вернувшись с ночного лова. Сейнера слегка покачивались на прибойной волне. Мне стало любопытно: все они, как нарочно, назывались с одной буквы – «Ома», «Одарённый, «Осведомлённый, «Опрятный»…

И вдруг… Словно электрический ток прошёл по всему моему телу – **«Пограничник Ветрич»!** Сначала я не поверил своим глазам, но вскоре убедился, что не ошибся.

По-озорному растолкав сейнера, стоял рыболовецкий траулер с белой надписью на носу «Пограничник Ветрич».

Я растерялся, и было от чего. Разве мог я предположить, что здесь, на краю земли, в Тихом океане, снова повстречаюсь со своим одноклассником Ванькой Ветричем?! Нет, конечно же, не самого Ваньку я встретил здесь…

Мысленно меня унесло в безвозвратное детство и школьную юность, в нашу небольшую деревню Пудино. Я чётко представил рыжеватые вихры, веснушчатое лицо и острые смеющиеся глаза Ивана…

Тогда, лет восемь-десять назад, никто и не думал из нас, его ровесников, как недолог Ванькин жизненный век; что его фамилию будет носить улица в нашей деревне, сводный студенческий районный отряд томичей и, уж тем более, – какое-то рыболовецкое судно, с припиской в порту Корсаков на Сахалине. Да и сам Ванька никогда не помышлял о таком: не война, какие могут быть подвиги в мирное время?

В ту пору Иван Ветрич был таким же, как и многие из нас, послевоенных детей. Разве что рос более задиристым, ершистым, с постоянными синяками и ссадинами, с проделками и россказнями об охоте и рыбалке. Доводилось и мне неоднократно с ним вместе стрелять непуганые выводки рябчиков или всю охоту прогоняться за табуном косачей, так и не сделав по ним ни одного выстрела.

Азартным был Ванька в охоте-рыбалке. Учёба, правда, давалась ему похуже. А с чего ей было даваться?! На уроках его темперамент не позволял ему внимательно слушать и запоминать. Придёт домой – сумку школьную с глаз подальше! Какие могут быть домашние задания. Ружьё в руки, удочку – и айда! Зимою на лыжах круги нарезали, ставя на зайцев петли. Носились с горок на лыжах и прыгали с самодельных трамплинов, чтобы дух захватывало. Толкались стенка на стенку, занимая высотки… Да и по дому – не бездельничали, как нынешние – помогали родителям.

Старше меня был Иван на два года.

Из класса в класс, тем не менее, его переводили. Правда, в одном классе всё же он тормознулся на два года. Да и то, вроде бы по болезни. Догнали его мы в пятом и проучились вместе до восьмого. Потом мы в девятый подались, доучиваться до аттестата, а Иван – в ПТУ, на тракториста. А весенним набором и в армию угодил, на границу с Китаем, который отделяла своенравная река Уссури. А на реке той – остров, наш тогда ещё остров – Даманский…

Год и прослужил всего Иван на границе.

2 марта 1969 года с командиром заставы, старшим лейтенантом, вышли на лёд Уссури пограничники вшестером к озверевшим науськанным хунвэйбинам, вооружённым поголовно нашими же «калашами», а не только цитатниками Мао.

Всех шестерых расстреляли едва ли не в упор. Был ли ещё какой подвиг у Ивана, кроме этого, нам не сообщали. Это уже потом я видел любительскую фотографию всех шестерых, вышедших на лёд… Да неузнаваемые изуродованные тела и лица, уже на плакатах… А ещё – родителей тех пограничников, рыдающих у гробов своих сыновей… Фуражка зелёная, с вытравленными хлоркой на подкладке номером и фамилией, висела рядом с увеличенной фотографией Ивана на стене в деревенской избе – как икона на почётном и видном месте…

… В две затяжки дотянул я свою сигарету, отстрельнув обжигающий пальцы охнарик в ~~бухту~~воду. За другую хватился – пусто в пачке. Будто мощным магнитом потянуло меня теперь к Ваньке-траулеру. Подошёл по пирсу к судну. На палубе стояли двое рыбаков-бородачей.

Я спросил разрешения подняться на борт судна. Те, удивлённо переглянувшись, разрешили: заходи. Поздоровались. И я в волнении и сбивчиво поведал им о своей причине посещения их траулера.

Мне дали закурить. Я расспрашивал их и рассказывал сам о том, чьё имя носит их судно. Подошли ещё человека три-четыре. Не менее удивлёнными и взволнованными оказались и они. Как выяснилось, рыбаки совсем мало что знали об Иване. Даже фотографии его и той у них не было…

- Вот ходишь уже сколько лет на этом траулере по морям и океанам, заходишь, бывает, и в иностранные порты и не знаешь: что это был за человек, - с сожалением рассуждал один из моряков. – Даже фотографии его нет. Слышали только, что был такой пограничник, погибший на Даманском…

- А сколько ж ему было тогда? – поинтересовался другой.

- Неполных двадцать, - ответил я, пообещав рыбакам рассказать об этой встрече родителям Ивана и даже выслать им его фотографию.

Извинившись и сославшись на то, что надо срочно бежать к своим бланшировальным печам, я покинул траулер. Не удержавшись, поведал о такой необычной встрече своим напарникам.

Всю оставшуюся смену в голове моей роились мысли и воспоминания о своём детстве, школе, учителях и, конечно же, о Ваньке Ветриче. А по мозгам, словно молотком, стучала фраза, оброненная одним из рыбаков: «А было б лучше, если б был он живой…»

Ах, опять это сослагательное наклонение…

Через неделю после этой встречи подались мы с ребятами в местный клуб на какой-то фильм. А перед началом фильма, как обычно в те времена, крутили киножурнал. И надо же! В кадре документального кино застыли в почётном карауле два пограничника перед обелиском. А на гранитном обелиске, третьей сверху, была высечена строка: **Ветрич Иван Романович**…

Через пару месяцев после этой встречи я и сам попал служить на Дальний восток. И оттуда написал в школу письмо, приложив к нему и свой очерк о той необычной встрече, полагая, что его поместят в школьную стенгазету.

Этот очерк учителя мои решили отправить в нашу районку, где он и был напечатан. Чуть позднее его перепечатала областная газета «Красное знамя». Вот с этого, пожалуй, и следует считать начало моего пути в литературу.

Много лет спустя на одном из школьных юбилеев ко мне подошла симпатичная женщина, помоложе меня года на четыре, сказала, что она – младшая сестра Ивана Ветрича. А ещё она поведала мне, что её мать до самой смерти хранила у себя под подушкой газетную вырезку - тот самый очерк о погибшем сыне…

И ещё: факт гибели на Даманском наших пограничников, и в частности Ивана, послужил основой для финальной главы и сцены моей повести «Приоткрылись родимые дали…»

Служба в армии. Общая на всех казарма. Один боевой расчёт на учениях и тренировках… Волей-неволей, а

приходится, чтобы выживать, заводить дружбу с сослуживцами. Дружба эта либо перерастает потом в «гражданку», либо затухает и исчезает вовсе, если общения прекращаются.

Вот и у меня так было. Сдружился за время службы со многими. Прежде всего, как и я, годками – попавшими в армию рядовыми после институтов всего на один год. Почти со всеми из них после дембеля отношения прервались после двух-трёх писем и праздничных поздравлений. Дольше всех держались дружеские связи с недоучившимся студентом из Томского мединститута Санькой Былиным, который позднее переехал в Москву. Встречались после окончания службы с ним – и в его Томске, и у нас – в Кемерове. А потом – и в самой Москве. Но, уже более двадцати лет, как говорится, о нём – ни слуха, ни духа.

Часть, в которой нам довелось служить, находилась в большом селе Раздольное, что распростёрлось практически одной улицей, длиной в 13 километров, меду сопками – с одной стороны и рекой Суйфун – с другой. От Раздольного по железке было порядка 100 километров до Владивостока и около 50 – до Уссурийска.

К тому времени была очень напряженной обстановка с Китаем. И базировалось в Раздольном аж 17 частей различных родов войск, в том числе и наша – отдельный морской инженерно-десантный батальон морской пехоты, обозначавшийся для почтовой переписки, как в/ч 40159. Было в нём всего четыре роты, свой штаб, знамя и всё прочее, что полагалось иметь самостоятельному войсковому соединению. А служило в нём одновременно всего порядка 450 военных, вместе со всеми офицерами, мичманами и прапорщиками. На случай военных действий в течение двух часов мы разворачивались в полк. Этому нас тренировали едва ли не каждые два месяца по тревоге «Огонёк». А два раза нам пришлось и в самом деле разворачиваться в полк, принимая ещё столько же запасников – рядовых, сержантов и офицеров.

От Кузбасса и родной Томской области, таким образом, наша часть находилась на весьма приличном расстоянии. И попадали служить в неё люди – едва ли не со всего Советского Союза – России, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Молдовы,

Украины, Эстонии, Латвии… Поэтому и разъезжались мы после увольнения в запас по своим родным местам. А поскольку часть наша была малочисленной, то и встречи с сослуживцами бывали крайне редко. Встретить такого сослуживца – всё равно, что с давно невидавшейся роднёй: - и волнительно, и ностальгично.

О двух таких случайных встречах я и хочу здесь поведать.

Лет двадцать назад, с небольшим лишком, приехал я в Красноярск, на 40-летие своей сестры Татьяны. Застолье собралось приличное, человек под тридцать. Многих из них я не знал и видел впервые.

Рядом со мною оказался мрачноватый человек, помоложе меня лет на шесть. Обличья нерусского, неславянского. Скорее – татарин. С густой и чёрной, аккуратно подстриженной бородой. Молчаливый, неразговорчивый, сдержанный. Вот и молчали, до той поры, пока языки не развязало выпитое спиртное.

О чём могут говорить незнакомые между собой мужчины, если не о работе да о женщинах? Ну, ещё о службе в армии поинтересуются.

Как выяснилось вскоре, этот мужчина, оказался милицейским майором, под началом которого находился весь правопорядок недавно открывшегося нового красноярского аэропорта Емельяново. А попал он за это застолье благодаря своей жене – подруги нашей Татьяны.

Слово за слово, дошло дело и до службы в армии. Оказалось, оба служили на Дальнем Востоке. Уже – почти родня. И оба – на флоте: уже интересно. А где, на каких кораблях? Да, сухопутные оба, морские пехотинцы!

Вот это совпадение! Потеплел мой визави. Глаза чёрные, смоляные заискрились.

- А где часть базировалась? – интересуюсь.

- В Раздольном! – отвечает бородач.

- В\ч 40159?

- Да-а, - отвечает сосед. – А откуда вам это известно?

- Так и я ведь служил в этой же самой части! Ещё матросом. Потом – сержанта присвоили.

- Вот это номер! А когда служили?

Говорю ему, что служил всего один год, после института, с осени 1974 по середину ноября 1975 года.

- А я – призывался весной 1977 года…

- Стало быть, разминулись на полтора года…

И пошли оживлённые вопросы: в какой роте? Кто был командиром части, замполитом, командирами рот и взводов?…

Выяснилось даже, что командиром их взвода был сослуживец из моей роты, подавшийся на сверхсрочную и окончивший школу прапорщиков…

А после окончания службы моего нового застольного соседа Геннадия Сангаджиева занесло на милицейскую дорогу, в Красноярск. Побывал я у него и дома, смотрели фотки из его дембельского альбома, на которых я узнавал кое-кого из общих наших знакомых. Как водится, пили с ним водку – за нашу часть, морскую пехоту, за отцов-командиров, сослуживцев..…

Встречались несколько раз с ним и ещё. Мой «однополчанин» уже хаживал в погонах полковника милиции…

Другой случай встречи с однополчанином оказался не менее неожиданным.

Летом 2004 года в составе делегации писателей Кузбасса я ~~оказался~~ побывал на юбилейных торжествах В.М. Шукшина на Алтае, в Сростках. В тот раз открывали знаменитый теперь памятник Шукшину на горе Пикет. Народу съехалось – просто море. Там мне посчастливилось познакомиться и пообщаться со многими писателями, в том числе и с Валентином Распутиным. Всё это мероприятие длилось три дня. И везде было просто замечательно! Мы хаживали, как сейчас принято назвать, в ВИП-персонах.

Даже во время большого концерта на горе Пикет мы сидели на трибунах, совсем рядом с Распутиным, артистами – Валерием Золотухиным, Александром Михайловым и многими другими писателями ~~знаменитостями.~~

и артистами.

Финалом праздника явился банкет – на прекрасной поляне прямо на берегу Катуни. Там установили две шатровых палатки, по-деревенски поставили несколько длинных сколоченных из плах столов, такие же длинные лавки-скамейки,

накрытые домотканными половиками. Ну, и на столах – изобилие. Тогда же, в застолье, мне довелось воочию увидеть и Михаила Евдокимова – Губернатора Алтая; его друзей – барда Олега Митяева, артистов Александра Панкратова-Черного, Никоненко, Людмилу Зайцеву, Ольгу Остроумову; сына, внука и правнука Михаила Шолохова, депутата Госдумы Харитонова и многих других знаменитостей.

И вот, после тостов Губернатора и прочих официальных лиц (а между тостами – концертных номеров), изрядно расслабившись, произносили тосты и пили уже и по отдельности, группами, точнее – столами. А за каждым столом, едва ли не по-армейски, сидело по десять-двенадцать человек. Осмелев, предложил тост и я – за День Военно-морского флота! Было это как раз на день ВМФ, 27 июля. А мотивировал это тем, что и Василий Макарович срочную службу проходил на флоте. Выпили, заговорили на эту тему. Я, как тостующий, сказал, что и мне пришлось служить на флоте, только сухопутным моряком.

Гляжу, сидевший за столом напротив мужчина поднимается с бокалом, и тоже сообщает о своей причастности к МВФ. И тоже, как оказалось, к сухопутным морякам.

- А где служили?- интересуюсь.

- На Тихоокеанском краснознамённом - отвечает.

- И я – там же, в морской пехоте.

- И я – в морской пехоте, в Раздольном…

- Так и я в Раздольном! 186 отдельный морской инженерный батальон…

- Морской инженерной службы КТОФ! – возбуждённо подхватывает мужчина.

- Так точно, - по-военному дополняю его, - в\ч 40159!

Всё, контакт найден! Тем застольным соседом оказался Михаил Переверзев – артист театра драмы города Барнаул. Однополчанин, получается. Мы пересели за столом поближе друг к другу. Служил он пятью годами ранее меня. Как раз во времена конфликтов на границе с Китаем. А по возрасту - мой ровесник. Вспоминали Раздольное, нашу часть, казармы, построенные из красного кирпича ещё со времён Будённого, каменный просторный клуб, сопки, созревающий в конце лета дикий виноград, реку Суйфун с двойным дном… А вот

командиры у нас оказались почти все разными, кроме майора Копытина и его жены – библиотекаря Надежды Васильевны… Приглашал меня Михаил в гости в Барнаул, в театр…

После той встречи попасть в Барнаул в ближайшее время не удалось. На том наше общение с однополчанином и закончилось…

И сколько таких вот неожиданных встреч и совпадений пересекали мой жизненный путь? Пожалуй, всех и не сосчитать, да и не упомнить. Были они, наверняка, и у каждого любого человека.

Пожалуй, опишу тут ещё одну встречу, произошедшую совсем недавно.

За почти четверть века работы в институте довелось мне общаться со многими студентами. Кого-то запоминал, а многие забывались сразу же. Да так, что через какое-то время я уже и не мог бы вспомнить о них. А вот они – почему-то помнили меня. При встречах здоровались, а порой и напоминали мне, что я у них читал курсы лекций, принимал зачёты и экзамены… Я конфузился, извинялся и ссылался на свою плохую зрительную память.

Случалось, наши пути сходились позднее уже и на ином поприще – литературном. Наиболее яркими в этом отношении являются Миша Стрельцов - ныне руководитель писателей Красноярска и Юлия Лавряшина, живущая уже более десяти лет в подмосковном Королёве. Неплохо пишет стихи и прозу нынешняя жена Миши Кривошеина – моя бывшая студентка Елена Воробьёва.

А года два назад подарила мне свою книжечку житейско-юмористических рассказов «С улыбкой» - с автографом Надежда Дубровская. Тоже оказалась моей бывшей студенткой, к тому же ещё и знакомой Сергея и Гали Некрасовых (по училищу связи).

Так вот, эта Надежда при наших мимолётных встречах на мероприятиях уже неоднократно говорила мне, что у них в литературном кружке есть моя землячка, тоже родом из Пудино. И что она непременно хотела бы со мною встретиться. Как-то этому я не придавал особого значения. Мало ли теперь

разбросанных моих земляков по необъятным просторам России, да и зарубежья?

И вот, на 90-летии со дня рождения поэта М.А. Небогатова, проводимом в Кемеровской областной научной библиотеке, в перерыве, на мимолётном фуршетном перекусе с чаем и кофе, ко мне подошли две женщины. Одна из них была уже знакомая мне Надежда.

Другая – дама моих лет – но ещё вполне привлекательной внешности, представилась: **Вера Семёновна.** Сказала мне, что родом – тоже из Пудино. Я поинтересовался фамилией. Назвала фамилию Петровой. Я сказал, что знал Петровых: и в Лушниково, и в Красном Яре.

- Так я и сама из Красного Яра…

- Вот даже как!

- Что-то я Вас никак не припоминаю.

- Так мы уехали оттуда, когда мне было всего лет пять…

- Ну, тогда, конечно…- с сожалением ответил я.

- У меня сейчас много родственников в Новосибирске. Завтра и я туда поеду. Нет ли у Вас при себе какой-нибудь книги? Вот было бы здорово: показать им там…

Книга при мне оказалась. Кажется, что-то из моих последних записок путешественника. Я пообещал ей при следующей встрече подарить что-либо из воспоминаний или касающегося нашей общей малой родины.

- А как подписать? – спросил я.

- Напишите: Решетниковой Вере Семёновне.

Я подписал ей книгу, та радостно взяла её, поблагодарив за подарок.

На этом мы и расстались, с надеждой на очередную встречу и более длительный и обстоятельный разговор. Нужно было идти на продолжение мероприятия. А после мероприятия я уже не нашёл её, разминулись.

Придя домой, я позвонил маме. Рассказал ей о необычной встрече. Спрашиваю:

- Мама, ты не помнишь, был в Красном Яре Петров Семён?

- Нет,- после небольшой паузы ответила мама, - Семёна Петрова я не припоминаю.

- Ну, как же, ведь Вера назвалась Семёновной. И фамилия Петрова…

- Петрова? Вера Семёновна? Нет…

- Теперь она, кажется, Решетникова…

- Говоришь, твоего возраста? Постой, постой! Да уж не Верка ли это Аксюткина? Только Аксютка родила её от Вяткина Семёна… Вера Семёновна, значит?! А-а-а… Вот, значит, как … - мама совсем оживилась. - А ты разве не помнишь, ведь вы же в детстве и играли вместе. Не разлей–вода были. Жили мы недалеко друг от друга. Вот и приносили - то её к нам, то тебя к ним отводили… Вас даже женихом и невестой называли… Ещё и Аксютка, бывало, смеётся всякий раз над тобой: зятёк – хоть и кривоногенький, а всё ж-таки свой… Вот тебе – и Вера Семёновна… Значит, говоришь, в Кемерове тебя нашла? Ну – и чудеса же бывают…

И тут я и впрямь начинаю что-то припоминать. Ведь и точно, где-то там, в закутках памяти осталось то, как я плакал и рыдал, узнав, что моя «невеста» уехала навсегда из нашей деревни. Только куда – не ~~прин~~вспомню. А потом на наш адрес приходило от её матери несколько писем. А в одном из них была даже Веркина фотография, размером 9 на 12. Я вспомнил и ту фотокарточку, где Верка была сфотографирована улыбающейся, в какой-то шляпке, с родимым пятнышком на щеке…

Кажется, тогда это было и впрямь проявлением какого-то инстинктивного фрейдовского влечения, ~~проявлявшегося~~ возникавшего в позднее время, как любовь. Помните, в начале этого эссе я писал о своей первой детской влюблённости? Моей первой неосознанной избранницей и была Верка – нынешняя Вера Семёновна Решетникова. Такие вот бывают совпадения… И что смогло бы из этого произойти дальше, не разминись в детстве наши пути-дорожки?!

Короче, занятная всё же штука – это сослагательное наклонение.

Только после той последней встречи в библиотеке я её больше не видел. И мои догадки остаются лишь догадками. Но уж слишком много совпадений. И – моя интуиция, а это – великая помощница и союзница по всей жизни…

Кемерово, январь-октябрь 2018 г.

П Р О Ф Е С С И Я - С Т У Д Е Н Т!

Глава первая. АБИТУРА, АБИТУРА !!!

Ещё 18 августа 1969 года ни о каком институте культуры я и не помышлял. Даже не знал о существовании такового. И мне, выходцу из Томской глубинки, Кемерово было известно лишь из школьных уроков да учебников с географическими атласами.

Крушение моих надежд стать студентом-историком произвело собеседование перед зачислением у замдекана историко-филологического факультета Томского университета. И уже во второй раз. Как и прежде, не хватило всего одного балла. Осенью меня неизбежно ожидала армия. Настроение было подавленным, и я в горестных раздумьях брел по затененным аллейкам от главного учебного корпуса. И тут, в университетской роще, ко мне подошли двое таких же неудачников.

- Поехали в Кемерово! Там институт *культуры* открывают! Экзамены с двадцатого августа. Послезавтра. Ещё успеем!

Мне протянули маленькую квадратную вырезку из газеты, где было объявление о наборе на первый курс нового института. Появился, хоть и призрачный, шанс стать студентом уже в этом году.

Я пробежал глазами по объявлению. Два факультета, четыре специальности. Всего-то! Да, выбор, прямо скажем, невелик! Но...

“Так, - раздумывал я, - куда же податься? В *режиссёры*? - В школьной самодеятельности участвовал! Говорят, что-то получалось. Один раз даже ездили в районный центр на смотр. Инсценировали с другом горьковского “Челкаша”. Какую-то грамотку даже дали. Или, может, в *дирижёры?* - На гармошке с детства играю. А за прошедший год и на гитаре семиструнной стал брякать. О нотной грамоте, правда, понятия не имею... *Хореография?* - Эт-то ещё что такое?! Чем там занимаются? Плетут, вяжут, вышивают? Нет, это определенно, не моё! *Библиотечный?* - Так, сдавать: историю, литературу и иностранный. Да ведь это те же самые экзамены, что и в университете! А, была-не-была. Как, говаривали древние римляне, жребий брошен!”

Девятнадцатого августа утром я уже был в Богашовском аэропорту города Томска. Провожавшая деревенская подруга и поступившая в пединститут, надела на меня крестик (чему я был крайне удивлен) и пожелала удачи.

В кармане моем оставалось ещё около тридцати рублей денег. Пятёрку истратил на билет до Кемерова. И часа не летел “кукурузник”. Не ведая, где же находится институт и как до него добраться, я сел в такси и назвал адрес, что значился в объявлении – Спортивная-91. Таксист остановился между двумя красными пятиэтажками, взяв с меня рубль за проезд. Над дверью одной висела вывеска - “Кемеровское музыкальное училище”. На другом здании - не было никаких объявлений. Я вошел со своим чемоданчиком в двери, ставшие мне родными на целых тридцать лет. Поднялся на второй этаж, отыскал в коридорной полутьме приемную комиссию. Вошел, покорно снял свой коричневый берет, поздоровался.

- Прием документов окончен! - сказала мне дама, лет сорока.- Вы опоздали.

- Как это опоздал?!- возмутился я.- Вот объявление. Тут указано, что принимают до девятнадцатого числа. Что, уже начались экзамены?!

- Экзамены - завтра.

- В чем же дело?! Такую даль добирался... Самолетом из Томска. Только что прилетел! - настаивал я.

- Документы принимали до обеда... А на какой факультет вы хотели поступать? - кажется, смилостивилась дама.

- На биб-лиоте-карский,- споткнулся я.

- На библиотечный? - удивленно поправила она меня, оценивающе разглядывая, видимо, выискивая во мне какой-либо внешний изъян.

Никакого изъяна не было. По крайней мере, внешне.

- Пишите заявление...

Ура! Успел-таки! Завтра - экзамен, сочинение. Что к нему готовиться?! Все десять лет к этому готовили в школе. Неужто - не напишу?!

Как я приметил несколько позднее, “опоздавшим” оказался не только один я. За мною выстроилась очередь таких же парней и девчонок, видимо, тоже прибывших откуда-то издалека.

Взяв мои документы, мне выдали помимо справки об их приеме ещё и разрешение на общежитие.

На первом этаже я отыскал коменданта, у дверей которого толпились люди. Получив постельное бельё, я поднялся на четвертый этаж, в указанную комнату, рядом с входной дверью левого крыла. В комнате были голые стены, узенький боковой шкафчик, широкое окошко и четыре панцирных сетки кроватей без спинок - прямо на полу. И ни одного стула. Не было и стола. Из окошка виднелись частные домики, вплотную подступившие к пятиэтажке с привычными для меня, селянина, огородчиками, стайками, банями и сенными навесами.

Вместе со мной в комнате оказалось ещё трое парней, ненамного старше меня. Как выяснилось, все были иногородними и поступали на разные специальности. Гена Лысенко уже отслужил армию и выбрал режиссуру. Игорь

Красовских поступал на хореографию. Петров Володя, из Осинников, был со своим баяном - ясное дело - на дирижерский.

Перезнакомились и сошлись друг с другом довольно скоро. По крайней мере, вместе ходили в столовые, в кино и даже в горсад - на танцульки. Правда горсад и кино были чуть-чуть попозже, когда сдали первые экзамены: они специальность в два тура, я - сочинение и литературу устно.

Сочинение будущие библиотекари писали уже на следующий день, в какой-то большой аудитории (или актовом зале) музыкального училища. Писалось легко и вдохновенно. Ещё бы - мой любимый по тем временам поэт - Маяковский. Он же, во второй раз, и подставил мне подножку - со своими лесенками. Мне хотелось блеснуть знаниями, цитируя поэта. Естественно, спотыкаясь о его знаки препинания и ступеньки лесенок, что-то расставил не так. В итоге - ошеломляющая "тройка"! Всё, это уже было почти приговором. При том-то конкурсе, в пять человек на место! Даже в университете за сочинение я получал дважды "четверки". Вот это старт...

Каково же было моё удивление, когда на устном экзамене по русскому языку и литературе, мне поставили "отлично"! По опыту предыдущих поступлений я точно знал, что, имея "удочку" за сочинение, "пятерку" уже никому не ставили. Похоже, тут экзаменатор не спешил заглянуть в экзаменационный лист, оценивая мой устный ответ. Разумеется, полученная оценка вдохновила меня. И вселила веру с надеждой на положительный исход.

На экзамен по истории я шел уже с большими надеждами. Помню даже и теперь, какой вопрос стоял в билете последним: "Крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева". Принимал экзамен доброжелательный лысоватый человек, смешно, по-хохляцки, выговаривающий букву "г", окающий и распевающий гласные - Павленко В.Г. (читавший у нас позднее по совместительству лекции по зарубежному средневековью и новому времени, и получивший прозвище Генрих Второй Плантагенет). Я рассказал о причинах восстания и его поражения, по карте представил места и путь восставших, в общем, всё как положено. Плантагенет внимательно слушал, с улыбочкой покачивал головой в знак

согласия. Потом задал несколько вопросов. Спросил, что я читал из литературы о восстании. Естественно, назвал “Капитанскую дочку” Пушкина. Потом “Емельяна Пугачева” Вячеслава Шишкова. Экзаменатор расплылся в улыбке.

- Как вы полагаете, а если бы победило восстание,- кем бы стал Емелька Пугачев?- задал мне провокационный вопрос Плантагенет.

- Стал бы царьком, выдающим себя за Петра Третьего! Были ведь Лжедмитрии...- ответил я, не ведая о том, что история не терпит сослагательного наклонения.

Ещё *пять* баллов приплюсовал я к предыдущим восьми. Итого - **13.** Эта сумма шла в основной зачет.

Иностранный язык был *непрофильным,* учитывался лишь при равных баллах основной суммы. С иностранным языком повезло мне ещё со школы. У нас была замечательная учительница, сосланная к нам в Нарымский край в сороковом году и, как позднее выяснилось, носившая графский титул у себя в Латвии. Иностранный язык я и в университете сдавал на “отлично”. Эту же отметку получил и тут! Кстати, школьных знаний по иностранному языку мне хватило на два курса института, хотя и здесь были очень неплохие педагоги. Шутя сдал позднее и кандидатский минимум по языку. Правда, произношение было (и осталось) - “рабоче-крестьянским”.

Экзамены были скоротечными, через день-два. Довольно успешно сдавали и мои соседи по комнате. Гена Лысенко проявил себя в актерском мастерстве; Игорь Красовских - баловень хореографии - был примечен педагогами ещё по танцевальному ансамблю. Больше всех удивил нас Володя Петров, когда, получив по специальности “хорошо”, признался, что совсем не знает нот, и что отыграл на баяне всё “по слуху”. Мало того, его игру засняли на телевидении и показывали в местных новостях. В ту пору о новом институте снимали довольно много сюжетов. К тому же, большая часть телевизионщиков сами поступали и учились потом на заочном отделении здесь же.

На первом этаже, в крыле, где позднее находился ИВЦ ЦНТИ, а затем - ЭВМ и лаборатории кафедры НТИ, было нечто подобное небольшому актовому зальчику. Там стояло пианино,

которое я, восемнадцатилетний юноша, увидал живьем впервые. Оно притягивало меня, как магнитом. Улучив момент, когда на нем никто не занимался, я украдкой подходил к нему и пытался одним пальцем на слух подобрать какую-нибудь песенную мелодию. И очень смущался, когда рядом оказывался кто-нибудь из музыкантов. Уже тогда запомнились мне почему-то: худосочный, носатый, подвижный паренек со смешной фамилией Юстус Володя, Вася Кирносов и Юрка Борисенко (Малый черт). У Васи была броская внешность, элегантная по тем временам одежка и приятный тенор. Увы, ни Вася, ни Малый черт институт не осилили, вылетели за академическую задолженность и профнепригодность. Уже в ходе первых занятий выявилась и музыкальная безграмотность у Володи Петрова. Музыкальный ликбез в институте предусмотрен не был. Оказался за пределами вуза и наш Петров.

Абитуриентская жизнь - всегда интересна, своеобразна и неповторима. Тогда почти все были поставлены практически в равные условия. “Блатных” были единицы. К тому же, абитуриентов первого набора отличал (как позднее и студентов) необычайно широкий возрастной диапазон. Рядом с семнадцатилетними выпускниками школ были умудренные жизнью и опытом люди, которым исполнилось уже по двадцать пять-тридцать лет. Так, помню, в общаге, вместе с нами жили и учились на дневном Виктор Колобов, Владимир Трасковский, Константин Клюев, возраст которых уже перевалил за тридцать. То же можно сказать и о заместителе директора музыкального училища Сергее Маричеве. При этом многие педагоги были либо ровесниками студентов, либо даже моложе их. Панибратства, разумеется, между педагогами и студентами не было. К слову, уважительное отношение к своим педагогам сохранилось и по сию пору.

Однако, вернемся к замечательной поре абитуриентства, или *абитуре,* как мы её называли. В тот самый первый набор сюда “стеклись” многие неудачники, коим фортуна отказала в приёме. Вечерами наш небольшой холл абитуриентского четвертого этажа гудел и содрогался от выплесков бушевавшей молодой и нерастраченной энергии. Напротив нас, через дорогу и в каких-то пятидесяти метрах, из окон в унисон, вторили

студенты музыкального училища. Нередко происходила и “диффузия” - взаимного проникновения. Довольно скоро завязывались знакомства, мимолетные симпатии, дружба, флирт, влюбленность и всё сопутствующее. Здесь впервые я узнал, что некоторые абитуриенты “чифирят”. А кое-кто и водочкой балуется. Тут же поражали и будоражили моё неизбалованное воображение рассказы о легких победах на амурных фронтах...

Ещё с абитуры на Спортивной-91 запомнились будущие студенты-режиссеры: Толик Гусев, Толя Глухов, Юрка Мельников, Наталья Рулёва (Рулиха), Сашка Кузьмин; с хореографического - две Наташки - Жукова и Колотовкина. С опозданием к экзаменам, но приехали попытать счастья на зачислении десятка два экс-абитуриентов из Томского университета, которых я заприметил ещё там. Среди них особенно выделялись: фигура и броская внешность Юры Ли (ставшего моим другом на всю жизнь); Гали Емельяновой (Гордукаловой), Татьяны Храмовой (Смольской), Любы Кондюриной (Колтуновой); Камилы Ещановой, Лены Бублик (Котиной). Виктор Бепле и Анатолий Слончак (оба хорошие музыканты) позднее стали моими сотоварищами по комнате номер 46, в общежитии на Парковой -15.

Особо следует отметить знакомство в ту пору с двумя скромными абитуриентами-музыкантами, приехавшими поступать из Атбасара - Стасом Вноровским и Володей Печень. Было это в день зачисления, в самом конце августа.

А накануне, после сдачи всех экзаменов, проходило собеседование. Кого очень хорошо запомнил ещё по нему - так это Юрия Васильевича Изюмского и Рудольфа Сергеевича Шикова. Два совершенно разных человека - как по внешности, так и по внутренней культуре и поведению.

Будущий *совмещенный* проректор института Юрий Васильевич Изюмский слыл невероятно образованным эстетом, очень острым на язык, экспрессивным, строгим преподавателем и администратором. Одевался он элегантно. Подводила его лишь ранняя лысина, которую он пытался прятать, зачесывая длинные волосы с боков. Внешнее его поведение всегда отличалось чувством большого собственного достоинства и едва

заметным высокомерием к подчиненным и студентам. Кстати, немало ходило легенд и о его амурных делах (в том числе и среди студенток). Порой достаточно было его одного тактичного замечания или намека, чтобы запомнить и усвоить это на всю оставшуюся жизнь. В наших коридорах в ту пору (да и ныне) почему-то не принято было ставить стулья или скамьи. Нередко, в конце коридоров, у окошек, в перерывах мы усаживались на подоконниках и покуривали. Как-то такое случилось и со мною. Изюмский подошел ко мне, сидящему на подоконнике, наклонился и шепнул на ухо, что культурные люди никогда на подоконник не сядут. Это правило этикета я запомнил на всю жизнь, чему и следую.

Шиков Рудольф Сергеевич - явная противоположность Изюмскому. Был невероятно скромен, тактичен и подчеркнуто вежлив со всеми. В то время он, кажется, был ответственным секретарём приемной комиссии, одновременно выполняя и роль секретаря партийной организации. Это позднее мне пришлось с ним проработать четыре года вместе (он - декан факультета, я - заместителем декана). За всё время совместной работы с ним он не дал ни разу повода обидеться на себя.

Если не ошибаюсь, в комиссии по собеседованию-зачислению значился и Павленко В.Г. С ним у меня сложились взаимно-доверительные симпатии ещё на вступительном экзамене по истории. А это - уже было хорошо!

Лично для меня собеседование было уже не первым. По опыту прежних, я знал, что там тебе ещё ничего конкретного не скажут. Правда, кое-какую обнадеживающую информацию (или наоборот) получить было можно. По крайней мере, уже тогда мне сказали, что проходной балл для “моей категории” (селянин, с годом стажа) установлен в *13 баллов* (по трем профилирующим предметам), плюс “пятерка” по иностранному; да ещё маленький плюсик за то, что я - *мужчина* на чисто женском факультете. Вероятность поступления у меня, стало быть, была достаточно высокая.

Правда, позднее, я узнал, что во всей той троице, решающую роль играл Юрий Васильевич Изюмский. Судьба многих зависела не столько от набранных баллов, сколько от того: понравился тот или иной абитуриент ему или нет.

Положение с зачислением усугублялось и ещё одним необычным фактором. К конкурсу по зачислению на наш факультет было решено допустить и тех, кто сдавал аналогичные предметы, но не прошел по конкурсу в других вузах. А это были: педагогические - из Томска, Новосибирска, Кемерова; университеты - Московский, Новосибирский, Томский... Таким образом, я мог бы и не сдавать здесь вступительные, догадайся взять и привезти заверенную справку о сдаче экзаменов в Томском университете с выпиской из экзаменационного листка. Попутно замечу, что именно таким образом попали в наш институт Юра Ли, Таня Ерёмина, Володя Грачев, будущая моя жена Люда Великосельская и многие другие. (Галю Емельянову с оценками по Томскому университету зачислили лишь на заочное, позднее она перевелась на дневное отделение).

Зачисление должно было произойти где-то после обеда. С самого утра я съездил в агентство аэрофлота и купил транзитный билет домой на самолет с пересадкой в Томске. Уже на завтра. Оставалось ещё рублей десять от перевода, что выслала накануне мне мама. Погода стояла ещё по-летнему теплой и солнечной. В безделье и мучительно-тревожных ожиданиях я слонялся по городу, сняв пиджак и перекинув его через плечо. От самого Искитимского моста я брел вверх по проспекту Ленина. Правая сторона проспекта была уже отстроена кирпичными и панельными пятиэтажками. Левая, от проспекта и до самой Томи, - вся была деревянной и одноэтажной. И лишь на горе, напротив кинотеатра “Юбилейный”, высилась единственная в те времена девятиэтажка - общежитие, которое почему-то у нас позднее получило название “Пентагон”.

Я дошел до кинотеатра и повстречал двух парней - стройных, молодых, моего возраста, в белых рубашках с длинными рукавами. Слово за слово, оказалось - как и я, абитуриенты, только ожидающие зачисления на дирижерско-хоровое отделение. Правда, во время экзаменов жили они у своих родственников или знакомых. Это были Володя Печень и Стас Вноровский. Часа два мы общались с ними, доверяя друг другу свои тревоги и заботы. Бродили по Комсомольскому

парку, где робко высились совсем ещё молоденькие топольки, в два-три наших роста, сиживали на широких свежих скамьях.

Потом мы, задолго до назначенного времени, подались к институту. Там, на улице и в холле первого этажа, кучковалось много абитуриентов и их “болельщиков”. Гудели потревоженным пчелиным ульем. Наконец стали выносить и вывешивать на стенде списки зачисленных в институт, по специальностям.

Я нашел себя уже на самом первом листке! Ещё не веря в удачу, я раз за разом вглядывался в те строчки и столбики из имен, фамилий и отчеств. Из девяноста фамилий я насчитал семь мужских. Всё сходилось! Я был зачислен в институт! Чувства, переполнявшие меня в то время, я пытаюсь иногда воспроизвести искусственно теперь. И не могу. Даже при зачислении меня в аспирантуру, позднее в Ленинграде, я не испытывал подобного ликования души! Зачисленными оказались и мои соседи по комнате: Игорь, Гена и Володя.

А вот с моими новыми знакомыми - Стасом и Владимиром - случился казус. Их фамилий в списках не значилось. Разочарованиям и унынию не было предела. Они, как и я, уже испытали в этом году по одному “пролету” в институт, прибыв сюда из Казахстана. Ребята уже обсуждали вопросы возвращения домой. Минут через десять принесли и вывесили дополнительный список. Не веря своим глазам и ещё не очень хорошо запомнив их, я переспросил: “Как ваши фамилии?” Они назвали. “Есть! В этом списке!”- обрадовал я этой вестью своих сегодняшних знакомых... С той поры у меня с ними завязались надолго самые тёплые дружеские связи. А Володя Печень был даже моим свидетелем на свадьбе в конце третьего курса.

Переполненный чувствами радости и гордости за самого себя, я немедленно пошел на почту и отправил телеграммой домой радостную весть о своём поступлении в институт.

Потом... Потом было всеобщее ликование всё в той же общаге-институте. Пили дешевое вино, пели песни под баяны и гитары, танцевали; хаживали в гости друг к другу, разъезжались по домам - кто насовсем, кто за вещами, на день-два до начала занятий.

Наутро, оставшись в комнате один и собрав свой чемодан, решил проверить - не забыл ли чего. Во внутреннем кармане пиджака, куда я клал свои документы: паспорт и комсомольский билет - последнего не оказалось. Комсомольский билет в обложке служил у меня бумажником. Там лежали билет на самолет, справка о зачислении меня в институт и оставалось от всего рублей пять денег.

Комсомольского билета не было. Я обшарил все карманы, обсмотрел всё на полу, в чемодане... Похоже, кто-то из вчерашних навсегда отъезжающих “гостей” проверил и мои карманы. А может быть, я где-то и сам выронил его, снимая пиджак и перекидывая через плечо. Но почему же на месте тогда был паспорт?!

Чувства радости от вчерашнего зачисления и предвкушений скорой встречи со своими домашними сменились разочарованием и печалью. К тому же, я остался совершенно без денег. И самое главное - без билета домой...

Я спустился вниз, на второй этаж. Зашел в приемную комиссию. Там оказался Рудольф Сергеевич Шиков. Я поведал ему о своих печалях. “Сколько стоит билет до дома?”- спросил он. “Тринадцать рублей,- ответил я ему. Потом добавил,- мне хотя бы до Томска добраться, там у меня родичи...” Рудольф Сергеевич достал бумажник, вынул десятку, протянул мне: “Хватит?” “Хватит! Спасибо большое! - поблагодарил я своего неожиданного спасителя. - Отдам сразу, как только из дома вернусь...”

В самом начале сентября все поступившие в институт собрались на занятия. Однако... заниматься-то было негде. Было лишь всё то же здание-общага с маленьким актовым зальчиком, ректорским кабинетом и двумя-тремя сдвоенными комнатами. Нужно было обустраиваться. Самим. Никаких строителей нам не выделили. И две сотни студентов, зачисленных в институт, вместо занятий принялись за строительные работы во главе со всем руководством института и небольшим педагогическим штатом.

Кувалдами, ломами, топорами мы рушили стенные перегородки, готовя на втором этаже лекционные аудиторные помещения. Груды битого кирпича, штукатурки, арматуры,

дранки через окна выбрасывались наружу, грузились вручную в самосвалы и вывозились за город на свалки. Следом шли бригады штукатуров-маляров. Заделывались образовавшиеся швы, штукатурились пробоины, красились панели, белились потолки, стены...

Обустроенные на скорую руку аудитории заполнялись столами, стульями, креслами, которые мы во главе с первым проректором по АХЧ Семеном Баталовым привозили из мебельной фабрики в Промышленном или с завода “Карболит”. Навешивались на стены новые коричневые доски, ставились трибунки-кафедры...

А вечерами - собирались где придется и начинали репетировать номера для открытия института и посвящения в студенты самих же себя. Раздавались стройные голоса хоровиков, исполнявших знаменитый “Гаудеамус”. Играли на баянах, фоно; кто-то солировал вокалисом-сопрано, содрогал оконные стекла бас Вити Колобова... Что-то репетировали режиссеры и хореографы. Готовилась большая стенная газета. Как сейчас помню один фрагмент газеты. На ней изображены два фехтовальщика в мушкетерском одеянии - пожилой с “лейблом” БДТ и салажонок, похожий на остряка Серёгу Атанова, с литерами “КГИК”. И надпись, исходящая из уст салажонка: “Ну, Товстоногов, берегись!”

Кто никогда не жил в общаге, того нельзя считать полноценным студентом! В наш первый год общагой стал подъезд жилого пятиэтажного дома по Парковой-15 (ныне ул. Шорникова): двух и трехкомнатные квартиры тогдашних *хрущевок* со всеми удобствами. В нашей двухкомнатной квартире номер **46**, на втором этаже, проживало семь разновозрастных студентов трех специальностей: библиотекари - я, Юра Ли, Сашка Казанцев; музыканты - Толик Слончак, Виктор Бепле, Володя Петров, режиссер - Юрка Мельников. Несколько позднее Петрова сменил Володя Грачев.

Разномастной по тем временам была наша команда и в изначально социальном плане и происхождении. Я, деревенский парень, - уже год отработал в школе учителем начальных классов. Почти пятилетний опыт учителя пения был и у Владимира Грачева. (Кстати, Грачев вполне мог поступить и

успешно учиться тогда на любой специальности, настолько он был разносторонним и подготовленным теоретически и практически). Музыкальные училища закончили уже к тому времени Анатолий Слончак и Виктор Бепле. У Юры Ли за плечами были два курса физмата Томского университета и несколько лет работы на заводе. А вот Сашка Казанцев успел пятерик “отзвонить” за колючим забором...

Запомнилась мне первая встреча с ним. Примерно, как в фильме “Джентльмены удачи”, вышедшим много позднее. Я после возвращения из дома получил у коменданта направление в сорок шестую комнату. Зашел, поставил чемоданчик, снял куртку. Встретил меня Юра Ли. Повел знакомиться с обитателями. В маленькой комнате, на голой панцирной сетке, по-турецки восседал, покачиваясь, Казанчик, в майке. На его голых плечах красовались наколки обнаженных женщин и какие-то надписи. Грудь украшала татуировка, изображавшая ажурный крест. Во рту поблескивали рондолевые золотистые зубы. Похоже, он уже успел принять небольшую дозу спиртного. Цвиркнув фиксами, скрестив руки на груди, Казанчик спросил меня:

- Ты кто?

Я смутился от такого прямого и бесцеремонного вопроса.

- Человек...

- Вижу, что не курица. Кем работал?

- В школе...

- Учителем, что ли?

- Да,- подтвердил я.

Казанчик хохотнул, в знак знакомства подал мне и пожал руку:

- Держи корягу... Учитель!

С легкой руки Казанчика, заполучил я эту кличку на все четыре года обучения в институте, да и потом мои давние сокурсники нередко ещё так называли меня по установившейся привычке.

Не буду писать об учебе. Всё было новым и интересным до невероятности! Учился с жадностью. И, как мне думается, не только я один.

Учила и общага! Парковая-15 - была своего рода нашим всеобщим *факультативом!* Для многих провинциалов, вроде меня, совместное проживание явилось неким подобием *ланкастерских* школ, где знания получали взаимно, друг от друга. И уж, если не систематические, вроде аудиторных, то на уровне ликбеза по общей культуре - безусловно! От режиссеров мы узнавали о системе Станиславского, о театрах “Глобус” и кабуки; о Завадском и Товстоногове, о Таирове и Мейерхольде, об Эфросе и Любимове... С ними вместе мы ходили в драмтеатр, пересмотрели уже за первый год весь тогдашний репертуар, ведя дискуссии после каждого посещения и просмотра.

Хореографы обогащали нас знаниями не только того, как называются позиции и стойки, типа *тандю, плие, батман, фуэте,* но и расширяли наш кругозор по балетам, композиторам, постановщикам, выдающимся танцовщикам. Фамилии Стравинского, Фокина, Нижинского, Барышникова, Нуриева или Мариса Лиепы становились для нас уже такими же привычными, как Лопе де Вега, Рабле, Сервантес, Софокл, Аристофан, Михаил Булгаков или Сопиков со Здобновым... Впервые с ними ходили мы и на спектакли гастролирующего Свердловского театра оперы и балета, где наши же сокурсники участвовали в массовках.

Дирижеры-хоровики провоцировали нас на сезонные абонементные посещения филармонических концертов классической музыки...

Все мы стояли на пороге больших профессиональных и общекультурных знаний, к которым так жадно стремились! Правда, не всем суждено было пройти этот путь до конца...

Глава вторая. УЧЕНЬЕ - СВЕТ !

Не знаю, как кто, а я, с таким трудом поступивший в институт, был настроен на учёбу самым решительным образом. Точнее, на получение образования, а по большому счету - знаний! К тому же, я просто не имел морального права перед своей семьёй - мамой, братом и сёстрами, находясь в институте, - бездельничать.

Впрочем, думаю, что с такими же благими намерениями, хоть зачастую и случайно оказавшиеся тут, были и многие другие мои сокурсники-студенты. Студенты-первооткрыватели. Студенты-первопроходцы. Ведь это нам предстояло закладывать традиции вуза. Ведь это на нас уже должны были равняться пришедшие позднее, поколения новых студентов. И мы это осознавали, не без помощи наших педагогов-наставников. Дай-то Бог, чтобы это оказалось именно так, а не пафосно-декларативным желанием.

Учёба - это каждодневный кропотливый труд, к которому я, деревенский неизбалованный житель, очень даже был привычен. Немного обескураживало то, что находился я в абсолютном неведении от избранной волей случая будущей профессии библиотечного работника, на мой непросвещенный взгляд - чисто женской. Однако, немного успокаивало и придавало весомость малопонятное, но привлекательно-загадочное слово *библиограф*. В моём представлении это было двумя-тремя ступеньками выше, чем *библиотекарь.*

А слова *лекция, семинар, коллоквиум* - звучали загадочно-магически. Все мы с нетерпением ожидали эти самые лекции, семинары, коллоквиумы. А они пока всё не торопились материализовываться. Зато весь сентябрь то и дело раздавались уже набившие оскомину: ремонт, штукатурка, побелка, покраска, погрузка-разгрузка и прочее.

С горем пополам, но к началу октября наспех были оборудованы две поточные аудитории, мест на сто каждая - на втором этаже корпуса, тренажерный зал для хореографов - на первом и с десяток небольших, на 2-3 окна, учебных кабинетов - на третьем и четвёртом этажах.

С трудом припоминаю и не берусь стопроцентно утверждать: а каким же было самое первое аудиторное занятие, не считая, разумеется, общего собрания факультета? По-моему, открыл “форточку” в мир знаний у нас на факультете сам ректор - Николай Павлович Шуранов лекцией по “Истории КПСС”. А может, это был Сбитнев Стас Андреевич с лекцией по “Введению в специальность”, или Линник Антонина Александровна - со своей “Историей книги”. Но непременно кто-то из них. Первые дней десять нашей институтской учёбы

были исключительно лекционными занятиями, по три пары в день.

Наша поточная 202-аудитория, пахнущая ещё свежей краской и известью, шумная на переменах, с трудом вмещавшая весь поток, замирала - до слышимости полёта мухи. Раздавался лишь голос преподавателя, а мы все с жадностью ловили каждое произнесенное им слово, фиксируя всё в своих толстых общих тетрадях.

Столы в длинной поточной аудитории располагались в три ряда, за каждым из которых восседали на стульях по три студента. Сначала занимали их хаотично, потом стали “гнездоваться” на любимых местах, и уже не с кем попало, а избирательно. Я, знавший за собой грешок с детства (ослабленный после золотухи слух), старался сесть поближе к кафедре преподавателя, чтобы получше слышать и поменьше отвлекаться от занятий. Наш мужской “островок” поначалу едва обосабливался среди женского пёстрого раздолья, потом и вовсе стал теряться, перемешавшись - ну, понятно по каким причинам, стали просто завязываться какие-то временные взаимосимпатии, если не сказать большего...

Уже с самого первого учебного занятия я взял для себя за правило - ни одной лекции не сачковать. О прогулах-пропусках - и мысли не допускалось. Самым подробным образом конспектировал всё со слов лектора. Правда, попервости было трудновато угнаться и поймать основную мысль педагога, тем более - успеть правильно записать её в тетради. Уже тогда самостоятельно разработал свою систему сокращений и символьных обозначений часто повторяющихся слов и словосочетаний.

Не без огорчения приходилось иной раз нам, ребятам, даже во время лекций покидать аудиторию. Нас бесцеремонно выдергивали прямо с занятий на какие-нибудь авральные поездки или погрузочно-разгрузочные работы.

Труднее всего было улавливать и записывать лекции С.А. Сбитнева: не всегда его мысли отличались четкостью словесного воплощения. Зато конспектировать за Н.П. Шурановым, А.А. Линник или И.Ф. Сивкиным было достаточно

просто. А всё дело, видимо, было в том, что за их спинами уже стоял довольно богатый опыт вузовского преподавателя.

А вот у Сбитнева его не было вообще, несмотря на феноменальную острую память, большой стаж работы в библиотеках и центре информации и недюжинные теоретические знания. Правда, всё это он компенсировал умением заинтересовать аудиторию теми проблемами, которые нам пока ещё были профессионально неведомы, но которые уже в недалёком будущем предстояло решать на практике. Запомнился его афоризм относительно динамики и диалектики обучения, точнее, перерастания количества в качество: “Дурак, дурак, дурак, а через четыре года - специалист с высшим образованием!” Надо признаться, что на афоризмы и анекдоты Стас Андреевич был просто гениально-неиссякаем. И зачастую все они попадали прямо в “яблочко”, помогая даже на скучноватых занятиях оживиться, лучше понять и усвоить учебный материал.

Вернёмся, однако, к нашей учёбе. Занимались мы в одну смену всеми специальностями, обычно с 9 утра и до двух-трёх часов дня, как правило, не более четырех пар. Но что меня всегда при этом удивляло и поражало, так это то, что нас, основной поток студентов, почти ежедневно утром, уже встречали бегающие в раздевалки и душевые стройненькие хореографички в своей тренировочной “униформе” - непременно потные и разгоряченные. Попадались и пяток-другой хоровиков, занимавших с раннего утра классы со свободными пианино. И они уже успевали “отпахать” по паре.

На общих переменах тёмные длинные коридоры и холлы на каждом этаже заметно оживлялись. В торцах коридоров, у туалетных комнат, в клубах сизого дыма толпились курильщики. Что-то напевали хоровики, крутили фуэте и становились в позиции хореографы, декламировали режиссёры, а то и просто “ба-бу-били”. Галантно, под ручку, не без кокетства, дефилировали с молодящимися педагогами осмелевшие студенточки с режиссёрского, о чём-то, должно быть умном, беседуя. На всё это несколько диковато посматривали, кучкуясь, мы, будущие библиотекари.

Поскольку я, как и многие другие студенты нашего факультета, питал большую склонность к историческим дисциплинам, волей-неволей они и притягивали меня сильнее, чем прочие предметы, особенно по специальности. И тут, уже с самого первого семестра, нам преизрядно повезло. Помимо истории партии - всеобщей и обязательной для студентов всех специальностей, мы, библиотекари, изучали ещё и отечественную (гражданскую) историю и историю книги.

“История книги” в первом семестре у меня была любимым предметом. Вела её опытный педагог из культпросветучилища Линник Антонина Александровна - женщина лет сорока. Кроме общих тем по истории возникновения письменности и книг - от первых папирусных свитков и глиняных табличек древнего Египта, Китая и Греции, первых “библиотечных” собраний царей Ашшур-Банипала и Александрийской библиотеки Александра Македонского; рукописной книги, инкунабул, первых печатных изданий книг и газет - она давала нам и общие знания по книговедению. Душевной песней или красивым стихом, в её устах звучали такие чарующие термины, как: титул, колонтитул, шмуцтитул, конволют, форзац, фронтиспис, пагинация, экслибрис, гарнитура, кегль, петит, курсив...

Все её лекции, не говорю уж про практические занятия, богато и с любовью к своему предмету, иллюстрировались красочными репродукциями, кадрами эпидиаскопов и диапроекторов. Мы будто ходили по выставочным залам музеев и библиотек мира - с редчайшими собраниями раритетов. Частенько бывали у нас и экскурсии - в типографию, библиотеки, библиотечный коллектор, краеведческий музей.

И уже тогда большинство из нас научились ценить и любить книгу - как особое произведение искусства, а не просто “как источник знания” - по Горькому, или как “документ, который должен работать” - по Сбитневу. У Линник было совсем иное отношение к книге - не прагматическое и информационно-потребительское, а эстетико-гедонистическое.

И, видимо, благодаря именно такому отношению к книге кое-кто из студентов, будущих библиотекарей-библиографов и даже преподавателей, позволил себе не совсем законным путём

заполучить в свои личные библиотечные коллекции первые раритеты.

А дело было таким образом. Для формирования учебных аудиторий наглядными пособиями ГПНТБ СОАН, с которой установились добрые отношения благодаря С.А. Сбитневу, Б.Д. Негрееву, Н.И. Кудиновой и другим педагогам нашего вуза, отобрала из своих фондов дубликаты и малоспрашиваемую литературу. Всё это было погружено в две большие крытые машины и отправлено из Новосибирска в Кемерово. Разгружали, как правило, студенты. Ну и...бес попутал, не без влияния всё той же Линник А.А. и её фанатичного предмета. Короче, я, Витя Эрлих, Юра Ли, Володя Грачёв, Таня Ерёмина, Галя Гордукалова (Емельянова) и ещё человека три-четыре кое-что "приватизировали" из той партии подаренных книг. А этим "кое-что" были тома энциклопедических словарей Брокгауза и Ефрон, братьев Гранат, словари Ожегова, Владимира Даля, некоторые отдельные издания Смирдина, Плавильщикова, Сытина и даже 18 века. Так до сих пор в нашей домашней библиотеке одним из самых ценных экземпляров является книга в кожаном переплёте "Исповедания Блаженного Аврелия Августина", изданная в Москве по рекомендации Синода в 1787 году. Да простится нам это прегрешение в книжной клептомании. (А что касается лично меня, то я, похоже, уже вернул похищенное, но иным "товаром"- раздарив по библиотекам, школам, детским домам, друзьям и знакомым почти все тиражи уже *своих восьми книжек*).

Лекции Николая Павловича Шуранова всегда отличались особой чёткостью, идеологической направленностью и непримиримостью ко всякого рода оппортунизму и ревизионизму. Надо отдать должное тому, что за всеми этими "светофильтрами" наши цепкие мозги видели и настоящие, подлинные шаги и этапы нашей отечественной истории, двадцати-тридцатилетнего отрезка которой были свидетелями уже и мы сами.

Кроме Николая Павловича, лекции по "Истории КПСС" читали на разных потоках Шиков Рудольф Сергеевич и Жаворонков Тимофей Николаевич. А Шиков в одной из наших

групп вёл и семинарские занятия. Надо признаться, все они как специалисты, находились на приличной высоте.

Из курса “Общей психологии”, который у нас преподавал Иван Федотович Сивкин - уже довольно пожилой человек из пединститута, от которого постоянно пахло одним и тем же дешёвеньким одеколоном, запомнилось и отложилось немногое. Усвоились типы темпераментов, теория детерминизма, психологической совместимости да психологического стереотипа.

В обязательном порядке для всех были и уроки по физподготовке. Первым преподавателем, с которым мы познакомились ещё во время строительных работ, был Николай Иванович Бабышин. В отсутствии ещё официально назначенного декана, он как-то даже представился нам этим самым деканом факультета. Это был мужчина лет сорока, невысокий ростом, но плотный, с кулаками-кувалдами. И немудрено: не так давно он ещё выступал в звании мастера спорта по боксу, выигрывая различные первенства и соревнования по России. Запомнилась и его “вступительная лекция” по физкультуре. Лектор он, в отличие от спортсмена, был никакой. Язык его - сермяжно-кондовый; расквашенные чужими кулаками толстые губы преизрядно шепелявили, да и сам он очень смущался и волновался, рассказывая нам об истории развития физкультуры и спорта в нашей стране. Зато заметно преображался, когда речь заходила о боксе. И на личных примерах, вроде этого - “я ему ка-а-к врезал, он и тапочки кверху!” - рассказывал нам о своих победах и достижениях.

Сами занятия по физкультуре для меня были, пожалуй, обременительней остальных. И не потому, что я был хилым дохляком и болезненным юношей. Вовсе нет. Скорее даже наоборот. Ну, не с кем мне было соревноваться в беге, прыжках, лыжах, особенно после того, как в группе остался единственным мужчиной. Стеснялся я ещё и потому, что не было у меня для этих занятий даже более-менее приличной спортивной формы - не на что было её приобрести.

Почувствовав и оценив уровень педагогического мастерства наших преподавателей, мы уже не могли

положительно оценивать тех, кто стоял ниже этого уровня. Был случай проявления такого нетерпимого максимализма уже в первом семестре.

В то время у нас в институте, пожалуй, более половины работало преподавателей-совместителей из других вузов города, которых мы за глаза называли *гастролёрами*. Так вот, курс по "Древне-русской истории" нам начал читать преподаватель из пединститута по фамилии Вассер-Гиссер. И уже на самых первых занятиях настроил аудиторию против себя. Чем бы вы думали? - Слабой, на наш взгляд, компетентностью в своей дисциплине. В его лекциях проскальзывали "ляпы", несовместимые с нашими знаниями и пониманиями истории - худо-бедно, а каждый из нас сдавал историю на вступительных экзаменах, и, стало быть, кое-что уже знал. Когда он, в очередной раз "выдал", что христианство на Руси было принято княгиней Ольгой (а не Владимиром, как считалось), мы дружно возмутились и написали в ректорат петицию с просьбой заменить педагога - из-за слабой компетентности этого самого несчастного Вассер-Гиссера. Как ни странно, но после экспертной комиссии наша просьба была удовлетворена. (Хотя княгиня Ольга - и впрямь одной из первых на Руси *лично* приняла *христианство*, как религию).

Наш библиотечно-женский факультет тут же переиначили в пренебрежительный *бабфак.* И не мудрено. Из сотни зачисленных на первый курс (вместе с кандидатами), на первое занятие явилось всего *шесть* представителей сильного пола. Две "мёртвых души" так и не предстали пред наши очи, дав возможность уже в скором времени кому-то из кандидатов-счастливчиков перейти в статус студентов.

Все студенты нашего факультета были разбиты на три учебные группы, с символическими обозначениями: БФ-691, БФ-692 и БФ-693.

БФ - это аббревиатура названия факультета. Первые две цифры - год поступления в вуз, последняя - порядковый номер группы. Кстати, номер моей зачётки и студенческого билета обозначался однозначным числом - цифрой **3.**

Мужское поголовье нашего *бабфака* рассредоточилось следующим образом. В Бф-691 попали: я, Александр Казанцев,

Александр Новиков и Анатолий Дудкин. В группе БФ-692 оказался Юрий Ли, а в БФ-693 - Владимир Грачёв. Кстати, Грачёв - так и проучился все четыре года в единственном числе среди дам, а Юру Ли попеременно, из заочного отделения, дополняли Владимир Есенин и Виктор Эрлих.

Все три моих одногруппника по разным причинам довольно часто пропускали занятия: если Новиков и Дудкин - в основном, по болезни, то Казанцев находил себе дела, по его мнению, интересней и важней учёбы. Не удивительно, что при таком отношении к основному для студента - учёбе, уже после первой сессии я стал терять своих сотоварищей, а ко второму курсу остался в группе единственным из ребят.

Уникальным явлением был Сашка Казанцев (Казанчик), о нём я ещё скажу ниже. В этом месте хотелось бы упомянуть о том, как он учился. Даже осчастливив лектора своим посещением, сидел он, практически не делая никаких записей в своих тетрадях, за исключением названия темы, перечня вопросов и списка рекомендованной литературы. При этом, его цепкая ассоциативная память извлекала из своих закутков на зачетах и экзаменах минимальное количество бит информации, чтобы получить зачет или “удочку” на экзамене. Правда, до поры до времени.

Чтобы не забыть всплывший эпизод, может и не к месту, расскажу про один случай. Кажется, уже во втором семестре у нас был такой предмет, как “Наглядная пропаганда и агитация”. Честно признаюсь – теперь и не вспомню, кто его у нас вёл. Лично для меня, за все четыре года обучения - это было самым мучительным, поскольку там нужно было на ватманских листах тушью рисовать (или писать) различные шрифты и тексты плакатными перьями. Ну, не умел я, хоть убей, провести прямую линию от руки! Ненамного лучше получалось и у Казанцева. Зато таких, как я “художников-оформителей” было предостаточно. Нужно было кого-то из сокурсников просить выполнить эту работу за себя.

Загулявший Казанчик, промотав все деньги, искал - на что бы опохмелиться. Тут подвернулась ему под руку Валька Воронина (Ворона) - разбитная и шустрая девица-москвичка, между прочим, отлично учившаяся. Наглядно-художественный

дар у Вороны был примерно моего уровня, если не хуже. Вот и сговорилась она с Казанчиком за трёшку, что он к утру принесёт ей готовую работу. Трёшку Казанчик взял авансом. Далее - можно отослать всех к “Двенадцати стульям” Ильфа и Петрова, в главу, где Остап Бендер устроился на пароход в качестве художника-оформителя... Заказной “шедевр” Вороны был с позором провален!

Особая роль в усвоении теоретического материала принадлежит практическим и семинарским занятиям, сокращенно - семинарам. Довольно скоро мы оценили и другую их сторону. Дело в том, что только по их результативности в течение семестра можно было проскочить у преподавателя “*на шару*” - получить автоматически зачет и даже экзамен!

Сначала меня несколько обескураживало то, что “на дом”, как в школе, ничего не задавали. И я, придя в общагу, обычно перед сном, накануне следующей лекции бегло просматривал конспекты, дабы оживить содержание предыдущей. Ребята, жившие со мной в одной комнате, посмеивались, потом привыкли и к этому чудачеству: учитель, что с него возьмёшь? Мне же такой прием позволял быстрее войти в новый материал и усвоить предыдущий.

К семинарским занятиям, как и лекциям, относился я не менее серьёзно: самостоятельно конспектировал первоисточники, читал учебную литературу и просматривал конспекты лекций. При чем, практически, по всем вопросам темы. Потом стал хитрить. И не один я.

Относительно конспектирования первоисточников делали примерно так: узнавали, у кого есть компактный конспект с разборчивым почерком, одалживали его на вечер или на ночь и добросовестно “передували”, изредка сокращая и меняя местами слова в предложениях или даже целые абзацы.

Помню, убийственно поразил всех, кажется, Вася Павловский, великовозрастный добросовестный студент с РБ, законспектировав в библиотеке полностью работу В.И. Ленина “Что делать?” - на целую большую, в 96 страниц, общую тетрадь! Дивиться на это “чудо” ходили к ним в 47-ю комнату общаги едва ли не целыми делегациями. Ну, нет, такого даже мне, весьма прилежному студенту, было не под силу.

Семинар для многих - что пытка: спросят - не спросят? И по какому вопросу? Ожидание - тягостней всего. Сидели, как затаившиеся мышки, пока преподаватель не выбирал для ответа “жертву”. Вставшая “жертва” начинала что-то произносить, косясь в свои записи или учебник. Остальное большинство сидело, уткнувшись в конспекты, уже по следующему вопросу, не слушая отвечающего, чтобы хоть что-то “прокукарекать”, если окажешься очередником. Потом как-то само собой страх спадал и появлялся даже какой-то азарт: авось, да пронесёт...

Голь на выдумки хитра. Это и про нас, студентов. Чтобы не быть врасплох застигнутыми, стали заранее распределять: кому и по какому вопросу отвечать на следующем семинаре, получая “плюсики” иль “крыжики”. Распределяли и дублёров, на всякий пожарный случай, и дополнительных ответчиков. И теперь, уже на семинаре, не ожидали: кого застигнет преподаватель врасплох и вызовет на экзекуцию, а сами напрашивались на ответы и дополнения.

Честно признаюсь, никогда не любил выступать в качестве основного отвечающего (как это делал в своей группе Грачёв). Мне больше нравилось “встревать” в дополнениях: где-то что-то, да я и знал больше того, чего не успели “выдать” или забыли докладчики. Два-три раза за семинар я непременно делал двух-трёхминутные дополнения, что позволяло беспрепятственно проходить “контрольные точки”, а потом и получать досрочно или в сессию зачеты и некоторые экзамены “автоматом”.

Бывали и иные уловки. Так, ребята с режиссерского иногда на семинарах разыгрывали целые спектакли, излагая тему “по ролям” - в диалогах и даже в дискуссиях, якобы, в предлагаемых обстоятельствах.

Доводилось и нам уводить преподавателя в сторону от основной темы. Чаще это случалось, когда группа не была готова к семинару. Изучив психологию и особенности некоторых преподавателей, умудрялись “сесть на их любимого конька”, чтобы они сами, упиваясь собственными знаниями и любимой темой, проговорили целую пару вместо студентов. Далеко не со всеми, но такое удавалось.

Алексей Васильевич Циркин - любитель пикантных подробностей из личной жизни отдельных самодержцев и их фаворитов - нередко смаковал о женских слабостях Екатерины Второй, женах Ивана Грозного, любовницах Петра Третьего или всех трёх Александров...

Владимир Васильевич Стрик - поклонник Василия Осиповича Ключевского - если удавалось из уст какого-либо студента услыхать продекламированную фразу из любимого историографа, расплывался в улыбке и мог ещё минут десять-пятнадцать по памяти продолжать цитировать далее, подтверждая или развивая “студенческий тезис”.

Однажды, на семинаре по библиографии художественной литературы, у Натальи Петровны Захарчук, раскрывая принцип партийности отбора и библиографирования художественной литературы, я спровоцировал её на дискуссию примером из Роже Гароди. Был такой современный философ, писатель и партийный деятель во Франции и мировом коммунистическом движении. Накануне вышел у нас, в СССР, перевод его книги “Реализм без брегов” - философско-эстетического направления, получивший широкий резонанс и положительную оценку на высшем официальном уровне. Но уже где-то через год книга эта попала в спецхраны библиотек - лишь на том основании, что её автор, член ЦК компартии Франции, стал исповедовать такое политическое направление, как еврокоммунизм, был исключен из ФКП и заклеймён, как ревизионист и ренегат. В это же время жесточайшей опале подвергся и наш, отечественный писатель и правозащитник Александр Солженицын, попавший в диссиденты. Его повесть “Один день Ивана Денисовича”, напечатанная А. Твардовским в “Новом мире”, ходила у нас по рукам. И вот вам - оплеуха всему социализму и советскому строю - “Архипелаг ГУЛаг”, который из нас, конечно же, никто не читал, зато о нём трезвонили на всех углах...

Меня поддержали некоторые мои ретивые одногруппницы. Весь семинар прошел в духе вольтерьянства, а Наталья Петровна, раскрасневшаяся и растерянная, в душе, видимо, соглашавшаяся с нами, пыталась всячески развеять наши “заблуждения” и отстоять официальную версию. По тем

временам за такие семинары могло преизрядно достаться не только студентам, но и ей самой - в первую очередь, стань это достоянием “гласности” нашего “всевидящего ока”. А сексотов хватало. В каждом институте был такой “куратор” из КГБ, получавший агентурную информацию из “первых рук”... Но - Бог миловал.

Никогда не составляло большого труда увести в сторону от разговора Бориса Дмитриевича Негреева. Тому же это, кажется, было даже намного интереснее довольно скучноватой “Библиографии технической и естественно-научной литературы”, хотя и в ней он был настоящим докой. Стоило лишь подать повод - и он мог говорить о чём угодно. Азарт эрудита и спорщика просто приятно поражал нас всех. Его память была феноменальной, реакция мгновенной, диапазон знаний - энциклопедический, мастерство дискутирующего и находчивость - позавидовал бы любой капитан КВН самой высшей лиги.

Гораздо серьёзнее стали мы относиться к учёбе, кажется, на старших курсах - и уже не всеядно, без разбора, а избирательно. У каждого из нас стал формироваться какой-то стержневой интерес. Так, я и Виктор Эрлих больше тяготели к историческим дисциплинам; Юра Ли - к философии и эстетике, Володя Грачёв - к эстетике и литературоведению. Володя Есенин, как ни странно, совмещал тягу к философии и общественным наукам со спецпредметами, связанными с информационным сервисом.

Относительно Владимира Грачёва хочется тут сказать несколько подробнее. Умел, умел он уже и тогда зарыться вглубь. Я припоминаю, насколько серьёзно он отнёсся к проблематике “Маленьких трагедий” Пушкина - уже на втором курсе обучения. Никто его специально на это не подталкивал и не ориентировал. Тогда мы с ним были на практике в Томской университетской библиотеке. После обязательных часов “отработки”, он достаточно много времени проводил в читальных залах библиотеки, штудируя пушкинистов. И написал такой реферат - не стыдно было бы показать его и на филфаке МГУ, не то, что на нашей студенческой научной конференции.

Примерно в то же время он всерьёз увлёкся и изобразительным искусством. Много денег тратил на приобретение альбомов живописи. Как сейчас помню, каким счастливым он выглядел, принеся в общагу из книжного магазина двухтомник Франсиско Гойи в твёрдой суперобложке - “Капричос”! А альбом этот и по тем временам стоил немало. Так вот, в том же Томске, Грачёв параллельно с “Маленькими трагедиями” готовил и ещё один реферат, кажется, по творчеству Джотто. Оба этих реферата получили самую высокую оценку на научной студенческой конференции.

Интересовался он и театром, и кино, регулярно покупая и читая журналы “Театр” и “Искусство кино”. Мы же ограничивались чаще популярным “Советским экраном”, а потому наши мнения частенько разнились при оценке того или иного фильма настолько, насколько они отличаются у рядового зрителя от киноведа.

Спецификой нашей учёбы было ещё и то, что практически все студенты всех специальностей достаточно много времени проводили в читальных залах библиотеки. И не какой-нибудь массовой районной или городской, и не вузовской - областной научной. Дело в том, что наша институтская библиотека только-только начинала формировать свои фонды. Была очень бедненькой, и рекомендованной литературы там либо не было, либо было в недостаточном количестве. Обычно, в областную библиотеку записывали студентов только старших курсов. Для нас же сделали исключение - разрешили пользоваться фондами и читальными залами с первого курса. Довольно скоро мы освоили на практике систематический и алфавитный каталоги и некоторые другие виды вспомогательных каталогов и картотек. На кафедрах выдачи литературы нас знали уже не только в лицо, но и по фамилиям. И самым “забойным” библиотечным днём было воскресенье - хочешь, не хочешь, а уже с утра мы отправлялись туда, как на занятия. Правда, иногда и не доходили до неё, остановившись в каком-нибудь кафе “Цыплята-табака” и приняв по соточке-другой винца. Какая после этого библиотека?

Чему нас только не учили за эти четыре года?! Впрочем, были и учебные программы с планами, утвержденные на самых

высоких уровнях системы образования. Я и сейчас считаю, что мы на нашем бибфаке получили, пусть и несколько поверхностные, но достаточно обширные знания в области мировой и отечественной истории, литературы, искусства, философии, политэкономии, иностранных языков. Не говорю уж про спецдисциплины. Да и в смежных специальностях друг от друга мы кое-чего умудрились поднахвататься.

Доходило до смешного. Многие наши однокурсники долгое время не знали и не верили, что мы, нормальные с виду ребята, учимся на библиотечном факультете. Так, режиссёры были убеждены, что мы - какие-нибудь музыканты или хореографы; дирижеры считали нас хореографами или режиссерами; хореографы - что мы музыканты или режиссёры. И были немало изумлены, узнавая нашу истинную специальность.

Попутно хочется предположить, что я, пожалуй, и впрямь смог бы учиться на режиссёрском отделении, если бы, конечно, удалось туда поступить. К тому же, я неплохо пел и играл на гармони и гитаре. Грачёв - с успехом мог бы учиться на любой специальности. И я несколько даже удивляюсь, почему это его давний приятель Сергей Моисеевич Ройтберг не сагитировал на режиссуру? Помимо прочего, у Грачёва за плечами была и музыкальная школа, а на баяне - он смог бы дать фору и не одному хоровику, да и в танцах - кое-каким па и позициям он был тоже обучен. Вполне потянул бы на режиссуре и Юра Ли, если бы сумел преодолеть свою природную скромность и застенчивость. Музыкальную школу в своё время закончил и Виктор Эрлих, кажется, даже учился вместе с Володей Агарковым - аккордеонистом-виртуозом со второго набора, но играл наш библиотекарь на баяне безобразно-плохо, и то всего один-два вальса, как мы шутили - “На сопках зажмурься”.

Чего греха таить, но почти все мы, ребята, втайне подумывали о переводах в пединститут на исторический или филологический факультеты. Особенно, когда какие-то предметы у нас читали преподаватели оттуда. А Володя Грачёв на втором курсе даже стал похаживать параллельно на некоторые дисциплины в пединститут и был настроен весьма

решительно на перевод. Кажется, немало тому содействовал и Василий Михайлович Потявин, с которым они были летом в фольклорной экспедиции на Байкале. Да и декан филологического Данков - по-моему, тоже уже был не против того, чтобы перевести Грачёва на филфак. Уж что или кто нас удержал от этих шагов - теперь и не припомню...

Хотя, Александр Новиков, кажется, всё же делал повторную попытку поступить на биологический факультет. А Виктор Эрлих всё же осуществил свою мечту, заочно окончив истфак университета, но уже после окончания нашего факультета. Имея два высших образования - прекрасно сочетает знания того и другого в своей научной и педагогической деятельности. Что ж, видимо, и вправду - приобретенные знания - это тот капитал, которому никогда не страшны никакие инфляции.

Глава третья. **НАС ВСЕ УЧИЛИ ПОНЕМНОГУ…**

Кого только не было у нас в учителях за четыре года?! Нетрудно произвести грубый приблизительный подсчет. В каждую сессию мы сдавали обычно по 4-5 экзаменов и по 6-8 зачетов, итого – примерно по десять предметов. В год, стало быть, около двадцати. Эти двадцать предметов вели порядка15 преподавателей. Помножим это количество на четыре, получается 60. Округлим до пятидесяти. В общем, не менее полусотни набирается. А это – уже не малое количество! И каждый из педагогов – личность, специалист в своей профессии и учебной дисциплине!

Боюсь кого-либо упустить или забыть, а, не упомянув, незаслуженно обидеть. В принципе, все они достойны уважения и всяческих благодарностей, несмотря на различный уровень педагогического мастерства, личные качества и слабости, объективность или субъективность оценки наших знаний, тактики поведения со студентами и коллегами. Не в этом дело. Дело в том, что они стремились отдавать, веря, что их предмет – едва ли не самый главный в профессиональной подготовке, грамотно и добротно внося свою лепту в то, чтобы за четыре года обучения «дурака» трансформировать в «квалифицированного специалиста».

Ещё до недавнего времени я помнил абсолютно всех преподавателей, и что из них кто нам преподавал. Увы, память стала частенько подводить. Однако, постараюсь кое-что повспоминать, напрягая её, и цепляясь от узелка к узелку.

Начну, пожалуй, с наших воспитателей. А это – декан и кураторы. И если декан – должность вполне официальная и оплачиваемая, то куратор – довесок к обязательной полной учебной нагрузке, за который, кроме взбучек и порицаний со всех вышестоящих инстанций вуза, преподаватель ничего не имел. И если декан назначался ректором, то куратор назначался уже деканом с согласия Совета факультета. В практику нашего факультета вошло назначать кураторами групп опытных преподавателей, ведущих спецдисциплины. Но это было позднее. А поначалу нам определяли кураторов по иным соображениям.

Самого первого куратора своей группы, к стыду своему, я не помню. Кажется, это была молоденькая преподавательница немецкого языка, которой до дел и учёбы группы было, как «до лампочки». Зато потом куратором нашей БФ-691 стала, опять же преподаватель немецкого языка, не так давно пришедшая в институт из общеобразовательной школы, Эрна Давыдовна Антонова. Женщина премилая и добрая. Казалось, она рождена была для этого общественного поручения – опекать и организовывать группу на всевозможные благие дела.

Зная по собственному опыту (а я выпустил три группы, т.е., позднее был куратором аж 12 лет), каждый наставник обязан был иметь развёрнутый план работы на семестр и на год, утвержденный деканом или заместителем декана по воспитательной и учебной работе факультета. И за эту работу в конце учебного года, да и по ходу обучения, непременно нужно было отчитываться о проделанном. При этом, едва ли не каждую неделю проходили кураторские часы, на которых подводились поимённо итоги учебы, пропусков занятий без уважительных причин, разбирались неблаговидные поступки студентов, говорили о насущном и наболевшем, проводились политчасы и политаттестации. Да чего только не бывало на наших кураторских часах в эпоху формирования активной жизненной позиции советского гражданина и студента!

Так вот, куратор по тем временам – что курица-хохлатка, выводившая своих цыпушек на птичий двор. Такой и была наша Эрна Давыдовна, которую за глаза мы называли просто по имени – Эрной, старше нас всего-то лет на десять. Но нам тогда казалось это большой разницей.

До сих пор со смехом и смущением при встречах вспоминаем один курьёзный случай. На втором курсе, в нашей 202-аудитории учебного корпуса мы отмечали новый 1971-й год всем факультетом, уже и со вторым набором. Перед тем, как спуститься с пятого этажа, где мы уже жили, как в общаге, «приняли» для куражу граммов по двести вина. Расхрабрились, раскрепостились, прихамели. Заиграла музыка, и я пригласил Эрну на танго, бесцеремонно отбив её у партнёра – небольшенького моложавого мужчины. Танцуя, я допустил вторую бестактность, поинтересовавшись у неё:

- Эрна Давыдовна, а это кто с Вами? Ваш младший брат?

- Витя, неужели я выгляжу такой старой? – обиженно ответила она, смутившись. - Это – мой муж…

Самые тёплые отношения с Эрной Давыдовной сохранились у нас и до сих пор. К сожалению, я слишком поздно познакомился лично с её мужем – замечательным общительным и остроумным человеком – Борисом Семёновичем Антоновым – талантливым журналистом и писателем…

На последнем курсе Эрну Давыдовну на кураторском посту сменила совсем ещё юная выпускница филфака пединститута Людмила Алексеевна Ходанен, которая вела у нас античную и зарубежную литературу раннего средневековья. Конечно же, того доверительного отношения, как с Эрной, у нас с ней не сложилось – почти наша ровесница, а кое-кого и помоложе. А преподавателем она была от Бога, это чувствовалось уже с первых лекций. До сих пор помню её интонации и цитаты из Гомера, вроде этой:

«Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос…»

Проводились у нас с новым куратором и кураторские часы, и культпоходы в кино и театры, и субботники с воскресниками…

Вторую группу (БФ-692) курировала сначала Раиса Павловна Украинчик – экспрессивный неугомонный человек,

преподаватель физвоспитания, судья международной категории по велогонкам, организатор и руководитель всех картофельно-полевых работ на факультете, да и в институте тоже. Это не без её участия факультет выступал на разных соревнованиях, эстафетах и прочих спортивных мероприятиях города, области и вузов, завоёвывая кубки, грамоты и призовые места. Это с ней на Первое мая 1971 года, после демонстрации, выезжали на речном теплоходике по Томи в поход на Писаные скалы…

Как же она расстраивалась и переживала до слёз, когда у неё, на третьем курсе, «отобрали» группу и передали кураторство Борису Дмитриевичу Негрееву – преподавателю специальной дисциплины. Конечно же, Борис Дмитриевич, при всех своих положительных качествах, значительно уступал в кураторстве Раисе Павловне или Эрне Давыдовне. Видимо, тут несколько причин. Одна из них – курировать мужчине женскую группу значительно дискомфортнее, чем женщине, ну, не был он рождён Антоном Макаренко. Второе – это невероятная природная лень нашего уважаемого Б.Д. К тому же, к третьему курсу, мы и сами значительно меньше нуждались в кураторской опеке, чем в начале обучения в вузе.

Куратором третьей группы, по-моему, была Лидия Петровна Борцова, преподаватель французского языка, или, как её все называли неофициально между собой – Франя.

Самым первым объединённым деканом, на первом году обучения, был Тимофей Николаевич Жаворонков - лет сорока пяти, грузный, с одутловатым красным лицом, белёсыми редкими волосами, зачесанными назад. Видимо, человеком он был мягким, добрым и не очень скандальным. По крайней мере, лично я у него бывал нечасто и разносов от него не получал, в отличие от того же Казанчика. Скажу одно, что за этот год его деканства неприятностей со всеми нами он хватил преизрядно, и убавили мы его жизнь не на одно лето. К тому же, обидели его - обидели незаслуженно. Как-то уж все разом забыли в суете и спешке пригласить его на выпускной вечер, а сам он без приглашения прийти на последнее наше узаконенное пиршество постеснялся. Да простится нам и эта забывчивость…

И, тем не менее, основным объектом студенческого юмора, песен, легенд, приколов и анекдотов стал всё же не

Тимофей Николаевич, а Циркин Алексей Васильевич – первый дифференцированный декан библиотечного факультета – со второго курса и по самый выпуск. Это про него мы певали в шуточной песенке:

«Сам Циркин сказал, чтоб стипендию дать,
Да поздно уж - ноги остыли…»

Как декан, он стоял во главе всего учебного процесса на факультете. И не в пример тому же Тимофею Николаевичу или Рудольфу Сергеевичу стремился вникать в суть библиотечной профессии. Как доцент, вёл он у нас «Историю СССР», по-моему, со времен Ивана Грозного (или «смутного времени») и до реформы 1861 года. Свой предмет он знал и любил, пожалуй, даже не меньше, чем археологию, изучение которой у нас в институте предусмотрено не было. Зато каждое лето организовывал на сезон-два археологические экспедиции, набирая студентов и некоторых отдыхающих преподавателей. Летом 1978 года в такой экспедиции (уже преподавателем) побывал и я – на раскопе поселения «Глинка», в районе Осинового Плёса, на стрелке впадения Средней Терси в Томь. Там он раскрепощался и становился совершенно иным человеком, с которым можно было и пошутить, и потравить анекдоты, и поточить лясы о молодых женщинах, и даже выпить винца или спирта, который у него всегда имелся в заначке – для экстренных случаев.

На факультете КПР Жаворонкова на посту декана сменил Николай Фёдорович Аксёнов – сухопарый, седовласый, стройный преподаватель политэкономии. Ветеран-фронтовик, он ушел на фронт почти пацаном (самым выбитым годом – 1924 года рождения) после Кемеровской аэрошколы. Так что воевать ему пришлось, в основном, в небе. Сбил девять вражеских самолётов, всего одного самолёта не хватило ему до Звезды Героя. Студенты его очень уважали и любили, едва ли не в глаза называя «Батей». А это – многое значило. И ко многому обязывало. Стало быть, имел и он на то моральное право – «казнить и миловать», но по-отцовски. Уж кому-кому, а ему его «артисты» доставляли немало сюрпризов, куда больше, чем мы своему Циркину.

А педагог он был классный! Читал у нас на потоке политэкономию два семестра. Да так, что я едва ли не проникся к ней большим уважением и не подался в экономисты. «Капитал» Маркса штудировал я на совесть, не в пример сиюминутным работам В.И. Ленина – с удовольствием и увлеченностью. И знаменитая формула «Товар-деньги-товар», как в простом, так и в расширенном воспроизводстве, у меня втемяшилась и по сею пору. Увы, только теоретически.

Способствовала усвоению теоретического материала и Валентина Фёдоровна Горданова – молоденькая выпускница педагогического института, распределившаяся к нам на преподавательскую работу вместе со своим мужем Валерием Петровичем.

Стоит тут сделать небольшую оговорку: материал по политэкономии капитализма усваивался и понимался мною, да и многими другими студентами, значительно лучше, чем социализма. Как-то уже на последнем курсе, забрёл к нам в общежитие Николай Фёдорович Аксёнов, а посещать общагу в те времена было для педагогов едва ли не обязанностью. Я, уже женатый и считавший себя вполне взрослым, пригласил его к себе в комнату поужинать. Ну, приняли мы с ним по соточке, разговорились про рыбалку. Я взял гитару, песенки стал петь. И, надо же, спел ему популярную в то время шуточную песенку, про то, как царь Николашка правил на Руси. А во втором или третьем куплете речь уже пошла про Сталина, где его тоже «маленечко того, и вот всю правду мы узнали про него…» Николай Фёдорович сделался серьёзным и даже обиделся.

- Ты, это самое… Плохая песня.

- Почему? - спросил я, прекратив пение.

- Ты, это самое… Я в атаку ходил – «За Родину, за Сталина!»

- Но ведь – репрессии, сплошные лагеря. Колхозники стали по сути крепостными крестьянами, - заикнулся я.

- Да, было и такое… Но войну – без него бы не одолели такого врага. Не трогайте его…

Тогда же у нас зашел разговор и о политэкономии. И я высказал своё мнение, что вот, дескать, политэкономию капитализма я лучше понимал. И, как предмет, она мне больше

нравилась, чем политэкономия социализма. Николай Фёдорович усмехнулся в свои усы и припечатал:

- Милый ты мой! Политэкономию капитализма кто исследовал и обобщал? - И тут же, не дожидаясь ответа,- Адам Смит, Риккардо, Карл Маркс! А это – имена! А в политэкономии социализма кто? – Иванов, Петров да Сидоров! Улавливаешь разницу?! В том-то и дело, это самое…

Пожалуй, эту главу следовало бы начать с ректора. Я, за 27 лет пребывания в институте, пережил пять ректоров. Есть с кем и с чем сравнивать. И все последующие ни в какое сравнение не шли с самым первым ректором – Николаем Павловичем Шурановым. Пусть и было для него необычным специфика нового вуза. Но к своей работе он относился самым серьёзным образом. Все первые этапы становления и развития вуза связаны с его именем. Николая Павловича всегда отличала высокая интеллигентность, практически во всём: в его поведении, общении с коллегами, студентами, умении находить контакты в Обкоме, Горкоме, Министерстве. Двери его кабинета были всегда открыты и для преподавателей, и для техничек, и для всех студентов. Это при нём был построен Главный корпус института, это при нём было сдано новое общежитие гостиничного типа – едва ли не самое первое в городе. Немалая заслуга принадлежит ему и в том, что он прекрасно понимал значение своих собственных педагогических кадров. И уже самые первые выпускники, обоймами, по всем специальностям вуза, направлялись в Москву и Ленинград – на стажировки и в аспирантуру. Его всегда выгодно отличали тактичность со всеми и невероятная выдержка. Я, за семь лет общения с ним, как с ректором, ни разу не видел его вспылившим и повысившим голос! Его отличная память на лица и фамилии уже с первого курса позволяла ему знать не только всех педагогов, включая и почасовиков-совместителей, но и всех без исключения студентов! И это – не хвалебная гипербола, а самая настоящая реальность. Частенько ему доводилось, как ректору, выступать на различных торжественных и официальных мероприятиях. И многие его эмоциональные и зажигательные речи завершались цитатой-напутствием из любимого им поэта – В. Маяковского:

«Светить всегда, светить везде,

До дней последних донца!
Светить – и никаких гвоздей!
Вот – лозунг мой. И Солнца!»

С преподавателями общественных дисциплин нам вообще везло.

До сих пор помню, какими чёткими были лекции по философии, которые читал преподаватель-совместитель из КузПИ Василий Степанович Брюхов (будущий ректор института после Н.П. Шуранова). В каждой лекции было неизменно по три вопроса. Изложение – как по полочкам, самых трудных и каверзных проблем. И третьим вопросом – непременно критика буржуазных теорий и течений в рамках данной темы. Конечно, изучать нам пришлось тогда только марксистско-ленинскую философию и, как говаривал поэт: «Мы диалектику учили не по Гегелю», а в «транскрипции» Василия Степановича. Тогда вообще обращаться к первоисточникам (за исключением работ классиков марксизма) было не принято и даже чревато последствиями. С мировой историей философии мы были знакомы весьма и весьма поверхностно, опять же, чаще всего с точки зрения «третьего вопроса» нашего лектора. Усвоению теоретического материала немало способствовали и семинарские занятия, которые довольно грамотно и интересно вела Наталья Ильинична Хрусталёва. И за то им – низкий поклон! По крайней мере «Диамат» нам был гораздо понятнее «Истмата», примерно по тем же причинам, что и политэкономия различных формаций.

Что такое «Научный коммунизм» - я так и не понял даже тогда, четко не уловив объекта и предмета изучения, не говоря уж про специфические методы, коими препарирует любая наука. Вела его у нас преподаватель с декабристской фамилией – Лунина, кажется, Людмила Владимировна. Мои хитроумные семинарские «дополнения» позволили получить по этому предмету экзамен автоматически.

Исторические дисциплины мы проходили едва ли не в университетском объёме, пусть и в несколько сокращенных вариантах.

Так, «Историю древнего мира» читала у нас преподаватель из пединститута некто Десницкая – хромоногая и

весьма зловредная дама, далеко забальзаковского возраста. Ей же достались и ранние Средние века зарубежья – с крестовыми походами и многочисленными войнами. Это ей Сашка Казанцев, пропуская почти все занятия, сдавал зачет семь (!!!) раз. Даже и при специальной комиссии, кои создавались в спорных ситуациях. Это она ломала на приёме зачетов карандаши с указкой и выбрасывала в коридор зачётку и хилую тетрадку Казанчика. Это её он так и не одолел, вылетев из института. Едва не срезался на зачёте и я, на каком-то крестовом походе и доже Дондоле, «заведя» крестоносцев по карте, как Сусанин поляков, куда-то совсем по другому маршруту.

Позднее Средневековье и Новое время мы слушали в интерпретации Валентина Гавриловича Павленко («Генриха Второго Плантагенета») – замечательного, увлеченного, по-хохляцки «гэкающего» и окающего, прекрасно знающего свой предмет, педагога – впоследствии декана исторического факультета КГУ. С ним у меня сложились взаимосимпатии ещё на вступительных экзаменах и при зачислении в институт. Это он разрешил мне на экзамене по «Новой истории» взять другой билет и при этом – поставил оценку «Отлично».

«Новейшую историю» вела Марина Александровна Кудрявцева – жена, кажется, какого-то дипломатического работника. Уж каким ветром занесло её к нам в Кемерово? Женщина уже немолодая, седоватая, с ослабленным слухом, но деликатная и тактичная, несомненно, много знающая и повидавшая, прекрасно разбиравшаяся в современной геополитической обстановке. Это с её слов до сих пор в голове моей сидят и правят всякие правители, типа Кваме Нкрума, Модибу Кейта, Секу Туре, Сиримава Бандаранайке, Голды Мейер, Джавахарлал Неру, Жискар Д Эстен, Сукарно, Сухарто, Субандрио… (Боже, откуда это и для чего хранится в памяти?)

Владимир Васильевич Стрик – царство ему небесное – кажется, всю жизнь комплексовал из-за своего физического недостатка – горба; умница, эрудит, умевший порой высказать и отстоять свою точку зрения на историю и современность, отличавшуюся от официальной версии. Я уже упоминал его любовь к историографу Василию Осиповичу Ключевскому. Благодаря Стрику, и мы, студенты, почитывали исторические

очерки этого автора. Увлекался и боготворил Владимир Васильевич и ещё одного исторического корифея – Евгения Викторовича Тарле. Его, порой монотонные, лекции вдруг прерывались цитатами - коленцами самозабвенно токующего глухаря, и тогда он выглядел поистине красивым и могучим!

С изучением литературы нам повезло не менее, чем с историей. Я уже упоминал Людмилу Алексеевну Ходанен – из молодых да ранних! Её лекциями можно было и впрямь заслушиваться, а после них – бежать в библиотеку, взять книгу и читать, читать, читать… Кстати, сейчас она – профессор, завкафедрой КГУ, доктор филологических наук.

Ярчайшей фигурой для всех нас, студентов БФ, был профессор всё из того же пединститута Василий Михайлович Потявин – уже пожилой толстячок на коротеньких ножках и с пухлыми небольшими ручками, в толстых очках. Читал он нам «Фольклор» и «Древне-русскую литературу», аж в течение двух семестров. Мог наизусть целыми страницами цитировать из древне-русских шедевров изящной словесности. И уже ему мы на коллоквиумах и экзаменах, как стихотворения, выдавали наизусть: *«Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы…»*

Это благодаря ему, мы читали тексты былин, сказок, сказаний, апокрифов, жития святых. Это он, оригинально, на старо-русский манер, произносил имена и фамилии: Пётра Первый, Михайла Ломоносов, Гаврила Державин, Карла Маркса… Это он лицедействовал на своих лекциях, как артист со сцены. Объясняя нам, что такое *энклитики и проклитики*, он, приподнявшись на носочки, разведя ручки в стороны, красивым приятным баритоном выводил на всю аудиторию:

«Ой, да ты, кали-и-и-ну-у-шка-а-а-а,

Ой да, раз-мали-и-и-ну-у-шка-а-а…»

«Введение в литературоведение» читал строгий на вид и в своих действиях доцент педагогического Микешин (запамятовал имя-отчество) – излагая теорию и тут же подтверждая всё на конкретных литературных примерах и именах.

А Пудалова Любовь Антоновна?! Со своим «золотым русским веком»! Но в душе-то и в диссертации с монографиями – здесь, на нашей грешной Кузнецкой земле, с её прославленным сыном-современником Василием Дмитриевичем Фёдоровым из Марьевки.

А Рыленков Анатолий Николаевич? Знаток и ценитель творчества Соколова-Микитова, сын русского поэта Николая Рыленкова, (помните: «Ходит по полю девчонка – та, в чьи косы я влюблён!»). Мог часам рассказывать о личных знакомствах с Александром Трифоновичем Твардовским или Леонидом Максимовичем Леоновым – благодаря папе, конечно. А леоновский «Русский лес» со знаменитым символом малой Родины России – *родничком*? По-моему, в печёнках не только у одного меня. Или Никита Моргунгок из поэмы Твардовского «За далью даль»: «Посеял *бубочку* одну, и та – твоя!» Да разве только одна такая «бубочка» навеки втемяшилась в наши головы?!

Ляхова Валентина Васильевна, пока ещё Вахрушева. Ей достались «Современная литература народов СССР» и «Детская литература». Голос – нудноватый, глухой; взор – тоскливо-пренебрежительный, вид усталый, изнуренный; будто, даже читая лекции, она думала о чём-то сугубо лично своём, тоскливом и неблагоустроенном. «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле»… «Дикая собака динго или повесть о первой любви»… Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Нодар Думбадзе, Олжас Сулейменов, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Василь Быков, Андрей Макаёнок, Мустай Карим, Эдуардас Межилайтис, Юхан Смуул, Якуб Колас, Мариэтта Шагинян… Боже, целая Плеяда ярчайших и самобытнейших поэтов и прозаиков – наших современников – из братских народов и республик, тогда ещё, казалось, незыблемого и нерушимого Советского Союза! И всё это – из уст Ляховой, то бишь, Вахрушевой Валентины Васильевны. Да разве смог бы я или кто другой, когда-либо, всего за один семестр, хоть и галопом, но почитать, или хотя бы полистать этих поистине литературных советских колоссов?! Так как же не быть благодарным и этому педагогу?!

«Серебряный век» русской литературы достался на долю Валерия Анисимова – нашего комсомольского вожака, которому преизрядно намылили холку за недогляд в связи с нашей стихийной демонстрацией. А тут уже попахивало не символизмами, акмеизмами, имажинизмами, или футуристическим «Облаком в штанах» любимого им раннего Маяковского, а вполне реальной «Анафемой» или даже «Семью повешенными» Леонида Андреева.

Казаков Леонид Иванович – Лёня – холёный, розовощёкий, весь в мохере и «фирме», только что вернувшийся из заграницы, не то Алжира, не то Марокко или Туниса; владеющий едва ли не в совершенстве французским и итальянским языками. Ему ли не вести было «Зарубежную литературу», с эпохи Возрождения и чуть ли не до современных Джеймса Олдриджа, Эрнеста Хемингуэя, Грэма Грина и Джерома Сэлинджера? А Золя, Мопассан, Бальзак? И ведь всё-то выпытывал: «Этого читал, а этого, а того?» А когда читать такую прорву, если только у Голсуорси в «Саге о Форсайтах» - несколько томов, а Золя, со своими «Ругон-Маккарами», и вовсе несколько десятков! Это вам не какую-нибудь одну «Жерминаль» или «Нана» прочесть. Помимо них – читать хоть и в самом деле интересно – совсем тягомотина каких-нибудь Филдинга или Лоренса Стерна… А куда деваться? И ведь глотали, как Шарик комочки «педигри»: тексты, тексты, тексты… Не разжевывая, и не смакуя. Для себя я устанавливал норму – 80 страниц в час. Какой уж там кайф, какое уж тут любование стилем и художественными особенностями? Фабулу бы уловить, имена не перепутать на экзамене.

А вот это как раз и требовала от нас эстетствующая Инна Семёновна Тимошенко: «Художественные особенности творчества И.С. Тургенева», «Художественные особенности стиля Н.В. Гоголя»… Да не просто так, общими фразами – на конкретных примерах, на примерах. И, глядя на всех нас, - брезгливая, презрительная кривая ухмылка, дескать, куда уж вам, лопухам-невеждам, вчера ещё лаптем щи хлебавшим? Разве что Грачёв! Ну, ещё две - три студентки, вроде Тани Ерёминой, Зины Григорьевой или Галки Емельяновой. Ну, и мы, презренные невежды, платили ей той же монетой. Недаром ведь

Иван Федотович Сивкин вещал нам про психологическую совместимость. Да и русская мудрость гласила: «Как аукнется, так и откликнется».

Оригиналом, как и во многом другом, в методике преподавания был проректор Юрий Васильевич Изюмский, в задачи которого входило посвящение нас в азы педагогики. Сам предмет, правда, носил направленность на общеобразовательные школы, хотя должен бы быть ориентирован на самодеятельные творческие коллективы или на педагогические аспекты работы с различными категориями читателей. Видимо, всё это пришло позднее, хотя диссертация нашего уважаемого «Песталоцци» была по закрытой теме, а точнее – педагогическим приёмам перевоспитания в пенитенциарных системах.

Так вот, излагая любую тему, наш «Сухомлинский» любил щегольнуть конкретными примерами «радостного обучения», взятыми непосредственно из студенческой жизни, коих всегда было в изобилии. Все примеры носили в основном направленность на то, как не надо себя вести и поступать. Доставалось всем «на орехи», но чаще всего объектом воспитания нашего «Яна Амоса Каменского» становился уже далеко не мальчик Вова Грачёв. Он, кажется, ко всему этому уже стал привыкать, и на каждой лекции ожидал: где и в каком контексте его фамилию «Константин Ушинский» просклоняет на сей раз. И порой даже удивлялся: как это, мол, так, сегодня обошлось без примера? Ан - нет, рано возрадовался, уже к самому звонку – да и да…

Особая роль в формировании нас как специалистов принадлежала преподавателям специальных дисциплин. Так, Стас Андреевич Сбитнев, которому в рамках этих мемуаров будет ещё отведена отдельная глава, был своеобразным многостаночником. Я уже и не упомню, чего он нам только не давал и не вёл. Похоже, если его личный опыт и знания не вписывались в рамки отдельной дисциплины, определяемой учебной программой, то он специально придумывал для их передачи нам какой-нибудь спецсеминар или курс по выбору. Это были: и «Введение в специальность», и «Основы информатики», и «Технические средства в библиотечно-библиографической работе», и всевозможные курсовые, и даже

впервые введенные в практику выпускной квалификационной аттестации среди библиотечных факультетов страны – дипломные работы. Не было, пожалуй, семестра, в котором бы мы не встречались на занятиях со Стасом, или Шефом, как мы его называли.

Как-то уже на третьем или на последнем курсе занимались мы с ним проблемами качества индексирования документов, человек, должно быть, около тридцати – из различных групп. Занятия проходили увлеченно, с реальными документами различных видов и типов. Раскрывали их содержание (индексировали) мы различными информационно-поисковыми языками. Потом сравнивались результаты. И делались тут же выводы – по факторам, влияющим на качественные стороны раскрытия содержания и поисковые возможности ИПЯ. Сама методика, как я уже выяснил позднее, не была оригинальной, а заимствовалась из «Кренфилдских проектов» или у ленинградцев во главе с Соколовым А.В. Так вот, пришла весть о том, что ИПС «Квантор», в число разработчиков которой входил и Стас, получила на ВДНХ СССР золотые медали! Мы поздравили его с лауреатством, а он, к концу занятия отрядил меня с кем-то ещё в магазин «Колос» за шампанским. Отметили все участники спецсеминара - «по пять грамм», прямо в учебной аудитории.

Не часто, но и такое случалось. Как-то на четвёртом курсе должна была состояться лекция по «Организации и управлению библиотечным делом», которую читал спокойный и уравновешенный, но стеснительный из-за своего физического дефекта, Николай Иванович Аникин. Было это, кажется, на 23 февраля – «мужской» праздник. Вот его и решили поздравить с этим наши дамы. Как бы вы думали?! Поставили прямо на трибунку, с которой он вещал, полный стакан… водки! Николай Иванович, естественно, при виде этого преизрядно растерялся. Однако, поздравив его, предложили ему и выпить, тут же. И он, поозиравшись своим единственным оком, и поблагодарив нас за поздравление, «хлопнул» этот стакан прямо при нас! И в наших глазах, авторитет его, как педагога, нисколько не упал. А лекцию он прочитал полностью и на должном уровне…

Уж коль зашла здесь речь о «зелёном змие», да ещё и в учебном процессе, не могу не упомянуть одного уважаемого человека из Москвы – Николаева Валерия Алексеевича. «Гастролёра» Николаева пригласили почитать лекции по проблемам библиографии, уже после того, как нам дала общий курс библиографии Бурцева Галина Николаевна. Помимо прочего, он «прогалопировал» и по «Краеведческой библиографии». Всё это читал на совесть, со знанием дела. Но…

Как нам потом поясняли, незадолго перед этим у него погибла в автокатастрофе жена, и он запил - по-русски, по-мужицки. И как учёный, и как преподаватель, Николаев котировался очень высоко. Однако перед началом занятий в аудиторию входил его «ассистент» Марат Ботвинник, приносил трёхлитровую банку с самодельным квасом (или иной бурдой?) и ставил её рядом с гранёным стаканом на первый учебный стол, в ряду от двери. После вечерне-ночных возлияний у обоих «Здобновых», похоже, «горели колосники», вот и гасили они их мутновато-коричневой жидкостью из банки, нацеживая всякий раз в стакан через марлю. Опять же, невзирая на жидкость, лекции читались на уровне, а мы, понимающе, похихикивали и перемаргивались.

В ту же струю, но параллельно. Как-то мы, ребята с БФ, подзагуляли. А, поправив здоровье пивком или винишком, решили податься на спецкурс по культуре слова, к Ройтбергу Сергею Моисеевичу – педагогу с режиссуры. Ройтберг, давний знакомый и даже приятель Грачёва ещё по Анжерке, увидев нас в коридоре, перед дверью в аудиторию, деликатно посоветовал прийти к нему на занятия в следующий раз. Что мы и сделали, извинившись. За такие «фишки» могли нас хорошо взгреть – вплоть до ректора. Однако, информация эта дальше группы никуда не просочилась.

Чтобы не возвращаться к этому уважаемому педагогу, замечу, что в качестве зачёта по его спецкурсу нужно было подготовить и провести поэтический вечер, на основе сонетов В. Шекспира. Чтецов-декламаторов Ройтберг отбирал на занятиях сам. Когда очередь дошла до меня, я схитрил. И вместо сонета (на выбор Вильяма Шекспира), я продекламировал сонет французского поэта 16 века, из «Плеяды», Ж. Дю Белле:

«Кто влюбчив, тот хвалы возлюбленным поёт…»

Не знаю, раскусил ли этот мой трюк Сергей Моисеевич, но на финальный вечер поэзии при свечах он меня не отобрал. Может, я продекламировал без соблюдения законов орфоэпии, может, сонет этот на него не произвёл впечатления… Хотя я и Шекспира неплохо знал, по меньшей мере, с пяток его сонетов мог наизусть прочесть. Думаю, и прочёл бы, не хуже Грачёва…

Как и Сбитнев, большинство наших доморощенных педагогов по спецпредметам были практиками, пришедшими в институт из библиотек или органов информации.

Так, примерно, в одно и то же время со Стасом появилась у нас и Валентина Алексеевна Сасс – обучавшая языкам классификации, систематизации и ведению систематического каталога.

Галина Ивановна Бадаева – директор институтской библиотеки, пыталась втемяшить нам в голову до автоматизма правила описания различных видов и типов книг и прочей книжно-журнальной продукции.

Лариса Алексеевна Лазарева учила алфавитному и систематическому каталогам.

Инженеры из Кемеровского ЦНТИ - Егоров (имя-отчество забыл) и Станислав Евгеньевич Семёнкин посвящали нас в тонкости механизации и автоматизации информационно-библиотечных процессов.

Наталья Петровна Захарчук, о которой я уже говорил в предыдущей главе, преподавала «Библиографию художественной литературы», учила на конкретных примерах раскрытию содержания книги посредством аннотации. Да так, чтобы читателю, ознакомившись с нею, непременно захотелось почитать эту книгу. Помнится, на практическое занятие я принёс ей аннотацию на понравившуюся мне книгу начинающего сибирского писателя Валентина Распутина «Деньги для Марии». А вот аннотацию мою она изрядно пощипала и раскритиковала. Что ж, на ошибках учатся.

Страшно смущавшаяся, и от того попервости косноязычная, милейшая Галина Николаевна Бурцева читала курс «Общей библиографии», который летом дополнил и расширил уже упоминаемый мною москвич В.А. Николаев.

Уж чему нас пытался научить гастролёр из Минска с шахматной фамилией Ботвинник и якобинским именем Марат – никак не могу вспомнить, но был и такой.

Замечательно знавшая своё дело и владевшая методикой преподавания Линник Антонина Александровна, помимо «Истории книги», вела ещё и «Историю библиотечного дела» - и тоже увлеченно и зажигательно.

Пожалуй, опытным педагогом из большой когорты спецпредметников была ещё и приглашенная на постоянную работу из Хабаровского института культуры Нина Иосифовна Кудинова, со своей «Библиографией ОПЛ» - женщина темпераментная, экспрессивная, самоуверенная. Уж какая кошка пробежала между ней и Стасом – остаётся догадываться, только сделались они по отношению друг к другу нетерпимыми, до явного демонстративного поведения и отношения. Оно бы и ничего, Бог им судья. Если бы из-за этого не пострадал наш друг Витя Эрлих – самый добросовестный и дотошный в учёбе. Это ему, на основании лишь того, что дипломной работой руководил не Стас, а Кудинова, на защите по библиотековедению вкатили «Неуд»! Случай уникальнейший за всю почти тридцатипятилетнюю историю защиты дипломных работ! Мы-то все так не считали, а вот Стасу удалось убедить председателя ГЭК Н.С. Карташова в том, что работа слабая и касается только библиографического аспекта, что в ней отсутствует библиотековедческие проблемы…

Довольно примечательными и запоминающимися были одно-двухнедельные «гастролёры» из Москвы, Ленинграда или Минска – наших ведущих вузов страны. О двух из них – Николаеве и Ботвиннике я уже упоминал.

Не знаю, что там мог выдать нам по «Истории культурно-просветительной работы» (да и надо ли это нам было?) доцент из Москвы Миндлен, только на всю жизнь врезалась его фраза: «Как я вам теперь пропою, так вы мне на экзаменах и прокукарекаете!» Просто афоризм! Уж что там мы ему кукарекали – не помню, но к этому нашему кудахтанью он отнёсся весьма лояльно, никого не заваливая.

Так же, как и у предыдущего не вспомню имя-отчество, приезжал к нам как-то Дранков – из Ленинграда. (С ним мне

приходилось сталкиваться в закутках и лабиринтах коридоров ЛГИКа, уже будучи стажером и аспирантом). Его гастрольный курс у нас обозначался как «Психология чтения и восприятия», или что-то в этом роде. Опять же, не упомню, что он нам вещал по этому поводу. Зато как вещал! Это был настоящий лицедей – сухощавый, гривастый, нос горбинкой, на пружинящих ногах – почему-то он у меня ассоциирует с Мефистофелем. Он так входил в образ литературного персонажа (а, вот почему – он же нам изображал Мефистофеля из «Фауста» Гёте!), так мгновенно преображался, что мы все, замирая, сидели как на хорошем спектакле столичного театра!

…Возможно, кого-то из наших наставников-педагогов я и упустил из вида или подзабыл. К кому-то я ещё вернусь в следующих главах. Все они разные. Всё это так.

И, тем не менее – всем им низкий поклон от нас, первачей!

Глава четвёртая. **Ш Е Ф**

К *главе сей я вынужден сделать небольшое вступление. Дело в том, что я не писал её специально для этих мемуаров. Но посчитал возможным выделить эту персону, как наиярчайшую. А написано это было по просьбе и настоянию моих бывших коллег - Н.И. Гендиной и Н.И. Колковой, когда готовился специальный сборник, посвященный С.А. Сбитневу в связи с 85-летием. Может быть, получилась она излишне хвалебной и комплиментарной, как того требовала установка. Возможно, кое-какие личностно-качественные оценки из этой главы будут идти в диссонанс с остальными мемуарами. Наверное, и по стилю она будет немножко отличаться. Возможно. Но на то время писалось это, как мне кажется, вполне искренне…*

…С годами я всё чаще пересматриваю свои фотоальбомы. С привитым мне библиотечной профессией пристрастием к систематизации, все снимки подобраны в тематико-хронологическом порядке. Вот альбом, датированный 1969-1973 годами, - поры нашей студенческой юности. А вот - с хронологией 1978-1996. Тут уже собраны фотографии моей кафедрально-педагогической деятельности. Большинство снимков прошли через объективы моих фотоаппаратов.

Каждая фотография - это мгновение жизни. И не только моей. И каждая будит ностальгические воспоминания. И ещё, на каждой третьей фотографии (не поленился посчитать) встречается невероятно знакомое лицо. Даже нет, не лицо - фигура! Характер! Мощь! Глыба! Личность! Это - наш учитель, наставник, воспитатель, коллега, старший товарищ, шеф.

Шеф! Ещё со студенческих времён именно так мы его и называли. Это коротенькое, но ёмкое определение-прозвище перекочевало вместе с нами и на кафедру, а потом и на весь факультет, если не институт. Чаще, правда, так называли мы его за глаза, но и при нём не раз проскальзывало, уже автоматически. А он на то не обижался. Похоже, и сам привык к нему. Разумеется, для нас Шефом был, есть, таковым останется и всегда Стас Андреевич Сбитнев! Личность неординарная во всех отношениях, а потому - не всегда комфортная для окружающих. Но, без всякого сомнения - яркая, уникальная, запоминающаяся!

За двадцать семь лет общения с ним мне приходилось видеть его в самых различных ситуациях и проявлениях. Если рассказывать обо всём, опять-таки, раскладывая как фотографии или *документы* (впредь курсивом буду выделять его любимые словечки и фразы) - получится огромная книга со своими частями, главами, параграфами. (Кстати, отличительной его чертой было тоже стремление к *структурированию,* унификации любого материала - курсовой работы, дипломного проекта, методической разработки, научного отчета...) Думаю, что вряд ли позволят мне читатели, да и издатели, такое объемное повествование. К тому же, при всём моём желании, его многогранная личность преломилась бы лишь через мою призму видения (*аспект* - любил говаривать Шеф), через мой стиль и мой *тэкст.* А посему, позволю себе лишь фрагментарные воспоминания в произвольной форме литературного очерка-эссе.

Нам, студентам библиотечного факультета первых наборов, во многом повезло. Повезло с тем, что мы были первыми, что нас было мало, и мы знали друг друга, что наполняемость теоретических учебных дисциплин

приближалась к университетской, что у нас были совершенно замечательные учителя-педагоги.

И всё же, самым заметным среди них был Шеф! Может быть потому, что мы общались с ним на протяжении всех четырех лет обучения. Чего только он нам не преподавал по спецпредметам?! При чем, толково, доходчиво, проблемно. Это я уже теперь смотрю на него с позиций методики, имея сам огромнейший опыт вузовского педагога. Тогда на него мы молились и смотрели как на абсолютного и бесспорного кумира и авторитета, в хорошем смысле слова. У меня до сих пор сохранились конспекты некоторых его курсов. Кстати, кое-что потом мне приходилось вести и самому. Меня, уже опытного педагога, поразила *структурированность* его тогдашних лекций. Это много позднее его лекции стали приобретать аморфный характер, наподобие моего произвольного эссе. Его поздняя лекционная эллипсность - скорее от его огромнейшего профессионального *тезауруса*, до которого студентам последних лет было, как до Китая пешком. Он-то сам понимал - о чем говорит и в связи с чем! Только избыток его собственных знаний и недостаток лекционного времени вынуждали его, порой, как бы перескакивать без логических мостиков от одного к другому.

Поразительным для меня, нынешнего пятидесятилетнего, была его феноменальная память! Опять-таки, к примеру, лекции. Попервости он читал их, расхаживая по аудитории, словно моряк по палубе, держа в руках с пяток каталожных карточек - там-то они и были тезисно изложены для него самого. Позднее он и от таких своих *тэкстов* отказался. Читал исключительно по памяти, импровизируя всякий раз, как талантливый актер, держащий в напряжении огромный зал на протяжении всего моноспектакля. При чем теория, как правило, всегда иллюстрировалась информационно-библиотечной практикой.

Относительно его памяти в нашей среде ходят до сих пор легенды: и через пятнадцать-двадцать-тридцать лет он мог припомнить не только фамилию и имя, тему курсовой или дипломной работы, но и сказать - в каком платье была та или

иная студентка на защите! А студентов прошло через него за тридцать три года работы не одна тысяча...

А сколько анекдотов знал и умел рассказать Шеф, да так, что пересказать их, как он, уже никому не удавалось! При чем делал это он всегда к месту, непринужденно, но поучительно. Кто не слыхал его присказку "*про Юхимовы балычки",* или "*мазать можно - есть нельзя"!?*

Не могу умолчать, что Шеф у многих поколений студентов был едва ли не главным объектом студенческого фольклора. Сколько переделанных и оригинальных стихов и песен посвящено ему! Собрать бы всё вместе - солидный томик получится...

Делая ставку на молодые собственные преподавательские кадры, он уже с третьего курса нашего обучения стал приглядываться к нам. И, подобно космонавтам первого «гагаринского набора», выделил он из первых двух выпусков десяток перспективных кандидатов. В число коих вошли: Т. Ерёмина (Мельникова), Г. Емельянова (Гордукалова), С. Котлярова (Попова), В. Грачев, Ю. Ли, Н. Гендина, Т. Лотохина, Г. Брагина, в том числе и автор этих строк. И уже на последнем году обучения в институте Шеф устроил нам конкурснно-педагогическую практику: дозволял проводить занятия у студентов младших курсов. "Разбор полётов" не бывал слишком строгим. Он ведь и сам тогда ещё только многому учился. Зато прекрасно помню, как после первой моей лекции он потрогал своей рукой мою спину под пиджаком - рубашка была мокрой! "*Это тебе не про Юхимовы балычки рассказывать!* Ничего, раз волнуешься - должен быть из тебя толк!"

Словно Пётр Первый, стремился Шеф через нас, первачей, прорубить окно в свою Европу! Обеспечивая нам стажировки и аспирантуры в Москве и Ленинграде, он пытался создать собственную кафедру - сильную и способную решать многие педагогические и научные проблемы. Отношение к нам, молодым провинциалам, в столицах было настороженное и даже неприязненное. Правда, только поначалу.

Позволю себе здесь сделать отступление, приведя фрагмент рассказа из своей третьей книги. Прочитав его, вы поймёте - к чему это тут:

“Мне двадцать пять. Позади институт, армия и год работы лаборантом в вузе. Теперь вот - легендарный, песенный Ленинград. Я сижу, как на иголках, и томлюсь в прихожке кафедральных апартаментов, ожидая назначенный мне экзамен по специальности. Собственно, даже не экзамен - собеседование для потенциального стажера из сибирской провинции, учиненное по своему усмотрению профессурой северной столицы. Неделю целую, как приехал, не выбирался из библиотеки - готовился, некогда было и красотами Ленинграда полюбоваться. Час, другой ожиданий тянулись медленно, занудно, как пассажирский поезд на подходе к конечному пункту.

В голове - каша, изнутри - озноб, снаружи - кислятина...

Пригласили наконец-то прямо на кафедру, после приёма каких-то зарубежных гостей - то ли шведов, то ли финнов, то ли немцев. На столе заведующего ещё чашки кофейные не убраны, пузатенькие фужеры пустые, опорожненные винные бутылки, ополовиненная коробка шоколадных конфет, пара разрезанных яблок да пепельница хрустальная с окурками. Лаборантка ряженая-крашеная, в годах - маленькая, горбатенькая, суетливо, поспешно составляет всё это на расписной поднос, смахивая крошки комком мятых бумажных салфеток.

И началось: “Кто, мол, таков, откуда, у кого учился, где работаю, где служил?” Издалека подходить стали, деликатно так, ненавязчиво, интеллигентно. Ну, и я им, с провинциальным снобизмом: дескать, Школу Стаса закончил! “А что, разве такая Школа есть?- переглянулись, ухмыляясь.- Надо же! А мы и не слыхали никогда... А *Кемерево* - это где? В Прибалтике?!...”

Конечно, до Школы, как таковой, в научном и педагогическом понимании, тогда Шефу было далеко. Да, может быть, он её так и не создал по большому счету до самого конца своих дней. Но мы, молодые, тогда верили в те идеи, коими питал нас Шеф! А он - верил в нас и надеялся на наши свежие силы. При этом, себе он отводил достаточно четкую и ведущую роль - *Генератора идей!* Да по существу он таковым и являлся! Его цепкий аналитический ум хватался за любое разумное новшество. Генерируя смежное, он обобщал и экстраполировал применительно к своей сфере, наводняя уже своими идеями и

нас, молодых. Думаю, что в подобранных им кадрах, он разочаровывался не очень часто, по крайней мере, на протяжении последующих пятнадцати-двадцати лет совместной работы. Созданная им кафедра "Научно-технической информации" росла, матерела и достигла своей зрелости в середине восьмидесятых годов!

С *"Кемеревом*" уже не могли не считаться не только расплодившиеся региональные институты культуры, но и Московский с Ленинградским. Фамилия и имя нашего Шефа для них стали олицетворением нашего вуза, а для нас - своеобразной визитной карточкой. Многие довольно известные ученые и преподаватели других учебных заведений культуры с удивлением узнавали, что Стас Сбитнев - вовсе не ректор Кемеровского института культуры и даже не декан Библиотечного (Информационных технологий) факультета!

Помимо множества замечательных качеств, Шеф обладал ещё и невероятной коммуникабельностью! Достаточно было всего одной встречи с ним незнакомому человеку - и тот выходил плененный и очарованный Стасом! Он умел найти для любого человека свой ключик, заинтересовать его, затронуть резонирующие струнки собеседника. А уж если оказывался собеседником его коллега и фанат общего дела!... Увидав незнакомого человека однажды,- запоминал его на всю жизнь, и при любой встрече, он мог ему напомнить о знакомстве.

Были ли у него большие и настоящие друзья - сказать затрудняюсь! Может быть, по той же самой причине, что и у известного литературного Печорина. Но хороших приятелей и знакомых было несчитано! Особенно в профессиональной сфере.

В очень хороших отношениях он был, практически до конца жизни, с семейством московского профессора Дмитрия Яковлевича Коготкова. Настолько в близких, что, кажется, весной 1977 года, ему попутно было поручено Ядвигой Яковлевной и Дмитрием Яковлевичем разобраться в запутанных сердечных делах их сына Сергея. (В то время мы с Сергеем жили в одной аспирантской комнате общежития в Ленинграде, на Смирнова-9, и я был в курсе его молодых дон-жуанских похождений). По-моему, Шеф тогда не справился со своей

миссией, ибо и сам в то время ещё пользовался очень большой популярностью среди прекрасной половины человечества.

Деловые, приятельские отношения у Шефа были долгие годы с такими интересными людьми и учеными, как К.В. Тараканов, Ю.В. Столяров, Н.С. Карташов, Б.С. Елепов, А.В. Соколов, В.М. Мотылёв, Р.Ф. Гринина, Д.И. Блюменау, М.Б. Гастфер, С.Л. Лохвицкая и многими другими.

Стоит ли напоминать о том, что не было, пожалуй, в Кузбассе ни одной библиотеки, где бы его не знали и не принимали за желанного гостя, советчика и консультанта. Да что Кузбасс?! Его знали по всей Сибири и Дальнему Востоку! Знали в Москве, Ленинграде, Минске, Харькове, Курске, Орле, Рязани... Его выступления на всесоюзных, всероссийских, региональных, областных, городских и районных конференциях и семинарах никого не оставляли безучастными. Особенно, если касалось это проблем механизации и автоматизации библиотечных процессов, а позднее - создания автоматизированных библиотечно-информационных систем и сетей. Это - было его коньком, если не пунктиком!

Долгое время, проработав с ним, у меня сложилось твердое убеждение, что у него всё это было - и работой, и увлечением, и хобби, и отдыхом одновременно.

Всякому человеку присуще чувство тщеславия, разве что в разной степени. Кому не хотелось бы получить признание на государственном уровне?! Не был исключением и Шеф. Только признание то, не будем завистливо лукавить, было заслуженным. Не имея ученой степени, Шеф всё же получил титул ваковского доцента! Долгие годы (и безо всяких скидок) он был профессором кафедры. Оценили его вклад и другими наградами: “Заслуженный работник культуры”, кавалер ордена “Красного знамени”! А кто видел его военные награды?! Тоже ведь просто так не давались - и ордена, и медали. Только вот не надевал он их никогда, не выставлял напоказ. Даже орденские планки никогда не нашивал. А, может, и зря... Довольно долго он оставался в институте единственным “последним могиканином”-фронтовиком.

Было бы наивным считать, что кафедра жила только своими научными и учебными проблемами. Так, как мы

отмечали праздники, могли бы позавидовать даже специальные кафедры, вроде режиссуры, кинофотомастерства или дирижерско-хоровой! Без особых комплексов, мы устраивали капустники, в которых принимал участие и сам Шеф, всякий раз выдумывая новые формы и жанры исполнения и воплощения... "*По рублю" и "по пять грамм"* - можно было частенько услыхать от Шефа и после рабочего дня. А это - сближало, сплачивало всех друг с другом.

А уж 18 марта - ежегодно было кафедральным праздником! Как-то я, провожая его домой из института, поинтересовался, когда он в последний раз отмечал свой День рождения дома, вовремя и в кругу семьи? Вопрос был практически риторическим. Правда, шеф умудрился вывернуться *налимом в вазелине*, сказав сначала, что не помнит, добавил - когда этот день приходился на воскресенье...

Время развело нас с ним в июле 1996 года. Не будем разбираться, в чем тут причина, и виноват ли кто из нас и в какой степени... Я нашел себя в другом деле и в другой среде.

В конце августа 2001 года, после теплой компании и "сугрева" я проводил домой своего нового знакомого, поэта Геннадия Юрова. Выйдя от него, у меня вдруг возникла навязчивая идея: попроведать Шефа, дом-то его совсем рядом с домом прославленного поэта. Захотелось повидаться, поинтересоваться его здоровьем, поведать ему о своих делах, заодно и подарить ему все три свои сборника прозы. Я вспомнил номер его квартиры. Поднялся на лифте. Позвонил в двери. Открыл Андрей, младший сын Шефа. Я поздоровался с ним и спросил, можно ли повидаться со Стасом Андреевичем. "Нет",- коротко ответил Андрей. "А где он?" - "Он умер. Сегодня." Услышанное поразило меня. Я зашел к ним в квартиру, прошел на кухню, к столу, выразил соболезнование сыну и жене Шефа. Я сидел на стуле, в мозгу моем никак не усваивалось услышанное. Мой язык машинально повторял непонятно для кого: " Я же шел к нему живому..."

Я плакал... Слёзы запоздалого покаяния и благодарности катились по моему лицу...

Глава *пятая.* ОБЩАГА

Никогда не перестану утверждать, что общежитие – одно из немаловажных слагаемых студенческой жизни. Общежитие. «Обчее житие» - так говаривал один из наших проректоров по АХЧ. А по-нашенски – попросту – общага! Может, звучит это и несколько вульгарно и не совсем литературно, но по сути своей верно.

Общага нашей студенческой поры мало чем отличалась от московского общежития имени монаха Бертольда Шварца, куда великий комбинатор Остап Бендер привёл своего ассистента Кису Воробьянинова. Общага – это не только место общего проживания группы случайно попавших туда людей. Это – своеобразная коммуна со своими комнатами – мини-ячейками. И в каждой такой ячейке-келье – хоть немного, да свой уклад, точнее, неписаный устав, как в «чужом монастыре». В ней много общего, взаимозаменяемого и взаимодополняемого. В ней трудно что-либо скрыть или утаить от других.

В моей студенческой жизни за четыре года обучения было три общаги. И уже после окончания института – четвёртая, где мы поселились как молодые специалисты, занимая отдельные комнаты-кельи.

Самая первая и, пожалуй, запоминающаяся располагалась на Парковой-15. Была тогда такая улица. Она осталась и теперь, только носит иное название. О том, как я попал туда, уже упоминалось в первой главе. Однако следует туда вернуться ещё. В пятиэтажной панельной «хрущёвке» под общежитие нашему институту выделили средний подъезд, на 20 квартир. Правда, квартиры четыре там так и оставались заселенными прежними жильцами. Не думаю, чтобы жильцы-аборигены были в восторге от нашего шумного соседства, ибо не они, а мы там чувствовали себя полноправными хозяевами.

Так вот, на первом этаже подъезда, крайняя левая квартира с номером 41 была отведена под «Красный уголок» и комнату самоподготовки. В ней же, в дальней маленькой комнатке, находилась и кастелянная.

Комендантом нашей первой общаги была Вера Спиридоновна – женщина уже пожилая, крупногабаритная, не очень грамотная, но достаточно самоуверенная для такой

должности. Она быстро запомнила всех своих жильцов не только в лицо, но и поименно. В чём-то она была нашим общим воспитателем, а к некоторым даже относилась по-матерински с теплотой и симпатиями.

Моложавая поддавошка кастелянша проживала там же, в квартире 44, и частенько была свидетелем наших многих проделок и пирушек. Квартира 43 тоже принадлежала местным жильцам.

А в двухкомнатной квартире с номером 42, что располагалась как раз под нашей, базировались единственные на первый этаж - студентки хореографички. Туда мы нередко захаживали в гости, а наш друг Юра Ли даже нашел себе там вторую половинку – Нину Шарапову.

На каждом этаже (площадке) находилось по три двухкомнатных квартиры и по одной трёхкомнатной. Обычно, в двухкомнатной квартире проживало по семь студентов, в трёхкомнатной – по девять-десять.

Каждая квартира-комната – своеобразный клан. Если уж занимали очередь в столовке, то на всех; если ходили в кино, театр, филармонию – чаще всем кагалом; если затевалась пирушка по случаю – то на всю ватагу.

Интерьер всех наших комнат-квартир, наспех покрашенных и побелённых, был весьма убогим. Примерно, как в той, что описали Ильф и Петров ещё в двадцатые годы прошлого века. На каждого жильца полагалась отдельная металлическая койка с панцирной сеткой и по одному фанерному (отнюдь не работы мастера Гамбса) стулу. Между комнатами вмонтировано некое подобие шкафа, куда мы вешали свою одёжку. И один на всех – продолговатый, крашеный в голубой цвет, кондовый стол.

Да, ещё в каждой квартире имелись ванная комната и кухня. Кухня, квадрата на четыре, могла вместить всех жильцов одновременно разве что только стоящими вокруг сиротливого стола. Достопримечательностью кухни была электрическая трёхконфорная плита – вечно в потёках от сбежавшей с огня пищи. Ни холодильников, ни телевизоров, никакой другой бытовой техники, кроме радио, ни у кого в комнатах не было. Поэтому скоропортящиеся продукты никогда не закупались

впрок в больших объёмах, а случайные излишки зимою вывешивались в авоськах наружу через оконные форточки. Исключение составляли овощи – ведро-другое, а то и мешок картошки, которого хватало на вечно-голодную ораву на неделю-полторы.

Чем ещё хороша общага, так это тем, что тебе никогда бы не дали там помереть голодной смертью, непременно чем-нибудь где-нибудь да накормят.

Поднимемся на второй этаж. В квартире номер 45 проживали парни-дирижёры: Лёшка Милютин, Володя Печень, Стас Вноровский, Вася Кирносов, Витя Худяшов, Костя Клюев, Саша Тарасенко (Большой чёрт) и Юрка Борисенко (Малый чёрт). Частенько по-соседски нам приходилось общаться с ними, перехватывая или одалживая что-либо по мелочам, в том числе и из одёжки – на вечер-другой.

Самым взрослым здесь был Костя Клюев – из Кузедеева, ему уже исполнилось порядка тридцати лет, женатый - он даже имел большенькую дочку. Костя – прирожденный баянист и самодеятельный композитор, его хлебом не корми – дай на «голяхе» помузицировать. Сухощав, как юноша, толстогуб, с красным от алкоголя носом, лицо корявое, бугристое – внешне очень даже малопривлекательное. Однако, оставался он неисправимым клубником, ему нужно было непременно, хотя бы и в пределах комнаты в общаге, но организовать самодеятельность. В часы досуга, вечерком, собирал он всех жильцов комнаты, прихватив и нас, соседей, и начинал на два-три голоса разучивать какую-нибудь ораторию собственного сочинения. И, надо признаться, неплохо получалось, вполне бы потянули на выездную агитбригаду по весям Кузбасса.

Самые дружеские отношения у меня сложились из этой квартиры с Володей Печенем – высоким, стройным, симпатичным парнем, тогда ещё скромным бессеребряником, все четыре зимы проходившим в старенькой, но тёплой, волчьей шубе.

Но больше всех выделялся среди них своей внешностью и броским «прикидом» Вася Кирносов – с неплохим природным тенорком, но без надлежащего музыкального образования, к тому же, кажется, весьма бездарный в учёбе. Припоминаю такой

случай, свидетелем которого являлся. Вася был большим любителем «похавать» на халяву где-нибудь у запасливых и домовитых девчонок. В комнате 48 один раз ему в тарелку с супчиком, на кухне, подсыпали с полдюжины таблеток пургена. Вася со смаком уплёл всё содержимое и сидел в ожидании чая. И вдруг стремительно выскочил из-за стола и помчался в туалет своей комнаты… Он-то и вылетел из института из-за профнепригодности вслед за нашим Володей Петровым.

Перевёлся на заочное Костя Клюев, закончив институт лет через семь, и то лишь благодаря усилиям Эмилии Савченко, опекавшей его. Не дотянул до финала и дружок Сашки Тарасенко - Малый чёрт, попал в армию, да там и остался на сверхсрочную. Погиб Юрка Борисенко в каком-то армейском конфликте…

Наша 46-я квартира была почти легендарной! Одной из самых склоняемых на всевозможных собраниях, заседаниях и советах из-за шебутного нрава её обитателей. Её «костяк» составляли парни с библиотечного: я, Юра Ли, Сашка Казанцев и, позднее, Володя Грачёв. На дирижерско-хоровом учились Виктор Бепле, Толик Слончак и Володя Петров. Режиссеров представлял Юрка Мельников, спрашивавший у Юры Ли: «А в Ташкенте деньги какие? Неужели тоже советские *рубли*?»

Примечательностью нашей сорок шестой была и коммуна! Не знаю, уж чья это была инициатива, но договорились мы сбрасываться по 10-12 рублей в месяц с каждой стипешки. Таким образом, квартирный месячный бюджет составлял 60-70 рублей. И, как теперь говаривают думские «дьяки», с дефицитом рублей в двадцать. Часть дефицита приходилась на Казанчика. Тот, кажется, всего раза два за весь год кидал свой червонец в «общак». Тем не менее, он беззастенчиво пользовался «общаком», который расходовался исключительно на продукты питания. «Держать общак» доверили мне, уж почему – не ведаю, в квартире-то я был самым молодым. Может быть, потому, что до института я год проработал учителем в школе. А может, потому, что никогда я из этих средств не потратил на себя и рубля. Тем не менее, дневной расход составлял обычно трёшку.

По тем меркам на неё можно было приобрести: ведро картошки (за пятьдесят копеек), килограммовую булку хлеба – за тринадцать-восемнадцать копеек, пачку маргарина – за тридцать восемь копеек, килограмм сахара – за девяносто копеек, килограмм студня – за сорок две копейки и т.п. В общем, один раз в сутки на эти деньги можно было неплохо поужинать. Именно – поужинать! Завтракали и обедали мы на свои, кто где. Но чаще – с утра, по ходу в институт забегали на десять минут в кафетерий магазина «Колос», а обедали где-нибудь в столовке. Всё это делалось, чтобы «червячка заморить». Ходили полуголодные. Зато вечером – набивали свои желудки вполне прилично всей коммуной.

За шеф-повара слыл у нас Юра Ли. Он и тогда уже прекрасно готовил. Жареная или варёная картошка для него считалась просто несерьёзным блюдом – на скорую руку или при отсутствии денег в «общаке». Варил он супчики, тушил картошку с мясом или тушенкой, жарил на растительном масле жирную и вкусную рыбу с редким и не очень благозвучным названием *пристипома.* По праздникам священнодействовал над настоящим пловом с бараниной! А то и какое-нибудь «хе» варганил из сырой рыбы.

Случалось, наш «общак» пополнялся натуральными продуктами: кому-то приходила посылка из дома с сальцом, мясцом, соевой пастой, аджикой, чесноком, сухофруктами и прочими домашними заготовками. Кто-то приносил с калыма авоську свежих фруктов или овощей, кто-то привозил из дома банки с вареньем или солениями. Тогда наступало настоящее пиршество!

Появившийся во втором семестре в нашей сорок шестой комнате Володя Грачёв, едва ли не каждую неделю, на выходные, ездил домой в Анжерку, отвозя несвежее бельё и возвращаясь с чистым. Помимо этого, он привозил полный баул всяческих консервов (вплоть до печени трески), маринованные грибочки, огурчики, помидоры, варенья. Всё это практически сметалось всеми жильцами уже вечером, изредка оставляя что-нибудь на утренний завтрак. Уж что-что, а в одиночку, втихушку, тайком Грач никогда привезённое из дома не

употреблял. Делился со всеми, не считаясь потом, что, вот мол, его недельный запас прикончили всем кагалом в один присест…

Довольно скоро у каждого из ребят стали появляться подружки, чаще всего всё из той же нашей общаги, соседних комнат. А поставщиком для нашей квартиры стали девчата-хоровички из 48-й. Но об этом поподробнее в другой главе.

Расселились мы у себя так. Юра Ли с Казанцевым и Слончаком заняли дальнюю маленькую комнату. Остальные, в том числе и я, обосновались в проходной большой.

Бывало, ой, бывало - приводили своих подружек вечерком, пытаясь даже оставить на ночь. Особенно частенько делали это Казанцев, Слончак или Бепле. Тогда ночью, из дверного проёма малой комнаты, тенью отца Гамлета, появлялась фигура Юры Ли – в трусах и майке, с охапкой-скаткой постельного белья.

- Не-эт, там мне не уснуть,- недовольно бурчал Юра. Он расстилал свою постель на длинном столе и устраивался посредине нашей большой комнаты уже до самого утра.

Визит дамы частенько становился известен кастелянше или коменданту общежития. Те, исчерпав все меры воспитательного воздействия, сообщали в деканат. Тогда Сашку Казанчика вызывал к себе «на ковёр» декан Тимофей Николаевич Жаворонков, и тет-а-тет разговаривал с ним по-мужски. После Жаворонкова Казанцев возвращался возбужденным, раскрасневшимся. Цвиркая золотистой фиксой, ухмыляясь, развязно, с похабцей, рассказывал нам о диалоге с деканом.

- Бо-о-о-ров… Снова мне выговаривал, песочил… Ты зачем, говорит, вчера опять *приводил* Панину к себе в комнату и *свет выключал*?! Га-га-га…

- Ха-ха-ха… - вторили мы Казанчику.

Подобное повторялось частенько. Дело в том, что студентка с ДХ Панина доводилась нашему Тимофею Николаевичу какой-то родственницей. И, видимо, ему был поручен негласный надзор за ней. Увы, проглядел Тимофей Николаевич свою подопечную. Неоднократное «*выключание света*» имело непременное физиологическое продолжение и

последствия: месяцев через девять родила от Казанцева, уже отчисленного из института, Панина ребёнка.

Большинство студентов первого набора были людьми уже достаточно взрослыми, для которых состояние первой и даже второй влюблённости остались далеко позади, в розовой юности. Организмы требовали продолжения любовных прелюдий и перерастания их в нормальные отношения между мужчиной и женщиной. Необкатанных юнцов, вроде меня, общага учила и этому. Сначала теоретически, а потом и на практике. Так, теоретически, учителя вроде Казанцева, Толика Гусева или Бори Котина пополняли мой житейский тезаурус ликбезовскими понятиями, типа «секс», «Варшава», «Летучий голландец», «голубой», «лесбиянка» и т. п. Но только лишь теоретически. На практике я ещё долго оставался мальчиком, не знавшим женщину и верившим в большую, настоящую и единственную Любовь. Да по большому счёту – с теми же самыми убеждениями (и - слава Богу) живу и поныне.

В соседней с нами, 47-й квартире жили ребята с хореогрфического: Валера Банин, Игорь Красовских, Витя Мухин, Вася Павловский, Витя Сметанников и ещё человека четыре. У них тоже был «свой устав», которого мы практически мало касались и особой дружбы ни с кем из них не водили.

Зато 48-я квартира… О! Её обитателями были хоровички: Люда Хорошилова, Люда Головина, Люба Почечуева, Люба Абрамова, Шурочка, Аленький Цветочек… С ними наша квартира частенько объединялась, устраивая совместные вечеринки и пирушки.

Этажами выше пару квартир занимали ребята с режиссуры, остальные – девчата всех специальностей. В отличие от ребячьих, чаще походивших на казарменные, девичьи квартиры и комнаты в них всегда выглядели опрятней и прибранней.

Чем ещё запомнилась Парковая-15, так это тем, что там почти не наблюдалось такого явления, как воровство. Да и воровать-то было особо нечего. В гардеробе каждого имелось по парочке сорочек, галстуков-самовязов, костюм, куртка или свитерок; пальтишко дешёвенькое, нередко демисезонное, шапчонка кроличья (и то не у всякого), ботинки или туфли.

Из дорогих вещей на всех тогда произвел впечатление роскошный тёмно-бордовый из чистой тонкой шерсти костюм французского производства, который купили Грачёву родители (могли позволить для единственного сына) аж за 150 рублей! По тем временам это считалось очень дорогой вещью. Обычно дороже 100 рублей мужской костюм не стоил. Можно было вполне обойтись какой-нибудь импортной польской или румынской дешёвкой, рублей за 50-60 массового пошива. Не водилось у нас, ребят, и дорогих безделушек, вроде золотых цепочек или перстней. Исключение составлял опять же Грач, на пальце которого красовалось широкое плоское золотое (едва ли не фамильное) кольцо.

Нет, всё же припомнился один случай воровства. И вовсе даже не Казанчиком (на которого, кажется, падало подозрение). У девчонок в одной из квартир пропало золотое колечко с дешёвенькой полудрагоценной вставочкой. Методом логических рассуждений и исключений стали вычислять – кто же бывал накануне из посторонних? И вычислили. Припёрли, что называется, к стенке. А потом и сама пропажа обнаружилась. Клептоманкой оказалась весьма целомудренная на вид, молоденькая и прехорошенькая девчушка-хоровичка Таня, которой Сашка Казанчик приклеил прозвище Цветочек Аленький. Сначала её пропесочили среди своих жильцов. Потом дело дошло до деканата и ректора. И что вы думаете? Отчислили из института за воровство!

Всплывают из памяти случаи лихачества и озорства.

Будущий режиссёр Сашка Паутов появился в общаге и институте уже на втором семестре, вернувшись из армии, со службы в ВДВ, очень накачанным, ловким и натренированным. Так вот, демонстрировал он, и не единожды, такой вот трюк. Садился на перила балкона четвёртого, или пятого этажа спиной наружу, делал сальто и приземлялся на балконе этажом ниже.

Артист - в прямом и переносном смыслах Женя Макурин - любил проделывать следующее. Пока люди бывали на занятиях, пробирался он через свой балкон к кухонному окну соседней девичьей квартиры. Через открытую форточку влезал вовнутрь чужой квартиры, прятался где-нибудь под кроватью и дожидался возвращения домой девиц. Те, ни о чём не

подозревая, возвращались домой, переодевались, вели секретно-интимные разговоры, а этот «лазутчик» всё подглядывал и выслушивал…

Как-то на спор Серёга Атанов, молоденький, худющий и невзрачный на вид студент с режиссуры, спрыгнул с балкона четвёртого этажа, попав прямо в цветочную клумбу. Поднялся, отряхнулся и – бегом назад, к исходному месту.

Тому же Атанову однажды Юрка Ряпулов пригвоздил учебно-тренировочной бутафорской рапирой, остриё которой было заточено по-настоящему, как распятому Иисусу, руку к двери. После чего Серёга ходил даже с гипсовой повязкой.

Гулеванили как-то режиссёры. Денег не хватило, чтобы добавить. До чего додумались? Сфабриковали телеграмму: якобы, у Юрки Ряпулова умер отец. Ну, мы, сердобольные, кто рубль, кто трёшку стали собирать ему для поездки на похороны – кажется, в Ярославль или даже первопрестольную. Вскоре выяснилось, что это – розыгрыш. А деньги–то собранные режиссёры пропили по-настоящему. Ничего себе хохмочки, я бы такого кощунства ни жизнь себе не позволил.

Чудили и у нас, в 46-й. Как-то после «Салюта», куда хаживали непременно после стипендии или почтового перевода, вернувшиеся Грачёв и Ли, решили повеселить жильцов, устроив настоящий фейерверк из битого стекла. Со всего размаху вверх, к потолку летели пустые бутылки из-под вина и водки, молока и кефира, банки из-под овощных заготовок…

Вошли в раж. Юра Ли на спор стал метать кухонный нож в оконную раму, попадая именно в деревянный переплёт, не задевая даже стекла.

На всех жильцов нашей квартиры имелся всего один ключ, который частенько кто-то по забывчивости уносил с собой в кармане. Вернувшиеся домой жильцы, не найдя на месте ключа от двери, ожидали не долго. Был на этот случай предусмотрен весьма нехитрый приём. Поднимались по лестнице на площадку выше, разбегались и выносили ударом ноги или плеча дверь вместе с замком и частью косяка. Попав вовнутрь, тут же принимались за ремонт: гантелями приколачивая щепки косяка на место. Наша дверь и косяк были полностью расхристанны и расщеплены.

Какие праздники обходились без вечеринок и пирушек?! Про это даже ещё средневековые ваганты певали. Да и в студенческой жизни нашего классика Карла Маркса – пирушки тоже занимали видное место. Не было исключением и наше студенчество. Сбрасывались по 2-3 рубля, накупали дешевенького вина, вроде «Солнцедара», «Дэляра» или «Агдама». В гастрономическом отделе запасались какой-нибудь дешёвой колбасой, вплоть до ливерной и прочими закусками. Уже в общаге готовили какие-нибудь немудрящие салаты или винегрет, жарили или тушили картошку. Превосходной недорогой закуской была капуста особого засола и квашения под названием «Провансаль».

Гуляли весело! Сначала в квартире – у себя или девчонок. Пили вино, пели под баян или гитару наши любимые песни. Танцевали всё под тот же баян, пластинку проигрывателя или под катушечный магнитофон. Потом выходили на лестничную площадку. Случалось, при всеобщем веселье лестничная клетка – от первого и до пятого этажа - была полностью заполнена студентами. И чтобы прорваться сквозь эту толпу орущих и поющих – приходилось пробираться вверх или вниз едва ли не по перилам.

Частенько вечерами, особенно зимними, набивались «под завязку» в тесную комнатёшку первого этажа, где стоял небольшой телевизор с прыгающим, плавающим и кривляющимся изображением, и смотрели его. Смотрели информационную программу «Время», наши кузбасские новости – с постоянными ведущими – Галиной Скударновой или Татьяной Болотниковой, фильмы, концерты, другие передачи, комментируя по-своему. Болели за команды КВН! А как болели за наш футбол или хоккей мировых чемпионатов!!! Знали наизусть всех игроков не только нашей хоккейной сборной, но и непременных противников – чехов, финнов, шведов, канадцев.

Не обошло стороной и такое явление, сопутствующее студенческой жизни, как игральные карты и азартные игры. «Зоновские» игры, вроде «буры», «секи», «очко», которые попытался, было, культивировать у нас в общаге Сашка Казанцев, не прижились, так же, как и богемный «преферанс». Играли в «подкидного», «тыщу», «шестьдесят шесть». Потом

перешли на «кинга» - простого и заказного. Ещё позднее – на «покер», но не классический, а «оппендаум» (так, кажется, называл его Грачёв). Чаще играли просто так, ради процесса и азарта. Но несколько раз, когда появлялись деньги – и на них. Однако ставки были небольшими. За кон заказного «кинга» можно было проиграть всего рубля полтора, максимум - три. Тогда проигравший брал трехлитровый бидончик, ему в складчину добавляли ещё до требуемой суммы, и он отправлялся через дорогу, на улицу Гагарина, где, напротив общаги, стоял «конус» с разливным креплёным вином по сорок копеек за двухсотграммовый стакан.

Следует упомянуть и о, так называемом, студсовете – органе студенческого самоуправления общежитием, куда входили выборные представители. Избирался и председатель студсовета - из наиболее опытных и бойких жильцов общаги. Так, на Парковой-15 председателем студсовета была Люба Варакина, студентка с нашего факультета. За эту должность никаких денег не платили, разве что ей была обеспечена стипендия, независимо от результатов сдачи сессии.

За проживание в студенческой общаге, где еженедельно выдавали нам ещё и чистое постельное бельё, платили мы всего по полтора рубля в месяц, которые, обычно, сразу же и высчитывались из нашей стипендии.

С прибытием нового пополнения Парковая-15 уже не могла вместить в себя всех нуждающихся в жилье иногородних студентов. Приняли решение: студентов КПР обоих курсов оставить на прежнем месте, а библиотекарей разместить на пятом, пустующем пока этаже учебного корпуса, Спортивной-91. Туда же временно разместили и некоторых вновь прибывших молодых преподавателей, но уже каждому из них давали отдельную комнату.

Так и оказались мы, осилившие первый курс парни с БФ, в настоящем женском малиннике – единственной мужской комнате на всём этаже. Помимо меня, Юры Ли, Володи Грачёва – в комнату попали: перешедший с заочного Володя Есенин и поступившие на первый курс – мой брат Володя (на РТ) и Толик Кудряшов (с ДХ).

Ну, если брат мой попал сюда по вполне понятным причинам, то как оказался с нами ещё и Кудряшов – остаётся загадкой. Может быть, тому способствовал Володя Трасковский, с которым они были в приятельских отношениях ещё по Мариинску. Володя занимал единственную комнатку на четвертом этаже – вместе с музыкальными инструментами, которые он и выдавал студентам и педагогам для занятий и самоподготовки.

Иногда Володя Трасковский поднимался к нам в комнату. В его руках был маленький футлярчик, куда помещалась флейта пикколо. Кто бы мог догадаться, что там вместо флейты пикколо как раз размещалась поллитровая бутылка водки?! Он был постарше всех нас, и даже Юры Ли. Чуть моложе Юры являлся Толик Кудряшов. Тремя годами старше меня оказался Володя Есенин. Эстафету самого молодого в комнате общаги я передал своему родному семнадцатилетнему брату Володе.

Таким образом, в комнате на восемнадцать квадратов нас оказалось на сей раз аж шесть человек. Многовато, конечно, но, как говаривали, в тесноте, да не в обиде. Одно окошко с видом на музучилище, два встроенных по бокам от входной двери шкафчика, один стол и три-четыре стула, шесть кроватей – вот весь интерьер. Кажется, по предложению Толика (Кудряша) мы опробовали двухъярусные кровати, но такой вариант не прижился. Достопримечательностью нашей комнаты была огромная чёрная деревянная точёная авторучка, длиной в метр, которую принёс как-то нам из Союза писателей Кузбасса поэт Виталий Крёков, да так и оставил её, не зная, что с нею делать. Ручку ту мы прикрепили к стене, а её перо приспособили под пепельницу.

Помаленьку накапливались у нас и книги – где свои купленные, где дарёные, где библиотечные. Хранить их было практически негде. Тогда мы предприняли «финт». На первом этаже располагалась мужская раздевалка для хореографов и душевые кабинки. Так вот, сняли мы одну из дверок с ячеек для одежды и принесли к себе в комнату. Нашли огромные гвозди и пробили их через глиняно-цементную перегородку стены. На эти гвозди и прикрепили мы в качестве книжной полки ту самую

дверцу. Каково же было наше удивление, когда вечером в комнату стал стучаться наш сосед – преподаватель хореографии (если не зав. кафедрой) Ястребов (или Ломакин – забыл уже). Оказалось, что теми гвоздями мы прошили стенку насквозь, вырвав в его комнате два больших куска штукатурки…

Вместе с той дверью из душевой принесли мы к себе ещё и жильцов – без прописки. Ими оказались клопы. Самые настоящие – вонючие и кусачие. Днём их видно не было. Зато, как только выключался свет, они выползали из своих тайников и набрасывались на нас. Тогда мы включали лампочку и вели с ними борьбу. Надо признаться, весьма своеобразную. Есенин обычно зажигал спичку и поджаривал на ней клопа, оказавшегося на стенке или на досягаемом потолке. Следы такого побоища потом приходилось забеливать зубной пастой.

Никакой кухни или даже прихожки, где можно было бы пристроить плитку, в комнате предусмотрено не было. Поэтому, в общаге почти ничего не готовили из горячего. Питались по разным дешёвым столовкам. Распался и наш «общак». Само собою, мы скооперировались с братом. Иногда, если не хватало денег, я уговаривал его в выходной день махнуть на «калым», - разгрузко-погрузку каких-нибудь овощей или фруктов. С «калыма», помимо принесенных овощей или фруктов – на всех, мы с ним непременно обогащались двумя червонцами. А это – уже деньги, на которые можно было купить тёплые недорогие ботинки, кроличью шапку, цигейковую папаху, две пары кожаных перчаток или парочку недорогих новых сорочек (всё перечисленное следует читать через союз «или»).

Проживание непосредственно в учебном корпусе имело и свои преимущества. Во-первых, можно было лишние полчасика утречком и подремать, потом быстренько умыться, одеться и спуститься едва ли не в комнатных тапочках с пятого этажа на второй или третий, в учебные аудитории или кабинеты. Во-вторых, здесь же находилась и хоть небольшая, но библиотека, где можно было взять книги и посидеть в читальном зале. В-третьих, пустующие учебные комнаты и кабинеты позволяли уединиться для самоподготовки. Помимо прочего, те же пустующие помещения давали возможность

влюблённым парочкам скрыться от посторонних глаз, не выходя из здания.

Вместе с тем имелись и свои недостатки. Прежде всего – мы все находились «под колпаком» у нашего факультетского и институтского начальства. Припоминаются случаи, когда декан А.В. Циркин совместно с комендантшей Брагиной делали утренние рейды по комнатам, поднимая прямо с постелей прогульщиков занятий.

Минусом было и то, что рядом с нами жили и несколько педагогов, не успевших ещё получить своё отдельное жильё. Так, здесь проживала и наша будущая кураторша Людмила Алексеевна Ходанен. О нашем соседе, которому мы пробили стену, я уже немного писал. Был он весьма лоялен и толерантен по отношению к некоторым нашим вольностям. Одно время появился здесь и молодой педагог-философ Лёня Гусельников, смутив сердце студентки - красавицы Веры Пяты.

Злым гением для Юры с Грачёвым оказался некто Магнат – чернолицый пигмей-еврейчик, истеричный и плюгавенький. Кажется, он преподавал какую-то музыкальную дисциплину. А дело было таким образом. Подгулявшие друзья возвращались к себе вечером в комнату. Двигаясь по длинному коридору, они довольно шумно что-то обсуждали между собой. Навстречу им попался этот самый мужичок-с-ноготок. Сделал им замечание. Те должным образом не отреагировали, не признав в нём педагога. Магнатово самолюбие взыграло. Он стал «качать свои права» и воспитывать студентов, пока Грачёв не отправил его по известному мужскому адресу.

Этого оказалось предостаточно, чтобы раздуть скандал – до уровня курса, факультета и даже ректората. Ситуацию усугубило ещё и то, что на первом этаже их заприметила комендантша, прозванная Красной Шапочкой за нелепый красный вязаный берет. Вкупе с Магнатом Красная Шапочка инициировали «дело». И его «завели», точнее, раздули.

Как позднее не один раз говаривал Юра: «Меня когда-нибудь и повесят за компанию с Грачёвым». До виселицы дело не дошло, но собрание общее состоялось. Общефакультетское собрание во главе с руководством было настроено решительно.

Досталось нашему Грачёву за его заносчивость и спесь. А заодно и Юре. Последнему, правда, значительно меньше.

Приняли решение. Первое: из института никого не отчислять, взяв на поруки в группах и на факультете. Второе: от должности старосты курса Грачёва освободить. Третье: снять на семестр со стипендии. Четвёртое: выдворить из общежития.

Да-с… не слабо. Тем не менее, так и поступили. Пришлось и Юре Ли подыскивать на пару с Грачём жильё на стороне. Нашли они комнату у одного холостяка. Месяца полтора там прожили, потом вернулись нелегально к нам в общагу, а после зимней сессии их восстановили уже во всех правах. Исключение составила разве что должность старосты курса, перешедшая от Грачёва ко мне. Должность эта была чисто формальной, координационной, никакой особой роли не играла и впоследствии на факультете не прижилась.

Как из Бендера не получилось настоящего советского миллионера, так и из брата моего не вышло режиссёра. По тем временам модной была формулировка – «отчислен за профнепригодность». И всё зависело не столько от самого студента, его дара или способностей, сколько от прихоти педагога, набравшего курс. Таковым на втором наборе являлся некто Фомин Геннадий Анисимович, о котором, как и о музыканте Луганском, в студенческой и преподавательской среде ходили слушки про «голубизну». Так вот, этот «цветной *пидагог*» умудрился за один год отправить в «аут» половину набранных студентов, оставив ко второму курсу лишь 17 человек из 34-х. Попал в черную половину и мой брат, до сих пор сетующий на своего «благодетеля». «Ладно,- говаривал он,- пусть как Жемеро, Плюснин, Тищенко или Вичканов я бы и не смог режиссировать, но уж был бы никак не хуже Пети Акимцева или Вити Иванова, работал бы где-нибудь завклубом в каком-нибудь Пудино или Куйтуне…» Попутно замечу, что от позорной формулировки с отчислением, спас лишь перевод на заочное и Женю Руденского – едва ли не самого первого из всех выпускников, впоследствии защитившего докторскую диссертацию.

Была у меня возможность попытаться уговорить Алексея Васильевича Циркина перевести брата на наш факультет

(прецеденты такие бывали – Наталья Белякова ещё на первом курсе перевелась к нам в группу с режиссёрского). Но я посчитал, что два нормальных мужика-библиотекаря из одной семьи – уже перебор! Володю вышибли, поставив на экзамене по специальности «неуд», хотя прошел и его режиссёрский этюд, и две-три актёрские работы у других студентов-режиссёров. А я с расстройства и от переживаний за брата даже закурил, уже по-настоящему. И дымил целых 15 лет, пока окончательно не бросил.

После зимней сессии в нашей комнате вновь стало пятеро жильцов. Как я уже упоминал, возвратились Юра с Грачёвым, назло Магнату и к неудовольствию Красной Шапочки.

Спустя сорок лет, перед моими глазами всплывают такие картины. Володя Есенин, над койкой которого висела та самая книжная полка, достаёт наугад толстенную книгу из трёхтомника избранных сочинений В.И. Ленина. Раскрывает на любой странице, читает вслух первую попавшуюся фразу и, восхищаясь гениальностью классика, начинает её комментировать. К комментариям постепенно подключаемся и мы. Всё это нередко перерастало в настоящие дискуссии.

Модным в то время считалось такое течение в литературе и искусстве, да и философии тоже, как *экзистенциализм*. Мы читали работы его основоположника – Кьеркегора (разумеется, в трактовке какого-нибудь советского философа). Не понаслышке знали Кафку, Камю, Сартра, Симону де Бовуар, читая их романы и эссе. Мелькали имена философов Бердяева, Ясперса, Хайдеггера, Габриэля Марселя. Мы пытались поставить себя в «пограничные ситуации», гипотетически философствовали о том, как бы мы повели себя в экстримах. В доказательство приводили известные подвиги наших советских людей в недавней Отечественной войне, выискивали примеры из современной русской литературы, вспоминали Януша Корчака, Коперника, повешенных декабристов…

Спорили до хрипоты, попеременно и разом все вместе. За стенами раздавались стуки – с одной стороны девчата-соседки тем самым просили прекратить наши ночные бдения, с другой – всё тот же Ястребов (или всё же Ломакин?). На какое-

то время замолкали. Потом опять кто-либо бросал фразу или реплику, ему отвечали. И так – порой, до самого утра…

А наутро Циркину или Изюмскому уже становились известными даже темы наших споров и разговоров. Нас по-отечески журили и пытались показать всю порочность и несостоятельность этой западной антисоветской философии и воплощения её в произведениях искусства. Мы отговаривались уже теми же аргументами, которые приводили нам наши же педагоги: «Чтобы бить врага – надо знать его оружие!»

Как я уже отмечал, новая общага пополнилась вторым набором. Пришли новенькие молоденькие и красивые девчата. Ну, а новенькие всегда вызывают поначалу больший интерес, нежели уже примелькавшиеся. Начали завязываться новые знакомства, взаимосимпатии, флирт и даже влюблённости. Но об этом остановимся подробнее в соответствующей главе воспоминаний.

Окончание нашего проживания в общаге на Спортивной-91 было не менее драматичным, чем её начало. Вышибли не только из общаги, но и из института ещё одного «могиканина» - Володю Есенина. На сей раз – и впрямь за компанию, только не с Юрой и даже не с Грачёвым (и - слава Богу!).

После летних каникул мы вернулись уже студентами третьего курса. В институте произвели третий набор. И опять встал вопрос с жильём. А его всё не было, хотя, наверняка, наше начальство хлопотало и требовало у городских и областных властей новые жилые площади. Чтобы как-то выиграть время, отправили всех нас «в колхоз», оставив в институте лишь несколько студентов, в том числе и Юру Ли с Володей Есениным – заниматься строительными и ремонтными работами. Более месяца студенты всех специальностей выполняли на колхозных и совхозных полях Продовольственную программу партии. Вернулись в родные Пенаты – а там, как и прежде, никаких сдвигов. Многим приходилось ютиться, где придётся: на вокзалах, гостиницах, у родичей и знакомых. Назревал жилищный кризис, который вылился в полустихийную акцию протеста нашего студенчества. Было решено идти к Обкому КПСС и требовать уже там жильё.

Закопёрщиками этого мероприятия были в основном студенты с КПР: Светлана Карпушина, Олег Бойков, Александр Демидов (кажется, так его фамилия) и ещё человека три-четыре. От нашего факультета в оргкомитет вошел и я. Выработали требования: нормальное студенческое общежитие, на большее мы и не претендовали.

В первый день занятий (кажется, третьего или четвёртого октября 1971 года) основная масса студентов вышла на улицу, покинув аудитории, несмотря на всяческие уговоры преподавателей и деканов.

Организованно мы подались уже известным демонстрационным маршрутом на площадь Советов. Об этой акции каким-то образом узнали студенты индустриально-педагогического техникума, КузПИ и педагогического института. По мере нашего продвижения, они высыпали наружу и приветствовали нас, проявляя тем самым свою солидарность. Не буду описывать, как всё разворачивалось дальше, только эта акция возымела свои результаты. Уже дня через три мы получили новое общежитие – два верхних этажа в новом корпусе общаги коммунально-строительного техникума. Комнаты в этой общаге были абсолютно аналогичны тем, где мы проживали на Спортивной-91. Резонансом стало и сообщение по БИ-БИ-СИ о студенческой демонстрации протеста в Кемерове.

Начались разборки и поиски организаторов. Всех закопёрщиков выявили, да этого никто особо и не скрывал. Я отделался малым испугом, а точнее – публичным раскаянием на комсомольском собрании факультета, на которое меня вынудили наши партийные и комсомольские бонзы.

Окончательно отчислили Олега Бойкова, который приехал восстанавливаться снова на дневное отделение после года обучения на заочном. Под горячую руку попал и Есенин. Нужно было найти повод для отчисления Демидова, как одного из организаторов демонстрации. Повод нашелся – хмельная драчка между Есениным и этим самым Демидовым. Получилось почти по Пушкину: «Разобраться, да обоих и наказать!» Короче, попал наш Есенин, как кур в ощип. Мало того, его исключили и из партии, яростным и идейно-стойким апологетом которой он

являлся. И ещё неизвестно, что было для него большей трагедией – исключение из института или из партии.

Место выбывшего (позднее всё же восстановленного на ОЗО) Есенина занял в комнате общаги уже на Тухачевского-23 Витя Эрлих, переведшийся с заочного.

Тухачевского-23 – стала нашей *третьей* общагой. Стояла она на самом отшибе, по дороге на аэропорт. Чуть в стороне за ней – находился учебный корпус коммунально-строительного техникума, а далее, где сейчас расположились жилые кварталы микрорайона, получившего название ФПК, были сплошные пустыри. Там мы загорали, отдыхали, устраивали пикнички. Там же вечерами прогуливались, уединяясь, и влюблённые парочки.

Мужское поголовье нашего женского факультета опять оказалось на пятом этаже, и снова в «малиннике». В нашей комнате, кроме меня, Юры Ли, Грачёва и второкурсника Толика Кудряшова (куда ж без него?) поселились ещё Витя Эрлих и якут-первокурсник Саша Сивцев. Несколько комнат, как и на Спортивной, было отдано преподавателям. Весь четвёртый этаж заняли капээровцы.

Здесь, на Тухачевского, стала «вытанцовываться» и моя семейная перспектива. Да и не только моя. В одной из комнат оказались вместе Люда Великосельская, Татьяна и Люда Храмовы, Люба Кондюрина и, кажется, ещё одна симпатичная якуточка по имени Джина. Облюбовали эту комнату, точнее её жиличек – я, Володя Печень, Коля Смольский и Коля Колтунов (все трое – музыканты). Да со временем все и переженились – к концу третьего-четвёртого курсов: я – на Великосельской, Смольский – на Татьяне Храмовой, Печень – на Людмиле Храмовой, Колтунов обручился с Кондюриной (Кукушкой). У трёх пар в этой общаге появились и первые дети.

А через полтора года, с января 1973, мы с Людой заняли уже здесь отдельную комнату. У нас родилась первая дочь, которую, пройдя весь алфавит женских имен от А до Я, назвали красивым древнерусским именем Ярослава. Уже на последнем курсе обучения отдельные комнаты получили здесь Печени, Колтуновы, Жемеро (Толик с Натальей Жуковой), Печкуровы (Олег и Тамара Завражина).

Даже став обладателем отдельной комнаты в общаге, я по привычке частенько забегал в *свою* бывшую и подолгу находился там с ребятами, где мы просто общались, устраивали пирушки, пели песни, играли в карты, а между всем этим писали дипломные работы и готовились к государственным экзаменам.

Чтобы дать жене хоть какую-то передышку от нашей вечно орущей дочери, я забирал её спеленатую и отправлялся в комнату к парням. Там мы резались в «кинга» и «покер», громко спорили, вставляя матерные словечки, курили до синевы в комнате, а наша дочь преспокойненько спала. И лишь наступала минута затишья, как она басовито подавала о себе знать.

Помимо нашей свадьбы, запомнилась эта общага ещё двумя яркими событиями.

Первое – трагическое. Да простит меня мой студенческий друг и нынешний собрат по литературному перу Володя Есенин, но «из песни слов не выкинешь»…

Второе яркое события бытности на улице Тухачевского – война с аборигенами. Дело шло уже к нашему выпуску. Мы сдавали ГОСы, подолгу готовясь в библиотеках. А в это время развернулась настоящая война, правда, обошедшаяся без жертв с обеих сторон.

Всякая общага, если там ещё много молодых и красивых девушек, словно мух, привлекает нагловатых и хамовитых местных урок. Так было на Парковой, случалось – на Спортивной. Так получилось и здесь, на Тухачевского. Разумеется, нами, ребятами, это не приветствовалось. И мы могли за себя постоять.

Был у нас студент второго набора – Коля Милютин, отслуживший уже армию, женатый – родной старший брат Лёшки Милютина, и тоже музыкант. Чтобы обеспечить себя и семью, Коля подрабатывал дежурным в милиции, проживая у нас в общаге. Как-то, возвращаясь с дежурства, в милицейской форме, он решил немного приструнить столпившуюся у нашего входа местную братию. В ответ те начали вызывающе оскорблять его, даже ударили и сбили с его головы форменную фуражку. Колю это не на шутку рассердило, и он надел на голову одному из них мусорный бачок! На следующий день те подкараулили его прямо у входа в наше общежитие и изрядно

избили, да так, что ему пришлось даже обратиться в травму. Тут уже и мы вступились за нашего товарища.

И началось. Днём – ещё спокойно, будто ничего и не было. А вечерами, когда сгущались сумерки, на пустыре, за техникумом, сбивались в банду подвыпившие аборигены окраинных нахаловок. Иной вечер собиралось их за полусотню, если не больше. Поджидали припозднившихся студентов и избивали их. В ответ, по команде какого-нибудь Толика Гусева, Валерки Банина или Бориса Котина высыпали мы толпой на улицу, и завязывалась потасовка. Доставалось и тем, и другим.

Поначалу нам казалось, что мы и сами в состоянии справиться с обнаглевшими урками. Тем более, - считали, что это продлится всего день-другой. Увы. Война приобретала всё расширяющиеся масштабы. Стало перепадать не только нам, но и нашим соседям – студентам техникума и училища. Прознало про это и наше руководство, отряжая каждый вечер на дежурство в общежитие какого-нибудь педагога. Однако и педагоги были не в состоянии прекратить безобразия местных. А милиция, как ни странно, всё не ввязывалась или прибывала к месту наших побоищ с запозданием минут на двадцать.

Дело дошло уже и до ружейной стрельбы – как с той, так и с нашей стороны. Кое у кого из наших нелегально хранились охотничьи ружья. В ответ на *их* пальбу, выскакивали *и наши* «мушкетёры», открывая ружейную канонаду. Правда, в основном, в воздух или поверх голов противника.

Мы стали искать союзников, в лице всё тех же соседей – студентов техникума и училища, которое ныне называется профессионально-техническим колледжем. Чтобы в сумерках не перепутать своих с чужими – ввели для всех «наших» опознавательный знак – белое полотенце, повязанное на шею или на рукав.

Война прекратилась разом: 16 июня 1973 года – в день выборов в какой-то Совет, кажется, в Верховный. О наших стычках с местными слухи уже явно дошли до городских и областных властей. А тут – такое политическое мероприятие, как выборы. Что могла про это сообщить по радио вредоносная заграница? Видимо, и институтское начальство настояло на том, чтобы милиция пришла к нам на помощь вовремя, по нашему

сигналу. Так и случилось. Часов около 12 ночи, в самый разгар потасовки, прибыло разом с десяток экипажей милицейских машин с вооруженными милиционерами.

Сажали по парочке человек наших к себе в машины, и начинались поиски и преследования разбегавшихся аборигенов. Удалось таким образом отловить с десяток, если не больше, хулиганов, и даже завести на них дело.

Осмелевшие наши тоже не сидели, сложа руки, действуя самостоятельно. Поймали с пяток противников и так отметелили, что некоторым из них пришлось обращаться в больницы. И уже началось выяснение – кто же из наших так постарался, чтобы завести ответное дело. Одним из таких отчаюг оказался Боря Котин – с РТ, женившейся на Ленке Бублик с БФ. Ему-то и пришлось срочно, после сдачи последнего экзамена, сматываться из общаги и даже города, заметая следы и не дожидаясь вручения диплома и выпускного вечера. Да-а. Общага – она и есть общага. Чего только она не видывала, кого только она не привечала и не обласкивала?

Общага – кому мать родная, кому – и мачеха.

Глава *шестая.* «ОТ СЕССИИ ДО СЕССИИ ЖИВУТ СТУДЕНТЫ ВЕСЕЛО…» -

Так певалось в старинной студенческой шуточной песенке. Да так оно и бывало на самом деле. Последуем же и мы вслед за этим девизом. Вузовская методика обучения значительно отличается от школьной. И, прежде всего, тем, что тебя в первое время никто ничего не спрашивает, и не задают ничего на дом. Просто вычитывают, а точнее, начитывают лекционный материал, при этом, исправно платят ежемесячно стипендию. Зато потом, если расслабился, и жизнь показалась малиной, - непременно последует холодный отрезвляющий душ в виде всё тех же семинаров, коллоквиумов, практических и лабораторных работ, контрольных точек и курсовых, в конечном итоге – «хвостов»…

Не будем о грустном. Лучше – о стипендии. Стипендия, стипешка, стёпка, стипон – чарующие слова для студенчества моего поколения. Многим она являлась основным источником существования. А для некоторых (были, увы, и такие) –

единственным. 28 рэ обычная, и 35 – повышенная. Минус полтора рубля за общагу. Прикиньте, сколько остаётся? И, тем не менее, это служило важнейшим внешним стимулом в учёбе и жизни. Была такая весёлая песенка:

Студенты на ступеньках и пляшут, и поют:
Стипендию, стипендию, стипендию дают!

У Коли Смольского – ещё круче:

А когда выдают стипендию, город – действующий вулкан!

Ну, вулкан – не вулкан, а извержения эмоций и положительных импульсов – непременно! Стипендия – это деньги. А деньги, хоть и небольшие, всегда сопутствуют доброму настроению. И это уже немало. К тому же, кому из студентов, даже самому рачительному, со стипешки, не приходили в голову бредовые мысли транжиры: а не прокутить ли пятёрочку или хотя бы трояк?!

И кутили ведь! Сбрасывались по тому же трояку и, не долго думая, в ближайший винный отдел гастронома, в «Колос»! Разжиться дешёвеньким «агдамчиком» или портвешком «Три семёрки». Да чего это я наговариваю-то на себя?! Где-то, курсе на втором-третьем нашего пребывания в альма-матер, в магазинах города Кемерово стало появляться вполне приличное десертное болгарское и венгерское вино: «Тамянка», «Славянка», «Бисер», Варна», «Тырново», «Токайское». Стоило оно, конечно, раза в полтора-два дороже нашей бормотушки, зато как пилось?! С каким букетом и ароматом, с каким послевкусием… Не то что после «Агдама» - где тут же, по привычке, хотелось хоть чем-то зажевать – хоть селёдкой, хоть редькой с хреном - и перебить сивушно-пригоревший запах и вкус шедевров нашего отечественного виноделия.

А уж, коль принял соточку-другую веселящего зелья – тары-бары-растабары пошли. На песни поманило. На танцы. Потом, потом… Ну, сами знаете, что потом: конечно же, пообщаться с лицами противоположного пола, поамурничать…

Общага–общагой – надоедает и она, хоть и второй дом родной. Душа просит чего-нибудь пошире. Чего? Ну, к примеру, посидеть хотя бы вечерок за приличным столиком в ожидании

заказанного мясного или овощного салатика, горяченького антрекота, лангета или бефстроганов, шницеля рубленого или котлеты – в крайнем случае, под гарнирчиком из картошки-фри. Разумеется, чтобы и веселящие напитки были. Без них и идти в кабак нет смысла. Расслабиться, побалдеть под живую музыку оркестра, на худой конец – под радиолу.

Где? Вопрос почти риторический. Да, конечно же, в «Салюте»! Чего долго мудрствовать?! «Салют»-то – вот он, в каких-то пяти минутах ходьбы – что от Парковой, что от Спортивной. Кто ж «Салют» не знал по тем временам? Кафе, что на проспекте Ленина, между кинотеатром «Юбилейный» и универмагом. Каким только именем его не кликали в нашу бытность: «Салат», «Всегда готов!», «Третий корпус». Нет его теперь, канул в Лету, как и наши студенческие годы. А тогда перебывала в нём вся наша братия. Да и преподаватели не обходили его стороной. Особенно молодые. Да и не только. Иван Иванович Проханов, к примеру. По преданиям, тот, торопясь на занятия, всегда заглядывал сюда пропустить соточку водки, закусив непременно сырым яйцом.

« А, кутить – так кутить! – бытовал в нашу пору анекдотец,- сказал студент, пересчитывая на ладони мелочь. И заказал ещё стакан чая и булочку за три копейки!»

Вот и мы также. Если на пятёрку можно было хоть и скромно, но провести вечерок всё в том же «Салюте», то в ресторан с пятёркой уже отправляться было рискованно - недолго и припозориться при расчёте. Червонец при себе имей, ну, хотя бы рублей семь. А лишних-то никогда и не бывало. Без серьёзной бреши в бюджете никак не обойтись. Однако случалось, заваливали бесшабашно на вечерок куда-нибудь в «Сибирь», «Томь», «Волну» или даже в «Кузбасс». Заносило порой и на аэропорт. Там тоже можно было посидеть в ресторанчике. Пусть и похуже интерьер с кухней, а цены покусачее. Попасть запросто в ресторан вечером удавалось далеко не всегда из-за отсутствия свободных мест. Да и «лишнего» чирика - в кармане… Трудовой же люд города любил хаживать вечерами по ресторанам, а в Кемерове тогда их было негусто.

Жить по-студенчески весело – вовсе не означает всё время быть «навеселе». К тому же, кто увлекался «быть навеселе» - дольше одного курса в институте не задерживался, а то и пораньше вылетал, как воробьишка из весеннего скворечника при появлении скворцов-хозяев.

Пирушки пирушками, да не только ими одними жив студент. Может быть, я и преувеличиваю, но за четыре года академического обучения в вузе, каждый из нас получил ещё одно высшее образование – на общеобразовательном и общекультурном уровнях, как бы в народном университете. Я уже отмечал, что возрастной диапазон наших студентов был очень широким. У иных за плечами оказывалось по пять-семь и более лет работы в разных отраслях народного хозяйства. Но чаще всего – в сфере культуры и искусства. А значит, было у кого и что перенимать.

Живя в одной комнате и вращаясь среди студентов других специальностей, мы волей-неволей взаимно обогащались друг от друга: терминологией, основными понятиями, именами классиков и выдающихся деятелей искусства, направлениями, жанрами; являлись очевидцами творческого и профессионального роста наших сокурсников.

Приходилось, и неоднократно, бывать на курсовых и дипломных работах у хоровиков, хореографов, режиссёров – начиная с самых ранних, этюдных, на первых курсах, и заканчивая дипломными и выпускными полноценными творениями. Да и редкий официальный праздник обходился без концертов, на которых выступали наши студенты и их педагоги.

И всё это уже шло в нашу общеобразовательную копилку. Так, мне, не знавшему даже, что такое хореография, всегда было любопытно: а чему же там учат, чем они там занимаются, становясь в позиции, поднимая ноги и руки, подпрыгивая и поскакивая. Постепенно пообвык и к виду в «униформе», и к специфическому балетному потному запаху.

Вспоминаю один забавный анекдот. У нас появился новый проректор по АХЧ, некто Загайнов Николай Ильич – пенсионер, кажется, бывший первый секретарь Яшкинского райкома партии. Собеседникам он любил рассказывать о своём появлении в учебном корпусе института: «Когда я впервые

пришел в институт – думал, что в дурдом попал: тут скачут, там пляшут, здесь поют, играют, а те и вовсе на стенку лезут!»

Что поделаешь: живут студенты весело! К тому же, это ещё и специфика нашего творческого вуза.

Поскольку в число моих близких сокурсников попало немало музыкантов, а к музыке я был неравнодушен с детства, уговорили они меня уже на первом курсе взять годичный абонемент на 10 филармонических концертов. Абонементный билет по тем временам стоил 3 рубля 80 копеек. В целом – и немало. Зато выходило – всего-то по сорок копеек за один концерт. Почти, как за сеанс в кинотеатре. Филармония находилась тогда ещё в старом помещении – нынче это здание училища (колледжа) культуры, что рядом с губернским сельским рынком. Так вот, там я впервые услыхал и увидал «живьём» очень многое: и классическое профессиональное вокальное и хоровое пение, и струнно-смычковые, фортепианные концерты, симфонические и эстрадные концерты. Ну, и исполнителей, разумеется.

Никогда не забуду, какое сильное впечатление произвела на меня *живая* музыка струнно-смычкового квартета к кинофильму «Овод»! До дрожи пробрало! Сороковую (соль-минорную) симфонию Моцарта, точнее, её вступительную часть мне приходилось раньше слушать лишь в исполнении нашего школьного учителя пения, баяниста Ивана Петровича. А тут – симфонический оркестр! Представляете соотношение звучания: баян и целый симфонический оркестр!

Хоровое исполнение меня тоже завораживало и зачаровывало. Мы-то, в своей школе и в сельском клубе в лучшем случае пытались что-либо спеть на два голоса. А тут – такое многоголосие! Так слаженно, стереофонически-объёмно, так красиво!

Думаю, что нам повезло больше, чем нынешним студентам нашего же вуза. И вот в чём. Во-первых, билеты на концерты стоили всего-то рубль-два (а на абонементные – и того меньше). Стало быть, были такие концерты более доступными. А то и вовсе ходили мы «на халяву», предъявив на входе свой студенческий билет нашего творческого вуза. Во-вторых, руководство института частенько приглашало в актовый зал или

просто поточные аудитории заезжих знаменитостей на творческие (полагаю, шефские – читай, бесплатные) встречи со студентами – для общения, мастер-классов, выступлений.

Можно ли забыть встречу с Махмудом Эсамбаевым – замечательным танцовщиком, чеченом, народным артистом Союза, Героем соцтруда?! Да один его гордый вид – в высокой коричневой каракулевой папахе чего стоил! А танец «Макумба» - на нашей крохотной сцене? Там он в течение пяти минут с позы «лотос» поднимается в полный рост, весь увешанный колокольчиками и бубенцами, при этом, ни один колокольчик не звякнул. Или «Весёлый портняжка». И всё это – перед тобою, в каких-то пяти – семи метрах от тебя. Можно рассмотреть каждую черточку на его лице. «Я никогда в жизни не наедался досыта»,- не то гордился собой, не то искал сочувствия среди нас, полуголодных студентов, далеко не бедный Махмуд.

А Вальтер Запашный? Всемирно знаменитый артист цирка, дрессировщик, укротитель хищников, со своей «кошечкой» - пумой на поводке – прямо в нашей поточной 202-й аудитории?!

Чего только стоили их увлекательнейшие рассказы и демонстрации различных трюков!

Частенько, пока у нас не было своего приличного концертного зала, мы, по приглашению (и, конечно же, бесплатно) хаживали к нашим ближайшим соседям – в музыкальное училище. Прекрасно помню из таких визитов к соседям сольные концерты прославленных баянистов Казакова и Беляева! Там же проходили и встречи с композиторами Оскаром Фельцманом и Яном Френкелем! Да разве такое можно забыть – на всю жизнь!

Едва ли не с самого начала пытались нас приобщить к местной культуре и искусству. Недаром ведь ещё на собеседовании любимым вопросом Ю.В. Изюмского был: «А кого вы знаете из местных писателей, что читали у них?» То же касалось и кузбасских художников, а также постановок областным драмтеатром.

И уже в первый же год обучения мы стали «внедряться» в местную культуру. Пересмотрели весь репертуар драмтеатра. И, надо отдать должное, на то время там и репертуар был

неплохим, и актерская труппа очень сильная. Что запомнилось? Особо ярко – два спектакля. Один – «Метель» - премьерный спектакль по пьесе Леонида Леонова. Наш театр едва ли не самым первым в СССР поставил эту его пьесу, и сам автор прислал к премьере поздравительную телеграмму, которая и была зачитана. Я даже помню костюм главного героя – офицерский белогвардейский френч уже без погон и прочих знаков отличия и ненашенские желто-коричневые солдатские сапоги.

Ещё один спектакль. «Таланты и поклонники» А.Н. Островского, где одну из главных ролей играл гастрольно-приглашенный на один спектакль народный артист Владимир Самойлов. Так и стоит перед глазами один его жест: он деликатно снимает с платья дамы невидимую пушинку и сдувает её уже со своих пальцев… Кстати, Самойлов в пятидесятые годы играл именно в Кемеровском драмтеатре, что придавало нам впоследствии особую гордость и позволяло считать его «своим, нашенским».

Частыми гостями в институте бывали и местные литераторы: Евгений Буравлёв, Игорь Киселёв, Геннадий Гаденов, Валентин Махалов, Геннадий Юров, Виктор Баянов, Владимир Мазаев, Сергей Донбай, Николай Колмогоров, Виталий Крёков и другие. Это потом, много лет спустя, я мог запросто пообщаться и с Махаловым, и с Баяновым, и с Мазаевым, и с Юровым, и с Донбаем, а тогда казалось, что все эти люди – и впрямь небожители, снизошедшие до нас со своего Парнаса. Правда, довольно скоро уже мы познакомились с молодым поэтом Виталием Крёковым. Он стал частенько бывать у нас в общежитии и даже в нашей комнате. А с Николаем Колмогоровым (оказывается – тогда он был всего лишь студентом музучилища!) пришлось однажды «на калыме» выгружать вагоны с огнеупорными кирпичами на «Коксохиме».

Едва ли не в первый семестр мы обошли залы краеведческого музея и выставок произведений живописи. Приобщились к «живому» восприятию произведений изобразительного искусства. Немало в её понимании способствовала и учебная дисциплина «История ИЗО» (кажется, так она называлась), которую позднее вёл у нас А.А. Кузичев.

Где-то к концу нашего обучения впервые я посмотрел и балет. Настоящий. Пусть и в гастрольном варианте Свердловского театра оперы и балета. Это был спектакль «Спартак» на музыку Арама Хачатуряна. Скажу честно, из всех видов искусства балет воспринимался мною наиболее трудно – не был я знаком со спецификой этого вида, его выразительными средствами, символикой, языком. Без либретто довольно трудно всё воспринималось и осознавалось, хотя сюжет, историческая канва спектакля, был мне известен и довольно неплохо. К тому же, отдельные музыкальные вещи из этого спектакля входили в популярную классику. А вот опыта восприятия балета «живьём» у меня не было. Мало того, кажется, я не столько следил за самим балетом, сколько пытался узнать в сценах-массовках наших студентов, в том числе – и Колю Смольского, загримированного под какого-то мавра из свиты Красса.

Из филармонических концертов запомнились два эстрадных. На одном выступали популярные в то время артисты Вадим Мулерман и Вероника Круглова (тогда – его жена). Кажется, на этом же концерте я впервые увидел и Владимира Шубарина – блестящего экспрессивного танцовщика, которого мы тоже считали едва ли не своим – выходец из Прокопьевска! Второй концерт – выступление Ленинградского диксиленда. Замечательный и по нынешним меркам, а тогда – совсем незнакомый для меня жанр искусства и манера исполнения. Впечатлений было преизрядно!

Межсессионная наша жизнь складывалась не только из одних увеселений в ресторанах, кафе, театрах, филармониях и кинозалах. Была и проза жизни – менее интересная и полезная для нас, но, видимо, необходимая для иного.

Хочешь – не хочешь, больной или здоровый, отличник ты или завзятый троечник, а подошла осенняя пора – отправляться надо не в аудиторию, а на необозримые плантации колхозных и совхозных полей. В колхоз. На картошку. Вот и «веселились» там, «радуясь», как того требовал гимн «Гаудеамус». Только вот ни одного куплета про картошку в оригинальной версии «Гаудеамуса» я что-то не встречал. Ну, не придаваться же унынию и хандре, сколь ни были бы безмерными картофельные поля и бурты зерна на сушилках?!

Сначала подключали нас на разовые однодневные выезды. Мороки много – толку мало, больше времени проводили в сборах да дороге, чем на поле. Потом стали сроки увеличивать от двух дней до недели. Тоже канители хватало. Подшефным хозяйством у нас был совхоз «Заря» - недалеко от города. Выезжали на открытых машинах-грузовиках целым табором: со своей посудой (миска, ложка, кружка), одеялами и матрасовками. Брали с собой баяны с гитарами, как без этого?!

Поскольку нас там, если и ждали, то в основном, как рабочую дармовую силу – особых (даже элементарных) условий быта никто не гарантировал. Принимали нас в каком-нибудь полуразвалившемся или недостроенном клубе, школе-интернате, а то и вовсе – гараже или бывшем коровнике. Наспех сколоченные нары, порой в два яруса, – лучшее, что могли предложить нам местные руководители хозяйств. Нередко на ночь устраивались прямо на полу, человек по двадцать-тридцать в небольшом тесном помещении. Набивались соломой матрасовки, на них и спали, укрываясь привезенными с собой одеялами и теми же рабочими куртками. Ночами, да и днём, там бесцеремонно шастали «аборигены» - крысы и мыши.

Романтика и молодость уводили порой из таких казарменных *апартаментов* ночевать в поле, в какую-нибудь соломенную скирду. Помните, у Михаила Ножкина: *«С ненаглядной певуньей в стогу ночевал…»* Вот и мы также. С вечера, когда ещё сухо и тепло, у костра, да с песнями и выпивкой – лучшего и не надо. Потом – в стогу душно, зябко до дрожи (хоть и с певуньей в обнимку) и некомфортно, всюду колется соломенной трухой, пахнет мышами и прелой травой.

На втором курсе в совхозе «Заря» были уже с пополнением, вторым набором. Веселья хватало, к тому же любопытство: а что за новенькие? Приглядывались друг к дружке, подыскивая себе новые временные половинки. Полевая кухня не баловала разнообразием меню и изысканным вкусом. Абы набить чем свой желудок до следующей трапезы. Случалось, припозднившихся где на поле или в другом месте вообще оставляли без пайка, трудно было рассчитать всё правильно на такую ораву.

Совхоз «Берикульский» - это туда нас упрятали уже на целый месяц в начале третьего курса, надеясь выиграть время с новым общежитием. Там уже собрались представители всех трёх наборов. Это после него мы подняли бучу в институте по поводу жилья.

Поля – немереные, картошки – море. Погода – дрянь. Дожди и слякоть, студёно. Аборигены неприветливые, мужичьё драчливое: подавай им наших девок, как наложниц каких. В одиночку да парочками – лучше и не ходи, непременно «поднесут» под глаз или врежут по затылку. Вечерами – и вовсе, чуть ли не войны. Благо, были «разгонялы» - нас, ребят полтора десятка (на две сотни девчат) да два физрука – Бабышин (Коля-Ваня) и Соболев (Миша Стеклянный). Побаивались местные нахалюги, в основном, последних – за нокауты Коли-Вани, да спринтерские догонки и добавки Стеклянного.

Я бы мог и не ехать «в колхоз» - «отгондурасил» своё лето в стройотряде с томичами на севере, посреди приобских болот, на жаре и гнусе. Как же – соскучился, любимая на картошку поехала, ну и я за ней. Почавкали сапожищами парни вместе с девчонками на грязных картофельных полях дня три-четыре. Скучно стало. Решил я своих наличных мужиков в стройбригаду организовать. Договорился с совхозным начальством. Те добро дали, объекты строительно-ремонтных работ выделили нам, оговорили смету, объёмы. Сему самообразованию и название придумали – «Арчекас», а всё потому, что отправили нашу бригаду за Мариинск, в пионерский лагерь с таким же именем. Там и жили в необорудованной столовке, сами готовили (Малый чёрт - за повара), там же и работали: конопатили, красили, белили, утепляли крышу. Я – за бугра, естественно. И работа, и наряды, и пропитание, и быт – всё на мне. Нет, помощник был – Коля Милютин, со второго набора, бывший армейский старшина. Ребята поверили мне: как же, бывалый, единственный, кто «похлебал кутьи» *сэсэошной*! Не подвёл, надо признаться. За неделю на каждого по 60 рубликов чистоганом вышло. А это – двухмесячная стипендия. И были там, кроме меня да Коли: Володя Печень, Лёшка Милютин, Витя Худяшов, Толик Кудряшов, Витя Эрлих, Юрка Борисенко, Володя Юстус, Валера Банин, Витя Заподойников,

Коля Елефтериади. Коля – грек по национальности. Чтобы мозги нашим дамам задурить и выглядеть позагадочнее и солиднее, предложил стройбанду стройотрядом называть. И новое название ему придумал – «APHILOSE», что, якобы, в переводе с греческого означает «Я люблю». Даже эмблемку придумали, в виде головы спартанского гладиатора…

В берикульский стан-лагерь после Арчекаса возвращались как партизаны после удачной операции: строем и с песней. Это – Коля Милютин всё никак ещё не мог отвыкнуть от армейских привычек:

Вдоль по дороге, вдоль по дороге,
По дороге войско красное идёт!...

А потом почему-то певали «Поезд шел с Москвы на Восток», ставшею чуть ли не отрядной песней. Ну, - вариант песни фильма «Мы из джаза», где «я не уберу свой чемоданчик…» Только пели мы лет за пять до того, как появился на экранах этот замечательный фильм.

…Студенческие строительные отряды (ССО) – особый мир. И тоже в межсессионный период. А если быть точным, то летом, на каникулах. Год тебя всячески опекают, пытаясь водить за ручку, а тут – абсолютная самостоятельность, и всё на полном серьёзе. В эпоху развитого социализма, а именно так именовали политологи и историки нашу студенческую пору, частенько разносилось по радио бравурная песенка:

У студентов есть своя планета –
Это, это, это – целина!

Ну, целина - не целина, а строительного «киселя» похлебать довелось мне вволюшку, как и полакомиться колхозно-картофельными «драниками!». Если считать за отряд и наш «Арчекас», то в общей сложности в моей сэсэошной биографии набирается их ровно полдюжины. Пять *лет* отдал я этой самой целине – во время студенческих каникул, а потом – и своих преподавательских отпусков. Вполне заслуженно можно отнести меня к ветеранам стройотрядовского движения!

В самый первый отряд (1971 г.), когда в институте своих ещё не было, сманил дружок мой Коля Ковшаров – студент Томского политехнического, на всё лето после второго курса. Были на севере Томской области, на Всесоюзной комсомольской

стройке – Стрежевом. Правда, не в самом Стрежевом, но относились именно к этому районному отряду. Строили нефтеперекачивающую станцию (НПС) самого что ни на есть нулевого километра нефтепровода «Александровское – Анжеро-Судженск». А это – от Александровского ещё севернее, даже севернее Стрежевого, всего в каких-то 30 километрах от знаменитого ныне Нижне-Вартовска, по тем временам - захолустной приобской деревни. Центральный товарный парк (ЦТП) – так называлось то место на карте томских нефтяников. Земляные и бетонные работы – фундаменты под сложнейшие технические сооружения, в вечной мерзлоте. А помимо того – лежнёвая дорога по согре, к пристани на Оби, куда завозили грузы для ЦТП. Отряд томских электро-физиков, да два отряда студентов-авиаторов, из Казани и Куйбышева.

Комарьё, гнус, жара и пылища, дожди и непролазная грязюка. Сам вырос в тайге да среди болот, но гнуса, сколько было в то лето, видывать ещё не приходилось. Не помогали ни мази, ни репудин, ни дёготь. Единственное спасение – сетки, вроде хозяйственных авосек, пропитанные демитилфталатом, которые надевались на плечи и голову. Почти два месяца беспрерывного «веселья» под гнусо-комариную садистскую симфонию. Письмо написать было невозможно даже в дневное время. В недостроенном бараке, куда расселили отряд, в комнатах без дымокура находиться было невмоготу. Спали на раскладушках с самодельными проволочными каркасами, на которые были натянуты марлевые полога. Так что романтики – по самые брови, но и там студент остаётся студентом. Но уже, как в песне:

Пока мудрёные все науки в аудиториях грустят,
Мы проверяем свои руки - мы постигаем сопромат!

На следующие летние каникулы всё тот же Коля, уже командир отряда, сманил повторно. Опять в Томскую область, но уже в Кожевниково, районный центр, что на Оби. На этот раз была автозаправочная станция, плюс халтурные работы по мелочам. Научился вести кирпичную кладку и штукатурить. И быт, и условия – уже совсем иные, чем в ЦТП. А тут, как гром средь ясного неба: ты же гуманитарий, берись комиссарить! Куда деваться, раз доверили? Вот и комиссарил после работы,

там-то меня никто не освобождал от всего, чем занималась бригада. Зато потом – и концерты и стенгазеты, и шашечно-щахматные турниры, и спортивные мероприятия, и посвящение в бойцы ССО, и ежевечерние костры, непременно с гитарой и песнями. Под завязку – КВН с соседним отрядом, банкет и закрытие лагеря. И всё же, по сравнению с прошлогодним отрядом – это было почти курортом, с которого мне даже удалось вырваться на пару дней к молодой жене в Ижморку.

Третий отряд – путинный, в 1974 году. Я – уже в ранге старшего лаборанта в институте, и – рядовой боец-путинец на бланше сайры. Пожалуй, это был самый запоминающийся отряд. Одно слово *Шикотан* чего стоило! «Где голубеют Малые Курилы... Пишите «До востребованья» нам!» - Вот где поистине романтики! А песен…

И пусть каждая смена по 12 часов, и всё на ногах, и всё внаклон – разгрузка-загрузка бланшировальных печей. Столько пота я ни в ЦТП, ни в Кожевникове, ни тем более, в Арчекасе, ещё не проливал: за смену по три белых халата меняли… О Шикотане в двух словах всего не расскажешь. В третьей моей книге «От Ленинграда до Курил» ему посвящено целое путинно-путевое эссе. Там я и постарался излить все свои эмоции и восторги.

В четвёртый раз я надел зелёную форму с нагрудным желто-красным шевроном *командира* линейного отряда в 1976 году, после службы в ВМФ, уже преподавателем кафедры. Рекомендовал наш партком, а куда деваться? На сей раз это уже был свой, институтский, отряд «Искремас»:

Позади семестры и сессии,
стал бойцом теперь каждый из нас.
В пятый раз на два летних месяца
выезжает отряд «Искремас»!

Строили в поселке Яшкино завод крупно-панельного домостроения. Это здесь я открыл организаторский талант Ивана Либерта, рабфаковца эстрадного отделения. Это тогда я назначил его бригадиром, а на следующий год уже рекомендовал командиром отряда. Это при Иване «Искремас» приобрёл *всесоюзную* известность – в Тайге, на строительстве и ремонте железнодорожных путей, осваивая за сезон по

миллиону рублей! Сравните: семь миллионов освоения на весь областной отряд «Кузбасс», в котором десятка три линейных отрядов, и миллион – на один отряд! И чей? Института культуры??? Кто бы мог подумать! И зарабатывали у него рядовые бойцы баснословные суммы – до двух тысяч рублей! И так – в течение трёх лет! Быть бы Ивану орденоносцем, а то и Героем соцтруда, даже представили к ордену. Закавыка в биографии вышла – был осужден по молодости за драку, условно. Зато засиял *его орден* на груди секретаря комитета комсомола нашего института Нади Петровой. «Безупречно чистой», подходящей по всем параметрам (девушка, спортсменка, комсомолка, с высшим образованием, синими глазами и 24-х лет…) Такие вот раньше бывали разнарядки на награды и поощрения…

Уже под завязку моей стройотрядной биографии стал «Октябрь» - в 1982 году. Мы, восемнадцать педагогов института, решили тряхнуть стариной. Зажиточное село Чумай. Телефонизация села и окрестных деревушек, попутно - брусовой двухквартирник. Имели статус линейного студенческого строительного отряда. Всё та же зелёная форма, всё та же изнуряющая работа на нервах, всё та же коммуна и сплачивающее братство, и гордость за содеянное:

Зелёные куртки – вот весь наш наряд, и ждёт нас работа!
Уходит, уходит, уходит отряд, как будто пехота…
Да есть ли в жизни, что чудесней поры студенческой, когда
Мы начинаем, словно песни, мосты, заводы, города!

Вот и получается, в общей сложности я не менее года провёл только на стройках! Увы, ни в одной трудовой книжке этого не записано. Никто не приплюсует это время и в трудовой стаж, никто не накинет к мизерной пенсии хотя бы полтинник – на бутылку пива.

Уставали? – да! Веселились? – да! Зарабатывали? – не без этого. После своего первого ССО я привёз десятимесячную стипендию, после второго – полуторагодовую повышенную. А это – по тем меркам были довольно ощутимые деньги! Вот где гудели студенческие города, когда бойцы ССО, заросшие и бородатые, возвращались в свои Пенаты! Снимали

проветренные зелёные куртки, стриглись-брились, делали цивильные покупки-обновы и «взлохмачивали» пачки купюр…

Глубоко убеждён, что студент, хотя бы раз не побывавший за свою учёбу в ССО или экспедиции – неполноценный студент. В экстремальных, внеаудиторных условиях человек проявляется гораздо быстрее и ярче, сразу обнажается, как в общей бане… Дважды довелось мне побывать в ССО со своим студенческим другом Юрой Ли, один раз – с Витей Эрлихом. Могу и теперь с гордостью сказать, что ни тот, ни другой - ни в чем меня не подвели, не переложили свою работу на плечи кого-то из своих собратьев, а в трудную минуту всегда были рядом со мною.

Кстати, многие эпизоды стройотрядной жизни легли в основу моих рассказов и сюжетов. А сколько песен родилось в стройотрядах! Из каждого привозил по несколько штук. А со второго отряда, в пору жесточайшего гитарного дефицита, привёз я и семиструнку, что выделялась областным штабом ССО на каждый линейный отряд! Заслужил своей комиссарской работой и песнями! Та гитара жива и поныне. И пусть беру я её в руки всё реже и реже, но на ней, словно татуировки, сохранились потускневшие надписи нашей общей с нею гео-биографии.

…Конец 60-х начало 70-х годов – самый расцвет студенческих КаВээНов! Именно - студенческих! Именно весёлых и находчивых! КаВээНы и зародились в студенческой среде. При чём, если нынешние телевизионные КВНы – скорее хорошо отрежиссированные и отрепетированные шоу, с демонстрацией сплошных домашних заготовок, с профессиональными исполнителями (певцами, музыкантами, танцорами, драматическими артистами), то тогда всё строилось на импровизации. На экспромте. Болельщики являлись свидетелями и очевидцами рождения шуток и юмора. Естественно, случались и накладки, обычно из-за дефицита времени на подготовку и непрофессионализм показа, но на это как раз обращалось внимание в меньшей мере.

Скажу, не рисуясь, кое-какой опыт кавээновских игр имеется и у меня. Первое своё кавээновское крещение я прошел ещё в своей Пудинской школе, в десятом классе, в 1967 году, где

нас противопоставили параллельным однокашникам. Победили с преимуществом в пол-очка – утёрли-таки нос элитному классу! Второй КВН был уже в ССО, в отряде «Меридиан», в Кожевникове. Здесь я выступал за капитана команды. Играли отряд на отряд. И вторая победа.

Третий КВН. О, о нём следует написать подробнее. Было это уже на четвёртом году нашего обучения в вузе, осенью 1972. Кажется, и здесь я выступал в роли капитана команды. Но играли именно командой, а не лидерами. Не знаю кто, по чьей инициативе (может – декана Циркина А.В., может – комитета комсомола), но толчок тому дали. И завертелось. Опять же не упомню, кто разрабатывал сценарий того КВНа, может быть Наталья Белякова, может, кто с кафедры, но тема его была «Десять лет спустя». Вокруг неё и закручивалась вся кавээновская интрига, обыгрывались предполагаемые наши «дальние» перспективы, с переносом на конкретные личности, в том числе и наших педагогов: Циркина, Стаса, Шуранова, Бурцеву и т.д. Немало тогда мы выпустили своих острых «пуль» по их мишеням, и надо признаться, кое-что попадало если и не в самое «яблочко», то уж, во всяком случае, и не в «молоко».

Играли силами нашего курса. А вот распределили их не совсем равномерно. Первая и вторая группы – против третьей. Хотя и были в третьей группе Грачёв с заводной Людой Кузнецовой, но и они не смогли устоять против нашей мужской троицы, обогащенной восемью девицами! По правилам КВНов той поры в каждой команде участвовало по 11 игроков, как на футбольном поле.

Кстати, у Грачёва уже был опыт КВНов – и на более серьёзном уровне, играл за институтскую команду против команды из пединститута.

Точно помню, что в нашей команде, кроме мужской троицы (меня, Юры и Вити Эрлиха) играли Таня Ерёмина, Галка Емельянова, Вера Пята, Света Котлярова, Тамара Сим, Зина Григорьева, Лида Меркулова, Люся Зубкова.

А судьи кто? Да всё те же педагоги наших кафедр, плюс декан и представители от каждой учебной группы. Среди них оказалась и моя жена Людмила, староста группы БФ-692 – уже весьма округлившаяся (через пару месяцев мы ожидали

первенца). А председателем жюри, кажется, была директор областной научной библиотеки Капитолина Другова.

Сочинили тексты домашнего задания (было и такое). Я переделал парочку песен под гитару, в том числе и песню «Шумит над нами время золотое…», где были слова, что *«мы будем жить студенческой семьёю и через год и десять лет спустя».* Были, разумеется, и переделки песен под баян Грачёва у наших соперников.

Надо признаться, что особо-то мы и не «подъедали» друг друга, чем частенько грешили кавээнщики тех пор. Скорее, даже наоборот, радовались удачным шуткам и находкам своих соперников. Вперёд вырывались по очкам попеременно.

Однако профессионально-шуточный конкурс *на индексирование* позволил нашей команде значительно оторваться от третьей группы. А задание было такое. Нужно было заиндексировать по УДК отрывок из художественного произведения, определить его автора и дать комментарии. Главным индексатором у нас был Юра Ли (позднее он защитил кандидатскую именно по индексированию документов). Помню, что в отрывке присутствовала такая фраза «Мусик! Готов гусик?!» (отрывок из Ильфа и Петрова, где инженер Брунс донимает свою жену смачным обедом из гусятины). Юра, конечно, как умел, раскрыл тему через основной индекс, кажется: 63 (сельское хозяйство), добавил кучу общих и аналитических определителей. В итоге получился сложнейший индекс, знаков на пятьдесят! Но и это не главное. Юра блеснул не только знанием художественной литературы (угадав авторов), но и дал весьма юморные (именно весёлые и находчивые) комментарии. Вцепившись за «гусика», Юра выдал: «Тут явно пахнет Паниковским»! Правда, Паниковский – из «Золотого телёнка», а не «12 стульев», - но получилось в строку.

С небольшим преимуществом, но наша команда одержала верх. А в финале уже все вместе пели нашу общую: «Раскинулось море под индексом пять…»

О КВНе между нашим институтом и педагогическим довольно неплохо написал Толик Гусев. Повторяться не буду. Я был в зале, в числе наших болельщиков, организованно возглавлял которых сам Иван Иванович Проханов. Болели за

свою команду мы бурно и искренне. И всем казалось, что педагогическому явно подсуживают. А потому мы неоднократно скандировали: «Судей – на мыло!»

Сколько же было интересных находок, действительно экспромтных, а не заготовленных заранее (к тому же, и совсем не участниками КВН, как это делают теперь). Этим-то и хороши были КВНы той поры – искромётной сиюминутной находчивостью. Помню я и эстафетную «бяку» Серёги Атанова, и ключевую фразу капитана нашей команды о том, что гуси в своё время спасли Рим, ну а Гусев сегодня спасёт КВН! И ведь, действительно, спас!

Наш столикий первый набор на библиотечный факультет был богат на интересных людей, совершенно случайно оказавшихся вместе. И талантов тут тоже было предостаточно. По крайней мере, в эмбриональном виде. А вот полностью развить дарования, имеются в виду творческие, практически не было возможности. Попади мы в любые другие вузы иного профиля, наверняка третья часть увлеклась бы и активно участвовала во всех жанрах художественной самодеятельности и прочих видах искусства. Я уже упоминал, что Грачёв играл на баяне, моя жена Люда Великосельская до института три года пела в академической хоровой капелле города Краматорска, Света Котлярова занималась танцами, неплохо играла на пианино Наташа Качанова, Наталья Белякова прошла по конкурсу на режиссёрское отделение, но перевелась к нам…

Самодеятельности в творческом вузе не было, и быть не могло. Так, видимо, считали и преподаватели творческих кафедр, и руководство института. Вот и получалось, что хоровики занимались лишь музыкой, хореографы – танцами, а режиссёры – театральным искусством. Не было совершенно никаких кружков и творческих мастерских. А ведь напрасно. Готовили-то у нас не «чистых» артистов, а клубных работников, способных организовать самодеятельность. Вот бы и потренировались на нас. И мы бы были при деле. Но… куда нам было деваться среди них?! Вот и развивался во всех нас комплекс творческой неполноценности. Особенно на первых порах. Все мы, библиотекари, страшно стеснялись наших сокурсников-профессионалов.

И лишь к концу второго года обучения, уж по чьей инициативе(?) - на нашем факультете решили провести смотр художественной самодеятельности. Нашу группу БФ-691 курировала к тому времени уже Эрна Давыдовна Антонова. Не припомню, её это идея, или кто другой предложил (может, всё та же Белякова), но свою концертную программу мы сделали в виде композиции с «машиной времени». Нет, совсем не той, что позднее создал Андрей Макаревич. Сотворили мы свою «машину времени», чтобы оправдать наши разрозненные самодеятельные номера. Я уже неплохо подбирал на гитаре и аккомпанировал. Но больше всего почему-то у меня в памяти отложился номер с пантомимой на популярную тогда песенку про Адама и Еву. («По райским солнечным садам, по рощам первозданным…») Рефреном там шел припевчик «Ты - мой король, а я – твоя королева!»

В мимы за Адама назначили меня (а кого ж ещё было, в группе остался единственным мужчиной), Света Котлярова – за Еву. Обрядили нас в эластичные чёрные трико, взятые у режиссёров или хореографов. Порепетировали. Я страшно смущался и волновался, все движения были скованы и далеки от пластического совершенства. Но на самом смотре что-то там изображал под песенку. Светке было проще, всё-таки она раньше занималась танцами.

За всю композицию мы, кажется, даже что-то получили – то ли место какое заняли, то ли грамоту нам дали. А наша ехидная эстетка Инна Семёновна Тимошенко свою постоянно кислую маску сменила в тот раз на удивлённо-заинтересованную.

Да, припоминаю ещё один случай, где я изображал из себя не совсем того, кем был на самом деле – маскировался под режиссёра. А было это, кажется, в конце первого курса. Тогда нас пригласили в пединститут, на встречу со студентками дошкольного факультета (своих девиц-то было «мало»). Вот и «вешал лапшу» на уши какой-то «дошкольнице», нахватавшись от наших артистов. Как ни странно, поверила…

Одним из любимых занятий в свободное время у нас было кино. Без него мы не мыслили нашу жизнь и развлечения. И недорого, и интересно! Сеанс фильма обычного или широкого

экрана стоил от тридцати до пятидесяти копеек, в зависимости от кинотеатра и ряда. Цена фильма широкого формата доходила до семидесяти копеек. Мы, экономя на мороженое – пломбир в вафельных стаканчиках, старались брать билеты подешевле, а садились на свободные места, наиболее удобные для просмотров фильмов. Смотрели часто и много. По крайней мере, почти все новые интересные киноленты нами просматривались. В основном это были отечественные фильмы.

Но смотрели зарубежные. Это – драмы: «История любви», «Мужчина и женщина», «Генералы песчаных карьеров» (по роману Жоржи Амаду); комедии «Оскар», «Разиня», «Большие гонки», «Шербурские зонтики», фильмы про Фантомаса…

Из отечественных кинокартин той поры припоминаю: четырёхсерийную «Угрюм-реку» (по любимому мной роману В.Я. Шишкова); «Андрей Рублёв», «Иваново детство», «Солярис» - Андрея Тарковского; «Бег» (по роману М.А. Булгакова); «Печки-лавочки» и «Калина красная» - В.М. Шукшина; «Начало» - Глеба Панфилова; «Приходите завтра» - Ташкова…

В кинематографическую моду вошел в ту пору ещё один наш сибиряк-томич, почти что мой земляк - нарымец писатель Виль Липатов. По его романам поставлено несколько фильмов о деревенском детективе Фёдоре Ивановиче Анискине, «Сказание о директоре Прончатове». А роман «И это всё о нём…» получил телевизионное серийное воплощение. Из этих фильмов и до сих пор не наскучили замечательные песни «Травы-травы-травы не успели…», «Ну, почему ко мне ты равнодушна?» (Владимира Шаинского) и «Серёжка ольховая».

Замечательный фильм (который если начну смотреть – не могу оторваться и ныне) «А зори здесь тихие…» по повести Бориса Васильева вышел на экраны двухсерийным. И почему-то у нас, в «Юбилейном», демонстрировался в два приёма, т.е. сначала одна серия, а на другой день – другая. Так вот, 10 января 1973 года мы с женой пошли на вечерний сеанс, посмотрели первую серию, а ночью я отправил её на «скорой» в роддом. Вторую серию досматривали уже поврозь.

После просмотров фильмов, как и спектаклей, частенько устраивали между собой стихийные диспуты и обсуждения. Грачёв обычно излагал киноведческую версию, предварительно начитавшись критики, а мы противопоставляли свои – эмоциональные, зрительские, на основе собственного житейского опыта и полученных уже тут знаний. Однако в оценках истинно хорошего фильма обычно сходились. Были, конечно, и проходные картины, которые напрочь забывались уже через неделю-другую. Вроде фильма «Драма на рельсах» - убей, не вспомню, о чём. А отложилась благодаря афише у «Космоса», на фоне которой сфотографированы мы с братом – тогда ещё первокурсником.

Летние экспедиции и турпоходы. В знаменитой песне про «Глобус» есть строка: «Кто бывал в экспедиции, тот поёт этот гимн…» Романтично и загадочно, особенно, если это впервые.

Так, впервые наши студенты ездили после первого курса на Байкал – в фольклорную экспедицию во главе с Василием Михайловичем Потявиным. Должно быть, и я поехал бы с ними – домой засобирался, помочь надо было матери сено заготовить на зиму для коровы, да и соскучился по своему болотному Васюганью. Зато поехали Грач, Юра Ли, Гурочкина, ещё с пяток наших и столько же девиц из педагогического. Восторгов и разговоров было – на целый семестр, и ещё осталось.

Точно так же, как и после второго курса – первая археологическая экспедиция с Алексеем Васильевичем Циркиным. Ездили исключительно наши студенты-добровольцы в Красноярский край, делали раскопки у Белого Яра, что на Чулыме, напротив Ачинска. И в эту экспедицию мне не удалось попасть – дружок Коля Ковшаров сманил в стройотряд. Зато там оказались опять – Грачёв, моя будущая жена Людмила, Лариса Флусова, Валя Якушева (с режиссёрского), Галя Емельянова (к которой потом приехал её жених Толик Гордукалов), Лиля Щербакова, Люда Зубкова, Люба Жукова, Таня Паршукова – всего человек пятнадцать. Был я в такой экспедиции лет через шесть, уже преподавателем, но на раскопе и во всём остальном – на равных со студентами. Так что не понаслышке знаю, что такое и раскоп, и находки-экспонаты, и постоянная

однообразная пища из консервов, круп и лапши. А потому родилась и шуточная песенка, со словами:

Мы поселенье по квадратам роем,
Уж на руках большие пузыри.
В надежде все, что мамонта отроем
И из мясца бифштексы сотворим!

Правда, экспедиционно-археологическим «гимном» для многих экспедиций почему-то считается романтическая песня-вальс «В ритме дождя», где есть такие строки:

В мокрой палатке спят друзья,
Только дежурным спать нельзя,
Сосны качаются во мгле, словно орган, гудят…

Экспедиции, стройотряды, турпоходы – настолько сближают людей за какие-то месяц-полтора, что эти случайные люди становятся едва ли не самыми близкими друзьями, и надолго.

Турпоходы. Как без них?! К сожалению, не было у нас в институте никакой организованной туристической секции, чтобы можно было похвалиться: вот мы бывали там-то и там-то в горах; вот мы тогда-то сплавлялись по такой-то реке. Или, вот мы спускались там-то в пещеру…

Это наша старшая дочь Ярослава может щегольнуть всем экстремальным набором! Где только её не носило, неугомонную?! Чего только не натерпелась, не настрадалась, чего не перепробовала?! А ведь до сих пор всё ещё остаётся восемнадцатилетней студенточкой в авантюрно-приключенческих поступках. Может, от того, что родилась во студенчестве, а может – что наши с Людой отношения всерьёз завязались именно в туристическом походе. Как знать…

На 1 Мая 1971 года, после обязательной демонстрации группа БФ-692, во главе со старостой Великосельской и куратором Украинчик Раисой Павловной решили податься на Писаные скалы. С ночевой. Я и не собирался. Однако получил предложение. Планирую про это отписать более подробно в другой главе… Сам же поход запомнился и поездкой по Томи (туда и обратно) на речном теплоходике, и костром на склоне горы, и домиками-ульями на два человека, и песнями у костра под гитару с баяном, и танцами в тесном полутёмном домике

турбазы, и ночёвкой там же, вповалку, и футбольным состязанием…

Ещё о парочке походов, мимолётно. Один – с Людмилой, Смольским и Татьяной Храмовой, в Подъяково – о нём уже упоминал.

Второй – с Людмилой, Любой Кондюриной и Колей Колтуновым – в Верхотомку. Тоже с ночевкой, даже двумя - в двух одноместных палатках.

Цвела черёмуха, начинали петь сибирские соловьи. И мы – все такие молодые-молодые…

Одним словом, всё, как и в начале главы: от сессии до сессии… Да разве обо всём упомнишь и расскажешь…

Глава седьмая. **А СЕССИЯ ВСЕГО ДВА РАЗА В ГОД…**

Магическое слово «сессия». Самое напряженное для студентов время. Пора обратной связи студента с преподавателем. Тут хочешь – не хочешь, болен ты или здоров, готов или нет, а будь добр – предстань пред очами экзаменатора, словно лист перед травою. Полгода он тебе вещал, передавая свои знания, опыт и умения. Теперь твоя очередь настала – хотя бы сделать вид, что ты что-то да усвоил, что-то да отложилось в твоей бестолковке, а не просто отбыл семестр на его занятиях, думая о чём-то о своём.

Из всех сессий, а их было восемь, пожалуй, самая запоминающаяся – первая. И студент становится степеннее, серьёзнее, сосредоточенней. Правда, и тут возможны - и удача, и счастливый билетик, однако не всегда и не на всех экзаменах.

Что интересно – у каждого педагога своя изюминка, свои требования и критерии оценки знания. Если у одного, допустим, за такой ответ вполне можно было надеяться на хорошую или отличную оценку, то у другого – едва ли на «удочку» вытянешь. Одному – вынь да положь то, что он тебе давал на лекциях. Другому – это я и сам знаю – ты мне расскажи-ка лучше, что ты прочитал дополнительно по рекомендованной литературе. Третьему – а что по этому вопросу думает X? Y? Z? Четвёртый –

и вовсе тебя слушать не собирается, а задаст парочку-другую дополнительно-наводящих вопросов, и – гуляй, Вася! Пятый будет из тебя дотошно все жилы вытягивать, брать на измор. Шестой, прежде чем начать выслушивать, раскроет и полистает твою зачетку, не забудет и в свой «кондуит-поминальник» глянуть, дескать, а как ты у других сдаёшь и каким «активным» был во время семинаров и практических занятий? Седьмой… Вот я и говорю: сколько педагогов, столько и методик оценки качества знания, если, конечно, эти знания хоть чуть-чуть, да и «завалялись» у тебя.

А перед тем, как получить в книжке-матрикуле свою первую оценку – с левой стороны разворота, надо заполнить почти полностью всю правую сторону автографами разных педагогов, но с единой пометкой в каждой строке – «зачтено».

Я совсем не помню, по каким предметам и как сдавал в первую сессию зачёты. Видимо, больше половины получил автоматически, по итогам семинарских и практических занятий. Тут надо сделать оговорку. Если в нормальных вузах, чаще всего технических, зачёты ставятся только по практическим курсам, либо предварительно по тем же дисциплинам, по которым предстоят и экзамены, то у нас в учебной программе было немало вполне равноценных и полных по объёму учебных дисциплин по сравнению с «экзаменационными». И сам такой зачет мало чем отличался от экзамена. Разве что отвечать там нужно было обычно на один теоретический вопрос, а вместо оценки при положительном ответе ставилось недифференцированное «зачт.». Бывали при этом и дифзачёты, то есть, с оценкой, которая, как и экзамен, влияла на получение повышенной стипендии. Так, если даже все экзамены были сданы на «отлично», а по какому-то дифзачёту (или курсовой работе, которая тоже фиксировалась в правой стороне матрикула) стояло «Хор.» или «Удовл.» - плакала твоя повышенная стипендия на следующий семестр.

Моя первая зимняя сессия была особенной. Дело в том, что я со своими школьными друзьями, обучавшимися также на первом курсе, но в других вузах и даже городах (Томске, Омске, Йошкар-Оле, Новосибирске) поделился идеей побыть подольше вместе дома на каникулах за счет досрочной сдачи сессии.

Видимо, в их вузах это было уже достаточно апробировано – своеобразный экстернат. Зато в нашем молодом институте традиций таких ещё не было, всё - в новинку. Нужно было брать разрешение в деканате и договаривать с каждым преподавателем уже индивидуально о времени сдачи зачетов и экзаменов. Зачеты, а их было не менее шести, особых проблем не составили.

Первым экзаменатором у меня была Линник Антонина Александровна, с которой я договорился о досрочной сдачи «Истории книги». В условленное время я пришел к ней – не то на кафедру, не то в учебный кабинет. Она предложила мне, как и положено, билеты. Вытянул, что попалось – не помню. Стал готовиться к ответу. Входит проректор Изюмский Ю.В. – в недоумении: дескать, что тут делает этот студент? Линник ему объяснила, что я сдаю экзамен досрочно – как преуспевающий и добросовестный студент. Тот – не то одобрительно, не то назидательно поглядел на меня внимательно, едва не поворошив по-отечески своей рукой мою шевелюру – ну-ну...

Поскольку память у меня была цепкая, а предмет этот я любил – оттарабанил на оба вопроса без запинок – к удовольствию экзаменатора. В моей зачётке, в левой стороне, появилась первая заполненная строка с оценкой «отлично». А в моих преждевременных мечтаниях замаячила повышенная стипендия.

Вторым я пошел сдавать экзамен по «Психологии» Сивкину Ивану Федотовичу, весьма добродушному пожилому преподавателю. Опять же, предварительно договорившись с ним, чтобы он принял меня в день экзаменов, но с другой группой, кажется, с БФ-692. Вот ведь уж как устроен я: пока не возьму билет и не сяду готовиться – трясусь всякий раз самым распоследним беззащитным зайчишкой. А, переволновавшись, становлюсь апатичным, память моя слабеет. Такое я уже не раз испытывал и прежде. Особенно при поступлении в ТГУ. Вот и тут, зайдя самым последним в экзаменационную аудиторию, изрядно переволновался до того и …перегорел. В итоге – получил лишь «хорошо». Признаюсь, что огорчился результатом, надеясь на повышенную стипендию.

Теперь хочу прерваться и описать методику своих подготовок к экзаменам, да и к зачетам тоже. Из четырех-пяти дней, что планово, по расписанию отводилось на подготовку к каждому экзамену, я обычно поступал следующим образом. В первый день – прочитывал полностью весь конспект лекционных записей – восстанавливая в целом общую содержательную структуру сдаваемого предмета. Во второй и следующий день готовился по одному из учебников, а при их отсутствии - по рекомендованной литературе. Получалось уже углубленное и расширенное изучение и закрепление материала. В последний день перед экзаменом опять бегло пробегал по конспектам, и вечерком отправлялся в кино, расслабиться и отвлечься. Выходило как бы тройное повторение одного и того же материала. Где-то заучивал формулировки, даты, имена, прочую фактографию. И уже никогда не брал в руки ничего из источников ни вечером, ни ночью, ни перед дверью аудитории, строго следуя заповеди: «Не наелся, так не налижешься».

И ещё. Почти никогда не готовился только по билетным вопросам. И не учил предмет только по ним. Так что в принципе, у меня не случалось такого, что успел выучить с первого по 15 или по 20 вопрос (билет), а на остальные времени не хватило. Таким образом, по любому вопросу из билета, как бы он ни был сформулирован, мне было что сказать, худо-бедно, а что-то да я знал. А если же и не знал напрямую, то пытался мобилизовать свою ассоциативную память и комбинировал ответ из смежного материла в ходе подготовки. И потом, отвечая, случалось, что-то всплывало дополнительно, что-то – по наводящему вопросу экзаменатора, что-то домысливал самостоятельно. И я отвечал. Не было случая, чтобы на ответах я отмалчивался. Возвёл в принцип: хоть что-то, а говори, только не молчи. Чаще всего преподаватель даже прерывал меня, говоря «достаточно» или «перейдём к другому вопросу». Ещё небольшая хитрость, которая почти никогда не давала сбоя. Получалось, что из двух вопросов билета, какой-то из них всё равно знал лучше другого. И начинал отвечать, испросив разрешения, не с первого по порядку, а с того, который знал лучше, в надежде уже в начале ответа произвести на

преподавателя наиболее благоприятное впечатление, и что второй вопрос он может и не дослушать до конца.

И ещё. Никогда не любил ходить отвечать последним из группы или в конце списка. Наоборот, стремился попасть в первую пятёрку-шестёрку экзаменуемых. И если успевал подготовиться шел отвечать первым. Если нет – старался вызваться на ответ после заведомо слабой студентки или ответа, надеясь на контрасте произвести на педагога наиболее выгодное впечатление.

Была в нашей группе студентка Нина Чумакова, уникум. Что бы она ни сдавала, выше тройки ей никто не ставил. Я просто всегда удивлялся: как это она при таком конкурсе умудрилась поступить в институт и даже закончить его, не «замарав» свою зачетку ни единой хорошей или отличной оценкой?! Потрясающая провинциалка и примитив! Так вот, частенько я старался попасть на экзамены или зачёты с этой Ниной в одном «запуске». И, изрядно расслабившись, слушая её бред, шел отвечать, порой даже и вне очереди…

Вернёмся, однако, к самой первой моей сессии. К её самому драматическому для меня экзамену. Экзаменов было всего три. Два я уже довольно успешно сдал досрочно. Оставалась «История КПСС», которую, как я считал, знал весьма неплохо. Последним это был экзамен для меня, для всей же группы он только открывал сессию, так как стоял по расписанию первым. Я взял билет. И, кажется, даже неплохо на него подготовился. Да и по результатам семинаров, которые у нас вел, к сожалению, не Николай Павлович, а его ассистентка, я был в числе успевающих. Неплохо ответил на первый вопрос. Приступил ко второму. Не помню точно его формулировку, но что-то вроде «Национальный вопрос в программах партии» (или какого-то из ранних съездов). И вот тут-то Николай Павлович взял и раскрыл мою зачётку, чтобы, видимо, уже сделать в ней свою запись, не слушая меня до конца. Глянув в неё, он был весьма удивлён, что там стояли уже две оценки.

- Куда такая спортивная спешка? – строго спросил он меня.

Я что-то промямлил про дом, друзей, больную маму. И тут Шуранов стал меня уже основательно прощупывать по

первоисточникам. Кое-что я, конечно, читал. Скажу даже больше: «Марксизм и национальный вопрос» я осилил в версии Иосифа Виссарионовича, что, похоже, не очень понравилось экзаменатору. Зря, зря я упомянул о том, что это по поручению Ленина именно Сталин разрабатывал теоретически этот вопрос, написав и опубликовав достаточно солидную работу… Увы, любой самый посредственный педагог знает всегда куда больше самого начитанного студента, и поставить Знайку «на место» не составит большого труда. Не говорю уж про такого специалиста в своём деле, как Н.П. Шуранов. Замотал он меня, запутал. Я вообще стал что-то мямлить маловразумительное, наподобие Нины Чумаковой.

- Вот я и говорю: спортивная спешка на экзаменах – ни к чему,- повторил Николай Павлович, выводя в моей зачётке «удовлетворительно».

Такой финал сессии для меня был почти крахом. Уж на что, а на этот предмет я надеялся гораздо больше, чем на ту же «Психологию». Похоже, плакала вообще моя стипендия горючими слезами. А это наносило изрядную брешь в моём бюджете – маме лишних двадцати пяти рублей брать было неоткуда. Стипендию мне всё же дали! А друзья мои, с которыми я встретился на каникулах дома, и тоже одолевшие «Историю КПСС», никак не могли поверить, что я так «облажался».

С этим национальным вопросом, уже периода строительства социализма, я погорел и во второй раз. И в летнюю сессию, видимо, прекрасная память Николая Павловича сыграла для меня нехорошую шутку, я получил «тройку», сдав, как и прежде, все остальные экзамены на «хорошо» и «отлично». Что ж, похоже, в национальном вопросе, теоретически, слабаком был не только один я, но и даже самые видные его разработчики и практики, если всего через каких-то двадцать лет развалился СССР, да и в нынешней внутренней российской геополитике он приводит к вооруженным конфликтам и межнациональным распрям.

Что же касается лично меня, то у меня этот вопрос стоит на самом последнем месте. Я, будучи наполовину болгарином наполовину русским, прекрасно ладил и уживался в одной

комнате с корейцем Юрой Ли, немцем Витей Эрлихом, русским Володей Грачёвым, молдаванином Виктором Бепле, якутом Сашей Сивцевым. Я и вырос-то в местах сталинских спецпоселений, где в деревушке на семьдесят дворов проживало не менее пятнадцати различных национальностей. А в аспирантуре, в Питере, мне даже пришлось месяц обитать в одной комнате с двумя кенийцами и эфиопом. И ничего, находили взаимопонимание, не зная даже языков, обычаев, национальных устоев…

Если зимняя сессия многих студентов усаживала в комнатах общежития и библиотеках, то летняя… Сама Природа ликует своим буйством и безрассудством! То же и с нами, молодыми. Все мысли, порой, далеко убегали от проблем педагогики или курса «Истории КПСС». Особенно, если приходилось готовиться рядом с … обнаженными девицами. Ну, не совсем до гола, однако… Да-да, именно так. Пусть и не всегда, но случалось. Особенно в солнечные тёплые дни.

Дело в том, что наша общага, на Парковой-15 находилась на углу недавно разбитого Комсомольского парка. Это теперь там тополя повымахали до самого неба, а тогда были всего в два-три человеческих роста. Ещё ниже были молоденькие сосёночки, которые не давали почти никакой тени. Вот там-то, на травке, раскинув покрывало или лёгкое одеяло, обнажившись до плавок и купальников, и подставив солнышку свои телеса, надев солнцезащитные очки, налепив на носы листики тополей, мы, якобы, и готовились к экзаменам. А нередко место подготовки к экзаменам переносили и поближе к воде – на берега Томи или озера. Купались, загорали, играли в пляжный волейбол и бадминтон. А отсюда – и результаты.

К тому же, если зимой сдавали по три-четыре экзамена, то в летнюю набиралось по четыре-пять, а то и все шесть. Из первой летней сессии запомнился роковой для меня экзамен по истории партии, о котором я уже писал и по «Педагогике». «Педагогику» у нас читал и принимал Ю.В. Изюмский. Несколько сравнительных слов об этих преподавателях – ректоре и проректоре нашего вуза. Это теперь ректор академии может себе позволить не читать ни единого учебного курса, считаясь и получая, как профессор, доктор наук или академик.

Тогда любой член педагогического коллектива просто обязан был вести свой самостоятельный курс. При этом, на самом образцовом уровне!

Так вот, если Николай Павлович всегда старался быть строгим и предельно объективным, как правило, безукоризненно выглядя и внешне, то Юрий Васильевич иногда мог себе позволить и метаморфозу: из эстета-интеллигента преобразиться в «демократы». Впрочем, его демократизм проявлялся не только в стиле одежды, но и в некоторых чертах поведения. Так, во время экзамена, прямо в аудитории, как какой-нибудь театральный режиссер во время репетиции спектакля, позволял себе самым бесцеремонным образом курить, сидя напротив отвечающей студентки. При чём любил, чтобы сигареты, лучшего сорта (тогда - болгарские «Стюардесса» или «БТ») покупали сами студенты, клали пару пачек на стол рядом со спичками и хрустальной пепельницей.

Помню, что попался мне на экзамене у Изюмского один из вопросов «Н.К. Крупская, М.И. Калинин,… о воспитании» (или что-то в этом роде). Увы, работ этих «классиков» от педагогики, в отличие от настоящих, я не читал, да и отдельной лекции по ним, кажется, тоже не было. В общем, расправившись с дидактикой по первому вопросу, я перешел ко второму, и затосковал, неся ахинейную отсебятину. Однако, Юрий Васильевич, надо отдать ему должное, видимо, и сам был в не особой любви с околопедагогическими партийцами, прервал мои размышлизмы, поставив в зачетке «хорошо».

Таким образом, и вторая моя сессия, получилась с одной «международной» оценкой. Но я опять вытянул на стипешку, чему был крайне рад. Кстати, это были единственные тройки во всей моей зачётке. И когда перед ГОСами забрезжила перспектива красного диплома (а у меня было более 75 процентов отличных оценок), я договорился с деканом факультета Алексеем Васильевичем Циркиным о пересдаче этой злополучной «Истории КПСС», по полному курсу. И мне разрешили пересдачу, назначив экзаменатором Рудольфа Сергеевича Шикова. Требуемую оценку я заслуженно получил, исправив, как двоечник, свои «удочки». Ещё немного отведу времени этому предмету. Во-первых, его пришлось сдавать на

государственных выпускных экзаменах. Во-вторых,- на вступительных экзаменах в аспирантуру, уже в Ленинграде. Оба раза я «отстрелялся» на «отлично», перед самыми взыскательными комиссиями, приятно обрадовав и Николая Павловича Шуранова.

Теперь вернёмся чуть-чуть назад, в первую сессию. Уже после неё обозначился и круг наших отличников. Их было не так уж и много, по три-пять человек из каждой группы. Так, в нашей группе ими стали Галя Воробьёва (окончила вуз с красным дипломом), кажется, Света Котлярова (впоследствии староста нашей группы, ныне – кандидат наук, если уже не доктор, декан факультета в Рязанском институте культуры). Во второй группе - Таня Ерёмина (Мельникова), Зина Григорьева и, кажется, Валя Воронина. В третьей – Володя Грачёв. Остальных – призабыл.

Помимо «Доски почёта» - морального стимула советского строя, всем им назначили повышенную стипендию (в тридцать пять рублей) и наградили туристической поездкой в село Шушенское, где есть музей В.И. Ленина, отбывавшего там сибирскую ссылку.

Тогда же и выделились лидеры факультета. Ими стали Таня Ерёмина и Володя Грачёв. Это их кандидатуры обсуждались на парткомах и Советах факультета и вуза: кому же отдать единственную на институт Ленинскую стипендию – после окончания первого курса? Первенство присудили Тане Ерёминой. Грачёва подвели его «недостаточная общественная активность», а если точнее – те самые «грехи», о которых вещал на лекциях Ю.В. Изюмский. Кроме Ленинской стипендии, Таню одной из первых студентов (если не единственную) наградили и юбилейной медалью – уже в апреле 1970 года – к столетию со дня рождения В.И. Ленина.

Не часто, но приходилось хаживать в отличниках, получая повышенную стипендию, и мне. Видимо, опыт сдачи экзаменов значительно расширял первоначальный круг студентов-отличников.

Хоть немного, но хочется сказать и о системе уловок, применяемых на экзаменах и зачётах. Студенчество – народ весёлый и изобретательный! Не буду подробно останавливаться на классических вариантах шпаргалок, распределённых по всем

карманам и прочим местам схронов, с указателями – где что искать и по какому билету или вопросу. Форма «шпор» - тоже самая разнообразная – от стандартных заготовок на готовых листах с печатями, фотокопий, микрофиш, «микрогармошек» - до текстов и формул на всех частях тела, прикрываемого длинной одёжкой. Помимо шпаргалок выигрышным для студенток у преподавателей-мужчин были внешность с «прикидом». Голые колени и ляжки, почти обнаженные груди, просвечивающие до нижнего белья кофточки и юбки, вызывающие причёски, макияж с помадой, дорогие духи и т. п. Некоторые умудрялись, сдавая тексты и «беседы» по иностранному языку, прикрепить текст на спину преподавателя или на спинку стула, где тот сидел. Кое-кто беззастенчиво «сдувал» прямо с конспекта лекций или учебника, положив его на колени и наивно думая, что преподаватель не заметит этого.

Могу честно признаться: никогда не прибегал к шпаргалкам ни в каком виде, надеясь только на собственную память и сообразительность. Впрочем, не я один. Могу поручиться за Юру Ли и Володю Грачёва – они вообще считали «шпоры» на экзаменах ниже своего достоинства. А Витя Эрлих даже и не смог бы ими воспользоваться – из-за своего слабого зрения. А такие, как Ольга Дуплёнкова, с прекрасной памятью, даже и не стали бы тратить время на подготовку шпаргалок.

Не было в наше время и такой криминальной формы сдачи экзаменов и зачётов, как взятка. Во-первых,- это считалось глубоко аморальным, осуждаемым не только в педагогическом коллективе, но и в студенческой среде. Во-вторых,- большая часть студентов находилась в институте не ради «корочек» диплома, а ради получения профессиональных знаний. В-третьих, студенчество, как и их родители, были, в основном, достаточно бедными людьми, чтобы давать взятки. В–четвёртых, факт взятки неизбежно становился достоянием гласности, и в его отношении возбуждалось уголовное дело, со всеми последствиями…

Хочется остановиться ещё на некоторых курьёзных случаях во время экзаменов и зачётов.

Как я уже упоминал, «Литературу народов СССР» у нас вела Валентина Васильевна Вахрушева (Ляхова). Объём авторов

и их произведений был довольно велик. На одной из лекций она давала нам творчество совершенно для меня незнакомого кабардинского писателя Алима Кешокова. После лекции я взял в библиотеке его книгу и прочитал обе повести из дилогии «Вершины не спят», кстати, весьма даже и неплохие. Когда же на консультации она стала читать нам перечень экзаменационных вопросов, Алима Кешокова там вообще не оказалось.

- А где Алим Кешоков? - недоумённо спросил я. Потом наивно добавил: - ведь я же прочитал его книгу.

- Алим Кешоков? – она помедлила.- Будет тебе персональным вопросом,- ответила, улыбаясь, Валентина Васильевна.

Разумеется, при таком раскладе я неплохо проштудировал и обзорно-творческую литературу о нём. Прихожу на экзамен. А он – сдвоенный. Сдавали сразу двум преподавателям, но поотдельности – Рыленкову А.Н. (Современную советскую литературу) и В.В. Вахрушевой (Литературу народов СССР). В каждом билете по два вопроса. Беру билет. Первым стоит «Роман «Соть» Л. Леонова», вторым – «Творчество Кайсына Кулиева». Влип, называется. «Соть» - сколько я ни пытался, осилить не мог, зато прочитал «Русский лес». Признался честно Рыленкову.

- Ладно, готовься по «Русскому лесу»,- смилостивился Анатолий Николаевич.

- А где же мой Алим Кешоков? – осмелев и обнаглев, спросил я Вахрушеву.

- Так и быть, раз обещала,- пошла на попятную и она.

Надо сказать, что на этом экзамене случайно оказался и ещё один литератор из пединститута – Микешин. Мой ответ по первому вопросу произвел на обоих хорошее впечатление.

Ответ на второй вопрос я начал так: «Алим Пшемахович Кешоков родился в 1914 году…»

Валентина Васильевна заулыбалась:

- Ну, раз Пшемахович – тогда с тобой всё ясно! Анатолий Николаевич, вы что ему ставите по первому вопросу?

- Отлично!- громко и отчётливо отозвался Рыленков.

- Тогда и у меня – «отлично»!

Вот так и проскочил я на современной отечественной литературе, получив отличную оценку, сменив при ответе оба билетных вопроса.

Какой студент может считать себя полноценным, не испытав горечи завала? Не стал исключением и я. Да что я! Сам Грачёв, у которого в зачётке не было даже ни одной «четвёрки», срезался на экзамене.

Сначала о себе. Сдавали мы, опять же, литературу. Но на тот раз – русскую, первой половины 19 века. Преподавала у нас её Инна Семёновна Тимошенко. Преподавала-то она, может быть, и неплохо. Только вот отношения с ней никак не складывались у большинства студентов, просто до какой-то патологической несовместимости и неприязни.

Прихожу на зачёт. Достаётся мне вопрос «Художественные особенности творчества Н.В. Гоголя». Ну, я и успокоился. Уж Гоголя-то я не только кое-что читал, даже любил. Да и прочитал его, пожалуй, в разное время чуть ли не всего. Неужто, не наговорю на зачёт? Бывали и похуже ситуации, и ничего, проскакивало. Подготовился, как мне показалось. Сажусь отвечать. И начинаю, примерно, как и у Вахрушевой, «Николай Васильевич Гоголь – великий русский писатель…» Тимошенко меня тут же прерывает:

- Ну, о том, что Гоголь – великий русский писатель – кому ж неизвестно? Давай-ка конкретно, по вопросу, о художественных особенностях его творчества.

Начал я плавать. Что ни скажу – тут же кислая мина Инны Семёновны, что ни «выдам» - всё не в её строку… Растерялся я совсем, уж и не зная, как ей и что отвечать. Она мне: ты, мол, конкретно называй и комментируй. Попробовал и так, опять не нравится. Короче, отправила она меня без зачёта, на повторный заход.

А было это, кажется, уже чуть ли не в конце второго курса, когда и опыт появился сдачи экзаменов с зачётами. Выскочил из аудитории в каком-то аффекте. Навстречу мне Тамарка Сим.

- Ну, и как, сдал? Что попалось?

- Какой – сдал?! Выпроводила меня Инна! Говорит мне: какого х… ты одними голыми формулировками сыплешь? –

осёкся я, сообразив, что вырвалось у меня даже матерное слово. В то время мы не позволяли себе при женщинах и старших по возрасту так выражаться. А тут – выпорхнуло, как воробей из руки. Смутился я, конечно, извинился перед Тамаркой.

Прихожу в другой раз. Тяну билет. А в нём «Художественные особенности творчества И.С. Тургенева» Сел. Призадумался. Стал припоминать её лекции. И впрямь, был там такой перечень. Кажется, что-то стало вытанцовываться. Сажусь отвечать. Уже заведомо зная, что такое начало, как «Иван Сергеевич Тургенев – великий русский писатель» - не проскочит. Стал ей выкладывать про эти самые стилистические особенности. А она мне опять:

- А вот теперь – возьми книжку Тургенева, что на столе лежит, и конкретно, на примерах покажи мне эти самые художественные особенности, о которых ты говоришь.

Пришлось снова садиться за стол, брать томик классика и выискивать в текстах уже конкретные примеры, комментирующие теоретические высказывания Тимошенко о творчестве Ивана Сергеевича. В третий раз сел отвечать ей. Гляжу – подобрела. Вечно кислая физиономия стала расплываться в слащавости.

- Ну, вот теперь я вижу, что ты усвоил художественные особенности. А то – Николай Васильевич Гоголь – великий русский писатель… Зачёт ставлю тебе с удовольствием.

Радости было у меня от такой сдачи, пожалуй, побольше, чем после пятёрки, полученной по какому-нибудь предмету с первого захода. Вздохнул полной грудью от окончания общения с Инной.

Однако рано обрадовался. Уже на четвёртом курсе пришлось ещё разок встретиться с ней на зачёте, по «Эстетике». Зная её нрав и методику приёма, боялся и трусил, как перед восшествием на эшафот. Досталось «Категории комического и трагического в современном искусстве». Обосновав и дав определения понятиям этих категорий, стал я приводить конкретные примеры – из литературы, живописи, театра, балета. И, кажется, удачно. Свалил с первого раза и этот груз!

Теперь о нашем отличнике, Грачёве. Сдавали мы летом на первом курсе «Древне-русскую литературу» Василию

Михайловичу Потявину. У Грачёва с ним завязались очень даже добропорядочные отношения. Впрочем, как и со многими другими преподавателями. Так вот, сдавать ему пришлось где-то не в нашем учебном корпусе, а в педагогическом институте. Возвращается Грачёв в общагу, состояние возбужденное, необычное, и вроде, слегка подшофе. Мы-то и не сомневались нисколько, что он блестяще сдаст этот предмет, да ещё и Потявину! А он нам:

- Завалил!

Ну, мы не верим, думаем, разыгрывает нас. А он и впрямь, даже зачётку нам показывает. А там – предмет и фамилия экзаменатора уже вписаны, а оценки-то и нет. Начинаем его расспрашивать, мол, что и как? Он сказал, что попалась ему какая-то повесть – не то о Петре и Февронье, не то о Борисе и Глебе, не то ещё о чём – сейчас уже не берусь утверждать. А он не прочитал. Ну, и честно признался в этом Потявину. А чтобы не портить зачетку низкой оценкой – вообще отказался отвечать. Вот и договорились они о повторной встрече. И уже там Грачёв блеснул своими знаниями! Да так, что Потявин предложил ему поехать летом в фольклорную экспедицию на Байкал – по семейским поселениям.

Глава восьмая. СВЕРИМ НАШИ ПЕСНИ…

У каждого времени свои песни. По ним можно изучать целые народы, исторические эпохи и короткие промежутки времени; их этику, эстетику, этнографию, культуру и субкультуру. У нас не было ни шлягеров, ни шансонов, ни хитов. У нас были просто песни - наши песни, которые мы пели сами и любили слушать других.

Песни, с появлением, должно быть, первых университетов, стали и непременным атрибутом студенчества. И у каждого поколения они свои, ассоциативно напоминающие им свою юность и альма-матер.

Есть, правда, и общие – для всех поколений, и уже не одно столетие. Кому из студентов неведомы хотя бы пара строк или куплет знаменитого студенческого гимна всех времён и народов «Gaudeamus»? Напомню его начало, конечно же, на

латыни: Gaudeamus igitur juwenes dum sumus! Исполняется торжественно, величаво. До дрожи пробирает и великолепная музыка, теперь уже неизвестного композитора. А переводов с латыни на языки и диалекты – несчетное множество. Припоминаю строфу из перевода нашего земляка, поэта Геннадия Юрова, восславляющего преподавателей и студентов:

Славься университет,
Высься величаво.
Слава вам, профессора,
Стойким рыцарям пера.
Всем студентам – слава!

«Гаудеамусом» открылось и посвящение нас во студенчество на первом курсе в сентябре 1969 года. А через четыре года, в конце июня 1973-го, – под него же нам выдавали и дипломы об окончании нашей альма-матер. Звучал он и в 2003году, по случаю 30-летия окончания вуза нашим первым набором в Кемерове, в областной филармонии – замечательным академическим хором под руководством Ольги Ивановны Шабалиной (Печоркиной), пришедшей к нам в молодой институт совсем юным педагогом. Как могли, подтягивали и мы, первачи.

Увы, как ни странно, советское студенчество не создало ничего подобного – такой универсально-студенческой песни-гимна, как средневековый «Гаудеамус», дошедший и до нас. И призывает он всех студентов до сих пор – возрадоваться! Возрадоваться юности, студенческой поре, жажде знаний, любви; своему университету, профессуре…

Ну, что ж поделать?! Не сложилось. Зато есть масса своих песен, и оригинальных и переделанных. Их – просто пруд пруди в каждом вузе, да и на факультете. Даже в группах – и то поются такие песенки.

Петь в нашем институте любили и умели. Ещё бы и не петь-то у нас! Пели не только хоровики, коим сам бог велел. За ними подтягивались и все остальные специальности, на них равнялись. Тем более что многие студенты иных, *немузыкальных*, специальностей имели за плечами начальное музыкальное образование. А кое-кто и пел неплохо, обладая природным голосом и слухом.

Наши песни – песни рубежа 60-70-х годов. Рассвет советской эстрады! Имена-то всё какие, почти легендарные: Муслим Магомаев, Эдуард Хиль, Жан Татлян, Эмиль Горовец, Вадим Мулерман, Юрий Гуляев, Владимир Трошин, Владимир Макаров, Эдита Пьеха, Аида Ведищева, Майя Кристалинская, Людмила Зыкина…

Ну, и мы частенько вторили им, в своих компашках. Да как! Ну, взять хотя бы эту, популярную, магомаевскую:

В зимнем парке тополя так грустны,
Липы просят подождать до весны…

Лирическое грустное начало сменялось задорным припевом, подтягивать который не был в состоянии разве что совсем безголосый:

Но я лечу с тобой, снова я лечу!
Эх! И одно слово я кричу…

Ну, тут понятно, какое одно слово можно было кричать с «чёртова колеса» в наши-то молодые влюбчивые лета. И не за горами уже его же, Магомаева:

А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала.
И крылья эту свадьбу вдаль несли…

Было, было и такое. Да взять хотя бы и нашу с Людмилой свадьбу. Не под песенный *деревенский* – под наш институтский оркестр и пение Толика Кудряша!

«Последняя электричка» Владимира Макарова снова и снова убегала от безнадёжно влюблённого, а он «опять по шпалам – домой по привычке»!

Эдуард Хиль всё ещё будоражил нас своим моряком, который «вразвалочку сошел на берег», или зимой, что «жила в избушке у леса на опушке».

Красивый баритон Юрия Гуляева выводил из дальнего плаванья к родным берегам «усталую подлодку», что «диким давлением сжата».

Никак не могло успокоиться «Огромное небо» - что было одно на двоих – у Роберта Рождественского и Эдиты Пьехи. А как ностальгически она просила до детства «счастливый билет» - пока ещё в составе ансамбля «Дружба» под руководством Броневицкого, и где всё ещё шёл человек и улыбался, а «значит, человеку хорошо!» А нам-то чем хуже было?!

Всё ещё задорно, по-студенчески (и по-ведищевски) «тёрлись спиной медведи о земную ось». А Майя Кристалинская призывала к нежности, утверждая, что «опустела без тебя земля», и мы вторили ей, что, мол, да, невозможно и «нескольких часов прожить» без любимого.

Вадим Мулерман по совету неисправимого романтика и барда Юрия Кукина всё ехал и ехал «за туманом и за запахом тайги», а у костра, вместо Монмартра, уже, видимо, съеденный заживо комарьём, умолял: *«перестань, не надо про Париж»…*

Всё ещё светили в ночи, не давая «людям сбиться с пути» запоздалые друзья и «ночные спутники - фонари» у Жана Татляна, а тополя «как в юности вдруг» всё роняли пух сначала «на плечи» Эмиля Горовца, а потом уже стали сыпать его и «на ресницы» мужичков из грузинского ансамбля «Ореро». По ночному городу бродил в «тишине» с неповторимым бархатным тембром голоса Владимир Трошин…

О! Чуть не забыл! Валерий Ободзинский! Ну, как же наше студенчество - да без его песен?! Чудо-заливистый, чистейший, как родник, звонкий, как благовест, голос Ободзинского – с пластинок и по радио – повсюду «Эти глаза напротив – калейдоскоп огней!» И мы всё никак не могли отправить безадресное его письмо той единственной, которая «в одном из тихих переулков» его давно с надеждой ждёт. И в другом письме – сплошные точки в каждой строчке «после буквы Л…»

Боже, как это воспринимается теперь – трогательно, наивно, доверчиво, откровенно, чисто… Это вам не какие-нибудь нынешние: *«ты ненакрашеная – страшная и накрашенная!»*, или *«целуй меня везде, я ведь взрослая уже…»*

Каждая песня того времени – целая история, пусть сентиментальная, пусть чуточку вымышленная, пусть приукрашенная, даже идеологизированная, но непременно – искренняя, с настоящей поэзией, а не со «словами».

Под эти эстрадные песни мы танцевали на танцплощадке в горсаду, на вечеринках в институте, в комнатах общаги; напевали их поодиночке и застольями. При чём, не по-нынешнему – и куплета вспомнить невозможно – от начала и до конца, всякий раз вкладывая в песню свои сокровенные чувства

и потайные мечтания. Каждая песня – баллада, а не как у нынешних «суперзвёзд» эстрады, вроде набора тарабарщины Земфиры, гундосого мяуканья «Муммий-троля», или наивно-примитивной до пошлости лабуды великовозрастных мальчиков из «Руки вверх»…

Были, пожалуй, и в наши времена песни, которые с позиций нынешнего, пятидесятилетнего брюзги я бы уже петь постеснялся. Но таковых, мне кажется, крайне мало.

Я уже упоминал про Костю Клюева и его культуртрегерских наклонностях. Ему и в комнате общежития мерещилась клубная сцена. А без спевок-репетиций и разучивания новых песен для обновления репертуара - он себя просто, кажется, не мыслил. Так вот, в комнате 45, на Парковой-15, по вечерам, он собирал нас в кружок, брал в худосочные руки баян, и мы разучивали под его аккомпанемент что-нибудь на два-три голоса. Да хотя бы вот эту ораторию (думаю, что его же собственного сочинения) на слова «Буревестника революции», пролетарского писателя: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает…» Сплошной пафос!

Потом зловещая оратория сменялась легкомысленной (?) песенкой:

Там в океан течёт Печора,
Там всюду ледяные горы,
Там стужа люта в декабре.
Нехорошо зимой в тундре…- запевали два-три человека.

И все остальные, как у Шукшина, в группе «Бом-бом», подтягивали:

Ой, ла-ла-ла– бежит олень, ой, ла-ла-ла – лежит тюлень,
Ой, ла-ла – гибнет человек: пришлите денег на побег…

Ещё одна, такая же весёленькая, из репертуара Кости:

Поступь лёгкая, нежный твой стан,
Глаз – рубин раскалённый,
Если б был я турецкий султан, ать-два! –
Я бы взял тебя в жёны…

- так и перекликается с популярнейшей песенкой в исполнении Юрия Никулина из фильма «Кавказская пленница». Певали и её.

Задорную, голосистую песню про «клён кудрявый – лист резной» впервые услыхал, кажется, на одной из вечеринок от Натальи Михеевой (Курбатовой). Это потом уже, года через три, её пустил едва ли не лейтмотивом Леонид Быков в прекрасном фильме про военных лётчиков «В бой идут одни старики».

«Дороги дальней стрела по степи пролегла, как слеза по щеке»,- ну, как тут не представить топот тройки по безбрежным российским просторам и не сравнить её с размашистой русской песней!

До сих пор внутренний голос и память выводят песню на турецком языке «Я пьян от любви», в замечательном завораживающем исполнении тогда ещё молодого Вахтанга Кикабидзе. Не понимая ни смысла, ни слов, так хорошо танцевалось под неё в полутёмной комнате общаги или какому-нибудь зальчике. С удовольствием слушаю её и теперь, ностальгически вспоминая свою студенческую юность и по-настоящему – пору влюблённости. Жаль, очень редко её исполняют, очень редко. Точно так же, как какую-нибудь полузабытую песенку, вроде:

Эти горестные проводы – запоздалые унылые.
Незаметно и без повода вдруг любовь меня покинула…

Припоминаю, в совхозе «Берикульский», на сельхозработах в начале третьего курса, вечером на танцах – всё входило в резонанс от того, что *«Синий-синий иней лёг на провода».*

А мы, настроив гитару «на лирический лад», включались во всепоглощающий припев:

От зари до зари, от темна до темна
О любви говори, пой гитарная струна!

Не буду преувеличивать и абсолютизировать только советские эстрадные песни. В моде были и многие зарубежные исполнители. Любили мы слушать, а иногда и подпевать одну-две строки, вроде французской «Тумба ля нежо…» в исполнении какой-нибудь болгарки Лили Ивановой. Джорджи Марьянович, Радмила Караклаич, Карел Гот, Бисер Киров, Дин Рид, Марыля Радович, Шарль Азнавур, Мирей Матье – далеко не полный перечень наших любимых шансонье.

И, как ни странно, но не прижились в нашей студенческой среде в ту пору такие зарубежные знаменитости, как «Биттлз» или «Роллинг стоунз» - ну, не помню, чтобы они звучали у нас. А когда я впервые обратил внимание на их кричаще-визжащие композиции летом 1971 года – на танцплощадке Всесоюзной студенческой стройки (ССО) в Стрежевом – мне едва ли не сделалось дурно. Примерно так же, как и не воспринимал поначалу надрывно-хрипатый голос Владимира Высоцкого. Нас-то убеждали, что на эстраду и сцену имеет право только певец, одаренный чистым красивым голосом. Зато какой восторг вызывали только что появившиеся «Песняры»! Боже, что за чудом было в их исполнении песня «Александрина»!

А познакомился я впервые с их репертуаром через песню «Летняя ночка купальная ясной растаяла сничкою…» Притащил её к нам, в Пудино, мой школьный дружок Санька Кий – из Йошкар-Олы, после летнего стройотряда. Да разве можно было сравнить это даже с такой песней «Битлов», как «Жёлтая подводная лодка»? Хотя и тут – что это за «сничка» такая, которой может растаять летняя ночка? Не в том дело. Главное – мелодия, исполнение. И – наши, пусть и «бялорусы», а не какие-то там забугорцы.

Всё ещё пытались «шукать вечорами» «червону руту» - пелось замечательно и в компаниях и дуэтами. Да и «черемшина» продолжала «всюду буйно квитне» - совсем, как наша молодость.

Каждая такая песня передавала атмосферу, создавала настроение, вторила этому настроению. И петь-то хотелось! Ещё раз повторюсь, что петь наши студенты умели и любили. По крайней мере, стремились петь грамотно и красиво. Умели и слушать других. Была такая незамысловатая песенка Ады Якушевой со словами «мне просто нравится, как слушаешь ты их…», так вот, это и про нас.

Удивительное дело – как эти песни врезаются в нашу память и всплывают потом по случаю, казалось бы, уже совсем забытые и невесть откуда. Летом 2004 года я в составе делегации кузбасских писателей ездил на Алтай, на Родину Василия Макаровича Шукшина, по случаю 75-летия со дня его

рождения. Ездили из Кемерова на полугрузовой машине «Газель». Чтобы сократить расстояние и ускорить время, почти всю дорогу туда и обратно мы пели песни нашей молодости – 60-70-х годов. Мы (помимо поэтов Бориса Бурмистрова и Виталия Крёкова) – это мои ровесники, поэты Иосиф Куралов, Виктор Коврижных и прозаик Сергей Павлов. Пели, правда, «навскидку», вроде попурри – из припомнившейся песни по одному-два куплета. Заводилой был Иосиф Куралов, кстати тоже закончивший наш институт культуры (правда, заочно, РКМП). Наиболее цепкой память оказалась у Вити Коврижных, иные песни он знал от начала и до конца, задавая нам тон…

Сделаю ещё одно небольшое отступление, в сторону нашего институтского вокально-инструментального оркестра. В институте культуры, где было даже музыкально отделение, да чтобы не было своего оркестра?! Был, конечно же, был. Чуть ли не с зачисления нас в студенты. По крайней мере, уже в первом семестре, когда купили не очень дорогие электроинструменты и ударную установку.

Клавишником (и неплохим) был Лёша Милютин. За барабаны засел Володя Печень. Стас Вноровский внедрял саксофон. Володя Трасковский играл на бас-гитаре. В солистах хаживал Вася Кирносов, кто-то ещё. Позднее, когда Володю Печеня сменил весьма приличный «ударник», поступивший к нам вторым набором, Серёга Капишников (сын знаменитого по тем временам руководителя самодеятельного народного оркестра из Мундыбаша Николая Капишникова), взял мой друг в руки ритм-гитару. Был солистом ВИА одно время и наш Толик Кудряшов.

Что играли? Танцевальные ритмы в стиле шейка и уходящего в прошлое твиста. О роке тогда ещё мало что знали, да в нашем «идеологическом вузе» ему и не дали бы расцвесть – как чуждо-буржуазному направлению. То же касалось и джаза. Хотя уже на первом курсе мы ходили на филармонические концерты, где гастролировали и оркестр Олега Лундстрёма, и даже Ленинградский диксиленд.

И песни в нашем ВИА исполнялись не оригинальные, как принято ныне, собственного сочинения – те же, что и пелись

по радио, звучали с магнитофонных пленок, да и в наших пирушках с застольями.

Особое место в наших репертуарах занимала гитарная песня. Признаться, в нашем культурном вузе гитаре, и тем более гитарно-бардовской песне, на официальном уровне места не находилось. Но какое студенчество - да без гитары?! Всё равно, что представить без неё какого-нибудь цыгана. Из нашего набора неплохо владели гитарой: Володя Печень, Володя Калинин, Володя Ерёменко, Витя Мухин, с пяток человек – с режиссёрского и хореографического отделений. Знал полдюжины аккордов на семиструнке и играл в двух тональностях и я. Позднее Толик Кудряшов освоил гитару и ходил вечерами по женским комнатам, ублажая сентиментальных девиц.

Калинин Володя – величина ныне известная – ректор Рязанского института культуры, доктор наук, тогда - просто Калина. Так и слышится его голос под гитару:

Так уж случается, если влюбляются -
слушают все соловья:
Юноши, девушки, бабушки, дедушки,
папы и мамы, и я…

Или Толик Кудряш:

Дочь родилась у шарманщика старого Карло…
Лай-ла-лай, ди-–лай-ла…

Володя Ерёменко, с припевом - из своей детско-юношеской хулиганской:

Мы - идиоты, мы – паразиты,
мы - эгоисты, мы - подлецы…

(Позвольте отвлечься. Эта песенка аукнулась немного позднее ему аж с дальнего Востока, как «народная»)

Или Володя Печень – с «Алёнкой»:

А колёса стучат, всё бегут поезда,
и ты уезжаешь надолго…

Кажется, Толик Глухов – самый первый отчисленный из института студент – притащил к нам из своего Томска романс «Пропажа»:

Нашей верной любви наступает конец,
Бесконечной тоски распускается пряжа.

Что мне делать с тобою и с собой, наконец:
Где тебя отыскать, дорогая пропажа?

Как же проникновенно мы её пели, как пели… И не удивительно, ведь автором её был ни кто иной, как сам Александр Вертинский!.

Ему же, Толику Глухову, принадлежит и популяризация замечательно-лирической песни «Синильга».

Мой гитарный репертуар, благодаря школьному другу и струнному учителю Саньке Кий, был побогаче: «Пара гнедых», «Про Париж», «Он капитан, и родина его – Марсель», «Родник», «Чайка», «Ковбои», «Гостиница», «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок»…

Володя Грачёв безвозмездно подарил мне из своего запаса такие песни Булата Окуджавы, как «Ах, какие удивительные ночи», «Из окон корочкой несёт поджаристой», «Ах, война, что ты сделала подлая», «Отзвенели песни нашего полка»; визборовские «Кострому» и «Серёгу Санина». А то и вовсе – безымянные, вроде этой – «Мы - ослепшие чайки из птичьей страны…»

Почти на каждой вечеринке звучали «Бригантина», «Люди идут по свету», «Домбайский вальс», «Глобус», вальс «В ритме дождя», «Царь Николашка правил на Руси»…

Где был Грачёв со своим баяном – там непременно песни на стихи Сергея Есенина. И обязательно его «визитка» - «Не жалею, не зову, не плачу». Сокурсники частенько шутили: «Ну, Грач опять поскакал на розовом коне».

Юре Ли больше по душе была песня на есенинские стихи «В том краю, где желтая крапива…» А уж когда доходило до куплета, где говорилось, что поведут его, бедненького, «с верёвкою на шее полюбить тоску» - Юра пел так проникновенно, со слезою на глазах, что казалось, это – именно о нём и речь. «Визиткой» Юры была всё же иная песня – «Синильга». Любил он подпевать нам и «Про Париж». А в моменты расслабухи, когда начинали свой диалог чувства с выпитым алкоголем, Юра обязательно вспоминал песню из своего далёкого детства, которую кореянка-мама напевала ему на русском языке: «Волга-реченька глубока…» В почетё у него была и ещё одна «русская народная песня», сочинённая его

собратом-корейцем Юликом Кимом: *«Губы окаянныя, думы потаённыя. Ой, бестолковая любовь, головка забубённыя…»* Педант в научных изысках и экспедиционный романтик Витя Эрлих непременно затягивал: «Наш фрегат давно уже на рейде…», требовательно угрожая: «*Эй, налейте, сволочи, налейте, или вы поссоритесь со мною…*»

Национальный колорит застольям иногда придавал и якут Санька Сивцев, напевая на непонятном для нас языке «Тундара-тундара…» или «Киндикю…»

Придёт черёд и Коли Смольского, как без него и без настоящей бардовской песни? Потрепите немного.

Студенческие переделки – куда без них? Появляются они обычно по случаю: когда надо кого-нибудь поздравить или показать себя публично - на концерте художественной самодеятельности, на посвящении в студенты, в стройотрядах, на КаВээНах. Чаще – это продукт коллективного творчества, при чем – не очень качественный, скороспелый. Но, пели и это.

Так, у хореографов была «коронка», без которой редко обходилось застолье с ними: *«Хореограф – он всегда упорным будет… Опять тандю, опять плие…».* Её они спели ещё, кажется, на самом первом нашем посвящении в студенты, да так она и прошла с ними бок о бок все четыре года.

Были свои «профессиональные» песенки и у музыкантов, и у режиссёров. Ну, а мы, библиотекари, что лыком шиты?

Помнится, на 8 Марта, кажется, мы учились уже на 3-м курсе, от нас, ребят с БФ, нужен был номер на институтском вечере-концерте, что проходил в ДК КХЗ. Говорят, голь на выдумки хитра. Вот и мы…

Популярным в наше время было трио «Ярославские ребята». Вот мы и сочинили под них несколько куплетов. Вышли на сцену вчетвером – в расшитых косоворотках, с цветными поясками, в сапогах и картузах с непременным крупным цветочным бутоном у козырька. И запели, приятно шокировав весь зал:

Мы - робята все с бибфака - эту песню пропоём.
Женщин много, а нас мало, эх! Но отлично мы живём!

Открою и историю создания нашего «гимна», начинающегося словами «Раскинулось море под индексом

пять». Нетрудно догадаться, что песня эта – переделка весьма популярной и известной морской песни. Мало того – двойная переделка. Будучи на каникулах, переделку услыхал я от моего школьного друга, студента Омского сельхозинститута Шурика Синицына. Привёз эту песенку я в Кемерово, напел своим ребятам. Тем понравилось – речь-то шла о нашем брате, студенте.

- Давайте, переделаем,- предложили они, кажется, первым – Грачёв.

И вот мы, вчетвером: я, Грач, Юра и Витя Эрлих песню эту переделали на свой манер, заменив своими специальными терминами и именами. Долгое время, да и доныне, почему-то авторство её приписывали одному мне. Нет, и ещё раз – нет! Это – результат нашего коллективного творчества, и кто там сочинил больше, а кто – внёс меньшую лепту – теперь уже не узнать, да и неважно это. Так же, как и передали мы тогда песенку про студентов-физиков, которые шагали по городу, «лысиной сверкая». Её я привёз со стройотряда, куда ездил вместе с электрофизиками Томского политеха. Мы её переиначили в «студентов-книжников».

Ещё одна переделка, приписываемая мне. На 4 курсе, в ноябре 1972 года, мы готовились к КаВээНу – между группами нашего курса. Центральной темой там была «Десять лет спустя». Вот я и припомнил одно стихотворение Михаила Светлова, кажется, из его стихотворной пьесы «Двадцать лет спустя». Из него вышла песня со словами:

Шумит над нами время золотое,
библиотечными науками звеня.
Мы будем жить студенческой семьёю
и через год, и десять лет спустя…

Эти наши песни-переделки мы исполняем при встречах и по сею пору. Втройне приятно было услышать такое. В мой День рождения (25 мая 2005 г.) уже в первом часу ночи раздаётся телефонный звонок. Поднимаю трубку, а там:

«*О наших днях, о первом поступленьи,*
О тех, кто шёл в передовом ряду,
Быть может, вспомнят новые студенты
В каком-нибудь двухтысячном году…»

Пели это из Питера, по телефону, поздравляя меня, Галка Гордукалова (Емельянова) и Таня Мельникова (Ерёмина, была в то время в командировке) под баян Володи Грачёва!

А когда мы собирались на 30-летний юбилей по случаю окончания вуза, на нашу кемеровскую квартиру съехалось с десяток иногородних. Приняли, естественно, за встречу. И уже тут, опять коллективно, родились ещё два куплета-продолжения, но, надеюсь, не окончания…

И, если, зная пять гитарных аккордов и две тональности, песенным заводилой бывал я, подстраивая под себя всех остальных, то совсем иначе было у Грача. Грачев прекрасно играл на баяне, запросто подстраиваясь под любой голос и даже под незнакомую ему песню. И что ещё интересно – он умело сочетал игру на баяне и пение одновременно, что даётся далеко не каждому.

Задолго до Звездинского и Малинина в наш песенный студенческий репертуар вошла песня на стихи Николая Заболоцкого «Зацелована, околдована». При чём, пели мы её по тексту стихотворного оригинала, а не суррогатной версии. Напев её щедро подарил нам Витя Худяшов – с ДХ. А мы с Грачёвым уже довели её до нашего исполнительского варианта.

Надо отдать должное: Грачёв всегда подходил к любой песне творчески, никогда полностью не копируя услышанное исполнение. Он всегда вносил свой исполнительский колорит, и песня приобретала свою аранжировку, зачастую – разово-уникальную...

…Новую свежую струю в наши студенческие песни внёс Коля Смольский, появившийся в институте культуры, когда мы учились уже на втором курсе и сдали даже зимнюю сессию. Высокий, стройный, худощавый, всегда улыбающийся, жизнерадостный. Как всякий студент-томич – любитель сибирских самодельных пельменей, мог запросто уплести порций пять. Это про него в ту пору можно было говорить: «Синичку – хоть на пшеничку!»

Коля – коренной кемеровчанин, получивший начальное музыкальное образование. Однако совершенствовать себя в этой сфере после окончания общеобразовательной школы не стал: поманила суровая романтика томских политехников.

Самый разгар спора физиков и лириков. И Коля-лирик попытался реализоваться в Коле-физике. Учился в политехническом попервости с увлечением. Но уже там, в песенно-овценовсокм Томске, обучаясь на электрофизика, в нём стал разгораться пламень струнника-гитариста.

Освоить гитару ему, видимо, особого труда не составило: знал нотную грамоту, играл помимо баяна и на балалайке. Имел отличный музыкальный слух и неплохой голос. Была тому, похоже, и ещё одна причина: Коля с детства заикался, особенно, когда волновался. Но стоило ему начать говорить речитативом нараспев - заикания, как и не бывало. А напевный-то речитатив как раз и проявился больше всего в гитарной песне.

Теоретики и практики этого вида песенного направления позднее пытались ему дать всевозможные определения: авторская песня, самодеятельная песня, бардовская песня… Всё это - одно и то же: пение под гитару, чаще всего непрофессионалами в тяжкие минуты и на досуге: в турпоходах, экспедициях, у костра, армейской казарме, студенческой общаге, на всевозможных вечеринках и капустниках. Да поначалу всё это и развивалось как ветвь фольклорного искусства, где, якобы, не было авторства песен, зато в наличии – вариативность текстов и напевов, передача и распространение устным способом, самый демократический круг исполнителей и слушателей.

Потом вдруг узнаём (по крайней мере, я), что автором такой «народной» песни, как «Пропажа» является не кто иной, как Александр Вертинский, «Синильги»- Г. Карпунин, «Шхельды» - Юрий Визбор; «Перекаты» и «Гостиницу» сочинил и напел (не умея даже играть ни на чём) Александр Городницкий; «За туманом», «Про Париж», «Горы далёкие…» - Юрий Кукин; «Я вас люблю, мои дожди» и «Пьеро» - Вадим Егоров; «Хромого короля» - написал Александр Дулов на стихи Мориса Карема; «Сигаретой опиши колечко» (одна из самых первых моих песен под гитару) – Евгений Клячкин; «Я расскажу тебе много хорошего» - Валентин Вихорев; «Синие сугробы» и «Вечер бродит по лесным дорожкам» - Ада Якушева, «Моей любви ты боялся зря» - Новелла Матвеева, «Этот город называется Москва» - Стёркин…

Так вот, первооткрывателем век в глазах нашего авторско-песенного невежества и был Коля Смольский. Язык не поворачивается называть его Николаем Николаевичем, для всех он был и оставался все 54 года просто Колей Смольским, а то и - Смолей. Лирик-песенник всё же одолел в нём физика. Бросив Томский политех (к огорчению и радости родителей), Коля вернулся в Кемерово, и был зачислен (уж каким образом?) на оркестровое отделение – новое для нашего вуза. Полагаю, что ему немало пришлось потрудиться в институте, особенно на первых порах, догоняя своих сокурсников. Тем более, что среди них были и такие незаурядные музыканты (а некоторые - даже и композиторы), как: Володя Хвилько, Федя Ладыка, Витя Заложнов, Валера Шеховцов, Ваня Сугаков и даже поступивший вновь на первый курс наш Толик Слончак.

Оставим пока в стороне профессиональные и педагогические данные Коли Смольского, хотя он и занимал позднее должности преподавателя, заведующего кафедрой, заместителя декана, и даже ходили слухи, что его кандидатура рассматривалась на должность ректора. Не в этом дело.

Здесь речь идёт о Коле – как о популяризаторе авторской (бардовской) песни – поры нашего студенчества. Сомневаюсь, чтобы Коля – ходячая энциклопедия и «банк данных *караоке* самодеятельной песни», музыкант-профессионал, да не написал хотя бы с десяток своих собственных песен! Наверняка они были. Но…

То ли он сам был к ним очень строг и взыскателен, то ли не пошли они в «народ» сходу, как у других бардов – теперь мне уже судить трудно, а у него не спросишь. И всё же! Всё же – хочу поведать об одной его песне. Именно его, но только наполовину, как автора музыки. Песня эта, конечно же, про Томск:

Город Томск – улыбаюсь застенчиво –
Здесь когда-то и я шумел.
Город юности, город студенчества –
Ты ни капельки не постарел!

Песня получилась просто отличная! Для томичей, где каждый четвёртый житель города – студент, в стране – где не отыщешь ни одного городка и даже района без выпускника

какого-нибудь томского вуза! Песня ничем не хуже знаменитой «Томск-1» Бориса Овценова – тогда тоже студента. Полагаю, это от него Коля и заболел авторской песней. Песня про Томск прочно вошла и в мой репертуар. Воспринимается всякий раз «на ура», если я пою её в среде, где есть томичи. И раздаются удивлённые возгласы: «Кто автор? Смольский? Кемеровчанин? Да быть такого не может?!»

Бывал Коля душою любой компании. И если он брал гитару в руки – другому гитаристу рядом с ним было уже делать нечего, разве что, смиряясь, подпевать ему. Впрочем, он был и неплохим учителем. По крайней мере, кое-чему я у него научился, оба мы так и не перешли с семиструнок на шестиструнный строй. Обогатился я у него не только аккордами и тональностями, но и гармонией. Да и исполнительской культурой, если не сказать – стилем. Не говорю уж про сами песни.

Песенный репертуар Коли был широчайшим. Знал он их превеликое множество. Не буду говорить о народных и эстрадных песнях – знал он и это, и не хуже нас. А вот исполнял – лишь бардовскую песню! При чём, в любой последовательности: хронологической, алфавитно-авторской, тематической. Можно было безо всякого сомнения заказать ему для исполнения любую песню – стоило лишь упомянуть автора, название, строчку из песни или даже намурлыкать музыкальную фразу – он подключался тут же, как хороший компьютер! Память на песни у него была просто потрясающая! Кажется, мелодию и слова он запоминал едва ли не с первого прослушивания. Правда, песня эта должна была понравиться и ему самому.

Так уж случилось, что с Колей Смольским хаживали мы «женихаться» в одну и ту же девичью комнату нашей общаги, на Тухачевского-23. Частенько он приходил с гитарой, и мы слушали его песни, потихоньку подпевая ему.

А как-то летом, двумя парами (я с Людмилой, а Смольский – с Татьяной Храмовой) подались мы в поход, в Подъяково. Взяли пару палаток, пропитание, «сугрев» и, разумеется, гитару. Какие это были замечательные вечера, у костра, на берегу речушки! Какая музыка была, какие песни там

звучали! Если Колю не остановить, а только слушать - он в благодарность за это, не требуя больше никаких компенсаций, мог пропеть всю ночь напролёт, при этом, ни разу не повторившись. Разве что – по просьбе, на бис.

Это во многом, благодаря ему, чуть позднее, в конце 70-х годов, в Кемерове был создан КСП «Гренада», ансамбль с таким же названием под его руководством. Лауреатом каких только конкурсов не становился этот ансамбль! Здесь же отлично вписалась и вторая жена Смольского - Ольга. Но главное – было налажено регулярное концертирование бардов. Живьём! К нам, в Кемерово. Тех самых авторов, песни которых мы пели в наши студенческие годы. Едва ли не каждый месяц к нам приезжали и выступали в каких-нибудь вузовских залах и клубах (не в филармонии) самодеятельные авторы.

Посчастливилось слышать и лицезреть (а с некоторыми пообщаться и неформально, приняв «по соточке»): Юрия Визбора, Александра Дольского, Юрия Кукина, Вадима Егорова, Валентина Вихорева, Александра Городницкого, Владимира Туриянского, Александра Дулова, Юлия Кима, Бориса Бурду, Бориса Львовича, Валерия Бокова, Александра Луферова, Александра Розенбаума, Мирзояна, Муравьёва, Вахратимова и Брунова…

Каждый концерт, который длился иногда часа по три-четыре, полностью записывался на катушечный магнитофон. А потом уже, для избранных (в том числе и меня) тиражировался на магнитофонные плёнки. Таких концертных оригинальных записей только у меня набралось целый чемодан. Жаль – время ушло, а вместе с ними и магнитофоны, а записи на плёнках от времени - очень сильно попортились. Но тогда-то – прослушивались едва ли не каждый день и в любое свободное время. Песни заучивались, пелись, звучали внутренне.

Конечно же, расширил свой песенный кругозор, не без Колиного участия, я и другими (по разным причинам у нас тогда неконцертируемыми) авторами: Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Александр Галич, Михаил Анчаров, Александр Лобановский, Александр Суханов, Виктор Берковский, Вера Матвеева, Вероника Долина…

Благодаря Коле Смольскому, я окончательно заразился авторской песней. Пробовал писать свои. С десяток, пожалуй, и наберётся. Иногда пел в узком кругу, и даже на фестивалях. А в 80-е годы, когда сам был куратором студенческих групп, проводил тематические кураторские часы – каждый из которых посвящался какому-то барду: рассказывал о его творчестве, прослушивались песни с плёнок, ну, и я давал свою вокально-исполнительскую интерпретацию…

И вот, эти-то «Колины» песни посыпались тогда на нас, как звёзды в августовскую ночь. Нет никакой возможности процитировать их хотя бы по одной строке – потребуется не один десяток страниц. Тогда же узнал я от Смольского и о Валерии Грушине, и о ежегодном фестивале на Волге – в память об этом человеке.

Поразили своим глубинным смыслом, чистотой и откровенностью песни ещё одного погибшего в горах барда из Минска – Арика Круппа. Кассета с его оставшимися песнями была затёрта до помех и шумов от частоты прокручивания и прослушивания. А в память врезалась песня Владимира Ланцберга, где рефреном шла строка:

«Сверим наши песни, старый мой товарищ.
Чтобы быть уверенней вдвойне…»

А ещё это, его же, оттуда же:

Вроде бы недавно рядом мы сидели
И из одного с тобой хлебали котелка.
Но легла меж нами вёрстами неделя…
…Пусть ещё осталось много неотложных дел –
Всё же ты однажды сделал то, что надо,
Только за собой недоглядел…

Да – это именно о таких, как Валерий Грушин, Арик Крупп, Булат Окуджава, Владимр Высоцкий, Евгений Клячкин, Юрий Визбор, Виктор Берковский, …, Коля Смольский.

Разве мог я когда-нибудь подумать, что эти строчки напрямую коснутся и нашего институтского товарища, моего друга, – Коли Смольского?!

15 июля 2004 года, отправляясь в командировку в Юргу, по поводу организации и проведения традиционного фестиваля бардовской песни «Бабье лето», не выдержало сердце Коли.

Упал в сорока шагах от подъезда своего дома, сраженный, как солдат на передовой. Разом. И никакая «Скорая» уже не помогла.

А всё потому, что сжигал себя песней, отдавая её людям. Совсем, как у Арика Круппа:

Чтобы потом, раздавая долги,
Сердцем и памятью стал бы богаче…
...Пусть даже песня застрянет во рту –
Хочется петь – невозможно иначе.

Да, делал Коля то, что надо. Только за собой недоглядел. Но песни-то живут! Живут - в память о Коле Смольском, Юре Ли, Людмиле Кузнецовой, Володе Юстусе, Юрке Борисенко, Любе Антонюк, других потерянных уже навсегда наших товарищах и друзьях по институту.…

Песню, что ты дал мне, я ношу с собой,
Может, мне придётся сочинить свою,
Чтобы с нею тоже и в путь, и в бой!

Конечно, неплохо бы сочинить и свою, вот такую, чтобы было не стыдно – и в путь, и в бой...

А, пожалуй, и сочиню. По крайней мере – сочиняю. Только песней пусть будут вот эти самые прозаические строки моих воспоминаний…

А в жизни, как в светловской «Гренаде», которая тоже была очень популярной у нас:

Новые песни придумала жизнь
Не надо, ребята, о песне тужить…

Но это – наказ уже иным поколениям студентов, которые, как мы верили, *споют о нас в каком-нибудь двухтысячном году…*

Дай-то Бог!

Глава *девятая.* АХ, ЭТИ СВАДЬБЫ…

Нет, что ни говорите, а, пожалуй, именно во студенчестве приходит и большая Любовь. Школа, детский садик – там лишь первые робкие проявления интереса к противоположному полу, росточки, заложенные в каждом человеке самой Природой. У кого-то они пробуждаются раньше, у кого-то позднее – об этом довольно обоснованно всё написал

модный, но охаянный нашей тогдашней идеологией австрийский врач и психоаналитик Зигмунд Фрейд.

Нас-то воспитывали на жизненных и литературных примерах: Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Лейла и Меджнун, Петрарка и Лаура, Данте и Беатриче, Пушкин и Керн, Есенин и Дункан, Нагульнов и Лушка, Анка и Петька… Стоп, стоп, стоп! Эк, меня занесло! Немножко в другую сторону маятник Любви качнулся.

А если серьёзно, то от неосознанной влюбленности и до принятия решения о создании добровольного союза между мужчиной и женщиной простираются порой довольно большие временные и пространственные интервалы.

Воспитанные на положительных примерах и выросшие в достаточно целомудренной сельской среде, где все и вся было на виду, мы, молодые, не торопились, очертя голову, бросаться в омут плотских утех и наслаждений. До девятнадцати лет и я оставался приверженцем целомудренности, хотя теоретически, во снах и своих воображениях чисто платоническая любовь давненько уже перешагивала грани дозволенного.

Осмелюсь признаться, (чего уж теперь-то на склоне лет?) что по-настоящему и целоваться-то меня научила одна абитуриентка лишь в Томском университете, а это было лишь накануне поступления в Кемерово. Так что азы амурной грамоты я постигал в Томске, где, как певал Коля Смольский, когда-то и я шумел…

Признаюсь, как на духу, что роль своей будущей жены не единожды я примерял даже на незнакомых, но симпатичных встречных девушках. Мысленно, конечно. Примерял и тут же выискивал «огрехи» во внешности и, пугаясь своих мыслей, тут же переводил в разряд «не моя».

Да уж, такому привередливому «купцу» было из кого выбирать. Даже и на нашем девичьем факультете. И ведь останавливал свой взор частенько вовсе не на тех, на ком следовало бы…

Да простят меня все мои сокурсницы (и жена тоже) за некоторые откровенности, которые кому-то, может быть, и покажутся здесь не совсем скромными и уместными. Я отнюдь не претендую на роль Казановы, Ловеласа или Дон Жуана (даже

и А.С. Пушкина) - с их реестрами побед и поверженных женщин. Упаси Боже. Да этого и не было. Просто хочется немного предаться ностальгическим воспоминаниям юности и хотя бы коснуться объектов своего студенческого обожания. Полагаю, что и жена моя, прочитав эти строки, не станет ревновать к тем и тому, что безвозвратно минуло, как говаривают немцы – в *плюсквамперфект.*

Не стоит даже и упоминать почти забытых тех, с кем на один-два вечера завязывались мимолётные знакомства и симпатии.

Первой, кто всерьёз смутил мою юную душу в нашем институте, была наша соседка по комнате в общаге на Парковой -15 – хоровичка из комнаты номер 48 - стройная, высокая смуглянка, почти цыганской броской внешности, но скромная в своём поведении Люда Головина. Уж и не припомню, как всё завязалось. Должно быть, на какой-то первой совместной вечеринке, с непременными песнями и танцами. Но мне понравилась эта дивчина из Новокузнецка.

«Нас выбирают, мы выбираем, как это часто не совпадает»,- пелось в нехитрой песенке из кинокомедии «Большая перемена». Меня всегда раньше будоражил вопрос, почти с детства: «Ну, как это совершенно разные и незнакомые люди, ни с того ни с сего, находят друг друга, влюбляются, женятся и живут вместе до конца жизни?» А если бы вдруг разошлись минутой раньше или позже, не повстречались, не пересеклись - как тогда? И как это вдруг влюбляются одновременно, разом, оба? Не знаю, не знаю… Даже и теперь объяснять ничего не хочется. Видимо, сама природа так позаботилась. И ведь, вот парадокс: одни находят друг дружку сразу же, другие – после длительных поисков. Случается – едва ли не с детского садика или первого класса «женихаются», да так и женятся, и живут всю жизнь вместе. Примером тому – мой сродный брат Сергей и Галя – учились вместе в Томске с первого класса, теперь дожили уже вместе до серебряной свадьбы, вырастив двоих сыновей. Другим – надо перебрать десятки, если не сотни, чтобы отыскать ту единственную свою половинку. Даже, казалось бы, найдя и связав судьбы узами брака, вдруг оказывается: а не то ведь, не то…

Видимо, взаимосимпатии с Людой Головиной у нас возникли, но насколько это было серьёзно? К тому же, хотя и примерял мысленно на многих платье своей невесты, всерьёз о женитьбе никогда и не помышлял пока. Скорее помыслы мои были абстрактными, нежели имели какую-то конкретную почву. Считал, что рановато мне ещё обзаводиться своей семьёй. Надо бы и в холостяках погулеванить. К тому же, за примерами далеко ходить и не требовалось: в нашей комнате общежития все были холостяками, а ведь некоторым уже перевалило и за четвертинку века.

Да, целовались, да обнимались и миловались, да – ходили, взявшись за ручки: *«Когда в руке лежит рука,*

А по экрану – облака…
И жизнь нам кажется легка
Пока…»

Бывали в кино на последних сеансах и, конечно же, на последних рядах. Ходили на концерты, в филармонию, просто так прогуливались по зимнему городу… Не знаю, насколько далеко завело бы нас такое безобидное гуляние вдвоём? Развились бы чувства влюбленности в Любовь? Только, всё же, видимо, не были мы половинками друг друга. Ну, так, чтобы, как у Ромео и Джульетты! И часа не прожить без любимой…

А потому, когда на одной из весенних вечеринок между нами напористо возник Толик Гусев, я, немного огорчившись, безо всякого боя уступил ему свою пассию (или, как любил говорить наш друг Грачёв – «мою *бывшую будущую* жену»).

Пустым место не бывает. Особенно по молодости. Требовалось заполнение амурного вакуума. Кстати, случалось, что одновременно в кандидатках оказывалась и парочка каких-нибудь девиц. (Ну, а чего ж тут такого, если даже вполне «советская» песня допускала «слева – кудри токаря, справа – кузнеца»?) При этом никому никаких обещаний я не давал. И до интимных сцен никогда не доходило.

Припоминаю, что в разное время испытывал я тайные симпатии ко многим своим сокурсницам и с нашего факультета: Светке Котляровой, Тамарке Ягуновой, Вере Пяте, Ире Гутовой, Вале Маловой, Галке Романовой, Гале Емельяновой, Тане Ерёминой, Любе Некрасовой… Да мало ли ещё к кому?

Заставляла одно время трепетать моё сердечко угловатая худенькая блондинка Валя Н. - из музыкального училища, что находилось напротив нашего учебного корпуса на Спортивной. Дело доходило до того, что я занимал место в поточной аудитории возле самого окошка и не столько слушал лектора, сколько высматривал через стекло: не покажется ли она.

Нас выбирают, мы выбираем, как это часто не совпадает…

За год совместной учёбы наши дамы успели изрядно примелькаться, да и мы им – видимо, тоже. У них-то выбор среди нас был и вовсе скудным.

Второй набор. Новые лица, новые увлечения. До сих пор вспоминаю Галю Галкину, Свету Ковригину. Люда Мусатова с библиотечного – особый разговор, как и Головина, в недавнем прошлом. И тоже соседка по комнате, но уже на Спортивной-91. И опять, случалось: и целовались, и танцевали вместе, и под ручку хаживали…

Первым из моих друзей и однокурсников сдал свои холостяцкие позиции Юра Ли. Да и немудрено, как-никак, на целых шесть лет был старше меня. Пора подоспела. Юра – человек южного темперамента и восточного склада характера. В своих намерениях – мужик рассудительный и серьёзный. Уже на первом курсе остановил свой выбор на студентке с хореографического отделения Нине Шараповой. Два года, считай, хороводились, не с бухты-барахты: давай, поженимся! Была тому и ещё одна веская причина – избранница его оказалась в весьма «интересном положении». Куда уж теперь деваться честному человеку?!

Свадьба Юры с Ниной была едва ли не первая студенческая, на которую я попал. Было это в самом конце второго курса, в июне месяце 1971 года. Регистрировались они, минуя двухмесячный испытательный срок. В Анжерке, не в Кемерове. Помог с этим им Грачёв, а точнее – его мама Лидия Ефимовна, работавшая в то время не то в горсовете, не то в горисполкоме. Нашла обходные лазейки для молодоженов. Гуляли же свадьбу в Кемерове, по-студенчески – весело. Пусть и не ломились столы от яств, зато – от души! Человек восемьдесят набралось в зал столовой, что находилась недалеко от областной

библиотеки по улице Дзержинского. В основном – студенты нашего факультета и отделения хореографии. Были и родичи. Со стороны жениха – Юрины братья, студенты из Томска и Омска: Валера, Гена, Женя. Со стороны невесты – мама, Агриппина Ивановна. На память о том событии остались немногочисленные мои фотоснимки: жених, невеста, друзья, родичи. И все мы – такие ещё молодые и зелёные, но, несомненно, счастливые и верующие в своё большое предназначение…

Сколько бы не предупреждал нас «папаша Стас», что жениться и выходить замуж надо не ранее, чем в сентябре и на последнем курсе, совету его мало кто внимал.

Нас выбирают, мы выбираем…

Пожалуй, следует вернуться к одной из самых первых семейных пар, образованных из студентов нашего вуза. Уже и припоминается с трудом. Ещё на первом курсе, едва ли осилив семестр, поженились хоровик Кудряшов и хореографичка Ольга. Увы, ни того, ни другую после первого курса я уже, кажется, не встречал. Даже и не знаю, закончили они институт, хотя бы заочно или нет. Может, он-то и закончил, а вот она? – заочное отделение для хореографов предусмотрено не было.

Не дошел до финишного диплома и ещё один наш студенческий дуэт – Саша Чубасов (с ДХ) и его однокурсница Ольга…

Женитьба, рождение ребёнка, безденежье – всё это мало способствовало успешному завершению учёбы. Многие сходили с дистанции. И не только учебной, но и семейной. Распадались и скороспелые браки.

Никого не хочу обидеть, но хотя бы упомянуть о наших студенческих парах здесь следует. Вот они:

Александр Кузьмин (РТ) – Светлана Выборных (БФ)
Юрий Карпушин (РТ) - Светлана (ДХ)
Анатолий Гусев (РТ) - Людмила Головина (ДХ)
Борис Котин (РТ) - Елена Бублик (БФ)
Геннадий Лысенко (РТ) - Галина Гайворонская (ДХ)
Александр Паутов (РТ) - Светлана Фоминых (РБ)
Владимир Ерёменко (РТ) - Татьяна Распопина (БФ, первый брак)
Игорь Красовских (РБ) - Наталья Колотовкина (РБ)

Виктор Арнаутов (БФ) - Людмила Великосельская (БФ
Юрий Ли (БФ) - Нина Шарапова (РБ)
Виктор Бепле (ДХ) - Любовь Почечуева (ДХ)
Анатолий Слончак (ДХ)- Людмила Хорошилова (ДХ)

Второй и последующие наборы также способствовали появлению пар:

Владимир Печень (ДХ) - Людмила Храмова (БФ)
Татьяна Храмова (БФ) - Николай Смольский (ДО)
Екатерина Корчуганова (БФ)- Пётр Краснов (ДХ)
Тамара Завражина (РТ) - Олег Печкуров (РТ, первый брак)
Кляузер Лилия (БФ) - Владимир Ерёменко (РТ, второй брак)
Наталья Жукова (РБ) - Анатолий Жемеро (РТ)
Любовь Троценко (РБ) - Сергей Родыгин (РТ)
Любовь Кондюрина (БФ) - Николай Колтунов (ДО)
Татьяна Разенкова (БФ) - Фёдор Юревич (ДО), оба второго набора)
Виктор Заподойников (ДО) - Мария Иванова (БФ, оба второго набора)
Валерий Шеховцов (ДО) - Татьяна Пономарёва (БФ, оба второго набора)
Анатолий Плюснин (РТ) - Надежда Некрасова (БФ, оба второго набора)
Виктор Эрлих БФ) - Галина Громова (ДХ, третий набор)
Владимир Грачёв (БФ) - Ольга Ануфриева (БФ, четвёртый набор)

Наверное, это – далеко не полный перечень семейных пар, образованных студентами нашего института первого и последующего наборов.

Найти себе половинку рядом, казалось бы, гораздо проще, чем где-то на стороне. Однако, в жизни чаще получается наоборот. То, что рядом – и неприметно. И проходят мимо. И лишь спустя годы, с сожалением: куда ж смотрел?...

Если и не самой первой, то в числе первых свадеб, куда я попал, была свадьба одногруппницы Татьяны Кулаковой и Василия Никулушкина, молодого энергетика, окончившего

техникум. Надо сказать, что с этой семейной парой у нас были долгие годы самые дружеские соседские отношения. Живут они вместе и поныне, воспитав двоих дочерей.

Довелось мне побывать и на свадьбе нашей групповой старосты Светланы Котляровой. Её избранником оказался Василий Попов – выпускник актерского отделения театра (был у нас такой экспериментальный набор. Пара эта ныне проживает в Рязани. Светлана – декан библиотечного факультета филиала Московского университета культуры.

Своё предпочтение военным отдали Галина Воробьёва, Зина Григорьева, Вера Пята-Федянина… (Муж последней, тогда молодой стройный и высокий лейтенантик, дослужился до адмирала).

В археологической экспедиции свою половинку (Толика Гордукалова, студента Томского университета геологического ф-та) отыскала Галя Емельянова.

Случайно, на свадьбе, в Новосибирске у подружки, познакомилась со своим будущим мужем Владимиром Мельниковым (одноклассником Любы Жуковой) – Таня Ерёмина.

Замуж за друга Коли Смольского (Шмакова) вышла Люба Некрасова.

Тамара Постникова отдала своё предпочтение студенту КузПи Володе Евдокимову – брату нашей одногруппницы Вали Евдокимовой.

Светка Ермолович заполучила свадебное платье моей невесты Людмилы…

Ах, эти свадьбы, свадьбы, свадьбы… Разве все упомнишь? Точно не утверждаю, но в наше время бытовала примета: на девяти побывал – десятая твоя! (а, может, и другой какой-то расклад был…)

К третьему, а особенно, к четвёртому курсу уже стало обычным явлением: по коридорам и аудиториям дефилируют матроны с округлившимися животами и платьями особого покроя. В числе коих: Нина Шарапова (фамилию мужа она не приняла), Ольга Рясиченко, Люся Архипенко, Татьяна Никулушкина (Кулакова), Люба Ермакова, Галина Лукьянова (Романова)… ну, и моя жена – Людмила.

Нередкими были случаи, когда рядом с будущими мамашами-студентками хаживали в таком же положении и наши педагоги: Горданова Валентина Фёдоровна, Лебедева Галина Дмитриевна, Сасс Валентина Алексеевна… Они, казалось, несколько стеснялись (или даже стыдились) своей внешности, а мы понимающе старались делать вид, что ничего такого и не замечаем. Жизнь – есть жизнь. Тут нет разделения на студентов и преподавателей, женщины во всех социальных ипостасях – женщины.

Пожалуй, к окончанию института и к получению диплома о высшем образовании, у трети наших выпускников имелись и другие не менее значимые документы: свидетельства о браке и о рождении детей.

Мы выбираем, нас выбирают…

Парадокс, но история моего семейного союза с Людмилой Великосельской для многих однокурсников, видимо, была всё же неожиданностью. Можно же было, оказывается, целых два курса проучиться рядом, проживать едва ли не в соседних комнатах общежития и не обращать должного внимания друг на друга! Уж, по крайней мере, не строить далеко идущих планов.

Нет, если честно, я-то заприметил её едва ли не сразу: миниатюрная, стройная, симпатичная, общительная, далеко не глупая. К тому ж, и староста второй группы на нашем курсе. Я-то, может, и заприметил, только вот она… Она была всё время занятой – не чета мне, юнцу, вокруг неё мужчины увивались. Да всё солидные, едва ли не замуж предлагали (а, может, и предлагали…)

Почему-то и теперь, спустя годы, она вспоминается мне какой-то «домашней» - в длинном красивом халате до самых пят, всегда опрятная, причесанная, ухоженная, немножко надменная и неподступная. Я же ей и прозвище прилепил - «Графиня». Ну, Графиня – и Графиня. Мало ли у нас таких?! К тому же, старался в то время «на занятых» не зариться, что толку-то? И свободных было – пруд пруди!

Может быть, и проучились бы рядом ещё столько же, может быть, и разъехались бы навсегда после выпускного вечера, вспоминая лишь по случаю своих институтских

однокашников, листая альбомы с пожелтевшими фотками… Кстати, за два первых года обучения я не вижу ни одной фотографии, где бы мы были вместе с нею. А уж я-то наснимал своим «Зорким» - и себя и однокурсников!

Господин Великий Случай – так принято величать подобные ситуации. Мы уже выходили на летнюю сессию, а на дворе стоял Первомай. Второй Первомай в Кемерове – для всех студентов первого набора нашего института. Краем уха услыхал, что, якобы, вторая группа собирается в поход на Писаные скалы. А потом предложили и мне с ними, уж кто – не помню, может, Раиса Павловна, может, кто другой. Почему бы и не развлечься?!

- Юра,- спрашиваю полушутя своего друга,- ну, к кому мне приколоться?

Тот усмехнулся деликатно, потом, в том же тоне, что и вопрос, ответил:

- А попробуй – к нашей старосте…

Ну, к старосте, так к старосте, почему бы и нет? Впрочем, там видно будет…И, как в песне: «Были сборы недолги…» Напялил свой неизменный свитерок с глухим воротом, курточку нейлоновую, на ноги – кеды китайские, на голову – шляпу, через плечо – гитару, – во видок!

После демонстрации собрались все «походники» на пристани, человек восемнадцать. Во главе со старостой группы Великосельской и куратором этой же группы Раисой Павловной Украинчик. На весь девичник – четверо ребят: я, Лёшка Милютин, Вова (Хова) Хайцев и, кажется, Витя Худяшов. Теплоходиком речным добрались до Писаных скал, разузнали, где можно остановиться. Тогда там ещё не было никакого музея и заповедника.

…Раиса Павловна при встречах частенько вспоминает, что явилась «свахой» в нашем семейном союзе. Шутка-шуткой, а доля правды тут есть. Не скрою, молодая кровь взыграла. Но ни о какой женитьбе пока и речи не велось, даже и мыслей особых не допускалось. По крайней мере, у меня.

1 марта 1972 года подали заявление в ЗАГС. И под это дело решили отметить помолвку – походом в сосновый бор, что на правом берегу Томи Кемерова. Человек двадцать пять

набралось, с моей и Людмилиной групп. Проваливаясь по пояс в снегу, углубились в лес от тропы. Утоптали площадку. Развели костёр и пили все болгарское вино, не то «Тамянку», не то «Славянку». Пели песни. Нас поздравляли с таким событием. И все были веселы и счастливы.

Свадьбу нам назначили на 13 мая. Сочетание месяца и числа – прямо скажем, не для суеверных. Однако мы с Людой находили оправдание: оба родились в мае. А минус помноженный на минус, как известно, даёт плюс. Два минуса в дате – тоже выдают плюс. Ну, а два итоговых плюса – тем более положительный результат, куда ж ещё лучше?

Не, знаю, «*маемся*» ли мы все эти годы? Наверное, и такое случается. Семейная жизнь - это не только постельные утехи. Сколько всяких заслуженных и неоправданных обид, взаимоукоров – редкой семье удаётся избежать такого. К сожалению, чем дальше, тем чаще возникают ссоры и конфликты. Хотя, казалось бы, всё должно быть наоборот. Уже вырастили и выучили двух замечательных дочерей – Ярославу и Настю. Есть неплохая квартира, сносно обеспечены материально, шифоньеры забиты всякой одежкой… И, если сказать честно: любил и люблю я свою Людмилу и до сих пор. Конечно, та юношеская любовь переродилась и трансформировалась уже в иную форму – скорее привязанность и привычку. Но, если бы не было взаимных чувств, наверное, ничто бы не удержало на такое время наш семейный союз.

Однако, немного и самой свадьбе.

Не знаю, как кому, а для меня лично это было преизрядной мукой – быть хотя бы и пару дней в центре внимания. Ну, не люблю я эти помпы и столпотворения. Мне всегда, а теперь особенно, больше по душе камерные компании и непринужденная обстановка. Но куда деваться, если так заведено, и свадьба должна быть свадьбой. Конечно, очень много из русских обрядовых свадебных сцен уже утрачено, но кое-что было приготовлено нашими друзьями и для нас, не зря ведь фольклор изучали.

13 мая 1972 года день выдался просто летним! Тепло, солнечно, на тополях начали лопаться почки, источая ароматы молоденьких клейко-смолистых листочков. Ко мне приехала

мама, сестра Татьяна, из Томска – друг детства Коля Ковшаров со своей подругой. Со стороны невесты - родители (мои будущие тесть и тёща), сестра Надежда, брат Виктор с женой, тётки-дядьки.

Как и положено, приоделись во всё новое, свадебное. У меня – приталенный и удлиненный чёрный костюм. У Людмилы – красивое длинное белое платье, неброская фата на голове. Всё чин чином.

После ЗАГСа и всех поздравлений – свадебный вечер. Гуляли в столовой, что была на Советском проспекте между «Дельфином» и «Лакомкой». Человек семьдесят набралось, не меньше. Помимо родни и наших одногруппников – преподаватели. Точно помню, что была Раиса Павловна (куда ж без неё – «сваха»), «папаша» Стас, ну и ещё с полдюжины.

Пили вино, пели песни, танцевали. Даже был вальс молодоженов – под наш институтский оркестрик. И, конечно же, неоднократно звучала: «А эта свадьба, свадьба, свадьба, пела и плясала, и крылья эту свадьбу вдаль несли…» Были подарки молодоженам и пожелания всего самого хорошего в семейной жизни. Разошлись после одиннадцати вечера – дольше не полагалось в общественной столовой. Продолжили уже в общаге, более узким кругом.

Свой медовый месяц мы провели в своём «гнёздышке» - комнате общежития на Тухачевского-23, которую нам любезно освободили до летних каникул её подружки, расселившись на время по соседям.

Последний курс мы учились уже как муж и жена, носящие мою фамилию. А между Рождественскими и Крещенскими морозами, когда Люда уже досрочно сдала сессию, а я ещё корпел над учебниками, появился на свет и первый плод нашей любви – дочь Ярослава.

В заключение этой главы хочется сказать, что большинство семейных союзов, созданных ещё в студенческие годы, оказались довольно прочными. Так из тех перечисленных 26 пар – 16, по моим данным, существуют и поныне.

И дай-то Бог всем нам прожить такими парами до скончания дней своих.

Глава десятая. **ИДУЩИЕ ПО ПЯТАМ.**

Хорошо быть первым!

Однако, без преемственности и последователей, пожалуй, всё же скучновато. А в какой-то степени, и бессмысленно. Найдётся ли хотя бы один человек, смирившийся с тем, что именно на нём завершится его род, засохнет семейная ветвь, не дав плодов? Разве что при самой крайней необходимости.

Вот так и мы, первачи, изучившие азы диалектики, следовали её закону «отрицания отрицания». Каждое новое поколение, набор, вобрав в себя то доброе и положительное, что было у предшественников, переходит на свой качественный уровень. Думаю, что многие следующие наборы студентов всё же завидовали нам, первооткрывателям вуза, как космонавт номер два всегда в душе, да и в открытую, завидовал космическому первопроходцу. А мы, в свою очередь, немножко завидовали тем, которым ещё только предстояло испытать все прелести студенческой жизни – в чём-то похожей на нашу, но уже свою.

В хорошем и добром фильме «Приходите завтра» есть эпизод, где Фросю Бурлакову разыгрывают два студента-старшекурсника, представившись, как Станиславский и Немирович-Данченко. Нечто подобное вытворяли и наши «артисты», вроде Толика Гусева, над абитуриентами, устраивая им предварительные просмотры творческих потенциалов. Было и такое. Розыгрыш, если он не злой, всегда вносит элемент новизны и разнообразия в скуку и рутину.

А вообще-то, мы относились к своим последователям весьма благосклонно. Тут не было армейско-казарменной дедовщины, которая меня всегда бесила на действительной флотской службе, да и не оставляет равнодушным теперь, когда слушаю рассказы других. Мы старались по возможности помочь новичкам, передать им свой, хоть и небольшой, но опыт.

Второй набор. Новые люди, новые талантливые, одарённые студенты – творческие личности. Были, правда, и посредственности. Впрочем, как и у нас. Ну, не все же мы были умниками и добросовестными студентами, как это пытаются

представить ныне некоторые наши педагоги, сравнивая нас с идущими за нами. Конечно, нет.

Ближе всех новичков второго набора лично ко мне оказался набор на режиссёрское отделение. И вовсе не потому, что в глубинках своей души я считал себя нереализовавшимся артистом, а моя будущая профессия меня немножечко смущала. Причина тут вполне объяснимая: на эту специальность поступил мой родной младший брат Володя. О некоторых студентах этой группы я уже заочно кое-что знал из рассказов брата - об его абитуриентских мытарствах. А уж когда они стали учиться, я старался хоть изредка, но заглянуть из любопытства к ним в учебные классы и аудитории, на репетиции этюдов и отрывков.

Чётко отпечаталась в памяти наша поездка с ними «на картошку», в совхоз «Заря» - на несколько дней, с ночевками в строящемся неухоженном клубе. А, видимо, ещё и потому, что я в то время очень много снимал на свой «Зоркий», а после даже и распечатывал всем им групповые фотографии. Просматривая фотографии, брат всегда комментировал их, хотя бы на уровне – кто есть кто, пофамильно. Кто-то из них выделялся броской внешностью, кто-то – своим нестандартным поведением, кто-то шутками и юмором, кто – игрой на гитаре или баяне… Тогда многие ребята с РТ играли на гитарах и баяне.

Так случилось, что Володя сблизился и сдружился с Петей Акимцевым, ещё с абитуры – хохмоватым, но недалёким в своих шутках студентом, успевшим отслужить в армии. Видимо, брат нуждался в какой-то поддержке старшего товарища, к тому же земляка – из Колпашева Томской области. Они частенько бывали вместе, и не только в учебное время. Заглядывал Петя к нам и в комнату общаги.

Взрослее многих своих сокурсников, да и некоторых первачей, был и Коля Рахвалов – невысокий, подвижный, общительный, прикольно-весёлый парень. Правда, парень этот уже несколько лет отработал в шахте, активно выступал в художественной самодеятельности и даже был членом КПСС. И по этой причине деканатом был назначен старостой группы.

Отчетливо вижу молодых, чем-то похожих внешне (оба высокие, стройные, кудрявые, в тёмных очках) Юрия Тищенко и Толика Жемеро. Правда, сходство их было больше внешним,

чем поведенческим. Так, Тищенко выделялся каким-то непонятным пока ещё высокомерием и надменностью. Жемеро, наоборот, располагал к себе доверительной откровенностью. Оба обладали, при этом, незаурядными профессиональными данными – сценической раскрепощенностью, уверенностью в своих творческих силах, какой-то независимостью в суждениях и мнениях. Кажется, оба неплохо играли на гитарах и пели песни.

Бросались в глаза бородатый Юрка Готовцев и худощавый, высокий пантомим и художник Валера Меньшиков. Оба уже повидавшие жизнь и столкнувшиеся с её проблемами. Увы, оба не дошли до финишной прямой.

Скромняги, вчерашние выпускники средней школы Витя Иванов и Саша Гребёнкин – были под стать моему юному брату. Ненамного от них отличался и очкарик из Мысков Женя Руденский, частенько являвшийся объектом шуток и приколов со стороны своих старших по возрасту сокурсников.

Дамы… О, дамы на РТ были театрально-загадочными и показушно-неприступными. Многие из них и в быту пытались вести себя, как на сцене, в предлагаемых обстоятельствах. За год своего обучения в институте и проживания в общежитии, с «театралками» я так и не научился завязывать знакомства, откровенно смущаясь и побаиваясь их.

…Сущева, Дулова, Басова… Разные, яркие и не очень, но, без сомнения, одарённые. По крайней мере – претендующие на одарённость, природные данные и актёрско-режиссёрские способности…

Семнадцать – из тридцати четырёх – таков селективный, безжалостный отсев студентов этой группы уже к окончанию только первого курса. Ни одна другая группа не подверглась такому жёсткому и жестокому испытанию на профессионализм! И формулировки – «отчислен за профнепригодность» - хлёсткие и безжалостные, как приговоры судей, не подлежащие обжалованию. Вот вам и таланты, вот вам и творческие личности… В итоге – искалеченные судьбы, надломленная психика, поверженные уверенности в собственных силах, комплексы творческой неполноценности… А ведь институт-то готовил не режиссёров и артистов театра или кино – клубных

работников, умеющих организовать и наладить театрально-студийную работу среди населения страны.

С формулировкой профнепригодности едва ли не вылетел из института и Женя Руденский, сумевший вовремя перейти на заочное отделение, увернувшись от безжалостной секиры преподавателя-рубщика Г.А. Фомина. Зато дали доучиться и закончить институт Пете Акимцеву. Для сравнения: теперь Руденский – дважды доктор наук, академик, Акимцев – навсегда затерялся после окончания вуза в Нарымской глухомани.

Ещё две судьбы. Витя Иванов и Саша Гребёнкин. Первый – ушел на политработу в ГУИНе, дослужившись до майора, уже несколько лет, как на пенсии. Гребёнкин – показал себя и в самом деле незаурядным режиссёром и организатором творческих студий. Примером тому – театральная студия «Встреча» - Кемеровского Государственного университета. Лауреатом каких только конкурсов и где она не становилась?! Ещё смешнее – первосоздателем этой студии был Анатолий Глухов – самый первый студент, отчисленный из института (кстати, нашего первого набора). Затем, после службы в армии, он поступил повторно, закончил-таки РТ, работал в театрах, преподавал в институте, приглашался работать по специальности за границей…)

Анатолий Жемеро и Сергей Родыгин – заправилы театральной работы в крупнейших Дворцах Культуры нашего региона – на КМК и «Алюминщике» – в Новокузнецке (разумеется, после окончания института).

И если Толику Жемеро (на сцене) подошла бы роль Арамиса, Юрию Тищенко – Атоса, то ещё одному их согруппнику Анатолию Плюснину – вне всякого сомнения – громилы Портоса. А ныне в жизни, тридцать лет спустя, этот «громила» - доктор наук, педагог, проректор Алтайского университета культуры и искусства.

Доцентом нашего же институт многие годы уже трудится на кафедре РТ Лилия Семёновна Печкурова (Басова) – некогда актриса Омского театра драмы.

Александр Вичканов – зарекомендовал и проявил себя в Томском ТЮЗе. А в институтскую пору – самый первый

командир прославленного студенческого строительного отряда «Искремас»!

«Вычищенный» из института за авантюрно-хулиганский розыгрыш (на пару с Готовцевым) Коля Рахвалов – известнейший в театральных кругах Кузбасса работник театров - Областного театра драмы (зав постановочной частью, выходивший на сцену при необходимости и в качестве артиста), кукольного театра и театра музыкальной комедии города Кемерово. Восстановился-таки, упорным оказался, как китаец Юн-Су. Почти на десять лет затянулось его пребывание в нашем институте в качестве студента-заочника.

Чем ещё запомнился мне этот набор, так это курсовым спектаклем (после третьего курса) под названием «Дамы и гусары»! Здесь просто фонтанировал артистизм в сочетании со студенческим задором. Задействованы в нём были практически все оставшиеся «в живых» студенты, - блистая в реквизитных нарядах 19 века. Ярче всех выделялся своей игрой Олег Печкуров – исполнитель одной из главных ролей! А в это время мой брат Володя уже сидел рядом со мной в качестве зрителя – в дембельской форме воздушного десантника, завидуя и с горечью отмечая, что мог бы сейчас быть и сам на этой сцене…

И это – лишь, отдельные бывшие студенты, о которых мне что-либо известно из первых уст или по слухам. Интересным всё же второй набор получился на РТ!

Немножко ещё о режиссёрах последующих наборов, с кем доводилось мне сталкиваться. И, прежде всего – на педагогической или стройотрядных нивах.

Кабин Слава (Вячеслав Николаевич) – личность в Кемерове и Кузбассе весьма известная, особенно в сфере культуры, бывших райкомах, горкомах и обкомах, профсоюзной работе и даже в коммерческой деятельности. Если не ошибаюсь – он шел уже третьим набором, отслужив армию во времена конфликтов с китайцами на Дальнем Востоке. Это с ним мне довелось побывать полтора месяца в 1974 году на краю земли – острове Шикотан, на сайровой путине. Это он – хохмач, прикольщик и учредитель «Клуба мелких пакостников»…Маргинальный Кабин и ныне в своём амплуа:

Председатель обкома профсоюзов работников культуры и … казачий сотник – одновременно.

Однокурсник Славы Кабина - Виктор Бабковский – чернявый, худенький, с живыми умными ироничными глазами. Эрудит и книгочей-библиофил. Поэт и эстет. Ныне – кандидат искусствоведения, доцент нескольких вузов. По тем временам – режиссёр и актёр «Фом-Студии», где писались, ставились и снимались на киноплёнке сюжетики из студенческой жизни – СТЭМ, воплощенный на любительском киноэкране. Это он – один из инициаторов и организаторов межвузовских КВНов в семидесятые-восьмидесятые годы в нашей области. Это по его инициативе я сочинил лейтмотивовскую песенку для КВНа - «Профессия - студент» - вынесенную в заглавие моих мемуаров. Он всегда искал и ищет нестандартные ходы и решения. Во всём имея собственные ассоциации, при общении он труднодоступен своей логикой, образностью и ходом мыслей.

По студенческой поре Витя Бабковский был неразлучим с чернявым человеком, приехавшим в Сибирь из братской советской республики, армянином Серёжей Асланяном – даже плохо говорившим по-русски. Уж что между ними было общего?! Однако, на поле футбольном Серёже не было равных нападающих. Это про него ходил афоризм: «Знал бы только Симонян, как играет Асланян!»

Незаурядно-яркими оказались и двое моих приятелей – уже четвёртого набора РТ – Витя Бубенков (Буба) и Серёга Фисюк. Сдружились с ними мы, как и с Кабиным, на Шикотане. Двенадцать часов – в паре, у бланшировальных печей ежедневно на рыбном заводе, остальное время – в одной комнате барака-общаги – это ли не показатель проверки на прочность и взаимопонимания?! А с Бубой – ещё и совместный стройотряд в Яшкине… Это с ними мы организовали по дороге на Шикотан стройотрядный струнно-шумовой ансамбль «Чубары з-пид Кемеровськой сэчи», выступления которого имели потрясающий успех на всех площадках!

Здоровяк, добряк и юморной прикольщик (член Кабинского «клуба мелких пакостников») Буба, зверь на самых трудных стройотрядовских и путинных операциях, после

окончания института многие годы был ведущим артистом Минусинского драмтеатра.

Серёга Фисюк – эрудит, гитарист, выдумщик, отличник в учёбе, после окончания института работал заведующим отделом культуры в Ижморском районе, служил в армии, преподавал в нашем вузе, актёрствовал в провинциальных театрах Сибири.

Пополнения хореографов – вполне достойная смена.

Чего только стоили всевозможные «па» и прыжки Вани Кривельского! Какие лёгкость, изящество, артистизм!

Коля Тотато – скромняга детдомовец, совсем не похожий на анекдотического чукчу. И, как всякий представитель народов Севера, по-своему талантлив, особенно в конкретно-образном мышлении и искусстве, в подражании самой природе. Не он ли, этот тщедушный, застенчивый паренёк, замечательный танцовщик, одним из самых первых наших выпускников получил звание Заслуженный артист России?!

Ещё раз повторю, что среди студентов той поры, национальный диапазон был чрезвычайно широким. И никогда он не являлся доминирующим в межличностных отношениях и источником конфликтов.

Вот и ещё один выпускник этой специальности Ахмет (не помню уже фамилию) – не то таджик, не то туркмен - говорящий по-русски едва ли не хуже Серёжи Асланяна, стал гордостью института. Как и Коля Тотато, он удостоился первым звания Заслуженного артиста!

Одно время институт стал основной кузницей кадров культуры для Якутской АССР. Большинство абитуриентов сдавали вступительные экзамены прямо на месте, в Якутском университете, и по их результатам, согласно заявкам, по целевым местам, зачисленные студенты направлялись к нам. Жили, естественно, в общежитии, но держались землячеством, поддерживая друг дружку при необходимости и материально.

Якут Вася Чупров оказался в числе первых студентов специальности РКФ (кино-фото). Был и в самом деле фотографом, кинооператором, художником. Это его дипломный документальный 15-минутный фильм «Возвращение в Томпо» отозвался в душе моей, как ностальгическая сказка по Малой Родине и канувшему детству. Это он, на выпускном вечере, уже

принятый на работу в качестве замминистра культуры Якутии, предложил своему педагогу и заведующему кафедрой Цукрову В.А. – тёпленькое местечко в «своём» министерстве – на крайний случай...

Ещё один якут, Саша Сивцев, уже нашей специальности, третьего набора – с ним мы прожили в одной комнате почти два года. Азартный картёжник и замечательный рисовальщик. Он придумал и нарисовал мне с Людой наш первый семейный книжный знак – экслибрис, учитывая общие интересы и склонности. Это он оформлял великолепными графическими рисунками археологических находок практически все научно-исследовательские отчёты и монографии (той поры) Алексея Васильевича Циркина – нашего декана и археолога. Это его, Сивцева, лет через пятнадцать, встретил Витя Эрлих на одной из научно-практических конференций по проблемам библиотечного дела – уже в ранге заместителя директора республиканской библиотеки.

«И пусть мы не такие уж плохие,

Придут за нами те, кто лучше нас», - так пелось в одной из песен нашумевшего отечественного телесериала «И это всё о нём…» А я перефразирую название: и это всё – о нас! О нас, первого, второго, третьего и последующих наборов студентов и выпускников института культуры.

Честно признаюсь, со многими студентами второго и третьего наборов мы перезнакомились довольно быстро. А кое-кто (о чём я уже писал) упрочили эти знакомства узами браков. И как, например, было приятно видеть на 30-летии первого выпуска, за общим праздничным столом, мужа Натальи Жуковой – Анатолия Жемеро! Тут же была и постоянная спутница Володи Печеня – Люда Храмова, правда, и в ранге заместителя начальника департамента культуры Администрации Кемеровской области.

Иван Гаврилович Сугаков! Тогда (да и ныне) для всех нас – просто Ваня Сугаков. Добрый, честный, порядочный, принципиальный, педантичный во всём, обязательный в обещаниях и делах и бескорыстный в дружбе! Постарше нас многих, со второго набора института, но первого – на специальность «Дирижер народного оркестра» (ДО). Народник-

музыкант, баянист, ксилофонист (колоколечник). Сколько у нас с ним было общего! Ему – мы с женой обязаны и благодарны за то, что пристроил нашу первую дочь в ясли, где сам подрабатывал музыкальным работником. Это с ним мне приходилось «внедряться» и осваиваться, как стажерам-преподавателям, в Ленинградский институт культуры. Случалось - и кантоваться по красным уголкам, бытовкам и комнатам аспирантского общежития. С ним в паре, почти полтора месяца, в Чумае, в нашем преподавательском стройотряде, в 1982 году, ходили мы рыть траншеи под телефонные кабели, делать в домах телефонную проводку, верхолазать по столбам, крепя траверсы. Это с ним мы делали обрешётку, а потом и крыли крышу деревянного двухквартирника. Это мне потом помог он сделать крышу на и нашей даче… Это он, в конце концов – порядочный семьянин, уважаемый в институте и на кафедре педагог, доцент, талантливый дирижер оркестров народных инструментов.

Некоторые музыканты второго набора, пожалуй, безо всяких скидок могли дать фору многим первачам. Особенно оркестранты. Кому в музыкально-культурном Кузбассе неведом Владимир Хвилько?! А ведь это – тоже наш, *кгиковец!* Прекрасный исполнитель саксофонист и флейтист. Замечательный дирижер и композитор! Заслуженный работник культуры. Было время – и преподавал, и даже кафедрой заведовал. А сколько лет проработал руководителем оркестров и дирижером в цирке, а теперь – и в театре музыкальной комедии! И это – всё он, Володя Хвиля.

А чем хуже был Федя Ладыка?! Или Витя Заложнов! Оба – музыканты-исполнители и композиторы! А Виктор – ещё и педагог. Его музыкальные композиции из цикла «Реминисценции» помню и сейчас.

Федя – его невозможно представить трезвым и без концертного хорошего баяна! Парадоксальное сочетание. Но это именно так. Токкаты и фуги Баха – и на баяне! Да так, что заслушаешься, будто в концертном филармоническом органном зале. И безо всякой лажи. Без музыкальной халтуры.

Два друга: Витя Заподойников и Валера Шеховцов – скромные, молодые, симпатичные, с чубами, как у казаков. И

оба – прекрасные баянисты-исполнители. Оба женились на наших девчонках, с библиотечного, второго набора. Шеховцов – и в педагогике проявить себя смог, и на руководящей должности – директор музыкальной школы в Тисуле. Там же и его жена, Татьяна Александровна – директор ЦБС,

С Витей Заподойниковым мы вместе «калымили» в отряде «Арчекас», под Мариинском, во время осенних сельхозработ 1971 года, и на станции «Берикульская» - тоже не бездельничали, помогая строить коровник и убирать картошку на обширных совхозных полях. Женился на студентке нашего факультета Маше Ивановой.

Коля Колтунов и его баян - я наслушался, как на концертах, так и просто в общаге, на вечеринках. Было дело, когда родились у нас и у него с Кондюриной первенцы – жили мы молодыми семьями даже в одном частном доме месяца три, снимая его у хозяйки.

Про тёзку Колтунова – Колю Смолю (Н.Н. Смольского) коротко не скажешь, а на многое – нет времени и места, да и повторяться не хочется. Теперь Смоля – это уже легенда - и института, и города! К сожалению, – легенда…

Чета Князевых – Анатолий и Надежда, тоже народники, баянист и аккордеонистка, уже третьего, если не четвёртого набора. Но помню их ещё по студенчеству, особенно по выступлениям в институтском оркестре народных инструментов. Более четверти века уже преподают в родном вузе, сколько студентов прошло через них?!

Разумеется, больше знаком с Толиком Князевым. Человек – во многих отношениях порядочный и обязательный. Особенно в бескорыстной помощи друзьям. Мастер на все руки, хоть и музыкант. Заядлый охотник. Дачник-строитель. Свадебный «халтурщик», на своём баяне всё схватывает слёту, хоть по нотам – с листа, хоть без нот – с голоса! Это ему я передал в своё время пост председателя профкома преподавателей института, веря в его добропорядочность и справедливость. Мягковат оказался в противостоянии с начальством – пожалуй, единственный его недостаток.

С Толиком Кудряшовым (Кудряшом), как уже упоминал, прожили в одной комнате общаги два года. Да и после

окончания нами института, уже в ранге сотрудников-лаборантов, частенько заглядывали к нему, а он – к нам. В новом общежитии, на Ворошилова -19. Невысокий худощавый крепыш, с великоватым красным носом. Весельчак, балагур, рассказчик, *прожектёр.* Он мгновенно загорался какими-либо предпринимательскими или творческими идеями. Стоило лишь кому-то предложить – развивал их и готов был хоть сейчас же кидаться на реализацию. Но проходил день-другой – и его пыл остывал, потом исчезал вовсе, уступая место новым прожектам. Закончив нашу альма-матер, подался Кудряшов по распределению в свой родной Мариинск. Работал в ДК спиртзавода, заведующим городским отделом культуры. Потом женился на своей давней и единственной, о которой все мы, его сотоварищи, очень много были наслышаны и осведомлены. Кажется, Юра Ли с Грачёвым даже ездили к нему на свадьбу. Бывал у него, проездом, раза три и я. Встречались, бурно вспоминая свою студенческую юность. По-моему, как творческая личность (музыкант и актёр, а мне он видится артистом музкомедии) так и не реализовался. Жаль…

А совсем недавно Валя Якушева (Нефёдова) сообщила печальную весть: не стало нашего Кудряша…

Володя Шестаков (Тёса) – ещё один музыкант-хоровик. Уже лет двадцати четырёх. Невысокого росточка, несимпатичный на вид, нос картошкой. Однако, безобидно-общительный, а потому для всех – «тёзка». Отсюда и кличка – Тёса. Тёса – марафонец. Кандидат в мастера спорта! Чего вдруг подался к нам, а не в пед? Там ведь в то время ещё был спортфак! Видимо, страсть к хоровой музыке и профессия культпросветчика пересилила в нём спортсмена-стайера. В любую погоду, в свободное от занятий время Тёсу можно было увидеть в спортивном трико, кедах, в вязаной шапочке и – бегущим. Пробегал ежедневно по нескольку десятков километров: по малому кругу (до аэропорта и обратно) или по большому – до Новостройки. В зимнее время – непременно с повязкой на лице, закрывающей нос и рот, боялся простудиться и потерять голос. Мечтал вместе с дипломом о высшем образовании выполнить норматив мастера спорта на соответствующем соревновании.

Безноско Володя (Вова Бес) – невысокого роста, очкарик, без определённого возраста, но явно под тридцать. Неплохой тенорок, но не очень сильный. Поступил к нам уже со званием «Заслуженный артист Кара-Калпакской АССР»! В учёбе по общеобразовательным дисциплинам явно не дотягивал до требуемого уровня, за что являлся объектом шуток со стороны сокурсников. Кудряш по этому поводу каламбурил: «Вова Бес – с головой ты, или без?»

Хайцев Володя (Хова) – высокий, полноватый, в очках. Друг Калинина Володи ещё по музыкальному училищу. Музыкант-баянист. Частый гость наших общежитий ещё до поступления в институт. Слегка картавил и заикался, особенно, когда волновался и торопился что-то сказать. Случалось, на этой почве комплексовал. После окончания института одно время даже работал в институте на кафедре ДО(н). По рассказам моей жены Людмилы, долгое время являлся её «душевным пастырем», кому она поверяла свои тайны и проблемы. Затерялся его след где-то: то ли в Москве, то ли в Питере…

Наш родной библиотечный факультет, как ни странно, после нашего мужского «нашествия» в последующие годы упорно обходили стороной ребята. Поступит один-другой с каким-нибудь физическим дефектом, проучится семестр – и бесследно исчезает. Мы и запоминать-то их не успевали. Исключение составил якут-целевик Саша Сивцев, о котором я уже упоминал в разных главах.

Зато девчата… Тут, конечно же, было на ком остановить свой взор! Уже со второго набора, в общаге на Спортивной-91, наша мужская комната была окружена девичьими. И, как ни странно, новенькими, студентками-первокурсницами.

Справа за стеной жили Нина Костюкович (предмет обожания Кудряша), Люда Мусатова (об этом тоже уже упоминалось), Надя Некрасова и ещё парочка девиц, имена и фамилии которых призабыл, хотя они и есть на фотографиях в моём альбоме. С ними мы общались чаще, чем с другими, устраивая совместные вечеринки, отмечая праздники и дни рождения.

Помню, что у брата моего Володи был небольшой романчик с Ольгой Фрост. Впрочем, ничем не завершившийся и

не переросший ни во что серьёзное по причине того, что его отчислили уже после первой сессии.

Комната напротив, через узкий длинный коридор, была сдвоенной, то есть, в два окна. И разместили в ней не то десять, не то аж двенадцать первокурсниц. Из всех жилиц запомнились сёстры-близнецы Блинниковы – Надя и Вера, почти что мои землячки из Бакчара Томской области, и едва ли не одноклассницы Люды Храмовой. Внешне – очень похожие и …разные. Вера – в очках и маленькая, пожалуй, самая низкорослая на всём курсе. Надя – полноватая, высокая с длинной толстой русой косой – типаж русской красавицы. Вера – экспрессивная, спорщица, даже злючка, считавшая себя в этом тандеме ведущей и старшей сестрой, потому что родилась десятью минутами раньше Нади. В азарте спора и доказательств, когда не попадались «под руку» нужные слова и аргументы, начинала даже заикаться. Надя – сама противоположность Вере. Спокойная, уравновешенная, молчунья.

Кто ещё запомнился своей яркой броской внешностью из этой комнаты, так это – весёлая, общительная, всегда улыбчивая и похохатывающая красивая брюнетка, с карими глазами и немецкой фамилией – Лиля Кляузер! Нет, не зря мой нынешний приятель, наставник и собрат по перу, а тогда – однокурсник Володя Ерёменко (Рёмер) – «положил на неё глаз»… И ведь очень даже неплохая семейная пара получилась! Троих детей вырастили и воспитали. Уже и внучка бегает с книжками в руках, есть в кого… Как ниточка за иголкой, Лиля вилась по жизни за своей половиной. Уехала за ним после распределения, кажется, сначала в Омск, потом – на Мангышлак. Вернулись всё же в Кемерово, уже с двумя девочками – «Ерёмками». Работать устроилась Лилия Александровна на кафедру библиографии (или библиотековедения?) лаборантом. Потом уже и преподавателем. После рождения сына, уволилась. И… подалась на заочное, в открывшийся у нас в Кемерове филиал Московского Свято-Тихоновского *богословского* института, опять студенткой-первокурсницей. И снова – в первых рядах! Да только теперь уже «иголочкой»-то сама оказалась. Потянулись за ней во студенты, сперва муж Владимир (старший преподаватель кафедры режиссуры), потом и старшая дочь

Наталья (студентка дневного обучения Кемеровского университета, филфака). Да все трое и окончили это заведение, получив второе высшее, богословское образование. А кому когда помешало в жизни второе «лишнее» образование?

Высокая, полноватая, с длинной толстой косой, немножко нескладная, а потому, видимо, стеснительная и несколько замкнутая – такой мне вспоминается Наталья Гендина, студентка второго набора. Явная интеллектуалка, книгочея и эрудитка. Делала очень толковые доклады и сообщения на всех студенческих научных конференциях по литературе и искусству. Уж каким образом присмотрел её Стас и сумел обратить в свою библиотечно-информационную веру – для меня остаётся загадкой.

Это уже позднее, в Питере, в студенческой общаге и на кафедре информатики ЛГИКа мы познакомились с нею поближе. И раскрылась она для меня совершенно неожиданно с иной стороны. Нет, все перечисленные качества не изменили моего мнения о ней. Зато открылись новые: порядочность, обязательность, тонкий природный юмор, переходящий иногда и в язвительную иронию, если не сарказм. Это я сужу уже по тем капустникам, что мы устраивали (в том числе и с нею) на аспирантском этаже общежития, а также на кафедрах – сначала в Ленинграде, а потом и у нас, в Кемерове, на кафедре Шефа. Более пятнадцати лет проработали с нею вместе – срок немалый, чтобы узнать друг друга. Как говорится, не один пуд соли вместе съели, не одно ведро вина выпили на вечеринках и праздниках.

Гендина Наталья Ивановна – в институте культуры – фигура видная, заметная своими профессиональными качествами: прекрасный лектор-профессор, доктор наук, академик двух академий. Многие годы курировала научно-исследовательскую работу в качестве проректора. Да и сама оставила заметный след в научной профессиональной сфере.

Почему-то блазнится она мне триадой, по студенческой поре, в содружестве с Татьяной Разенковой и Ниной Дороховой.

Разенкова – яркая, самоуверенная студентка, кажется, перешедшая к нам из педагогического, с филфака. Явно с литературным уклоном и у нас, впрочем, как и Гендина. Даже не

берусь судить, кто из них по тем временам был начитаннее? Видимо, они стоили друг дружки. Если не ошибаюсь, обе были в фаворе у Любови Антоновны Пудаловой. Да, пожалуй, и не только у неё одной.

После окончания института, жизненные и профессиональные тропинки повели их дальше. Правда, хоть и к одной цели, но порознь. Разенкова оказалась в Московском институте культуры. Гендина – в Питере. Музыкант Федя Юревич, со второго набора, завладел сердцем надменной красавицы Татьяны ещё со студенчества. И уже в Москве – соединились они в семью. Возвращаться назад Разенкова не стала: то ли её тут не очень-то и ждали, то ли столица сулила большие перспективы. Но заякорилась она во МГИКе, наподобие нашей Галины Феофановны Гордукаловой, что в Питере. А - знай наших, «*кемеревских*»! Тоже не лыком шиты, не лаптем щи хлебаем!

Третья в упряжке – Нина Дорохова. Высокая, ширококостная, добродушная и… хохотушка. Подалась совсем иным путём, в практики. Ну, не всем же быть учёными, кандидатами да докторами наук?! В конце концов, готовили-то нас всех для работы в библиотеках и службах информации. Заведует ныне Нина одной из кемеровских школьных библиотек. Замужем за милицейским полковником Василием Мелковым. Двух дочерей вырастили. И до сих пор дружит с Гендиной – прекрасное постоянство!

После года работы старшим лаборантом, года службы в морской пехоте на Дальнем Востоке и года педагогической практики оказался и я в числе трёх преподавателей-стажеров от КГИКа в Ленинградском институте культуры, куда уже успели проложить тропку Грачёв и Гендина. По ним равняли уже и всех нас. Высокую, надо сказать, они планку одолели. Мою участь разделили две вчерашние выпускницы и даже мои студентки Татьяна Лотохина и Галина Черкасова. Внешне и внутренне – полные противоположности. Лотохина – дородная, дебелая, рыжевато-веснушчатая, нагловато-самоуверенная. Черкасова – нескладно худосочная, в очках, робкая и застенчивая. Разметало нас там, правда, по разным кафедрам, но на семинары по истории КПСС, раз в месяц, ходили вместе к

профессору Мати Коронену. И жили в общаге, на аспирантском этаже, по Смирнова-9, на Чёрной Речке.

Черкасова, увы, после годичной стажировки никак не проявила себя в качестве исследователя и в аспирантуру рекомендована не была. Лотохина – поступила в аспирантуру, кажется, на заочное. Но быстренько вышла замуж, родила ребёнка и на этом, по-моему, закончилась и её наука. По крайней мере, я не встречал её во время сессий в течение последующих трёх лет обучения там. И где они сейчас обе – не ведаю…

Не могу обойти вниманием ещё одну студентку и выпускницу БФ – Ирину Сигачёву – родную младшую сестру нашей сокурсницы Нади Сигачёвой. И эта парочка – лёд и пламень, полная противоположность в характерах и темпераменте. Надя – умница, скромняга, тихушница, явный флегматик, если не меланхолик. Ирина – сангво-холерик, энергичная, деятельная, коммуникабельная. Ещё студенткой прорвалась она в комсомольские активистки, в комитетчицы разного уровня и ранга – от местного до областного. Активистка стройотрядовского движения. По-моему, была командиром одного из первых (если не первого) женского стройотряда в нашем институте «Акварели», потом уже в городском и районном штабах ССО заправляла делами. И её дальнейшая тропка не увела в сторону от стажировки и аспирантуры. Удачное замужество - и она уже где-то в Прибалтике!

Через мою, сперва невесту, а потом и жену Людмилу познакомился я поближе со студентками второго набора – Василиной Галямовой и Татьяной Паршуковой. Вроде, ничего общего между ними и не было, а вот почему-то видятся они теперь мне в такой ассоциативной парадигме. Василина – татарочка-брюнетка с красивым древне-русским именем.

Татьяна – «русская душою» - круглолицая шатенка, с родинкой на щеке. Как мне кажется, немножко театралка, всё пыталась как бы застенчиво, но показать себя в чьей-то чужой роли, маскируя свою внутреннюю сущность. И я – смущался, не понимая её: то ли она всерьёз что говорит и так поступает, то ли разыгрывает при мне чью-то роль… Мир тесен – так говаривают в народе. Вот и тут, познакомила она со своим

братом Любу Жукову, да так те и поженились. И поныне живут вместе где-то в Новосибирске. Сама же Татьяна оказалась в Тюмени, замужем за интересным театральным художником-кукольником Владимиром Семёновичем Осколковым. Из библиотекарей переквалифицировалась в театральные критики… Экспрессивная, ироничная, и до сих пор немножко театрально-неестественная. Но, как всякий критик, самоуверенная, с некоторой долей апломба и безаппеляционности.

Люда Храмова пришла к нам в институт по стопам старшей сестры Татьяны – явным «гадким утёнком»: высокая, нескладная, худосочная, смущавшаяся этой своей конституционной несуразности. Однако, добрая, честная, открытая, порядочная в отношении к другим. «Земеля» - так называл я её долгое время – из соседних районов Томской области мы родом оказались.

Всем известно, что «гадкий утёнок» в скором времени превращается в красивого статного лебедя. Так и она превратилась в лебёдушку… Лет двадцать дружили мы семьями, справляя вместе всевозможные праздники и дни рождения. Володя Печень – свидетель на нашей свадьбе - с моей стороны, Люда Храмова – со стороны моей невесты. А через три месяца уже и мы, молодожены, гуляли на их свадьбе. И дети наши росли вместе.

Распределившись в Кемеровскую ОНБ, попала Люда в библиографический отдел, освоив досконально этот вид библиотечной деятельности. Как честного и порядочного человека, к тому же и классного специалиста, приметили её и там, в библиотеке, и наверху – во властных структурах. Доверили ей руководство и кресло директора крупнейшей библиотеки Кузбасса. Да только и это кресло через некоторое время оказалось уже «узковатым» для неё. Следующей ступенью её карьерного роста стала должность заместителя начальника департамента культуры Администрации Кемеровской области. И тут она оказалась на своём месте, о чём свидетельствует и почётное звание «Заслуженный работник культуры РФ»…

…Такие вот наши последователи, шедшие за нами по учебным пятам. Разбежались после института у всех пути-дорожки. Но корни-то, соки остались всё теми же. А иначе и быть не может.

Наверное, иной автор-мемуарист, мой сокурсник, вспомнил бы и написал о других людях, чем-то по-особому запавших у него. И был бы вполне по-своему справедлив. А мне вот припомнились именно эти собратья по институту. Да простят мне все они *такую* трактовку о них. Пусть не держат зла и те, кого тут вовсе не упомянул…

Глава одиннадцатая. **НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ.**

«**Т**еория, мой друг, суха, а древо жизни вечно зеленеет»,- так устами доктора Фауста говорил мудрый Гёте.

В этом убеждались и мы не раз, оторвавшись от учебников и конспектов лекций и побывав на учебных практиках. За четыре года у нас было четыре производственных практики. Первая, ознакомительная практика, в течение двух недель, состоялась уже на первом курсе. Попал я вместе с Сашкой Казанцевым в НТБ завода «Карболит». По тем временам, каждое солидное предприятие, каковым и был «Карболит» (ныне – «Токем»), имело весьма приличную обязательную научно-техническую библиотеку. В ней работало три штатных библиотекаря. (Одна из них, лет через десять стала моей студенткой-заочницей и всё вспоминала, как мы проходили у них практику). Ничего особенного мы там не делали. А что и было с нас взять? Ни теорией, ни практикой библиотечного дела мы не обладали. Ну, ознакомительная – на то она и ознакомительная. По крайней мере, узнали, как организованы фонды и какова их типо-видовая структура. Живьём увидели первые библиографические указатели технической литературы, РЖ ВИНИТИ, сборники рефератов НИР и ОКР ВНТИЦ, подержали в руках «спецвиды», покопались в каталогах. Полистали «талмуд» библиотекаря-систематизатора – УДК (Универсальную библиотечную классификацию). Выполняли какие-то мелкие поручения и операции, не требующие квалификации. Но, какое-никакое представление о библиотеке там всё же приобрели.

Самая солидная и серьёзная практика получилась на втором курсе, сразу же после зимней сессии. Направили меня вместе с Грачёвым, Татьяной Храмовой, Галей Емельяновой, Ольгой Ножкиной и Галкой Кузьменко в крупнейшую вузовскую библиотеку Сибири – Томского университета. Так и соприкоснулся я вновь с Томским университетом, двери которого были закрыты для меня, как для несостоявшегося студента-историка.

Уже с первых дней оказались мы в положении щенят, опущенных с головой в холодную воду. Величие библиотеки и её обыденность гнетуще давили на нас. Уже на входе в залы, сидела пожилая дама, опрятно одетая в голубой костюм, с ромбиком университета на груди, и всем выдавала контрольные листки читателя.

Как и положено, провели нашу группу по залам и отделам библиотеки, бегло знакомя со структурой, как каких-нибудь экскурсантов. Полистали годовые отчёты о работе библиотеки, ознакомились с контрольными показателями. И… засадили почти на полтора месяца за примитивнейшую работу – сортировку по алфавиту каталожных карточек ВКП для алфавитного каталога.

Припоминаю ехидную ухмылочку директора библиотеки Михаила Филимоновича Родионова (или наоборот – Родионовича Филимонова?). Время от времени он подходил к нам, сидящим за столами, как бы интересуясь тем, как проходит практика. Останавливался молча, с минуту пристально наблюдал, как мы механически и меланхолично перебираем карточки. Затем бросал одну единственную фразу:

- Дескриптор?! Ну-ну…

А вообще-то практика была даже и неплохой, полезной, явно нацеливающая наши мысли на механизацию и автоматизацию, хотя бы технических библиотечных процессов. В том числе – сортировку и транспортировку литературы. Вспоминается узкая винтовая лестница, по которой приходилось подниматься и опускаться по нескольку сотен раз в день библиотекарям – с охапками заказанной и сданной литературы… Зато потом, лет через пятнадцать, когда я уже сам приезжал в качестве проверяющего руководителя практики

студентов, попав в новое здание библиотеки, видел и всякого рода транспортёры, и пневмопочту, и сортировки и прочие новшества… Правда, нашей заслуги в том не было ни капли.

Что ещё запомнилось из той практики, так это уникальнейший отдел собрания старинной и редкой книги. Я всё ещё интересовался старинной книгой, которой заразила меня с первого курса А.А. Линник. Теперь просто окунулся в реальные те самые редкие издания, о которых знал понаслышке. Подержал в руках и полистал едва ли не инкунабулы и конволюты.

А в этом уникальном отделе работали, как они себя сами называли, «три редких калеки» - потрясающие эрудиты, знатоки, ценители книги и фанаты своего дела. Заведующий отделом был однорукий мужчина, лет пятидесяти пяти, Василий Васильевич Лобанов – скромный и застенчивый, но добрый и отзывчивый человек. Казалось, не было ничего такого, чего бы он не знал о книгах и их изданиях. Просто удивительная память и осведомленность! Древнейшей сотрудницей была и бабулька, лет, должно быть, под девяносто – сгорбившийся и высохший «божий одуванчик», в толстенных очках, с чернильницей-непроливайкой и перьевой ручкой – в мешочке на пояске. Она всё ещё по старинке делала, вручную каллиграфическим почерком, описания книг на карточках, следуя всем правилам и канонам. Под стать этим двум была и третья «реликвия-раритетка»…

Руководила нашей практикой замечательная женщина – доброжелательная, по-матерински заботливая, и знающая своё дело Юлия Витальевна Жаркова. Тогда у неё был один физический недостаток – глухота, которую очень стеснялась. Частенько она пользовалась слуховым аппаратом, если нужно было общаться с нами. А в обычных условиях – напрягаясь, догадывалась, о чем мы хотели с ней говорить или спросить по одним нашим губам. При встрече с ней, много лет спустя, она помнила всех нас и интересовалась – а кто же где сейчас? И что удивило меня больше всего – Юлия Витальевна прекрасно слышала! Я, извинившись, поинтересовался, как ей удалось избавиться от этого недуга. Ответила, что сделали операцию. Я искренне порадовался её выздоровлению.

После третьего курса, уже будучи женатыми, определили нас на практику в Кемеровский ЦНТИ, в отдел СИФа (Справочно-информационного фонда). На сей раз, кроме меня и жены Людмилы, там оказались Юра Ли, Люся Архипенко и Люба Крупская.

И опять, как в Томской университетской библиотеке, - карточки, карточки, карточки… Только теперь уже для ГСК (Главной справочной картотеки). И расстановка их уже не по алфавиту, а по УДК. Правда, побывали мы и в НТБ, выполняя даже тематические справки и подборки по реальным разовым запросам. Познакомились и с действующей системой обслуживания в режиме ИРИ (избирательного распространения информации), и поучаствовали сами в этом виде информационного сервиса.

Значимость и весомость нашей работы придавало ещё и то, что нам за неё…платили! То есть мы все были оформлены на ставки младших сотрудников ЦНТИ. Неплохой, надо сказать, довесок к студенческому семейному бюджету, а все мы уже обзавелись семьями…

Уж когда и как возникла идея отбора из нашего курса будущих педагогов – сказать точно не смогу. Нас в неё как-то не посвящали. Должно быть, где-то уже к концу третьего года обучения она оформилась окончательно.

Фонтанировавший идеями Шеф, видимо, уговорил декана и даже ректорат апробировать наш научный потенциал – дать возможность написать дипломную работу, в которой сочетались бы полученные знания, как из библиотековедения, так и из библиографии. Нужно отдать ему должное в новаторстве. Как было установлено позднее, нигде до этого в институтах культуры не практиковались дипломные работы для выпускников. Аттестацию проводили *только* по итогам госэкзаменов.

В числе избранных оказались все четверо ребят (я, Грачёв, Ли и Эрлих), а также – Таня Ерёмина (Мельникова) и Света Котлярова (Попова) и Галка Емельянова (Гордукалова).

На Учёном совете факультета распределили темы дипломных работ, утвердили список дипломников и их руководителей. Шестеро из нас оказались у Стаса. Виктор

Эрлих попал к Кудиновой Нине Иосифовне. Темы наших работ формулировал Шеф, а мы не противились тому - уж что кому достанется.

На мою долю выпала дипломная работа на тему «Справочно-информационное обслуживание работников угольной промышленности Кузбасса».

По справочникам и отчётам познакомился со структурой и спецификой угольных предприятий Кузбасса: шахты, угольные разрезы, НИИ, Управления. Изучил кадровую структуру инженерно-технического и руководящего составов, научно-исследовательский потенциал отрасли. Исследовал и описал библиотечно-информационные ресурсы, существующие формы и методы информационного сервиса. Всё это было из сфер общетеоретического и реально-существующего положений.

А для дипломной работы нужна была ещё и глава, посвященная непосредственно исследованию, с элементами и методикой этого самого исследования, с результатами и выводами-предложениями. А вот на это-то, по большому счёту, пороху и не хватило. И тут, по-моему, была не столько моя вина, сколько беда, а точнее – просчеты руководителя… Не сориентировал он меня в нужное исследовательское русло.

Уже с высоты прожитых лет и опыта педагогической и научно-исследовательской работы, я теперь немножко иначе смотрю на заслуги и идеи нашего Стаса. Да, идей у него было – море, если не океан! Но идеи-то, по большому счёту, все заимствованные. Его цепкая память извлекала в нужное время некогда вычитанное или услышанное от других; незаурядный ум генерировал их, обновляя, и выдавал уже за своё, оригинальное. Это не в упрёк нашему Стасу и не в отместку за обиды.

Работая с ним на кафедре, в том числе и над хозтемами, долгое время мы спекулировали одной и той же методикой, заключая договоры с разными библиотеками и службами информации. Чаще всего – по одной и той же теме, варьируя названия: «Механизация и автоматизация библиотечно-библиографических процессов…». Далее указывался конкретный объект, коим выступал, обычно, сам заказчик. Нами разрабатывалась программа исследования, указывались

цели и задачи, выдвигались рабочие гипотезы. И начиналась бурная деятельность по сбору исходной фактографической информации. В этом, обычно, и заключается первый этап любого исследования – обследовании объекта или предпроектное обследование. По результатам собранной информации делался промежуточный отчёт, где на заказчика вываливалась куча сырого исходного материала, запудривая ему мозги всевозможными таблицами, гистограммами, графиками, расчетными формулами… И на всём этом, чаще всего, работа заканчивалась, сорвав немалый куш для исполнителей. Гора рожала мышь…

В этой связи вспоминается любимый Стасов анекдот. Одно пищевое предприятие заключило с НИИ договор на разработку методики по производству масла из дерьма. Перечислили деньги на исследования. Подходят сроки промежуточного отчёта. Заказчик телеграфирует НИИ: «Просим сообщить процент выполнения заказа». Те шлют им в ответ телеграмму: «Выполнение – 50 процентов: мазать можно, есть – нельзя!»

Примерно то же самое получилось и со многими нашими дипломными работами. Мы все добросовестно сделали обзоры литературы по своим темам, обозначив проблемы. Собрали доступный исходный материал. А дальше, дальше никто не знал – что и как писать… В том числе (или в первую очередь) и наш общий руководитель. И это – не пустые слова. Я прекрасно отдаю себе отчет в сказанном. Иначе не получилось бы столь драматического финала…

Все избранники, кроме Вити Эрлиха, претендовали на получение красных дипломов (дипломов с отличием). А зачётка Грачёва была вообще уникальной – в ней не было ни единой четвёрки! Все экзамены и курсовые он сдавал только на «отлично».

Свою экспериментальную часть я построил на анализе анкетных материалов по эффективности обслуживания горняков, которые были получены в ходе анкетирования, проводимого методическим отделом Кемеровского ЦНТИ. А Стас Андреевич в то время ещё совмещал работу заведующего кафедрой нашего вуза с должностью заместителя директора

ЦНТИ по науке. Как я понял несколько позднее, анкетирование было проведено не по очень корректным и удачно разработанным вопросам. И касалось, в основном, оценки состояния удовлетворённости конкретных потребителей формами и методами информационного сервиса, предоставляемого Кемеровским ЦНТИ. Ну, обработал я эти анкеты, ну, составил таблицы, графики; выписал конкретные замечания и пожелания опрашиваемых… Что дальше? Нужно было делать выводы и давать какие-то рекомендации по совершенствованию качества обслуживания.

Уж не знаю почему, но Шеф вывел меня на Систему ИРИ, к которой было больше всего претензий из-за неоперативности предлагаемой информации, недостаточной полноты и точности выдачи. Я предложил немножко измененный вариант существующей схемы. С нынешних позиций то было явной теоретической чушью. Но почему же тогда не поправил меня Стас?! Сам не видел этого, или всё же решил показать, что без него мы все, как он выражался – «*сапоги» и* «г*… на палочке*!»

Дипломная работа писалась в основном во время последней преддипломной практики. И на сей раз нас, дипломников Стаса, определили в ЦНТИ. Формально практика носила методическую направленность. В рамках программы практики мы проинспектировали несколько НТБ и сделали по итогам проверок свои сообщения на регулярной методической конференции, проводимой ЦНТИ. Кое-что удалось получить в ходе проверок и для своих дипломных работ.

Поскольку всех нас ориентировали после окончания института на преподавательскую работу в вузе, учинил нам Стас и педагогическую практику. То есть, каждый должен был провести по несколько семинарских и практических занятий по библиотечно-библиографическим учебным дисциплинам на младших курсах.

Каждому дипломнику были предложены темы занятий, предоставлен канонический учебный материал, методические разработки и т.п. Остальное – на собственную импровизацию. Худо-бедно, но с учебным материалом мы были уже знакомы по изученным предметам. Гораздо сложнее оказалось с

педагогическим мастерством. Да откуда его было и взять вчерашним школьникам? Хотя, нет. Всё же лукавлю. Не зря ведь у меня все эти годы была кличка «Учитель»!? Да и у Грачёва – почти пятилетний опыт работы в общеобразовательной школе, пусть и учителем пения и музыки. У остальных дипломников педагогических навыков не было абсолютно никаких.

Мало того, все мы, в том числе и Шеф, должны были присутствовать на таких тренировочных занятиях. А это, согласитесь, немаловажный фактор. Одно дело, когда ты находишься один – на один (с учебной группой) – там можно и раскрепоститься, можно и ляп допустить – всё «проглотят» молча. Совсем иное – когда за каждым твоим словом пристально следят, пусть и твои же доброжелательные товарищи… Попутно замечу, что у меня, уже очень опытного вузовского педагога, всякий раз в начале занятия возникало чувство неловкости и дискомфорта, если его посещали люди с целью проверок. Даже любой посторонний человек, просто присутствовавший на моих лекциях, сковывал мои знания, навыки и умения. Чего уж говорить про те занятия и нас – тогдашних?!

А Стас Андреевич, как бы ненароком, в перерыве или в конце занятия подходил к такому «педагогу», забирался своей отеческой рукой под пиджак и, если рубашка оказывалась мокрой – первый признак педагогической пригодности: значит, волнуешься, неравнодушен к своему делу. Значит, будет толк! Что и как мы вели тогда – теперь уже даже и близко не воспроизвести. Но все выполнили эту малоприятную процедуру. Придала ли такая «экзекуция» нам педагогического мастерства и навыков – сомневаюсь. Скорее это было своеобразным тестированием на педагогическую пригодность. И опять же, по принципу бросания щенка в воду: выплывешь – будешь жить, нет – считай, не повезло!

К чести Стаса, скажу, что во все последующие годы совместной работы на кафедре, он доверял своим коллегам, не шастал и не досаждал лишний раз посещениями занятий и проверками, как того требовали деканат и учебная часть.

Вернусь, однако, к нашим педагогическим «зачётам». Мы все выдержали это испытание. Правда, неофициально, мне и Грачёву за педагогическое мастерство, а точнее, за умение вести

себя на занятиях перед студентами поставил Шеф «отлично», остальным – «хорошо». Сказались всё-таки наши школьные навыки. Да и в дальнейшем, я не припомню, чтобы мои студенты обижались на качество занятий. Хотя сам я не всегда оставался доволен собою. Даже одна и та же лекция, в один день, но на разных потоках, порой «пеклась» по-иному. Что ж поделать: всегда любил импровизацию, редко заглядывая в конспекты своих лекций. Быть простым магнитофоном всегда считал скучным делом и ниже своего достоинства.

Немножко отвлекаясь от основного, замечу, что прекрасными лекторами-преподавателями, явными профессионалами, профессорами своего дела стали Владимир Грачёв, Галина Гордукалова, Юрий Ли, Виктор Эрлих. Все они имели (и имеют) ныне научные звания и учёные степени. Увы, Татьяна Мельникова перешла на практическую работу, оставив педагогическую деятельность и став директором крупнейшей научной библиотеки Сибири, в Краснообске, под Новосибирском. Светлана Попова теперь далеко, в Рязани – декан библиотечного факультета. Оценить её профессиональные качества не могу, но не сомневаюсь в высоком классе.

С горем пополам, подстёгиваемые Шефом и кафедрой, мы писали свои дипломные работы, оформляли их и даже печатали на машинках. Практически у всех, к 20 июня – дню защиты, они были готовы и оформлены.

Следует сказать, что защита дипломных работ приравнивалась к двум государственным экзаменам по специальности.

А до этого, 10-12 июня 1973 года, мы должны были все отчитаться за знания в области «Истории КПСС» - показать нашу политическую зрелость и стойкость в деле построения коммунистического общества. Готовился я к этому экзамену серьёзно, впрочем, как и ко всем рядовым, сессионным. Была, правда тому небольшая помеха – полугодовалая орущая дочь. Да и жене нужно было тоже готовиться и сдавать все ГОСы. Поэтому, иногда приходилось откладывать в сторону книжки с конспектами и заниматься ребёнком.

Первый госэкзамен по «Истории КПСС» сдал легко, хотя и волновался. Но лишь до той поры, пока не взял

экзаменационный билет. Всё тут было по-честному: никаких заранее обговорённых и помеченных (или подложенных в договорённое место) билетов, никаких «шпор» - кроме «Программы по курсу «Истории КПСС». В ней хотя бы контуром, но обозначались основные пункты темы (или вопроса), а это – уже не малая подсказка для сообразительного, находчивого и опытного студента.

Отвечал едва ли не самый первый в своей группе, задав для всех остальных стартовый тон. По-моему, произвёл на всю комиссию, в том числе и нашего щепетильного Н.П. Шуранова, очень благоприятное впечатление. Повторюсь, что накануне пришлось мне по этому предмету (обеим частям) пересдавать семестровые оценки, но уже Р.С. Шикову. И вместо моих злополучных международных «удочек» в выписке уже красовались две оценки - «отлично». Так что предмет этот я и в самом деле изучил достаточно основательно. Мой ответ комиссия оценила высшим баллом! Такие же оценки получили и все мои собратья по дипломным работам.

Красные дипломы после сдачи первого ГОСа становились для нашей шестёрки вполне зримой реальностью. Правда, Витя Эрлих скромно соглашался и на синий, в шутку уверяя, что «лучше иметь синий диплом и красную физиономию, чем красный диплом и синюю рожу»…

Пока наши сокурсники готовились к первому экзамену по специальности, мы делали последние штрихи в подготовке дипломных работ к защите: на листах ватмана рисовали и чертили схемы, графики, таблицы, диаграммы, собирали внешние отзывы и рецензии, готовили свои «тронные речи».

Мне, в качестве внешнего рецензента, Шеф предложил заведующего ОНТИ ВОСТНИИ - Лавлинского Петра Ивановича – практика в сфере информационного обслуживания научных исследований по безопасности в угольной промышленности, острого как на словцо и на язык, так и на журналистское перо. Не знаю, прочитал ли он мою работу подробно, но хотя бы бегло, по крайней мере, перелистал её и просмотрел. Ознакомился с выводами и рекомендациями и написал вполне положительный отзыв с рекомендуемой оценкой «отлично».

А накануне нашей публичной защиты Шеф созвал заседание кафедры. И устроил всем нам *предзащиту*. Как смогли, мы сделали свои сообщения, выслушали замечания и пожелания, гипотетические вопросы. И, как будто, никакой неожиданности уже не предвещалось. По-моему, все остались довольны проделанной процедурой.

И тут, на выходе с заседания кафедры, в коридоре института нам повстречался случайно Председатель ГЭК Карташов Николай Семёнович – доктор наук, тогдашний директор ГПТНБ СО АН (позднее – директор самой крупной библиотеки нашей страны – им. Ленина). Заметив в руках Шефа стопки новеньких переплетенных в синий цвет наших работ, он попросил их на ночь – ознакомиться с содержанием и оформлением. Не подозревая в том подвоха, Шеф передал ему наши дипломные работы. Выйдя на солнечную улицу из тёмного учебного корпуса, мы, все весёлые, вместе с Шефом и Карташовым, сфотографировались на память.

В том, что Стас передал Карташову дипломные работы, видимо, была одна из тактических ошибок нашего руководителя. Чтобы доктору наук, практику, да не отыскать в работах каких-то студентов-выпускников слабые места и ляпы? Да это просто смешно! Что и не преминул сделать наш уважаемый Председатель ГЭК…

20 июня 1973 года, как и положено, к 9 часам утра, прибыла в экзаменационную аудиторию вся высокопоставленная Комиссия. Часом ранее нарисовались сюда и все мы, дипломники. Развесили по стенам свои наглядные пособия, оформили надлежащим образом аудиторию. На столах, под зелёным сукном, расставили газированную и минеральную воду, цветы в вазах.

Очерёдность защиты была оговорена заранее. Правда, теперь уже и не припомню, кто из нас защищался первым. Знаю точно, что последним – шёл Виктор Эрлих. Помимо нас, руководителей, Комиссии, набралось на защиту и человек двадцать болельщиков, в том числе и моя жена, оставив на чьё-то попечение дочь Ярославу.

Началась защита.

Естественно, волновался каждый. В том числе, и я. Да, может быть, и побольше остальных. До пятнадцати минут на доклад. Потом шли вопросы. Зачитывание внешней рецензии. Ответы на вопросы. Отзыв руководителя. И – очередник. На каждого отводилось по полчаса. Хотя в выполнении учебной нагрузки на защиту одного дипломника, кажется, планируется сорок пять минут.

Что я там вещал – ей Богу, не помню! Думаю, что не очень-то припомнят это и остальные мои собратья. Пожалуй, не воспроизвёл бы говорённое и через неделю. Не меньше меня волновалась и моя жена Людмила. По-моему, от волнения не обошлось даже без её слёз. Или это уже было потом, после оглашения вердикта?

Почему-то вся наша шестёрка была уверена, по крайней мере, надеялась, на самый благоприятный исход.

Защита Вити Эрлиха вызвала немалые дебаты. Вместе со своей дипломной работой, он вышел к трибуне, поставив на стол перед ГЭК два каталожных ящика с карточками! Это был поистине его титанический и добросовестный труд! В ящиках содержалось порядка *семисот* (!!!) библиографических описаний первоисточников, просмотренных «де визу» по теме дипломной работы. У всех нас вместе, дипломников Стаса, не набралось бы и трети того, что было у одного Эрлиха!

Я и до сих пор считаю, что дипломная работа Виктора Эрлиха была если не самой лучшей, то одной из лучших и серьёзных! Но… отыгрался-таки наш тщеславный Шеф. Припомнил строптивой Кудиновой – кто на факультете ведущий! Только при чём тут её дипломник?! Как же это должно было выглядеть мелочно и не по-джентльменски… А куда смотрели вся Комиссия и её Председатель?!

Нас, всех дипломников, после защиты последнего, выпроводили в коридор. И поистине среди членов Комиссии разгорелись страсти. Сбитнев пытался убедить всю Комиссию как в некомпетентности руководителя Эрлиха Кудиновой, так и в несоответствии его работы требованиям государственных экзаменов. Но это уже после того, как обсудили все наши работы… Видимо, немаловажную роль сыграло и то, *как* оценили их – опять-таки, удар по самолюбию самого Стаса.

Вердикт Председателя ГЭК был и радостным, и ошеломляющим. Во-первых, он поздравил нас с успешной защитой дипломных работ. Сказал какие-то дежурные слова и пожелания. Потом зачитали оценки.

«Отлично» было поставлено Татьяне Ерёминой и Галине Емельяновой! Мне, Котляровой, Грачёву и Ли выставили «Хорошо». Виктору Эрлиху – «Хорошо» - по библиографии и «Неуд» - по библиотековедению, с предоставлением возможности пересдать этот Государственный экзамен по специальности со своей группой.

Мне и теперь припоминается та горечь и обида, которая заполонила меня после оглашения результатов. И даже не столько за одного себя. Более полугода каждый из нас корпел над дипломной работой. Что-то там изучал, исследовал, предлагал… Чтобы получить в итоге «хорошо»?! Да оба ГОСа по специальности, без особого напряжения, и готовясь всего-то по каких-то восемь-девять дней, каждый из нас сдал бы без сомнения на «отлично»! Так же думали и мои сотоварищи – Юра Ли, Света Котлярова, Витя Эрлих. О Грачёве уже и не говорю… Ему, не знавшему даже, что такое «хорошо» в зачётке и экзаменационном листе в течение всех четырёх лет обучения! Ему, самому Грачёву – и такая оплеуха!

И всё же, надо отдать должное выдержке и самообладанию моих друзей. «Приговор» они восприняли внешне очень даже стоически и хладнокровно. Но каково же было их внутреннее состояние?! И каждый подумал о своём несбывшемся красном дипломе. А, может, не хватило на всех заготовленных корочек красного цвета?!

С позиций нынешнего возраста и опыта, когда и сам уже руководил не менее чем тридцатью дипломными работами, и присутствовал на защитах лет пятнадцать, когда дипломные работы уже писали даже все выпускники отдельных специальностей, могу утверждать, что такого прецедента уже больше никогда не случалось. Даже более слабые студенты получали отличные оценки. Скажу и то, не полукавлю, что наши дипломные работы по своему качественному уровню и в самом деле значительно уступали лучшим нынешним. Но ведь мы-то были первыми!

После оглашения «вердикта» нужно было снять стресс. Да и – поддержать традиции: после каждого ГОСа – непременно обмыть! Собрались все, пригласив и Комиссию, открыли шампанское, выпили. Стали уже помаленьку смиряться со своим положением – выпустивших из рук красные дипломы.

Решили продолжить завершение мытарств уже в ресторане. Сбросились из заначек. Подались вместе со Стасом (Кудинова отказалась категорически) в ресторан гостиницы «Кузбасс». Говорили, говорили, говорили, обсуждали, осуждали… И пили. Пили исключительно коньяк. По тем временам цена его лишь раза в полтора была выше водочной. Даже и в ресторане. Потом там же, за нашими столиками оказался и наш «злой гений» - Н.С. Карташов, забредший покушать. Поили и его…

И всё же, наша шестёрка оказалась самой счастливой – самой первой, развязавшейся с узами ГОСов! У всех неожиданно появилось по целых десять дней *ничегонеделания*! Наши-то сокурсники всё ещё корпели над учебниками и конспектами, готовя шпаргалки и прочие ухищрения. Тряслись перед экзаменами. Мы же находились в состоянии эйфории. Едва ли не каждый день наша мужская троица раскрепощалась вином или пивом. Витю Эрлиха мы тактично обходили – нужно было ему готовиться, чтобы реабилитировать себя. Кстати, сдал ведь на «отлично» - и всё той же самой Комиссии.

А ещё – ходили болельщиками на каждый экзамен в своих группах. И уже все вместе, группой, ликовали, обязательно обмывая последнюю сдачу. Я - непременно с гитарой. Грачёв – с баяном.

Помнится, Люся Архипенко, принесла с собой любительскую простенькую кинокамеру «Аврора» и кое-что засняла. Как же мы «балдели» от этого, просматривая десятиминутную плёнку лет через пять, а потом и через десять?! Несколько раз прокручивали: и с ускорением, и задом наперёд…

Дипломы об окончании института и значки-ромбики получали в торжественной обстановке. Под звуки всё того же самого «Гаудеамуса». Под речи и пожелания наших педагогов и декана. Потом, под завязку – выпускной вечер. Самый

настоящий! Всем курсом, всеми специальностями, со всеми нашими педагогами.

И, конечно же, речь нашего уважаемого ректора, Николая Павловича. Естественно, поздравил он всех нас с окончанием института, пожелал нести высоко марку нашего родного вуза; выразил надежду, что все мы станем отличными специалистами. А ещё он сказал, что все четыре года ректорат и он сам запрещали нам выпивать. Теперь настал тот час, когда он, ректор, сам предлагает поднять и осушить до дна наши бокалы! И, конечно же, прозвучало его традиционное напутствие стихами любимого пролетарского поэта:

Светить всегда, светить везде, до дней последних донца! Светить – и никаких гвоздей…

…Так вот и *светим* – пусть не солнцами - *звёздочками* на нашем ***культурном*** *небосводе* уже четвёртое десятилетие – кто ярче, кто потускнее. А кто-то, увы, и загасил свою звезду. И помним, что все мы когда-то были повязаны общими узами такой ностальгической поры, когда так непринуждённо:

Спешит по жизни весело,
Звучит в стихах и песенно,
Лишь молодости требуя взамен,-
Отличная профессия,
Одна на всех профессия,
Та самая ***профессия – студент!***

Кемерово, 2003 год

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ…

(АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ повествование)

Небольшое вступление

Опять меня горькая память
По тропкам былого ведёт.
Так в воду заброшенный камень
Круги за кругами даёт...

(Валентин Махалов)

Так уж сложилось, что в нашей семье на мою долю выпало стать писателем, хотя ничем особенным в детстве от своего брата и сестёр я не отличался и не выделялся. Однако, любопытство моё с раннего возраста: а за что же родители были сосланы в Нарымский край – возымело свои последствия. И уже тогда, ещё неосознанно и не отдавая себе отчёта в серьёзности намерений, я говорил своим родителям и бабушке Настасье, что, дескать, вот вырасту, и напишу про них книгу. Да-с, дёрнул меня чёрт за язычок...

Хотя никто, видимо, тогда всерьёз не воспринимал мои заявления и обещания, но во мне самом, внутри, словно проклёвывающийся цыплёнок в яйце, настойчиво подавала о себе знать моя задумка. С годами эта задумка приобретала всё более устойчивую навязчивую зависимость.

К тому же, не пропало даром и моё гуманитарное образование. Ещё с дошкольного детства приобщился я к чтению. Сначала бессистемному: очень обожал сказки, потом приключения. На классику особого внимания не обращал. До поры, до времени. А в старших классах меня просто поразил Гоголь, кажется, я прочитал его всего; затем были Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Николай Островский, Александр Дюма, Жюль Верн, Даниэль Дефо... Поэзию читать не любил, хотя легко заучивал из учебной программы. Исключения составляли стихи Сергея Есенина,

которые помню и люблю и поныне. Правда, рифмовать пробовал ещё в школьные годы.

В школе, особенно в старших классах, нравилось писать сочинения на вольную тему. Уже тогда в моих сочинениях появлялись первые робкие зачатки элементов литературного творчества. А ещё я вёл дневниковые записи, весьма наивные, но, как мне казалось, искренние и даже умные. Они не сохранились. Потребность в дневниковых записях жива во мне и поныне. Так, накопилось десятка полтора толстых тетрадей многолетних записей практически всех моих рыбалок, не менее чем за последние 45 лет. А с 2001 года веду регулярные дневниковые записи «окололитературной хроники» – о делах в нашей писательской организации, а также размышления и оценки прочитанного и творчества моих коллег. Дневниковые записи ложатся основой и для моих последних книжек – туристских заметок по Таиланду, китайскому Хайнаню, Индии (Гоа), Вьетнаму.

Желание писать самостоятельно, но не по школьным темам, стало наиболее чётко формироваться уже после окончания института. Где-то в 1973 году, будучи лаборантом кафедры, я написал первый рассказ. Он в очень переработанном виде вошёл в один из моих сборников. А после поездки на Шикотан летом 1974 года, когда там я встретил рыболовный траулер, носящий имя моего погибшего 2 марта 1969 года на Даманском одноклассника Ивана Ветрича, написал об этом очерк. Этот очерк был напечатан сначала в Парабельской районке, а потом и в Томской областной газете «Красное знамя». То были первые мои публикации. Будучи на службе на Дальнем Востоке, в Раздольном, пописывал заметки во флотскую газету «Боевая вахта», за публикации которых получал по почте даже гонорары, равнявшиеся, а то и превышавшие мой месячный оклад старшего матроса размером в 4 рубля 80 копеек.

Тогда же решился и на реализацию своей задумки и обещания: написать роман о жизни раскулаченных и сосланных в Нарымский край спецпереселенцев. Написал несколько начальных глав. Парочку из них решил послать своему другу и однокурснику Владимиру Грачёву, который в то время был уже

аспирантом в Ленинграде. С нетерпением я ожидал от него ответ. Но лучше бы его я вообще не дождался... Ответ был разгромным. Грачёв раскатал меня по всем полочкам, как несостоявшегося сочинителя. С тех пор прозу я забросил... на долгие годы.

Зато время от времени стали появляться стишата – то переделки под кого-то, а позднее и оригинальные. Дело в том, что с 17 лет я освоил четыре аккорда на семиструнной гитаре и неплохо знал тогдашний репертуар самодеятельных авторов. Сочинил несколько своих песен под гитару, даже выступал с ними на конкурсах и фестивалях...

Вернулся я к написанию прозы уже лет в сорок с лишком. А поводом послужила всё та же моя страсть: рыбалка. Я стал выписывать журнал «Рыболов» и приобретал регулярно альманах-ежегодник «Рыболов-спортсмен». Вот там-то я и намеревался напечатать свои рыбацкие рассказы.

Но наступило такое время, когда почти все журналы и альманахи стали закрываться и выходили очень нерегулярно. А в 1996 году я ушел из института с преподавательской работы. Устроившись работать в охрану, у меня появилось много свободного времени. Да и во время дежурств, чтобы скоротать смену, была возможность писать прямо на постовой вышке.

К концу прошлого века, и даже тысячелетия, у меня поднакопилось десятка полтора рассказов на рыбацкую тему. Они и послужили основой для моей первой книжки, вышедшей в 1999 году с помощью нашей сокурсницы Татьяны Ерёминой (Мельниковой) в Новосибирске в типографии Академии сельхознаук. Следующим годом вышла там же моя вторая книжка. По ним в 2001 году я был рекомендован и принят в Союз писателей России.

К настоящему времени (на июнь 2014 года) у меня издано уже 14 авторских книг. Я напечатался в трёх коллективных сборниках и хрестоматиях, а также мои повести, рассказы и статьи были опубликованы в десятке «толстых» литературных журналов России и даже в двух журналах-альманахах на русском языке за рубежом – в Сан-Франциско (США) и в Виннипеге (Канада).

В последнее время стало модным оставлять после себя автобиографические записки, дабы потомки хотя бы что-то знали о своих недалёких предках. Судьба одного человека – уникальна и неповторима. Она – как отдельный листочек на дереве с общими корнями и ветками.

И решился я собрать всё это в одном месте, отредактировать и выстроить весь материал в родословно-логической последовательности, издав отдельной книгой.

И ещё. Задуманную и обещанную в детстве книгу я так и не написал. Зато многое, как из лично моих биографических вех (от раннего детства и до дней нынешних), так и житейских перипетий моих близких родственников и знакомых, словно горошины по полу, раскатилось по сюжетам рассказов, повестей, эссе, записок и мемуаров всех моих книжек. А потому, чтобы не повторяться, время от времени я буду отсылать к ним моих любознательных читателей.

Сказа синеокая детства моего...

Минувший век. Полсотни первый.
Там Чузик тёк, и Красный Яр –
Весь в тополях был, рясно-вербный,
Пылал черёмухи пожар...
(Виктор Арнаутов)

Давно уж детство за спиною,
И юность вышла из игры...
И лишь они всегда со мною –
Две неразлучные сестры.
(Виктор Баянов)

Итак, произошёл я от интимного соавторского творчества моих родителей – Степана и Евдокии и появился на свет Божий весенним майским погожим днём 25 мая 1951 года. Сие явление произошло в роддоме села Пудино Томской области, откуда меня спустя неделю привезли в деревню Красный Яр, находящуюся в двенадцати километрах вверх по речке Чузик от тогдашнего райцентра Пудино. Здесь суждено мне было провести всё своё детство, окончить начальную школу и потом ещё постоянно бывать у бабушки Анастасии вплоть до лета

1965 года. 1 мая 1965 года – дата для нашей семьи рубежная, и связана она с горькими воспоминаниями на всю жизнь – внезапной и трагической смертью нашего отца Арнаутова Степана Фёдоровича.

Мама моя – **Евдокия Аввакумовна**, урождённая **Шадрина**, была близнецом-двойняшкой. Вместе с сестрой Валей родилась она 14 марта 1932 года в тех же местах, что и я, в семье спецпереселенцев, или, как говаривали у нас, ссыльных. До них в семье Аввакума Васильевича и Степаниды Кузьмовны Шадриных было ещё трое детей. Но предыдущие братья – **Миша** (1924 г.) и **Володя** (1926 г.), умерли на одной неделе, в конце апреля 1930 года от дизентерии в бараке, сработанном наспех ссыльными, в этом самом Красном Яре. Похоронили их в лесочке, который вскоре был раскорчёван, а на этом месте распахали землю под огороды. Старший брат – **Александр**, 1920 года рождения, выжил в тяжелейших условиях ссылки и оказался долгожителем (видимо, Бог перенаправил ему недожитые годочки его братиков и сестрички).

Близняшку моей мамы **Валентину Аввакумовну Шадрину** разлучили с ней в возрасте трёх лет. После смерти их матери Степаниды за сестрёнками сначала ухаживал, прервав учёбу в школе, их старший брат Саша. Потом было решено Валю оставить в семье отца и брата в Калининске, а Дусю отдать в бездетную семью хороших знакомых – Ивановых, живших в соседнем Красном Яре.

Корни мои по отцовской линии уводят меня в благодатную ***Бессарабию***, к ***обрусевшим болгарам***. Трижды удалось мне побывать в тех местах, откуда были высланы по политической статье, осуждённые Одесской опертройкой в июне месяце 1941 года мой отец - четырнадцатилетний Степан со своей матерью Прасковьей Павловной и шестнадцатилетним братом Анатолием. Итак, линия **Арнаутовых.** Не так много удалось мне узнать за время моих поездок на «этническую родину» от моего дяди Толи, ослабевшего памятью. Бабушка Прасковья, или как мы, внуки называли её баба Паша, к тому времени уже умерла. Кое-что удалось установить из архивных справок, которые я получал из органов прокуратуры России и Украины, занимаясь реабилитацией отца и нас, его детей. Вот

те достаточно скудные сведения о моей **Арнаутовской** родове, давшей и всем нам свою фамилию.

Дед мой **Арнаутов Фёдор Афанасьевич,** болгар по национальности, родился в селе Владичень в 1895 году в семье зажиточного крестьянина **Афанасия** (1873 – 1933 г.). Помогая родителям по хозяйству, учился в школе. А накануне Первой Мировой войны закончил Белгород-Днестровское (бывший Аккерман) военное училище. Принимал участие в Первой Мировой войне, командовал взводом, ротой. Подпоручик, поручик, штабс-капитан. Во время Гражданской войны успел повоевать и за красных, и в армии Деникина. В этом плане судьба его схожа с судьбой Гришки Мелехова из шолоховского «Тихого Дона». После того, как Бессарабия отошла в 1918 году к Румынии, вернулся к себе домой и занимался сельским хозяйством. Во Владичени имел дом из четырёх комнат, усадьбу и 2 гектара виноградников на берегу Днестровского лимана.

В 1923 году женился на **Маноловой Прасковье Павловне** – дочери служащего соседнего городка Болград, которая была учительницей в местной гимназии.

Как кадрового офицера, его ежегодно призывали на офицерские сборы, уже в армию королевской Румынии. В ней он получил даже очередные офицерские звания: майора и подполковника.

В молодой семье рождается трое детей: **Александра** (умерла в младенчестве, в 1926 году), **Анатолий** (1925) и **Степан –** мой отец (1927).

12 июня 1941 года мой дед Фёдор Афанасьевич Арнаутов был арестован, осуждён Одесской опертройкой по статье 58.4 и отправлен в лагерь, на север Урала, в Ивдельлаг. Там он и скончался в 1942 году.

Вслед за ним были осуждены его жена и дети и сосланы, как спецпереселенцы, в Нарымский округ, в Пудинскую спецкомендатуру.

Детство... Вот уж, поистине – сказка синеокая. Как бы ни удалялись мы от него, оно всегда с нами. Оно всегда лучезарное, очищенное от мути и грязи, от холодов и невзгод, от неприятностей и бед, от ранних обид и несправедливостей. Оно

навсегда там, где твоя малая родина, даже если её уже нет совсем. Оно там, где мама и отец, где бабушка и братья-сёстры, где твои первые друзья и даже первые недруги...

Красный Яр... Его не стало в самом начале семидесятых годов. Там не осталось ни одного жителя и ни одного дома. После того, как из него уехал последний житель, если не ошибаюсь это был пастушивший Николай Гриднев, лет десять на месте моей деревни находился летний лагерь труда и отдыха пудинских старшеклассников. Обосновались они в бывшем клубе и медпункте. Теперь лишь по некоторым ориентирам: озёрко под школьной горой, единственно уцелевший на всю деревню тополь, пара кедрушек, что росли на задах огорода Синицыных, конюшенная гора... удаётся с трудом восстановить абрис родной деревни.

Красный Яр. В часы городской бессонницы я пытаюсь иногда воссоздать его улицы и дома, кто и где жил. По памяти насчитываю десятков пять домов, со школой, клубом, магазином, конторой, медпунктом, зерноскладами, скотными дворами и конюшней... И на эти полсотни дворов насчитываю я десяток национальностей! Вот они: русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, греки, молдаване, болгары, литовцы, латыши. И оказались они здесь далеко не по своей воле. Все репатриированные, а проще говоря – сосланные, в этот, увы, далеко не райский уголочек Нарымского согристо-болотистого края. И жили там эти бедолаги, не деля себя по национальным признакам. Было всем одинаково трудно и голодно. А мы, ребятня, их потомки, даже и не задумывались над тем, кто из нас и какой национальности. Жили и росли поистине равноправными интернационалистами.

2 июня 2018 года по инициативе нашего земляка Пихенько Григория Васильевича – полковника ВКС в отставке, выпускника Пудинской средней школы (кстати, одноклассника будущего писателя Геннадия Круглякова) состоялась встреча пудинцев, на которую собралось порядка 65 человек – из Томска, Омска, Кемерова, Новосибирска, Москвы и даже Харькова. По этому случаю я сочинил стихотворение.

Пудинской диаспоре

В болотисто-охотничьих местах

Дом купца Пудина лишь оживлял натуру…
В году тридцатом, вовсе неспроста
Открыл Нарым там спецкомендатуру.

И прав-лишенцев потекли обозы –
Как в море горя, слёз людских потоком,
Где был надзор ОГПУ, угрозы…
Селясь вдоль Чузика и по его притокам,

Землянки рыли и в бараках жили:
Где летом – гнус, зима – в снегах, морозах;
Лес корчевали и дома рубили,
Как на себя, горбатились в колхозах.

И там, в глуши, но по любви веленью
И вопреки сославшим их уродам -
Являлись дети новым поколеньем
От спецпереселенческих народов.

И жили, породнясь, одной судьбою:
Евреи, латыши, эстонцы, молдаване,…
(Интер-национальною семьёю) -
Болгары, русские и прочие славяне.

Когда ж фашист нацелил свои виды
На Русь родную: на Москву, за Волгу, -
В строй встали пудинцы, забыв обиды…
Семь сотен жизней – дань святому долгу.

На долю предков выпало немало,
Но генофонд система не сгубила...
Округа Пудинская Родиною стала,
А школа Пудинская в люди выводила!

Строители, врачи, учителя…,
Военными не портилась порода…,
Учёными пополнилась земля -
Из Пудинских спецпоселений родом!

…Шло время. Власть Советов пала.
Здесь углеводородов залежи открыли.
Округа Отчая колонией вдруг стала,
Где прежде земли Пудинские были.

Нас разметало по стране широкой,
Нет деревень из призрачного детства…
Но помним мы, что там, в краю далёком,-
Есть ещё Пудино – всеобщее наследство.

Ещё живуче братство в душах наших …
Не прячась за забором-огородом,
Я не встречал округи нашей краше…
Я – пудинский – диагнозом и родом!

…Моя память уводит меня в самую раннюю пору. Отдельными и смутными картинами. Мне, должно быть, годика три. Мы жили ещё в маленькой избёнке рядом с Синицыными. Я выползаю (именно - выползаю) за калитку и вижу, как не так далеко от нас, на юго-восток, через ложок, на школьной поляне на штоке развевается флаг, и по поляне бегают и строятся в ряды и шеренги ребята – там летний пионерский лагерь.

Там же. Баба Настасья в пригоне доит корову. Я подхожу к ней с большой алюминиевой кружкой. Она наливает мне в неё парного пенного молока. Я пробую его на вкус, оно тёплое и отдаёт коровой. Молоко это мне не понравилось. С тех пор я никогда не пил парного молока. Только холодное, желательно из погреба (холодильников тогда никто не видел). Мог в один приём выцедить целую литровую глиняную кринку, стеклянные банки были в огромном дефиците...

Потом мне видится, как мы переезжаем из той избёнки в другой дом, что напротив школы. Мне уже годика четыре. Я сижу на тележном возу с домашним скарбом.

Теперь мы уже живём в другом доме. Там две комнаты: прихожая и горница. В кути, слева от зева русской печи, висит оставшаяся от прежних владельцев прибитая к стене замызганная фанерка, размером в полметра. На ней масляными

красками намалёвано, как двое в лодке с вёслами переплывают реку, а над ними летят несколько птиц. Куть отделяется от остальной части передней комнаты ситцевой занавеской и широкой полкой под потолком. В комнате три небольших окна, выходят они на восток. Через них видна высокая молоканка и школа, что стоит метрах в ста от нашего дома. Здесь же обеденный стол, угловая широкая крашеная лавка. Над столом висит керосиновая лампа под крашеным зеленовато-голубым жестяным абажуром. Электричество появилось у нас, когда мне было лет девять. Два первых класса я проучился с керосиновыми лампами и чернильницами-непроливайками, стоящими на партах.

Мне всегда было интересно наблюдать, как ребята идут в школу и возвращаются из неё. Я вставал на лавку и смотрел через окно. И до того хотелось в школу, что в пять лет я уже бегал туда, через дорогу, во время переменок с тетрадкой, в которую мне учительница красными чернилами писала задание – как правило, буквы. Писал я отвратительно плохо, с кляксами, за что получал неизменные тройки и страшно этим огорчался. Забегая немного вперёд, отмечу, что начальную школу я окончил всего с одной тройкой в табелях – по чистописанию, был тогда такой школьный предмет.

Учась в первом классе, я не только плохо писал, но и неважно читал. Из-за своей неусидчивости, я торопился выполнить домашнее задание. Читая дома букварь, мои пальцы непроизвольно разрывали на ленточки нижнюю часть страницы букваря, за что меня непременно били по рукам. Я заливался слезами, но продолжал автоматически рвать на ленточки следующую страницу. Дошло до того, что отец, стыдясь моего «художества», купил мне второй новый букварь...

Удивительные в жизни иногда бывают парадоксы и совпадения. Кто бы мог тогда подумать, что именно из этого деревенского дома в Красном Яре со временем вырастут два члена Союза писателей России! Десятью годами ранее меня в нём некоторое время жил будущий замечательный советский русский поэт и прозаик Гена Захаров (настоящая фамилия по отцу – Браницкий), усыновлённый Владимиром Кругляковым! Он смотрел на школу из этих же самых окон, потом четыре года

учился в той же самой начальной школе. И шесть следующих лет – в школе Пудинской. Так что мы Геннадием не просто земляки, но и однодомцы, и дважды одношкольники! Мир тесен. Мир праху писателя Геннадия Круглякова...

Моё детство неотделимо от детства моего младшего брата Володи и сестёр – Тани и Раи. Я припоминаю, как мне иногда доверяли поводиться и приглядеть за самой младшей сестрёнкой. О том, как я водился с братом – рассказывала мама: однажды приходит она домой, брат орёт благим голосом, весь в слезах и соплях, а я засунул ему в рот свой кулачишко и пытаюсь отобрать у него жвачку-серу, которую сам же и дал ему, ещё беззубому, пожевать...

А ещё моё детство неразрывно связано с нашей бабушкой Настасьей, или как мы все её звали, бабой. Наверное, лет до девяти я и брат спали с бабой на одной кровати, при этом, она ложилась всегда с краю, приставив к кровати скамейку. Тогда у нас не было отдельных кроватей для каждого. Нередко приходилось, особенно летом, спать на полу. Не водилось и излишней мебели. В горнице, помню, у противоположных стен стояли две деревянные самодельные кровати. Над одной из них висел «ковёр» с нарисованными на нём яркими масляными красками белозадыми благородными оленями. Был стол, над ним - зеркало, на торцевой стене висела тёмная радио-тарелка, а в правом углу стояла этажерка с пятком книжек и кружевными белыми уголками.

Наше детство прошло под знаком трудового воспитания. И это – замечательно! Считаю, что труд, с раннего детства дисциплинирует и приучает к обязательности. У каждого из нас, в зависимости от возраста, были свои обязанности по дому. Так, мы с братом выполняли обычно «мужскую работу»: наколоть дрова, или летом напилить двуручной пилой дров из старых жердей, наносить из озёрка воды на поливку огородных грядок, прополоть или окучить грядки и картофельные ряды. Летом – наловить рыбы или набить с кедёрок шишек... Зато помыть полы, подмести в ограде, что-то состирнуть – этого мы уже не касались – «девчачья работа». Позднее на нас с братом в основном лежала заготовка дров на зиму и сенокос. Зимой – вода из колодца, кормление скотины и уборка в скотном дворе,

дрова. После пятого класса меня баба научила косить литовкой траву на болоте, а после седьмого я уже ходил с косой наряду со взрослыми. То же касается и брата, но со сдвигом в пару лет.

Летом для всех нас непременным были заготовки дикоросов, коих в наших местах было предостаточно. Что только мы не собирали и не заготавливали на зиму под предводительством нашей бабы: всякие ягоды (малина, смородина, черёмуха, жимолость, земляника, черника, голубика, клюква, брусника, боярка, шиповник), грибы, берёзовый гриб чага, даже дикий хмель... И у каждого из нас была своя норма для ягоды – в виде плетёной отцом из прутьев корзинки, разных размеров. То, что не заготавливалось для себя – сдавалось в заготконтору. Это были реальные, хотя и мизерные, но деньги, в отличие от колхозных трудодней, на которые получали натуроплату.

Очень рано довелось мне познать и труд колхозника. Так, лет в девять я уже по разнарядке верхом на лошади топтал траву в силосной яме, ходил с такими же пацанами и девчонками полоть голыми руками посевы пшеницы, а чуть позднее – возил копны верхом на лошади к скирдам и стогам. Нравилось заготавливать (вязать) веники из берёзы или тальника с сочными листьями – на подкормку колхозным телятам. За эту работу в колхозе нам начисляли трудодни, а чуть позднее в совхозе – деньги. Для нас, ребятни, это не было обязательным, но мы сами напрашивались на такие работы. И, несмотря на изнурительный труд в жару, испытывали гордость за причастность к общей работе и помощи взрослым.

Говоря о детских годах, пожалуй, стоит упомянуть или хотя бы перечислить своих друзей той далёкой поры. Сколько помню, тесные дружеские отношения у меня были со многими моими красноярскими ровесниками: Толей Димитренко, Толей Красножёном, Геной Ластовко, Валерой Лавровым, Петей Бекаревым, Колей Ковецким (Сергеевичем), Витей Анисимовым, Шурой и Мишей Синицыными. Особняком стоял мой старший друг Сергей Димитренко (двоюродный брат Тольки Димитренко). Он был четырьмя годами старше меня, и что заставляло его общаться со мною – загадка для меня до сих пор. Но он был вместо старшего опытного брата, которого у

меня просто не было. Сколько раз спасал он меня от разных бед: вытаскивая из воды, из горевшей землянки, из сугробов снега... Не единожды ввязывался в драку с моими обидчиками, обычно братьями Ковецкими (Фомичами)...

Где-то в середине пятидесятых годов в наш Красный Яр приехали сразу несколько семей из отдалённых деревушек – Калугино, Тамбаево, Лавровка. Это были семьи Лавровых, Ковецких (Фомы и Сергея), кого-то ещё. Вот с братьями Ковецкими (Фомичами) у нас, деревенских, почему-то особой дружбы и мира не было. А наоборот, трое «Ковек»: Лёха, Генка и Колька оказывали нам всем отчаянное сопротивление и бивали наших, особенно поодиночке. Тогда все мы ополчались на них. У нас на крыше старого клуба был свой «штаб» с «арсеналом» - деревянным оружием, битыми кирпичами, чугунками. Перепалки и стычки порой заканчивались весьма серьёзными ранениями. Как-то мне досталось кирпичом по горбушке так, что у меня перехватило даже дыхание. В другой раз кирпичом рассекли мне правую бровь. Окажись попадание этим кирпичом чуть правее или в глаз – неизвестно чем бы всё могло кончиться.

С раннего детства приобщился я к рыбалке. Сначала ловили гольянов в озёрке, что находилось под школьной горой. Потом ловили удочкой на Чузике пескарей, ершей, чебаков с ельцами, окуней. Силышками из медной проволоки силяли стоящих по заводям щурят. На Боталёвском озере рыбачили карасей.

Чузик и рыбалка – речка детства моего и маниакальная страсть, - они при мне и до сих пор. Где я только не рыбачил после Чузика, а вот тянет к нему – и в воспоминаниях, и во снах, и наяву. Чузик – он, если и не главный герой моих рыбацких рассказов и стихов, то уж, по меньшей мере, и не из последних и косвенных персонажей!

Друг детства Шурка Синицын старше меня был всего на месяц. В своей семье он родился уже третьим ребёнком. У его матери, тёти Тони, почему-то пропало молоко. Шурка орал до посинения, требуя есть. А у моей мамы грудного молока было предостаточно. Вот тётя Тоня, по соседству, иногда и приносила к маме покормить Шурку, и мы с ним, пристроившись с разных

сторон, чмокали одновременно мамины груди. С давних пор называем мы друг друга молочными братьями. Кстати, Шурка со своими родными братьями Миней и Валерчей являются троюродными братьями тому самому писателю – Геннадию Круглякову. Шурке на пятидесятилетие я посвятил стихи, четверостишье из которых вынес в качестве эпиграфа к этой главе.

Послевоенные семьи в деревнях были большими, по нынешним меркам – многодетными: четыре, пять, шесть детей, едва ли не погодками – было вполне обычным явлением. А у Сергея Ковецкого (одного из старших сыновей Фомы от первого брака) было аж десятеро детей! Трое довоенных и семь человек – послевоенных. И четверо из них были почти моими ровесниками (плюс-минус два-три года).

Чтобы не повторяться и не занимать лишние страницы описанием детских игр и забав, приведу фрагмент стихотворения, посвященного Александру Синицыну:

...Там сменой новые родились,
А мы - опорой для семьи
Досрочно в детство торопились,
Став мужичками лет с семи.
Гольянов удочкой ловили,
Печёнки на костре пекли,
С кедёрок ближних шишки били,
Колбу, грибы домой несли.
Хрустящий хлеб с колбою горькой -
Залог здоровья на сто лет!
И сахар - пирамидой-горкой
Из горстки мамы на столе...
С “Ковеками” до ран сражались,
Землянки рыли вдоль горы,
И голыми ещё купались
В озёрке том до синевы.
Зубами колышек тягали,
(Уж “ножичка” простыл и след),
Лапта и клёк, попа гоняли -
В забавах босоногих лет!
За огородами, в лесочке
Комбайн целёхонький стоял -
Поразвинтили по кусочкам!

Тогда ль механиком ты стал?!
Вот так и жили - не тужили
Братвой пятидесятых лет,
И газировку в праздник пили,
Наивно веря: слаще нет!

Тут, пожалуй, в качестве комментария следует несколько остановиться на фразе о комбайне. Это было и в самом деле. Осенью эмтээсовский комбайн, убирая за огородами остатки пшеничного поля, налетел на оставленную с весны борону и проколол колесо. Поскольку хлеб был уже почти убран, а колесо не заменили, комбайн оставили там, где он сломался. Дяде Коле Бекареву, обезножившему инвалиду войны, из Томска пригнали трёхколёсную мотоколяску. А к ней – набор ключей. Так вот, этими самыми ключами, да ещё и ключами от трактора, на котором работал отец братьев Синицыных дядя Федя, мы, пацаньё, разобрали тот комбайн практически по деталям. Особо ценились у нас цепи, которыми мы перепоясывали себя, как пулемётными лентами. А ещё – шарики от расколоченных кареток подшипников... А Шурка Синицын и впрямь стал инженером-механиком, окончив Омский сельхозинститут. Потрясающим даром механика-самоучки обладал и его старший брат, мой одноклассник (с пятого и по десятый) Миня Синицын!

Помимо указанных забав и игрищ определённое место в моём досуговом детстве занимало и чтение. Баба была безграмотной, читать не умела. Качество книжек она определяла по наличию в них картинок-иллюстраций. Есть картинки – хорошая книга, нет – плохая. Сначала мне читала мама вслух. Как сейчас помню, читает она книжку Николая Носова «Приключение Незнайки и его друзей» - и так ярко и красочно я представляю то, о чём в ней написано... Припоминаю одну из немногочисленных детских книг, которые были у нас дома. Книжка эта с толстыми картонными страницами и яркими красочными картинками. В ней нарисованы домашние животные и под ними – бесхитростные четверостишия, вроде этого:

Шерсть на овечке отросла,
Вот скоро стричь её пора.
И мы её спрядём, соткём,
Одежду новую сошьём.

Когда я научился читать сам, очень любил сказки, особенно русские народные. В нашей сельской библиотеке было три толстенных книги из четырёхтомника русских народных сказок, собранных и записанных Афанасьевым. Все эти три книги с красивыми заставками – начальными буквицами-орнаментом я перечитал на несколько раз. Особенно любил это делать зимою, когда, набегавшись и намёрзшись, забирался на русскую печку и там при очень слабом свете керосиновой лампы читал. До сих пор припоминаю, какое впечатление на меня произвела сказка Алексея Толстого «Приключение Буратино». Я её не читал, просто жил в той сказке! И как же мне стало горько и чего-то не хватать, когда эта книжка-сказка закончилась...

А лет в тринадцать я прочитал «Два капитана» Валентина Каверина и ... «Угрюм-реку» Вячеслава Шишкова – эти книги достались мне от уезжавших обратно к себе на родину чувашей – Сотниковых. «Угрюм–река» до сих пор является одним из любимых моих романов, а В.Я. Шишков – особо почитаемых авторов. Его подписное десятитомное собрание сочинений (в Приложении к «Огоньку») давно уже занимает почётное место в нашей домашней библиотеке.

Что касается детства, друзей и малой родины, то я посвятил этому свою повесть «Приоткрылись родимые дали» и довольно много рассказов, среди коих: «Песнь моя колыбельная», «Меченые караси», «Четыре картины из детства», «На рифах памяти», «Хом», «Одиножды один – приехал гражданин» и другие.

Когда оно у меня закончилось – не знаю, пожалуй, с переходом в пятый класс, когда я пошёл в сентябре 1962 года в Пудинскую среднюю школу.

Много позднее, оживляя картины прошлого в своей памяти, я написал:

Так маняще-давно я на Родине не был,
Где русские печи духмянятся хлебом,
Где избы дымами привязаны к небу,
И Чузик нанизан цыпушками вербы.
Там свой Красный Яр навещу я пустынный -
Аукнется детство слезинкой полынной.

Как в юность, прошествую в милый Калининск
Я полем футбольным, где вырос осинник.
Ссутулился в кронах черёмух наш домик -
Он слышал и песни, и звуки гармоник,
Там горе с бедой полыхали, как донник,
Преданий семейных он десятитомник.
Я в среднюю школу дорогой обычной,
Где нет ни троллейбусов, ни электричек,
Ватагой друзей пропылю по привычке.
Вот - Пудино - будто бы город столичный!
Я встану у школы, на краешек самый,
Наполню вновь классы ребяческим гамом,
Аккордами чувств нескончаемой гаммы,
Как первой любовью, как сказкою мамы.

Школьные годы чудесные...

Умчаться вдаль, под розовую сень,
Где Чузик мой коричнево змеится
Семнадцать первых лет - как светлый день-
Перелистнулись читаной страницей.
Страницу эту школьная рука,
Как изложенье чьей-то Правды шибкой,
Писала бело, без черновика –
Но тем видней помарки и ошибки...

(Виктор Арнаутов)

Учиться в школе мне очень хотелось. Были тому и ещё две причины. Примерно за год до неё привёз мне из Томска отец новую форменную фуражку – дымчатого цвета с чёрным лакированным блестящим козырьком и золотистой кокардой на тулье – в виде двух дубовых скрещенных веточек. Ни у кого из деревенских школьников такой фуражки ещё не было! Правда, и мне она была великовата, но ничего, подкладывали ободок из бумаги, подгоняя под размер моей головы. Вторая причина: купили мне и новый портфель. В то послевоенное время кое-кто из учеников ходил в школу просто с холщовой самошитой сумкой или старым портфелем, доставшимся от старших. А баба Паша, отцова мама, сшила мне к школе вельветовую курточку.

И лишь со второго класса у меня появилась (опять-таки у одного из первых среди ровесников) новая фланелевая школьная форма дымчато-мышиного цвета. Всеми этими школьными атрибутами я очень гордился. К тому же, ведь я пошёл в школу самым первым из моих одноутробных.

Как я уже отмечал, не очень давались мне в школе чистописание и чтение. Ещё – рисование. Остальное шло легко и без напряжения. Память у меня была весьма неплохая, стихотворения я заучивал с третьего-четвёртого повторения.

К тому времени, когда я пошёл в первый класс (1958 год), в нашей начальной Красноярской школе было четыре класса, в которых учились порядка тридцати пяти человек. И было две учительницы. Одна – молодая, лет двадцати пяти- двадцати семи, Карева Раиса Степановна, из местных, незамужняя, вернувшаяся в деревню после педучилища с «довеском» - девочкой Зоей, моложе меня годом. Другая учительница, Таисия Ильинична Крушельницкая, была пожилая, приезжая к нам, кажется, из Среднего Васюгана, года за три до моего поступления в школу.

Учились мы в одну смену. И у каждой учительницы в такой малокомплектной школе было по два класса учеников. Обычно это были первый и третий, второй и четвёртый классы. Но в тот год и чуть позднее (как уточнил мой брат Володя) этот порядок был нарушен. И, видимо, я начал учиться одновременно с четвероклассниками. При такой системе существовала и особая методика преподавания, с которой я столкнулся уже через десять лет, начав работать учителем начальных классов и сам.

Пока учительница работает, допустим, со старшими, младшие делают самостоятельное задание. И наоборот. Мне почему-то всегда было интереснее то, чем занимаются старшеклассники. И я, быстро сделав своё (не всегда правильно и качественно), переключался на то, что изучали или проходили четвероклассники. Меня особенно привлекали такие предметы старших, как история, чтение (родная речь), география и естествознание (тогда я захватил ещё эти предметы, позднее их объединили в природоведение).

Моей первой учительницей была опытная полнотелая Таисия Ильинична Крушельницкая. У неё был муж - высокий, худосочный, болезненный, в толстых очках, - судя по фамилии, еврей, Николай Фастович, которого кусал энцефалитный клещ, и у которого плохо держалась голова, были частично парализованы одна рука и одна нога. Но голова, хотя и частенько болела, всегда оставалась ясной и трезвой. До паралича и болезни он тоже являлся учителем. Здесь же уже не работал нигде, много читал; слонялся от безделья по деревне заплетающимися ногами в больших грубых магазинных чёрных валенках, за что местные прозвали его Спутником. Частенько зимними вечерами Спутник приходил к нам домой, и они втроём (он, отец и Александр Конёв) играли в карты, сначала в «тыщу», потом в преферанс. Преферанс – игра интеллектуалов, и обучил этой игре партнёров, конечно же, Николай Фастович.

Жили Крушельницкие недалеко от школы и от нашего дома. Баба Настасья за небольшую плату носила им из колодца воду и пекла хлеб, обычно из белой магазинной муки. Себе она выпекала хлеб из муки, смолотой на своей красноярской мельнице. Разумеется, из зерна, полученного в колхозе на трудодни. Припоминаю, что полученное на трудодни зерно обычно досушивалось на русской печи, где мы с братом любили им играть и баловаться, горстями, россыпью, бросаясь друг в друга. Магазинная мука колхозникам не полагалась. У нас же Крушельницкие, обычно, покупали молоко, сметану, масло и яйца, поскольку в нашем деревенском магазине этого не было.

Меня переводили из класса в класс без каких-либо проблем, ставя в табеле отличные и хорошие отметки. Лишь по чистописанию у меня был тройка. И один раз я получил тройку по поведению. А дело было так.

В нашу школу устроилась техничкой жена Фомы Ковецкого и мать их детей-братьев Лёхи, Генки и Кольки – Елена. Те после уроков обычно помогали ей делать уборку, мыть полы, колоть и носить дрова и топить печи. Однажды кто-то из них (а, может, и все вместе) открыл гвоздём замочек в шкафу, что стоял в нашем Большом классе, и спёр оттуда мешочек с сахаром и пилки для лобзика. Этот сахар на большой перемене раздавал ученикам ложечкой дежурный, чтобы попить

чай. А пилки для лобзика были вообще большим дефицитом. Кража вскоре обнаружилась. Было очевидно, что это – дело рук вороватых братьев. Но каково же было удивление всех школьников, обеих учительниц, и особенно меня, когда младший из братьев Колька, сознавшись, сказал, что вместе с ним был и я. Это было шоком не только для меня, но и для всех! Похоже, чтобы братьям досталось меньше, по наущению их матери, Колька и показал на меня...

На школьной линейке от меня требовали признания. Я никак не мог сделать этого, потому что не имел к краже никакого отношения. Тогда после уроков дознания продолжили муж учительницы, Николай Фастович, и вызванный в школу мой отец. Дознание длилось несколько часов. Колька стоял на своём, я – на своём, как партизаны. Я был голоден, у меня разболелась голова до рвоты, и я ... сдался, оговорив себя. Вот так, видимо, энкавэдэшники и выбивали у своих подследственных признания... Не поверила тогда в эту чепуху лишь баба Настасья. Мне (и Кольке) снизили по два балла за поведение не только за четверть, но и за год. Этот эпизод из моей ранней школьной жизни стал сюжетно-ключевым в повести «Приоткрылись родимые дали...»

К переводу в следующий класс в то время относились очень серьёзно. И если ученик, хотя бы по одному предмету имел годовую двойку, его оставляли на второй год в том же классе. «Оставлять на осень», как вскоре стали практиковать, у нас тогда принято ещё не было. Так, из моих близких ранних школьных друзей и приятелей отстали на год Миня Синицын, Толя Красножён, Федя Попов, Витя Сидоренко, Генка Ковецкий. Два года в каком-то классе просидел и мой старший дружок Серёга Димитренко. Заядлый рыбак и первый школьно-деревенский книгочей Витя Сидоренко тоже тормознулся в четвёртом классе, и многие из нас, догнавших его, ходили к нему, чтобы он помог нам решить по арифметике домашние задания. Особая статья с братьями Ковецкими. Уже в третьем классе мы собрались с ними все вместе. Отлично учился младший из них, мой ровесник Колька – тот самый, что оболгал меня. Средний Гена – самый порядочный из троих, учился с прохладцей. А вот Лёха, старше меня аж на четыре года, был

вообще невероятно тупым на учёбу. Проучив всего одну четверть в третьем классе вместе с нами, этого балбеса обратно отправили к второклассникам. Так, пробив баклуши четыре года во втором классе, Лёха Ковецкий и закончил школьную науку...

Забегая немного вперёд, отмечу ещё один факт. Из-за серьёзного осложнения после болезни корью, вынужден был просидеть два года в каком-то одном классе и один из сыновей Сергея Ковецкого (там, где было десять детей) Коля (Рыжий), получивший потом два диплома: врача-педиатра и доктора медицинских наук. Его старший брат Юрий (Юрочка) стал военным врачом и дослужился до полковника медицинской службы, а вот их средний брат Валерка, мой ровесник, едва-едва одолел шесть классов...

Всё лето 1961 года мы, ребятня, провели в Красном Яре у бабушки, в то время как родители наши жили и работали уже в Калининском. Заканчивался август. Мне предстояло идти в четвёртый класс. Бабушка умоляла отца оставить меня у неё. Отец «закусил удила»: раз не хочешь ехать с нами в Калининский – живи одна, никого из ребятишек тебе не оставлю! Баба – в истерику. Мама, как обычно, разрывалась между отцом и бабой, тем не менее, всё же держа сторону мужа.

30 августа я с братом Володей и шедшей в первый класс сестрой Татьяной в новенькой форме был на линейке в ограде Калининской школы. Учителями тогда были там Михаил Фёдорович Бершадский и Екатерина Сергеевна Кий (Собакина).

А рано утром, первого сентября отец разбудил меня и сказал: «Поезжай к бабе, будешь там учиться...». У калитки нашего дома стоял белый жеребец под седлом. Я, счастливый, собрав свои пожитки и учебники, вскочил в седло и махом полетел в Красный Яр. Как же была рада наша баба Настасья моему появлению там – это надо было видеть! Таким образом, и последний, четвёртый, класс начальной школы я проучился у своей первой учительницы, считаясь вполне приличным «хорошистом».

В этой связи припоминается, что в качестве некоего стимулятора в учёбе и наглядности, в классных комнатах или в коридоре вывешивалось нечто вроде стенной газеты. На ней были нарисованы: ракета – для отличников, самолёт – для

хорошистов, конная повозка (или верблюд) – для троечников и черепаха – для неуспевающих. А рядом с каждым из средств передвижения красовались фамилии учеников. Я никогда не опускался ниже самолёта, хотя и на ракете летал не очень часто.

К окончанию четвёртого класса стали таять ряды тех, с кем я пошёл в первачи и с кем дружил. Дело в том, что к тому времени со спецпереселенцев (наших родителей) сняли ярлыки невыездных и упразднили спецкомендатуры. Вот и потянулся народ семьями обратно: кто на родину, кто поближе. Одними из первых уехали к себе на родину молдаване Штырбу, поляки Виницкие. Мои закадычные друзья Толька и Серёжка Димитренко, Федя Попов – в Омскую область, в зверосовхоз «Речной», и уже оттуда они присылали мне по нескольку писем. Братья Синицыны переехали в Лушниково, поближе к Пудино, но учились в Калининской школе. Семья Валерки Лаврова переехала чуть раньше нашего в Калининский. В Пудино перебрались и Бекаревы - с моим годком Петькой и его братом Васькой. Толя Красножён с родителями вообще оказался аж на Дальнем Востоке, на станции Биракан.

Зато пополнили Красноярскую школу немногочисленные ученики из Ляшкино – там закрыли начальную школу. Среди них были Петя Антипов, его двоюродный брат Вовка, Сашка Портной, кто-то из малолетков Чемодановых. А ещё – в самом конце пятидесятых годов к нам из Чувашии по какому-то спецнабору приехали несколько многодетных семей-переселенцев, но уже добровольно. В Красном Яре это были семьи Сотниковых, Егошиных, Канаевых. В Калининске из той же партии оказались - Бочкины, Шагаровы-Тихоновы, Городецкие, в Пудино – Симагановы, кто-то ещё... Многие из этих семей находились между собой в родственных отношениях.

Что ещё вспоминается из школьной поры Красного Яра, так это то, что где-то во втором-третьем классах мы после уроков стали облагораживать нашу школьную ограду. По её периметру в два ряда мы сажали молодые берёзки, которые выкапывали в ближних лесочках и приносили сюда. Со временем эти берёзки выросли и превратились в стройные белоствольные красавицы, обрамлявшие школу. Долгое время

они были ориентиром для определения места бывшей школы, покуда их не порубили на тракторные волокуши заготовители сена... Об этом факте я написал рассказ «Одиножды один – приехал гражданин».

И ещё. После окончания четвёртого класса отец определил меня на месяц в пионерский лагерь, что находился в Пудинском школьном интернате. Я оказался в одной комнате с ребятами как младше, так и постарше меня. Среди них были пудинцы: Петя Дядьков, Толик Бойко, Саша и Юра Епанчинцевы, кто-то ещё... Для меня, привыкшего к деревенской свободе, этот пионерский лагерь со строгим распорядком дня был весьма обременительным, и я не мог дождаться, когда же закончится сезон.

...А осенью, первого сентября 1962 года я вместе со своими калининскими сверстниками (Саша Кий (Собакин), Коля Чупин, Ванька Диулин, Коля Бочкин, Серёга Томашевский, кто-то из девчонок) отправился в Пудино, пешком, за четыре километра от нашей деревни. В тот год в Пудинской школе пятиклассников было набрано аж три класса. Все мы, калининские и красноярцы (Гена Ластовко, Витя Сидоренко, Тома Томилова) оказались в 5«В». Большинство пудинцев были зачислены в элитный класс «А». В нём каким-то образом оказался и мой молочный брат Шурка Синицын. Зато его старший брат Миня, просидевший два года в каком-то (кажется, в пятом) классе, уже до самого окончания школы проучился вместе со мной – сначала в «В», а потом и в «Б»-классе. И в каждом из пятых классов было не менее тридцати учеников. Стало быть, только пятиклассников в Пудинской средней школе начала шестидесятых годов получалось порядка сотни человек!

Мысленно я иногда перебираю всех тех, с кем одновременно (от пятиклашек до одиннадцатиклассников) пешком ходил из Калининска в Пудино, ежедневно по четыре километра (туда и обратно). И насчитываю до сорока с лишним человек. Нередки были случаи, когда только из одной семьи ходили в Пудино в школу по четыре-пять человек, в том числе и я с братом и сёстрами.

В тот год впервые в практике средней школы учился класс одиннадцатиклассников (рождения 1945 года и старше), среди которых оказались знакомые мне по Калининску и Красному Яру – Коля Лавров, Юрочка Ковецкий, Тамара Ковецкая (тётя Юрочки по отцу и старшая сестра хулиганистых Фомичей). Это были уже вполне взрослые ребята и девушки. Они учились в угловом школьном классе, были степенными и солидными. А Тамарка Ковецкая вместе с аттестатом зрелости к окончанию школы получила ещё и свидетельство о... рождении дочери.

Я оказался за одной партой с останинцем Лёней Шафранником. Потом меня пересадили к девчонке – Люде Бейдеровой – из Гонохова. Поначалу я стеснялся незнакомых мне учеников, поскольку многие из них были старше меня. Нередки были случаи, когда в одном классе оказывались родные братья и сёстры разного возраста. Так, мне пришлось в Пудино учиться одновременно в одном классе (в разные годы) с Людмилой и Володей Оскольскими, с Сашей и Валей Струц, с Васькой и Ванькой Диулиными (Крестьяновыми), Толей и Ольгой Радченко, Мишей и Сашей Синицыными (правда, Шурка - в параллельном классе). А с двоюродными - и подавно.

Хулиганистыми и драчливыми, которых не брал мир с пудинскими, были останинские ребята, среди коих особо выделялись Иван Ветрич и Колька Комаров. С кем только они не дрались и на кого только они не нарывались... Где-то уже классе в шестом их перевели (якобы, на перевоспитание) из класса «А» или «Б» в наш, «В»-класс. И Ванька Ветрич оказался за одной партой (до окончания восьмого класса) с моим новым калининским другом Санькой Кий (Собакиным). Два темпераментных живчика каким-то образом умудрялись весьма мирно сосуществовать. При этом, если Санька был одним из лучших учеников в классе, то Иван никогда не отличался в учёбе, не говоря уже про дисциплину. Может быть, их роднила общая страсть – охота и рыбалка. Они, азартно жестикулируя, безбожно преувеличивая и привирая, делились друг с другом рассказами о своих похождениях и добычах. И, тем не менее, забегая вперёд, отмечу, что не Санькину родовую фамилию Собакиных носит центральная улица Останина, а Ивана

Ветрича. А дело в том, что Иван Ветрич (как я уже отмечал во вступлении) погиб на острове Даманском с другим нашим однокашником Сашей Иониным 2 марта 1968 года, на китайской границе. Мало того, его имя («Пограничник Ветрич») носит и один из дальневосточных рыболовных траулеров... Бывшая Первомайская улица Пудина переименована в улицу Александра Ионина. Факт гибели моих одноклассников на границе стал финально-кульминационным в моей ранней повести «Приоткрылись родимые дали...», есть он и в главе «По имени наших друзей» путинно-путевого эссе «Шикотан».

Класса до девятого я проучился в Пудинской школе, не имея в табелях ни одной тройки. Мало того, в конце почти каждого года меня награждали какой-нибудь грамотой или книгой – за хорошую учёбу и примерное поведение. До сих пор помню одну из них, это – книга-роман «Повитель» Анатолия Иванова, того самого автора, что написал «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

Время обучения в Пудинской школе связано у меня с невосполнимой потерей и нашим семейным горем: в конце седьмого класса, на 1 мая 1965 года, не стало нашего отца. И мне кажется, после этого я сразу повзрослел, оставшись в доме за старшего мужчину, обойдя разом своих сверстников и однокашников года на три-четыре...

Что касается одноклассников, отмечу, что с пятого и по десятый класс я проучился вместе с Саней Кий, Сашей Струц, Машей Лушовой, Любой Зубревской, Таней Приходько, Мишей Синицыным, Геной Ластовко и Тамарой Томиловой. Двое последних – мои одноклассники ещё по Красноярской школе, с самого первого класса. В десятом классе от нас отстали Коля Чупин - вынужден был оставить школу, чтобы кормить семью, и Колька Ковецкий (тот самый, что оклеветал меня), переехавший в Ювалу Кожевниковского района к старшей сестре Тамаре. Одно время мы проучились вместе с недавним главой нынешней Пудинской Администрации Леонидом Третьяковым, впрочем, не отличавшимся особыми успехами ни в успеваемости, ни в дисциплине. А двое из моих однокашников - Люба Зубревская и Саша Струц - со временем создали свою

семью, поженившись. Поженились и параллельщики – Саша Бурдужа и Галя Сапранкова.

В седьмом классе я догнал Василия Кардаполова, старше меня двумя годами, и с тех пор мы четыре года просидели с ним за одной партой. Почему он два года просидел в седьмом классе, мне до сих пор не понятно, поскольку всё остальное время он учился весьма неплохо, и в числе самых первых четырёх выпускников из нашего «Б»-класса поступил в институт – ТПИ.

С кем только не довелось за эти шесть лет проучиться в Пудинской школе. Это – об однокашниках, не говоря уже о тех, кто был перед нами и шёл после нас...

В принципе, **что такое школа?** Для меня – это **сложная система**, основными функциями которой являются **передача знаний и воспитание молодёжи**, состоящая из **трёх основных взаимосвязанных элементов.**

Это нынешние реформаторы-теоретики, чиновники от школьного образования космополитично-подражательно сдирают всё с западно-американской системы обучения, сводят к нулю роль школы как воспитательного учреждения, сваливая всё на семью и кого угодно, кроме школы. Тогда роль школы в воспитании учащихся, вплоть до выпускников, была если и не главной, то уж и не последней.

Итак, основные составляющие элементы школы, как системы.

Первый – **школьное здание и его географическое местонахождение –** не самый главный элемент, но именно он в большей степени формально и определяет это понятие. В пору моего ученичества в **Пудинской средней школе** было несколько школьных зданий или корпусов. Те, кто учился постарше меня, да и я, ещё помнят первое школьное двухэтажное белёно-штукатуренное здание, стоявшее на высокой крутой горе речки Коньга по улице Первомайская (ныне – Ионина). У нас же было другое здание, основное, казавшееся невероятно большим. Стояло оно на пересечении улицы Горького и Советская, обрамлённое оградой и высокими тополями. На территории школы находилось продолговатое брусовое здание интерната, где жили все ученики из близлежащих селений – от Ляшкино и Красного Яра и до Скита,

Рогалёва, Таванги, Шерстобитова и Львовки. Из наших, калининских, там почти никто никогда не обитал, за исключением Юры Кия, и то лишь года-другого.

В этом основном школьном здании с разных торцов было два входа (в зимнее время пользовались только одним), коридор, раздевалка, учительская, кабинет директора, буфет и несколько классов и кабинетов, среди коих выделялись кабинеты химии и физики (с подсобной лабораторией). При кабинетной системе, которую внедрили, кажется класса с шестого, мы всякий раз переходили из одного классного помещения в другое, особенно на уроки физики и химии. Уроки трудов и производства проходили у нас в другом подсобном здании. Одно время был выделен в небольшом соседнем здании и кабинет биологии (ботаники, зоологии) с подсобно-опытным участком, на котором мы проходили после 5-6 классов летнюю практику. (Вот в нём-то и поселилась моя родная младшая сестра Раиса после Куйтуна, но уже в 1976-м или 1977-м году, с мужем Михаилом, её одноклассником, прожив здесь не долгое время).

Несколько лет три или четыре класса нашей средней школы располагались в здании, что стояло по улице Ленина, в бывшем здании сельсовета и где находилась начальная школа. Учились здесь, как правило, в две смены, поскольку в одну смену не хватало ни помещений, ни учителей.

Где-то году в 1964 на территории школьной ограды невдалеке от основного корпуса стали строить ещё одно - новое двухэтажное здание. Помню, там мы после седьмого класса проходили летнюю практику, обивая изнутри этот корпус дранкой, под штукатурку. И уже года с 1966-го там стали проводить занятия. Да, на территории школьной ограды, напротив интерната стояло здание спортзала, там у нас проводились уроки физкультуры. Был и «стадион», с футбольным полем и воротами, на котором проводились общешкольные линейки – на 1-е сентября и окончания школы.

Хронологически образование Пудинской школы относят к 1930 году, когда стали обучать в ней детей самых первых спецпереселенцев.

Ученики – второй элемент школы, как системы. Собственно, это то, ради чего и кого создаётся и существует школа. Я уже писал о своих одноклассниках несколько выше. В целом же, во времена моего обучения (1962-1968 годы) в ней насчитывалось не менее четырёхсот учеников. Одних выпускников бывало по два-три класса, а это 40-50 человек! (40 человек из двух классов выпустилось и в 1968 году). А в 1966 году, когда закончился эксперимент с одиннадцатым классом и выпустили одновременно десятиклассников и одиннадцатиклассников, таковых было уже более 60 человек!

Одноклассники, одношкольники. У каждого они свои. Обычно, хорошо знаешь учеников своего родного класса. Несколько особняком стоят те, кто учится в параллельном классе. Это – вечные соперники, коими делают их, чаще всего, сами учителя, противопоставляя друг другу – по успеваемости и дисциплине. О своих одноклассниках я уже писал. Добавлю, что в девятом классе мы изрядно пополнились за счёт учеников из Львовской восьмилетки. Это были: Толик Устюгов и Иван Чернаков, Толик и Ольга Радченко, Вася Алфёров и Валя Галкина, Зоя Шадрина, Галя Куприсова и Галя Андронова. Следует назвать ещё и тех, с кем я заканчивал десятый класс, но ещё не упоминал здесь, это – Вера Ковецкая и Володя Ядрин, они были пудинскими.

Однокашники из параллельного, «А»-класса, - на второй ступеньке по школьному «родству» и братству. С ребятами из параллельного: Саша Синицын, Коля Шаров, Коля Кондратьев, Толя Филёв, Ваня Симаганов, Володя Захаров, Саша Бурдужа, Володя Ковецкий, Коля Евстафьев, кто-то ещё – помимо прочего, мы проучились вместе два года ещё и на уроках по производству, каждую субботу. Из девчат запомнились Галя Фтёмова, Галя Сапранкова, Галя Самосудова, Люба Абакумова, Вера Розина, Галя Цепелева, Галя Ильиных, Вера Чемоданова, Нина Вьюнникова, Таня Петраченко, Света Бойко. Их-то, девчонок, я и стеснялся больше всего, когда нас объединяли на одних и тех же уроках, случалось и такое... Они (из параллельного) всё время считались продвинутей и грамотней нас. Но каково же было удивление наших учителей, да и нас

самих, когда наш десятый «Б» класс в октябре 1967 года, на День Комсомола, выиграл у параллельщиков КВН!

Одношкольники – в принципе все те, кто когда-либо учился в этой школе. Я уже упоминал о писателе Владимире Круглякове. Учился какое-то время здесь и ещё один писатель, ныне председатель союза Томских писателей и соредактор журнала «Начало века» Владимир Крюков (его мать работала в больнице, а горбатая тётка – в аптеке). Неплохой поэтессой стала Валя Косачёва – из Останина, учившаяся годом раньше.

Для меня же одношкольники – это те, с кем учился примерно в одно и то же время, то есть, 4-5-ю годами старше тебя, обычно их запоминают лучше, и 2-3-мя классами – ниже тебя. Конечно, своих красноярских и калининских я знал всех, а вот пудинских – похуже. Никак не могу не упомянуть своих калининских друзей и одношкольников, с которыми мы одновременно ходили в Пудино. Это – Валера Лавров и его братья Миша с Николаем и сестры Аля с Людой, Собакины (Кий) – Володя, Юра, Саша, Валя; Ковшаров Коля и его сестра Валя, Солодчекнко - Василий, Тамара и Валя, целые «выводки» Беспятовых, Семитко, Томиловых, Руснак, Нестёркиных, Жарковых, Чупиных, Томашевских, Бершадских, Бочкиных, Крестьяновых, Красножён-Шабановых...

Особый элемент в этой школьной системе – **учителя.** Мне кажется, что всем нам, ученикам Пудинской средней школы шестидесятых-семидесятых годов, невероятно повезло с ними. Это были и в самом деле фанаты своего дела, профессионалы высокого уровня! Мне приходилось слышать отзывы преподавателей томских вузов, куда поступали наши абитуриенты: если преподаватель интересовался: что закончил претендент в студенты и слышал в ответ: Пудинскую среднюю школу – реакция преподавателя бывала однозначная: «О! Пудинская школа!». Симпатия преподавателя уже была на стороне абитуриента. Выпускники этой нашей школы очень котировались.

Директором школы в первый период моего обучения был Юрченко Фёдор Филиппович, преподававший географию. Позднее его перевели директором восьмилетней школы в селе

Львовка, а его место заняла Любовь Михайловна Петроченко. При ней нас и выпустили.

Учителя - снимаю перед ними шляпу и низко кланяюсь. Всем, всем, всем - без исключения! Попробую напрячь свою память.

В пятом классе "В", куда я попал вместе с Геной Ластовко, Колькой Ковецким, Витей Сидоренко и Тамарой Томиловой после Красного Яра, классным руководителем и учителем **русского языка и литературы** была Зинаида Алексеевна Окунева - справедливая и доброжелательная женщина средних лет. **Литература** - к ней я всегда был неравнодушен, но во многом уступал таким книгочеям и знатокам, как Санька Кий, Витя Сидоренко или Галя Фтёмова. Ярким пятном в памяти моей возникает ещё один учитель русского языка - рано ушедшая из жизни Клавдия Елисеевна - высокая, стройная и строгая жгучая брюнетка. Могла угомонить лентяя и разгильдяя одним словом - мало не покажется. Проблемы с дисциплиной на уроках у неё даже и не существовало. Где-то классе в седьмом появился в нашей школе невзрачный на вид, лысоватый и с помятым лицом мужчина, лет сорока, Салмин (если не ошибаюсь, Николай Алексеевич). Он тоже преподавал русский язык и литературу. Старшеклассники прилепили ему прозвище Журден - видимо, за какое-то внешнее сходство с известным французом. Водился за ним грешок: уходил в загулы, пропуская занятия и попадая в больницу. Поручили ему руководство нашим классом. Знали бы вы, с каким нетерпением ждали мы все очередного классного часа! И это были мы, которые не всякий раз досиживали до последнего урока! Так вот, оказался этот Салмин просто великолепным пересказчиком художественных произведений. Из его уст мы слушали "Аэлиту" Алексея Толстого и "Туманность Андромеды" Ивана Ефремова. Боже, как он умел рассказывать! Весь класс, затаив дыхание, сидел и внимал, будто на замечательном столичном моноспектакле!

Нина Николаевна Лукьянова (Небера) приехала в школу, когда мы, вытянувшись за лето, пошли в девятый класс. Элегантная, строгая и молодая, влюблённая в свою литературу, она зачитывала всякий раз фрагменты наших опусов, особенно

на свободную тему, если в них проскальзывала хотя бы какая-то искорка. И это она же влепила мне жирный "кол" уже в десятом классе, не читая и перечеркнув всю мою домашнюю заготовку, лишь на том основании, что написал я это шариковой ручкой. Нет, не таю я обид на неё за тот казус, хотя бы и потому, что через тридцать с лишним лет послужил он толчком для написания рассказа "Сочинение, которое никто не читал".

История. Ещё один предмет, которому я всерьёз собирался посвятить себя после окончания школы. Как же зачарованно внимал я рассказам Галины Тимофеевны Часовниковой уже в пятом классе! Древний Египет, Китай, Античность, история Киевской Руси, европейское средневековье... А вот вспомнит ли кто из моих однокашников историка-практиканта из Томского университета - Баронаса, по прозвищу Антропос? Высокий, нескладный, кадыкастый, смущающийся, в очках, но, безусловно, талантливый и увлечённый. Мимоходом замечу, что приходилось мне, как профессионалу-библиографу, много позднее встречать в библиографических указателях его научные работы. А ещё вспоминаю, как Санька Кий рисовал на уроках карандашом на него очень хорошие портретные шаржи. А тот, увидев однажды, изъял у Саньки эти шаржи и взял себе, даже не поругав автора... Галина Васильевна Лупинос, она же Галкова. Совсем юная выпускница истфака - стройная красивая брюнетка-татарочка с огромной, модной по тем временам, аккуратно уложенной цилиндрической шишкой волос на голове. В белоснежной нейлоновой кофточке (едва ли не единственной). История новейшего времени: Модибу Кейта, Кваме Нкрума, Секу Туре, Сиримава Бандаранайке - так и сыпала нам именами современных африканских и прочих князьков и императоров. А ещё: "Имре Надь - не путайте с Ференцем Надем!" Как же, помню, Галина Васильевна! Хотя - к чему они мне!? По-моему, тогда в неё были тайно влюблены едва ли не все пацаны нашего десятого класса, уж я-то - точно. А она, видя и догадываясь, застенчиво смущалась...

Химия. Кто не помнит Марию Игнатьевну Волкову?! С седьмого класса и по самый десятый - и всякого ученика, даже распоследнего разгильдяя и хулигана - на "Вы"! Случай для

школьной практики уникальный! И ведь стыдно было при таком обращении к тебе - да не выучить урок по химии. А уж десять способов получения солей... Да до сих пор - в печёнках! Пожалуй, не погрешу, что смогу назвать практически все элементы периодической таблицы Менделева и их латинские словесные и буквенные обозначения. А химические опыты?! Слышал не раз, что все, кому приходилось сдавать на вступительных экзаменах химию, меньше "четвёрки" нигде не получали.

Физика. Её законы открывал нам Владимир Акимович Боярин. Тема урока: "Работа". - Ха, да кто ж не знает, что такое работа?! Бери больше, кидай дальше! Нет, оказывается - физическая величина механики! Законы Ньютона, Ома... До сих пор помню и словесные определения, и их формулы. Опыты с движением тел по наклонной плоскости и с электрической машиной... А в старших классах повезло нам не меньше с учителем физики - пришел Борис Фёдорович Колотовкин! Физик и педагог от Бога! Случалось, всем классом вместе с ним решали целый урок всего одну задачу, заходя в тупики и переводя единицы измерений из системы СИ в СГС. Теперь только доходит: задачи те были явно не из школьной программы. Зато школьные щелкали, как семечки.

География. С пятого класса преподавал её нам сам директор школы Фёдор Филиппович Юрченко - строгий, опрятный, с орденом Красной звезды на лацкане пиджака. Получить у него пятерку было практически невозможно: "Садись, четыре". "Ребята" - это слово в разных оттенках и значениях произносил за урок он раз тридцать-сорок. Как-то из озорства весь урок мы даже не столько слушали его, сколько считали эти повторы. Софья Михайловна Дядькова сменила Юрченко уже в старших классах. Добрейший и интеллигентнейший человек. Голоса не повысит ни на кого. И стыдно было прийти к ней на занятия, не выучив урок.

Мирдза Карловна Грашина! **Немецкий язык**. Ну, кто же не вспомнит её добрым словом?! И проработала она в нашей школе, пожалуй, лет двадцать. О ней я мог бы писать и писать, и даже не очерк - роман: чего стоит одна судьба. Впрочем, у кого из учителей старшего поколения судьбы были лёгкими и

прямолинейными? По большому счёту, большинство из них сами или их родители были из репрессированных. Мирдза - так мы называли её за глаза - оставив нас после уроков, шла в школьный буфет, за пирожками с повидлом - для нас же, оболтусов. "Немецкий я не люблю, но не уважать Мирдзу?" - философски и риторически изрекал мой старший приятель Володя Кий-Собакин. И ведь учили все эти инфинитивы, перфекты и плюсквамперфекты, и ведь сдавали! И не только в школе. Мне, неудачнику, трижды пришлось сдавать немецкий при поступлении в вузы. И трижды получал "отлично". Школьных знаний по инязу позднее мне хватило на два курса института. И кандидатский экзамен-минимум сдал, шутя. Мирдза, это её ограда была всегда заставлена нашими великами и лыжами, это калитка её двора и двери квартиры никогда не запирались от учеников...

Математика - особый предмет. Везло нам и на неё. С пятого по восьмой классы преподавала Людмила Александровна Боярина (в девичестве Демешкина) - сама выпускница нашей школы. Да какая - медалистка! Строгая, тактичная, талантливая, справедливая. И этот предмет давался мне, явному гуманитарию, легко. А вот переключиться на методику Андрея Алексеевича Зайцева мне поначалу никак не удавалось. Да настолько, что уже в первой четверти девятого класса норовила заглянуть в мой дневник невиданная доселе "двойка". А ведь и он - педагог с самой большой буквы! Хоть и выделялась в моём аттестате единственная "тройка" по алгебре, но геометрию-то сдал на "отлично"! И у него же...

Рисование и черчение - Иван Тихонович Савушкин. Гора, громада. И молчаливый, как гора. Зато как рисовал, как чертил мелом на доске - шедевры появлялись на наших глазах! Стирать их с доски рука не подымалась. И карандаши - всегда заточенные идеально у себя, и от учеников того же требовал. Не переносил карандаши-огрызки.

Иван Петрович Неретин - **пение и музыкальный факультатив**. А ещё - ни один концерт не обходился без него, ни один смотр художественной самодеятельности. И в Парабель летали с ним на смотр на самолёте. Призы и грамоты привозили и оттуда. Болезненный с виду, музыкант по натуре. А ведь

грамоту музыкальную осваивал уже после инженерно-строительного факультета строительного института. На обычном баяне - и «Сороковая» симфония ("соль-минор") Моцарта; баян - и токкаты с фугами Иоганна Себастьяна Баха! Не говорю уже про «Полонез» Огинского или «Танец маленьких лебедей» Чайковского. В старших классах, когда уже не было уроков пения, пытался он на факультативах научить нас слушать и понимать музыку. Сужу по себе: ещё не видя и не слыша живьём, только на слух по пластинкам, учились мы отличать кларнет от гобоя, трубу от тромбона или саксофона, скрипку от альта...

Труды и производственное обучение. Василий Андреевич Ядрин - с пятого по восьмой класс: ножовки, рубанки, фуганки, пилы, стамески, свёрла, клеи, стружка... бруски, ящики, табуретки, скворечники. А нередко, с ним же - и заготовка дров для школы на лесных делянах. Поистине, золотые руки были у Василия Андреевича! Ну, и нам, пытался привить любовь и уважение к дереву, как материалу, из которого можно изготовить очень многое.

Коля Попов, Николай Яковлевич. Вчерашний пудинский выпускник - и на тебе - преподаватель тракторов и сельхозмашин. Поистине - школьная легенда! Но начиналась она с нас, ещё до летних трудовых лагерей. Со специализированного класса, плакатов деталей, частей и узлов механизмов. С единственного трактора ДТ-54, колёсника МТЗ-50 и полуразрушенного комбайна СК-3. Это потом уже - и опыт, и признание. А тогда - он ещё и студент-заочник Томского пединститута, к тому же... филологического факультета.

Любовь Петровна Петроченко. Как же представить Пудинскую школу, да без неё? Как предметник - **ботаник и биолог**. Но ведь ещё и **директор школы**! К тому же, и дочь её Татьяна - наша однокашница. И муж - начальник аэропорта... От пестиков и тычинок - до коацерватов и вакуолей, до ДНК и РНК - и это всё из её уст. И, не дай Боже, из тех же уст - да хула за хулиганство или неуспеваемость!

И как тут забудешь нашего классного руководителя (в 9-м и 10-м) Геннадия Серафимовича Маркатуна?! К тому же, преподавателя **физкультуры**. А в седьмом, ещё будучи

студентом, на педагогической практике, он вёл у нас уроки зоологии. Высокий, стройный, симпатичный, спортивно сложенный. И в голове, надо сказать, не как у многих физкультурников, - не только один спорт. Это с ним мы ходили в походы с ночевой, это при нём почти все ребята получили, сдав нормативы, значки ГЗР (Готов к защите Родины), третьи разряды по лыжам, баскетболу, это при нём мы, ученики 10-го «Б» класса, впервые в истории нашего негласного соперничества выиграли КВН у 10-го «А»!

Назову и ещё тех, кого вспомнил, но кто не вёл у нас занятия: Антонина Ивановна Мартынова, Сапранков Никита Тихонович, супруги Сухоруковы, Виктор Акимович и Инна Васильевна Боярины. И этих, пришедших чуть позднее, с которыми я сдружился уже после окончания школы, уж извините, без отчеств: Рута Грашина и Николай Симаганов, Татьяна Дейнека и Валерий Куликов, Иван Голощапов, Нина Абакумова...

Четырежды я побывал на школьных юбилеях. Выступал-отчитывался, читал стихи, сочинённые по поводу школьных юбилеев. Не удержусь, помещу их тут.

ПУДИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ (*на 70-летие*)

Из Томска, Омска, Кемерова, Чуди ли,
Тувы, Московии, Урала иль Чечни -
Как в Рим, ведут дороги нынче в **Пудино,**
И в **ШКОЛЕ** завершаются они.
Взлетевших, оступившихся, потерянных,
Как мать, своих повыросших детей
Нас собрала - размётанно-развеянных -
На свой, **семидесятый ЮБИЛЕЙ !**
Мы помним, будем помнить, не забудем мы,
(И от того на сердце уж теплей):
И **ШКОЛУ**, что нашла прописку в Пудино,
И наших дорогих **УЧИТЕЛЕЙ!**
Тебе не пожинать, а сеять знания -
Летит к другим **твой** дивный бумеранг.
Ведь это **нам** - и должности, и звания,
А у **тебя** - один и тот же ранг.
Ведь это **мы** взрослеем, любим, женимся,
Ведь это **мы - твой** многоногий след,

Ведь это **нам** - по двадцать, сорок, семьдесят...
Это **тебе** - всегда **семнадцать** лет!
И до тех пор сюда стремиться будем **мы**,
Хоть на неделю, хоть на пару дней -
Покуда **ШКОЛЕ** оставаться в **ПУДИНО,**
Покуда **мы** кочуем по стране!

ПУДИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ***(на 75–летие)***

Кто-то ходит сюда и поныне,
Кто - в холодно-голодных тридцатых,
Ну, а нам - дороги дни иные
Нашей школы - шестидесятых!
Годы “оттепели” и метелей -
Не убавить вас, не прибавить.
Как же быстро вы пролетели,
Не догнать вас и не ославить.
В их бы честь - сочинить поэму,
Да о них написать романы,
Юбилейные оды на тему:
Нашей школы - как общей мамы!
Поимённо нам вспомнить надо бы
Тех, кому мы так все обязаны,
И как встретиться были рады мы
С теми - кто нас учил уму-разуму!
Вальсы школьные нас кружили,
Твисты с шейками расступались.
Ах, как преданно мы дружили,
Как застенчиво там влюблялись!
Где ж теперь вы друзья-подруги,
С кем у школьных ворот расстались?
Запуржили в житейской вьюге
И безадресно затерялись.
Как хотелось казаться умными
От постигнутых истин распятых!
Ах, какими ж мы были юными
В нашей школе - шестидесятых!

Кемерово - Пудино, март 2005 г.

Из ученичества – в учительство

Антон Палыч Чехов как-то заметил,
Что умный любит учиться, а дурак – учить...
(Булат Окуджава)

О том, кем мне стать после окончания школы, долго выбирать не приходилось: историком, и только им. Из школьных предметов она мне нравилась более остальных. Уже тогда мне было ясно, что я (ну, не дурак ли?) – чистый гуманитарий-учитель, которого не прельщают ни медицина, ни сельское хозяйство, ни техника, ни точные науки.

В июле 1968 года мы втроём (бывшие красноярцы) – я, Гена Ластовко и Тамара Томилова отправились покорять Новосибирск. Я выбрал этот город ещё и потому, что там жил мамин брат дядя Саша и при пединституте был исторический факультет. У Тамары тоже в нём проживали какие-то дальние родственники, а для Гены это было решением в связи избранным вузом. Итак, я подался в пединститут, Тамара – в педучилище, а Гена – в институт инженеров водного транспорта. Из нас троих только Тамаре удалось взять установленную планку. Гена срезался на каком-то предмете, я недобрал одного балла.

Как ни печально, приходилось возвращаться домой. Утешало одно, не прошёл по конкурсу в Томский университет и мой дружок, лучший ученик класса Санника Кий. Зато он научился там играть на семиструнной гитаре. Был ходячей легендой в Томске среди абитуры в общаге на Никитке, «в пятихатке»: «А, это тот, который за неделю научился играть на гитаре?!». Надо отметить, что в тот год нам не повезло: аукнулась волна сдвоенного выпуска 1966 года - из армии возвращались ребята, зачислявшиеся в вузы вне конкурсов. Так было и на следующий год. Из 19 выпускников нашего 10«Б»-класса с первого захода поступили в институты только четверо: Толик Устюгов и Вася Кардаполов (в ТПИ, Вася проучился там только один семестр), Вера Ковецкая (ТИСИ) и Маша Лушова – ТГУ. Из параллельного класса с первого раза поступили в институты Саша Синицын и Коля Шаров (Омский сельхоз – по целевому направлению от нашего совхоза), Толя Филёв

(Томский мед), Володя Захаров (не помню куда), Коля Кондратьев – в школу милиции. Из девчонок попали в институты Галя Фтёмова (ин-т культуры в Улан-Удэ), Люба Абакумова (кажется, ТГУ), кто-то ещё...

Вернувшись домой, с настроением поступать во второй раз на следующий год, я подался разнорабочим совхоза в наше Калининское отделение. Никакой трудовой книжки мне не оформляли. Немного поработал на свободном колёсном тракторе, поскольку наряду с аттестатом зрелости нам выдали ещё и удостоверение тракториста-машиниста третьего класса широкого профиля.

Где-то в начале октября 1968 года на месяц уезжала на курсы повышения квалификации одна из учительниц нашей Калининской школы – мать Саньки Кия Екатерина Сергеевна. Мне предложили попробовать себя в качестве учителя. И я, не долго думая, опрометчиво согласился. Достался мне сдвоенный класс – первый и третий. Что касается третьего класса, то тут было полегче. А вот первоклашки... Их нужно было учить всему, с нуля. Было интересно, но я не владел какой бы то ни было методикой преподавания, тем более, в сдвоенных классах. Мало того, их нужно было научить правильно и красиво писать буквы, а у меня с почерком был полнейший швах. Дело в том, что почерк у меня был и в самом деле прескверный. Его пыталась выправить ещё Таисия Ильинична, заставляя меня писать уже в четвёртом классе в тетрадках для первоклашек, с крупными косыми линейками. Не получилось. Не зря, видать, в народе говорят, что «горбатого только могила исправит». Это и про мой почерк. И, тем не менее, теперь я старался. Как мог, писал образцы букв на доске мелом и в тетрадках первоклашек – красными чернилами. С азами методики помогала справляться вторая учительница Василенко Мария Афанасьевна, которую я помнил ещё по пудинскому пионерскому лагерю, там она у нас была не то пионервожатой, не то воспитателем. Так меня впервые стали называть официально по имени и отчеству.

Моя первая педпрактика закончилась так же быстро, как и началась. Вернулась Екатерина Сергеевна, и я снова подался работать в совхоз. На сей раз меня определили скотником на ферму. Вот поиздевались мои бывшие ученички, особенно

хулиганистые третьеклашки, которым я ставил двойки, называя меня уже не по имени-отчеству, а не иначе, как Витькой-говновозом. Одна отрада была для меня в то время: я начал осваивать игру на семиструнной гитаре, которую передавал мой первый учитель дружок Санька Кий. Осваивал аккорды. Бил «восьмёрку», учился играть щипком... И, естественно, при этом ещё и петь песенки из того репертуара, которым владел Санька.

Сразу после ноябрьских праздников в ту зиму залютовали морозы. Нередко они зашкаливали за сорок градусов. Навоз из скотного двора я вывозил рано утром исключительно на свой огород, удобряя его. При этом всякий раз спешно выбегала из дома баба Настасья, помочь мне перевернуть металлическое корыто, приговаривая: «Ничё силушки не стало». А мне было и невдомёк, что она уже неизлечимо больна – привязался рак... Хуже всего было на таком морозе ездить на поле, километра за полтора, и возить оттуда солому на подкормку коровам. Ездил на лошадке, запряженной в сани-колымагу. На эту колымагу нужно было надёргать вилами соломы из заснеженной скирды, уложить в воз, увязать верёвкой и довезти до места. Солома – не силос и не сено - скользит, плывёт с поклажи. Бывало, с горем пополам натереблю на воз, уложу её на повозку, затяну верёвкой, довезу до входных ворот в коровник, а в воротах, зацепившись боками, уже весь воз соломы и останется. Приходилось тогда таскать всю эту солому вилами на место.

Морозы всё крепчали. Где-то в самом начале декабря меня срочно вызвали в контору, к телефону. Звонок был изо Львовки. Звонил наш бывший директор школы Фёдор Филиппович Юрченко. Выяснилось, что во Львовке уходит в декретный отпуск учительница второго и четвёртого классов Мусохранова. «Ты, вроде, поступал в пединститут, собираешься стать учителем? - вопрошал Фёдор Филиппович, - давай, к нам. Жильё тебе будет. И практика тоже, льготы заработаешь при поступлении...». Что касается льгот, то тут и впрямь, некоторые педвузы при зачислении отдавали предпочтение сельским учителям, уже имеющим педагогический стаж.

Взвесив все «за» и «против», я согласился. Изрядный перевес в сторону «за» потянули морозы. Всё-таки тёплый класс

был несравненно предпочтительнее, нежели работа скотником на холоде и в коровьем дерьме.

12 декабря 1968 года, через 20 минут после посадки в самолёт аэропорта Пудино, я был уже во Львовке. Меня встретил на аэропорту директор школы и отвёл на квартиру. Недалеко от Львовского аэропорта шла улица из новых брусовых домов. В одном из трёхквартирников находилась однокомнатная квартира для приезжих учителей. Там уже третий учебный год обитал приезжий из Колпашева молодой учитель физики и математики Владимир Иванович Иванов, к которому подселяли новичков.

Должен заметить, что Львовская восьмилетняя школа образца шестидесятых годов была своеобразным испытательным полигоном для будущих учителей и тех, кому из пудинских выпускников не удалось поступить в институты. За год до меня таковым был Володя Гурзо. Когда один из моих недавних магистров математики Андрей Алексеевич Зайцев узнал о том, что меня пригласили учителем начальных классов во Львовскую школу, уничижительно-скептически проронил в присутствии учительского состава Пудинской школы о моей педагогической перспективе: «Ну, этот научит...» Нашлись доброхоты, передали эту фразу и оценку меня, как будущего педагога. Было обидно, но этого я не забыл и, став доцентом высшей школы и заместителем декана факультета, письмом в свою школу припомнил Андрею Алексеевичу эту оценку меня, как учителя...

Абориген квартиры-общаги Иванов встретил меня с прохладцей. Был он четырьмя годами старше меня, окончил краткосрочные курсы при Колпашевском педучилище и здесь обосновался временно, чтобы накопить деньги, как он откровенничал, на «Волгу» и подготовиться к поступлению в институт. Был он худощав, горбонос, хромоног и желчно-злоблив. На его уроках царила идеальная дисциплина, ученики его боялись, в отличие от меня или ещё одного молодого учителя Владимира Федосеевича Шадрина (однофамильца, а, может быть, и даже дальнего родственника по маме).

Иванов считал себя в этой квартире полным хозяином, а меня – иждивенцем-примаком, поскольку приехал я с одним

чемоданчиком, в котором лежали пара сменных рубашек, носки и нижнее бельё. У него же тут имелась какая-никакая утварь, кухонная посуда, крутился катушечный магнитофон «Астра», и временами бренчала старенькая расхристанная гитарёшка.

На следующий день я уже сидел стажёром за одной из задних школьных парт, а учительница, которую я должен был заменить, вела свои последние уроки... Достался мне здесь самый большой сдвоенный класс, аж 25 разновозрастных учеников. Некоторые из переростков-второгодников четвёртого класса были всего на три-четыре года моложе меня.

В освоении и вхождении в роль сельского учителя сыграл уже, хотя и небольшой, но опыт по Калининской школе. Набирался я опыта и здесь, овладевал методикой. Учитель начальных классов – универсал. Тут надо научить не только русскому языку и математике, но и другим предметам: чтению и литературе, истории, природоведению, труду, физкультуре, пению, рисованию. Работал с увлечением и самоотдачей. Хуже всего, после письма (всё из-за того же скверного почерка) у меня было с рисованием, художник из меня был аховый, некоторые четвероклассники рисовали гораздо лучше меня. Но проблемней всего было с дисциплиной на уроках. Из меня просто «вили верёвки», а порой на уроках едва ли не стояли на ушах... Это выводило меня из себя, а те, видя мою слабину, вытворяли ещё сильнее... Сны на эту тему ещё долго потом терзали меня, я просыпался в холодном поту, но с облегчением, что всё-таки это только сон, а не явь... Вот уж, поистине, права пословица: «Умный любит учиться, а дурак учить», хотя дураком никогда не слыл, но «колпак» учителя надевал на себя всё же добровольно.

В январе-феврале морозы завернули ещё сильнее. Порой, доходили до минус пятидесяти трёх градусов. Мы с Ивановым после занятий к вечеру раскаляли печь своей квартиры докрасна, так, что однажды даже подгорело моё стёганое одеяло (моя кровать стояла около печной стенки). Готовили на печи немудрящий ужин, поджаривая котлеты, что в мороженом виде присылала мне мама, или варили супчик из концентратов Иванова. Нередко брали в магазине бутылку водки (а в субботу, после бани – непременно). Возвращаясь из школы после обеда,

мы обнаруживали в ведре с питьевой водой корку льда. Занятия в школе не отменяли. Из-за морозов и отдалённости (некоторые из учеников жили километра за полтора от школы) на занятия являлись всего по пять-семь человек. И всякий раз разные. «Что делать?» - обращался я каждое утро к директору. «Повторяй, - реагировал всегда одинаково тот, - пусть хоть за пару уроков отогреются в классе». Вот и приходилось почти месяц топтаться на месте, повторяя один и тот же материал, а потом срочно навёрстывать упущенное время, галопируя по темам.

Из коллег-учителей того времени запомнились Калерия Мироновна Строкова, Татьяна Георгиевна Пасаженникова, Захарова, учительницы начальных классов Пасаженникова (забыл имя-отчество) и та, которую сменил я – Мусохранова... При школе находился в соседнем доме интернат, где жили с десяток школьников из соседнего села Шерстобитова, откуда и была переведена не так давно восьмилетка, но где ещё оставался сельсовет, куда входила и Львовка. Случалось, мы, учителя-холостяки, и столовались там, из одного котла с интернатовскими школьниками.

Во Львовке мы с Ивановым скооперировались с третьим молодым учителем - Владимиром Федосеевичем Шадриным, местным неженатым парнем, находящимся в академотпуске физмата Томского пединститута за задолженности. И потихоньку спивались, поскольку заняться там в свободное время, кроме вечерних кинофильмов в клубе, было нечем. Забегая вперёд, отмечу, что нам с Ивановым всё же удалось вырваться оттуда, поступив на следующий год в институты (он – в ТИСИ, я – в институт культуры), а вот Федосеевич и в самом деле спился. Его уволили из школы, пединститут он так и не закончил. Работал на местной электростанции. По пьяному делу обморозился, ему в Пудино, в больнице, ампутировали частично руки и ноги, а вскоре он и вообще покинул этот мир...

Здесь я проработал, получая зарплату в 63 рубля, (опять-таки даже без оформления трудовой книжки и записи в ней) до конца учебного года, а по сути - до 1 июля (и даже две недели с отстающими), прилетев домой на два дня на похороны бабы Анастасии, которая умерла 6 июня 1969 года.

О своей педагогической практике во Львовской восьмилетке я попытался поведать в художественной форме в 8-10-х главах повести «Подорожная рапсодия», разумеется, поменяв фамилии, преподаваемые предметы и кое-что ещё...

Студенчество

Спешит по жизни весело,
Звучит в стихах и песенно,
Лишь молодости требуя взамен,-
Отличная профессия,
Почётная профессия,
Одна на всех профессия –
Студент!
...Там в Alma-mater мы учились
Одновременно, спору нет.
Как на иконы, все молились
На Стасов лик, на Циркин свет...
(Виктор Арнаутов)

Моя краткосрочная практика необученного сельского учителя, хотя несколько и поколебала веру в правильность избранной профессии, однако не оставила надежду на освоение её в теоретическом плане. Имею в виду, обучение в вузе на историка.

Не теряя времени даром и восполняя некоторые пробелы своих школьных знаний, я готовился ко второй попытке попасть в институт. Рассчитавшись во Львовской школе и не получив даже трудовую книжку, поскольку за нею надо было лететь на самолёте аж в Парабель, в РайОНО, подался я в середине июля 1969 года снова в абитуриенты, но на сей раз уже не в Новосибирский пединститут, а в Томский университет на историко-филологический факультет.

Увы, и вторая попытка оказалась не лучше первой. Мне опять не хватило баллов для зачисления в студенты. Настроение моё было подавленным, и я уже мысленно собирался осенью в армию. Но тут какие-то ребята, неудачники вроде меня, показали мне газетную вырезку из кемеровского «Кузбасса» об открытии в Кемерове нового института и объявлении набора в

него студентов. И сдача экзаменов туда – только после 20 августа, тех же самых, что и в университет. Судьба подарила мне в этом году ещё один, последний шанс!

Это был открывшийся в июле 1969 года первый во всей Западной Сибири институт культуры. Поскольку там объявлялся набор всего по четырём специальностям, три из которых творческие и требовавшие сдачи экзамена по специальности (музыке, хореографии или режиссуре), мне ничего не оставалось, как сделать свой выбор в пользу библиотечного факультета. На оставшиеся деньги за пять рублей я взял билет на самолёт до Кемерова, и уже 20 августа сдавал первый экзамен – сочинение, за которое мне поставили три балла. Это было почти очередным провалом. Однако, три остальных экзамена (русский язык и литературу устно, историю и немецкий язык) я сдал на «отлично». Меня к огромной моей радости (а также радости и гордости моих родных) зачисли в число студентов дневного отделения библиотечного факультета. Из 90 принятых на этот факультет студентов-очников всего восемь человек были мужского пола, из которых только шестеро явились на первые занятия... Учились мы в девчачьей «малине».

Учился с увлечением и со всей ответственностью, хотя и понимал, что профессия библиотекаря – весьма далека от учителя. Зато тут преподавали по большой части именно те предметы, которые мне особенно нравились. Одних только различных общих и специальных предметов истории было не менее десятка!

О том, как я, у кого и с кем учился, где жил и чем занимался в свободное от учёбы время, я написал в своих обширных мемуарах «Профессия – студент!» Из педагогов, оставивших особый след в нашей студенческой жизни, значительное место занимали: ректор Шуранов Николай Павлович, проректор Изюмский Юрий Васильевич, Сбитнев Стас Андреевич – наш шеф-универсал, декан Циркин Алексей Васильевич, сменивший его декан, у которого я позднее был четыре года замом, - Шиков Рудольф Сергеевич, наша кураторша, преподаватель немецкого языка Антонова Эрна Давыдовна и многие другие. Огромное им спасибо всем!

Замечу одно, что студенческие годы – самые запоминающиеся, самые счастливые, самые-самые... Да что там говорить, молодость – одно слово!

Пополнили ряды студентов в тот год и многие мои школьные друзья и однокашники. Так, в ТИСИ поступил Валера Лавров, в ТПИ – Коля Ковшаров, в Лесохозяйственный институт города Йошкар-Ола – Санька Кий, в Томский пединститут – Валя Галкина и Тамара Беспятова...

Свои первые летние каникулы провёл у себя дома, добираясь из Кемерова до Пудино аж восемь дней. Об этом я поведал в повести «Подорожная рапсодия».

А после второго курса (лето 1971 года) меня сагитировал мой дружок из политеха Коля Ковшаров в строительный отряд. ССО, так коротко именовались стройотряды, в то время были весьма популярны среди студенчества. Там не только проверяли себя на трудовые мозоли, но и за полтора месяца зарабатывали неплохие деньги, если конечно повезёт с командиром и принимающей организацией. В самом первом ССО томских политехников-электрофизиков под названием «Таёжный десант», где Коля был бригадиром, а я у него в бригаде простым бойцом, мы были аж на севере Томской области, за Стрежевым, в ЦТП, не доехав по Оби тридцать километров до Нижневартовска. ЦТП (Центральный товарный парк) – это нулевой километр в рямном месте нефтепровода «Александровское – Анжеро-Судженск». Вот где было гнуса и комарья! Столько мне не доводилось видеть даже на своей малой родине. Зато черники было так много, что в пятидесяти метрах он нашей столовки, можно было лёжа на сухом мху, горстями срывать её и кидать в рот, до набивки оскомины.

Вернувшись в самом конце августа в институт, нас тут же отправили на полтора месяца на сельхозработы в деревню Красные Орлы (станция Берикульская), недалеко от Мариинска. Там, договорившись с местным руководством, я собрал полтора десятка наших ребят и сколотил строительный спецотряд «Арчекас», где уже сам был за командира.

На следующий год (1972), опять же летом всё тот же Коля Ковшаров уговорил поехать меня с ними снова, но уже в Кожевниково Томской области, где он был командиром отряда

«Меридиан», а я через некоторое время стал там комиссаром отряда. К тому времени я уже был женат, мы ожидали появление нашего первенца и деньги были не лишними. Кстати, тогда я привёз из отряда более четырёх сотен рублей – деньги по тем времена немалые, если сравнить с тем, что стипендию мы получали всего по 28-35 рублей. О том стройотряде у меня есть рассказ «Ну, ты - Витя!»

Стройотряды, чтобы покончить с этой темой, затягивали, словно какого маньяка, в свою зависимость. После этого я съездил ещё три раза! В 1974 году я, уже окончивший институт и проработавший в нём год лаборантом, ездил со студентами аж на остров Шикотан Малой Курильской гряды, на сайровую путину. И появилось позднее путинно-путевое эссе «Шикотан».

После службы в ВМФ и проработав в институте ещё год преподавателем, летом 1976 года меня в буквальном смысле назначили командиром студенческого стройотряда «Искремас» - уже нашего института. Работали на строительстве ЗКПД в посёлке Яшкино Кемеровской области. И под завязку, последний ССО «Октябрь» в 1982 году, в Чумае. Месяц назад у нас родилась вторая дочь – Настя, деньги были нужны. Там собралось на летний «калым» под маркой ССО аж 18 преподавателей нашего вуза! Среди них были уже два кандидата наук, а двое – заведовали кафедрами. Отдельные эпизоды того времени легли в сюжеты повести «Этюды на предлагаемые обстоятельства».

Таким образом, начавшись во студенчестве, моя сэсэошная биография продолжилась ещё более, чем на десять лет. Пять лет в ССО, по полтора месяца, работая без выходных по десять-двенадцать, а то и более часов в день, никто и нигде не учитывал ни в какой трудовой стаж. А ведь только из этих отрядов у меня набирается около года строительного трудового стажа! Не скажу, что стал классным строителем, но приходилось и бетонными работами заниматься, и штукатурке обучился, и брусовые дома собирали, и баньку рубили из кругляша, и кирпичную кладку освоил, и в чертежах разбирался, и в ЕНиРах со СНиПами – тоже кое-что кумекал...

В самом конце третьего курса (13 мая 1972 года) я стал женатым человеком, обручившись со своей однокурсницей

Великосельской Людмилой Михайловной. (С ней мы прожили уже 46 лет). А в середине четвёртого курса, 12 января 1973 года, у нас родилась первая дочь, которую, перебрав весь алфавит женских имён от А до Я, решили назвать старорусским красивым именем Ярослава.

Студенческие годы неразрывно связаны со студенческой общагой, её обитателями и студенческими друзьями. Вне всякого сомнения, на всю жизнь мы подружились по-настоящему с будущими «библиотекарями»: Юрой Ли, Володей Грачёвым, Витей Эрлихом, Володей Есениным. Ныне Грачёв Владимир Иннокентьевич и Эрлих Виктор Альбертович – доктора наук, профессора, Юра Ли был кандидатом наук, доцентом, а мы с Володей Есениным умудрились попасть в сочинители, став членами Союза писателей России!

Помимо названных друзей, студенческие годы надолго сдружили нас с ребятами других специальностей: Володей Ерёменко (кстати, тоже членом Союза писателей России, поэтом), Анатолием Гусевым, Владимиром Максимовым, Владимиром Печенем, Николаем Смольским, Толиком Кудряшовым. Многие дамы тоже остаются с нами на связи. Это – Галина Гордукалова (Емельянова, доктор наук), Татьяна Мельнкова (Ерёмина, кандидат наук), Валя Якушева (заслуженная артистка России), Светлана Карпушина, Эльвира Новаковская, Лариса Кемерова, Лариса Двойнос, Люда Пилипчук (Синичкина, директор филармонии), Галина Галкина (Швец), Распопина Татьяна, Любовь Жукова, Зинаида Грохольская (Григорьева) и многие другие... До сих пор мы собираемся вместе, отмечая юбилеи первого набора, выпуска, института (ныне университета культуры и искусств); вспоминаем годы молодые, своих педагогов, сокурсников...

И почти ежегодно уже теряем и недосчитываемся тех, с кем учились когда-то вместе. Назову лишь некоторых из них: Ольга Мышляева, Юрий Ли и Нина Шарапова, Любовь Ордовская (Антонюк), Лариса Лепихова, Анатолий Гусев, Николай Смольский, Валерий Левченко, Виктор Мухин, Владимир Юстус, Юрий Борисенко, Людмила Кузнецова, Анатолий Кудряшов, Галина Гордукалова (Емельянова), Володя Ерёменко, Наталья Михеева...

Ушли в мир иной и многие наши педагоги: Шуранов Н.П. Жаворонков Т.Н, Циркин А.В., Изюмский Ю.В., Рыленков А.Н., Шиков Р.С., Сбитнев С.А., Бабышин Н.И., Ляхова В.В., Тимошенко И.С., Пудалова Л.А., Потявин В.М., Стрик В.В...

Вечная память нашим студенческим друзьям и педагогам...

Во флотском бушлате, но в армейских сапогах

Как замёрзнет лёд на речке,
Так приказ подпишет Гречко!
(Из армейского фольклора)

Почти все здоровые и нормальные ребята моего возраста и поколения считали, что служба в армии – это действительно почётная обязанность всякого гражданина нашей незыблемой Родины – Страны Советов. А поэтому, отлынивать и искать лазейки, чтобы увернуться от службы в армии, было зазорным. И хотя в шутку говаривали: «Лучше б в армии служили мы заочно», не попадали туда разве что комиссованные больные и те, кто оканчивал институты с военными кафедрами.

В нашем институте военной кафедры не было. Поэтому все выпускники вуза мужского пола, годные по здоровью и не служившие до института, оказывались вскоре в рядах СА или ВМФ. Не был исключением и я.

К тому времени те, кто оканчивал вуз без военной кафедры, призывались на службу всего на один год, рядовыми. Меня призывали трижды. Но, получив повестку и уволившись с работы, пройдя все медицинские комиссии, меня сначала оставляли в резерве, а потом и вовсе – до следующего призыва. Таким образом мне дважды пришлось увольняться и вновь возвращаться к своим студентам, но уже со сбритой наголо, как у зэков, головой. Тогда ходить с причёской «под Котовского», было не в моде и считалось явным признаком побывавшего за колючим забором.

В третий раз, получив повестку, я не спешил расставаться со своими волосами и увольняться с работы, устраивая «пышные проводы». В последний раз вышел на занятия 29 октября 1974 года, а 2 ноября меня уже увезли из Кемерова электричкой в Анжерку, не дав даже попрощаться на вокзале с

женой. Три дня, с такими же призывниками, я прокантовался на полу в старом деревянном анжерском клубе, что находился рядом с железнодорожным вокзалом. Приезжавшие туда «покупатели» ни в какую не хотели брать меня к себе – из-за краткосрочности службы и моей гражданской специальности. Возвращаться же снова домой и на работу никак не хотелось, уж поскорее бы отслужить своё... Однако мне всё-таки удалось уговорить одного флотского старшину-срочника, и тот взял меня в свою команду.

Пять дней наш эшелон, набитый по 90 человек в каждом вагоне, катил на Дальний Восток. Я ехал тем же маршрутом, что и в начале июля (на Шикотан). А во Владивостоке, на станции Первая Речка, нас выгрузили и отправили всех в так называемый Экипаж. Экипаж – это место, куда привозили со всех уголков Советского Союза призывников для прохождения окончательной медицинской комиссии и распределения по частям Тихоокеанского ВМФ и военным кораблям.

Пять дней я парился на двухъярусных двухсторонних нарах в огромной душной щитовой казарме, вмещавшей в себя до двух тысяч человек. Наконец, во время ночных комплектаций на принизывающем ветром плаце Экипажа, выкрикнули и мою фамилию, назвав номер команды. А 13 ноября 1974 года рано утром меня вместе с тремя десятками таких же призывников, вывели из ворот Экипажа, строем доставили до вокзала, и электричкой через полтора часа я оказался на станции Раздольное, расположенной на железнодорожной ветке между Владивостоком и Уссурийском.

Нас привели в воинскую часть под номером 40159. Так я стал потенциальным морским пехотинцем, попав в 186-й Отдельный морской инженерный батальон Морской Инженерной службы Краснознамённого Тихоокеанского Флота.

Таким образом, у нас была самостоятельная часть, со своим знаменем, командиром и штабом, подчинявшаяся морской инженернбой службе тыла флота. Находилась она между сопками и основной (едва ли не единственной) улицей длиной в 13 километров приморского села и станции Раздольное. Добротные кирпичные двухэтажные казармы были

построены ещё после Гражданской, когда тут верховодил сам С.М. Будённый.

Пройдя курс молодого матроса, 20 декабря мы приняли присягу и нас, призывников, распределили по ротам. В нашей части было четыре роты: Инженерная (ИР), Инженерно-базовая (ИБР), Инженерно-десантная (ИДР) и Рота подвижных средств базирования (РПСБ). Я попал в Инженерно-десантную роту, в сапёрный взвод.

В нашей роте было порядка ста человек рядового и сержантского состава и около десятка офицеров и мичманов.

Командовал нашей частью подполковник Шамрин. Начальником штаба был майор Журавлёв, зам. командира части по тылу – майор Князев, замполит части – старший лейтенант Торопов, парторг – старший лейтенант Макаров, зампотех – капитан Разманов, начальник медсанчасти – капитан Матвеев.

Командовал нашей ротой весьма деликатный, достаточно справедливый человек и грамотный офицер, старший лейтенант Котельников. Был он немногим старше меня, лет двадцати пяти, не более. Замполитом же роты у нас являлся довольно оригинальный человек – лейтенант Матюхин Валерий Павлович – умный, но невероятно поганый и пакостливый по своей натуре. Любил, когда его называли не по званию, а по имени-отчеству. Зато его не любили ни офицеры, ни матросы с сержантами. В нашей роте он сумел наладить фискальную службу из своих же подчинённых-срочников «стукачей» и знал обо всех и вся: кто и где проштрафился и чем занимался недозволенным. Как ни странно, не смотря на такое «рвение» по службе, Матюхина постоянно прокатывали на очередное звание. А то и снимали звёздочку.

В нашей роте было четыре взвода: два сапёрных, один водолазный и автовзвод. Водолазным взводом командовал старший лейтенант Карп – тучный здоровяк, пришедший к нам в часть из флота. Нашим, сапёрным взводом командовал лейтенант Михейлис – недавний выпускник военного училища. Надо сказать, далеко не глупый и начитанный человек, но флегматичного темперамента.

Со всего призыва, человек девяносто-сто, в нашей части оказалось восемь ребят с высшим образованием – годичников,

большинство из которых попало в РПСБ. Я же был в единственном числе в своей роте из годичников. Поэтому, мне сразу сказали ротные «дедки»: за этот год тебе придётся отпахать как за два, с двоекратной нагрузкой. Гальюн – после отбоя – твой, и не дожидайся вызова нарядчиков вне очереди.

Определили меня сначала матросом-стрелком. Потом, вскоре перевели в механики-водители БМП. А потом – в расчёт «узэпистов». Командовал расчётом сержант Сиренко, а с мая, когда мне присвоили старшего матроса – я был у него заместителем отделения и расчёта. С тех пор я уже не ходил в наряды вне очереди, и гальюн ротный перешёл другому салаге.

Что такое наш отдельный инженерный батальон? Это - батальон, обеспечивающий высадку морского десанта с десантных катеров и БДК (Большой десантный корабль). То есть, теоретически мы шли впереди основного десанта! И на каждом из наших флотов было всего по одному такому батальону, который на случай военных действий, в течение четырёх часов за счёт резервистов и запасников разворачивался в полк. Этому, разворачиванию в полк, нас тренировали ежемесячно по тревоге «Огонёк», а дважды за время моей годичной службы мы принимали «партизан» (запасников) в реальных условиях. Время было тревожное, совсем рядом находилась китайская граница, на которой пять лет назад, на Даманском, дело едва не дошло до большой войны.

В задачи нашего расчёта «узэпистов» входило обеспечение прохода (коридора) от десантного корабля до самого берега. Иначе, уничтожение всех минных и механических заграждений в стометровой зоне от берега моря. В этих целях у нас имелся секретный снаряд (УЗП-69 – удлинённый заряд плавающий, образца 1969 года), представляющий собой 26 сборных двухметровых двухсоткилограммовых секций, начинённых взрывчатым веществом, соединяющихся последовательно, друг за другом, со шнуром-детонатором. Этот снаряд собирался на плаву, на десантном катере и с помощью радиоуправляемого катерка-буксира направлялся к берегу. Дойдя до берега, снаряд взрывался и, таким образом, получался разминированный проход-коридор, шириной метров до пятидесяти, по которому

шла высадка основного десанта, не без помощи других наших расчётов, обеспечивающих высадку и разминирование уже морского побережья. В этом боевом расчёте я и состоял на самом деле – на всех учениях и тренировках, не смотря на то, что приходилось заниматься не только этим делом.

Зима в Приморье – не лучшее время года. Не смотря на то, что больших морозов там не бывает и выпадает мало снега, - пронизывают ветра. Пока стоишь на плацу на разводе – ноги в сапогах примерзают к плацу, а руки в тряпичных перчатках – к автомату. Несколько слов о нашей форме. В отличие от армейцев или чисто флотских, у нас была и та, и другая форма. Так, для полевых и повседневных дел у нас имелась форма морских пехотинцев: чёрные х\б или п\ш, (куртки непременно с отложным открытым воротником, из-под которого виднеется от горла к груди треугольник тельняшки). На ногах – укороченные кирзовые или яловые полусапожки. На голове – чёрный берет, лихо заломленный на правое ухо. Эмблема на рукаве: в красном кругу золотой якорь. Зимой – это дополнялось специальной утеплённой чёрной курткой-бушлатом с меховым воротником морского пехотинца. Парадная форма – как у всяких моряков – от «двойки-тройки» и до «четвёрки-шестёрки» («четвёрка» - морской бушлат, «Пятёрка-шестёрка» - шинель, на голове либо бескозырка, либо чёрная шапка-ушанка). Из обуви – ботинки.

И звания у нас смешанные: матрос, старший матрос, младший сержант, сержант, и далее, как у сухопутных. То же и у офицеров, звания, как у сухопутных, только форма, как у морских пехотинцев, а на погонах – красные просветы. Некоторые офицеры, переведённые к нам из флота (как старший лейтенант Карп, или наш ротный старшина мичман Панюков), какое-то время всё ещё носили флотскую форму, и имели флотские звания (мичман, капитан-лейтенант, капитан третьего ранга...).

Не смотря на мою не совсем мужскую гражданскую специальность, она мне очень даже пригодилась и во время действительной службы. Дело в том, что в нашей части был хороший клуб и своя приличная библиотека. И то, и другое находились в ведении начальника клуба – прапорщика Чирцова Александра Тимофеевича, а он подчинялся непосредственно

замполиту части Торопову. Ещё до нового года и до присяги меня заметили в штабе: разузнали, что я немного умею печатать на пишущей машинке. Вот и призывали меня на эту работу, когда нужно было срочно что-то напечатать, а гражданская машинистка – то дома, то на больничном, то в отпуске. Печатать приходилось порой и ночью, всё: приказы командира по части, донесения в вышестоящие инстанции, даже представления на очередные офицерские звания и кое-какую информацию секретного отдела. Вот тут уже меня заприметили и замполит части с начальником клуба. Стали приобщать меня к клубно-библиотечной работе. Я оказался в помощниках у киномеханика части – старшего матроса Саньки Мокушева, удмутра, имевшего на гражданке специальность киномеханика. С кинопередвижками мне приходилось иметь дело и на гражданке, а тут стояли аппараты КН-15, для показа даже широкоэкранных фильмов. Освоил и их, правда, один фильм почти новый («В бой идут одни старики») запорол, просмотрев, что на одном аппарате заклинило фетровый ролик, попала соринка и процарапала все части фильма этого аппарата. Был скандал...

Большей же частью в первое время я проводил в библиотеке, особенно вечерами, помогал нашему штатному библиотекарю Надежде Васильевне Копытиной – в организации фонда, выдаче книг, книжных выставок, и даже проведению массовых мероприятий. Мне же досталась и батальонная почта. Почти каждый день, взяв большой чемодан, я выходил (после учебных занятий и тренировок) за пределы части и отправлялся в посёлок, на почту, находившуюся от нашего расположения примерно в километре. Туда я нёс письма, а оттуда – целый чемодан писем, газет, журналов и прочую корреспонденцию. Иногда мне доверяли получить чью-либо посылку. Особенно просили это сделать молодые, чтобы посылка не попала в роту, иначе от неё доставалась адресату пачка сигарет, кусок колбасы или какая-нибудь шоколадка. Я припрятывал эту посылку в клубе или библиотеке, а потом честно передавал её содержимое порциями тому, кому положено. Кое-что перепадало и мне.

Как правило, перед дембелем, чтобы попасть в число самых первых уволенных в запас, многие стремились

заполучить «дембельский аккорд» - то есть, выполнить какую-то значительную работу – по строительству, ремонту и прочему. Был такой «аккорд» и у меня. Замполит части поручил мне к увольнению составить алфавитный каталог на имеющиеся книги, которых в нашей библиотеке насчитывалось около пяти тысяч. Пришлось изрядно потрудиться, просиживая в библиотеке до полуночи и печатая карточки на пишущей машинке. Из-за большого объёма и недостаточного для этого времени его я так и не закончил.

Получив звание старшего матроса, я всё чаще оставался в клубе. Я почти не ходил в суточные наряды: караул, по камбузу, по роте, медсанчасти... А с июня и фактически по сентябрь месяц я оставался за начальника клуба, поскольку прапорщик Чирцов два месяца был на больничном, а потом столько же в отпуске. У меня уже был свой кабинет, я распоряжался нарядчиками, которые занимались уборкой клуба, кинозала (на 400 мест) и библиотеки. Нередко я даже не появлялся в роте на вечерней поверке, отзвонив ротному дежурному, что нахожусь в клубе, а летом несколько раз оставался там и с ночевой, удобно устроившись на диване.

Вот тогда-то я и занялся сочинительством своего незаконченного романа. Об этом у меня написан рассказ «Письмо из Питера». В нём же я описал и тот факт, как меня пытались завербовать в сексоты (стукачи), а я отказался...

Из тех, с кем был в приятелях, следует отметить годичников»: Александр Слащёв – из Алма-Аты (преподаватель физики и математики, был батальонным электриком), Дмитрий Самарский (такая же специальность, комсорг части), Владимир Боярчук (механик из Курска, и.о. замполтеха базовой роты), Вася Коробейников (хлеборез), Боря Чередниченко – красноярец, питерец Владимир Лунин; отчисленный из Кемеровского мединститута Санька Былин (батальонный художник-оформитель, томич), двухгодичники - Серёга Мингалёв (связист), Лёха Малов (матрос из Ангарска)...

Из бывших сослуживцев встречался на гражданке лишь с Санькой Былинным несколько раз - в Томске, Кемерове и даже в Москве. Переписывался одно время с Лёхой Маловым. И дважды встречался случайно с однополчанами, служившими в

нашей части либо раньше меня, либо позднее. Так, на 45-летии сестры Татьяны в Красноярске за одним столом я оказался с мрачноватым мужиком, похожим на татарина, Сангаджиевым. Он служил после меня в нашей части полутора годами позднее, а на гражданке был уже ментовским майором (дослужился до полковника). Второй случай: на юбилее В.М. Шукшина в Сростках, в 2004 году, на заключительном банкете я сидел за одним столом с актёром Барнаульского драмтеатра Михаилом Переверзиным – он служил в нашей части пятью годами ранее.

Будучи клубным работником, неплохо освоил игру в бильярд. Играл и со срочниками, и с офицерами, случалось, выигрывал у них. Помню, заместителем начальника штаба был молодой лейтенант Артём Можаев, - сильно злился, если я у него выигрывал, особенно перед моим уже увольнением в запас. Всё время приговаривал, грозя, в таких случаях: «Ну, ты у меня уедешь на дембель «золотым эшелоном»...».

По традиции, служа последний год, деды-дембеля заводили дембельские календарики, где вычёркивали или выкалывали иголкой в нём отслужившие дни. При этом делалось это не вечером, в конце дня, а утром, после завтрака, на который полагалось помимо прочего 20 граммов сливочного масла: «Масло съел – день прошёл!» Был такой армейский календарик и у меня. Особо почиталось у тех, кто служил, известие о Приказе министра обороны об увольнении в запас и призыве новичков на воинскую службу. Министром обороны в то время был маршал Гречко. Бытовал афоризм: «Как растет лёд на речке, так приказ подпишет Гречко!» - это для весеннего призыва. У осенников вместо «растает» было «замёрзнет».

А уехал я всё-таки «золотым эшелоном», получив накануне звание младшего сержанта. В моём дембельском чемодане-портфеле лежали помимо прочего пять почётных грамот командира части за хорошую службу. Ночью 12 ноября все отбывающие из нашей роты на увольнение в запас, накрыли последнюю «полянку» - с конфетами, пряниками, сгущенкой и даже с небольшим количеством спиртного. А 13 ноября, рано утром, нас выстроили в последний раз в штабе, осмотрели нашу дембельскую форму, проверили чемоданы – и на электричку, снова во Владивосток, в Экипаж, а оттуда, маршем по городу, в

строевых «коробках» по 90 человек – на ж\д вокзал. И наш эшелон, вагонов семнадцать, сплошь из моряков в чёрных бушлатах и бескозырках, покатил через всю Сибирь и Урал - аж до Киева, высаживая на всех станциях тех, кто проживал недалече или для пересадки. Таким образом, в части я прослужил ровно один год, день в день! В моём военном билете стоял штамп об увольнении в запас 13 ноября 1975 года по ВУС-100, состав: сержанты, военная специальность - старший линейный надсмотрщик полевых кабельных линий. Уж почему меня туда причислили – я так и не понял. А уже потом, на гражданке переквалифицировали меня, как запасника: состав - прапорщики, специальность - начальник клуба морской пехоты.

Конечно, было трудновато. И не столько физически, сколько морально. Унижений было предостаточно, от старослужащих. Получал несколько раз и зуботычины, и под дых. Приходилось давать и сдачи, а чаще – улаживал дело дипломатически. По своей гражданской подготовке я вполне потянул бы на замполита роты. Мне всегда было непонятно: почему так расточительно в нашей стране обходились со специалистами с высшим образованием, призывая их служить после институтов и университетов рядовыми, наравне с необразованными восемнадцатилетними пацанами. Куда разумнее было бы призывать таких на два года: первые три месяца – краткосрочные офицерские курсы – по освоению воинского устава, строевой, а потом, после присвоения офицерского звания – по частям, в зависимости от гражданской специальности. Так, те, кто оканчивал вузы типа нашего или пединститут (историки, филологи, биологи и т.п.) – вполне могли служить замполитами рот, комсоргами или парторгами батальонов, технари - зампотехами... А семейным была бы возможность получить жилплощадь и вызвать по месту службы жену с ребёнком (если таковые, как у меня, имелись).

Только вот вернувшись на гражданку, никак не покидало чувство какой-то вины и неполноценности: служил-то всего один год. И вот, мне стали сниться сны, что меня всё призывают и призывают дослуживать этот второй год. И попадаю я, как правило, опять в свою родную часть. Только там всё уже по-иному... Снилось мне это лет двадцать, пока я не написал об

этом рассказ «Второй год службы». И дослуживать, слава Богу, мне уже не пришлось... Даже на переподготовке не был ни разу, оставаясь до самого снятия с воинского учёта младшим сержантом запаса.

Не то – учёба, не то – наука...

Снял я сержантские погоны
В земле Сибирской, неуклонно
Решил науку постигать...
(Семён Печеник)
Я сам себя баюкаю: «Хорошенький ты мой,
Нельзя же всё с наукою, шагал бы ты домой»...
(Евгений Клячкин)

Демобилизовавшись, вернулся домой, в Кемерово, к семье. Побыв с женой Людмилой и дочерью Ярославой недельку, подался к матери, в Пудино, показаться во флотском бушлате и бескозырке, как истинный мореман, хотя морозцы уже зашкаливали в иные дни за минус двадцать. Покрасовался там, сходил в свою школу, встретился с друзьями-товарищами, осевшими в Пудино однокашниками.

И, не отгуляв положенного месяца после демобилизации, вернулся в институт. Уже преподавателем, всё на ту же кафедру НТИ, к Стасу Сбитневу. Поручили мне вести технические средства, в коих я немного поднаторел за год до службы. Наряду с практическими занятиями уже читал и лекции. Кроме этого курса мне доверили ещё и курс «Организация работы в научно-технических библиотеках», о чём имел очень смутное представление. Зато самонадеянно уже сочинял шуточные песенки на эту тему, под Высоцкого, вроде этой:

Сижу средь книг – студентам лекции кропаю,
Я типизацию по мэтрам изучаю:
Что там Черняк сказал, Теплов что выдал?
Понять мне нужно: где же тип, а где же вид там!
(...Ох, повстречались бы мне только эти типы!)

Год педагогической практики в институте завершился моим командованием, как я уже отмечал, летом 1976 года в ССО «Искремас». А осенью – меня ждала дорога дальняя – в Ленинград, на годичную стажировку, с прицелом на

поступление в целевую аспирантуру. Надо сказать, что за этот прошедший послеармейский преподавательский год я уже сделал один шажок к аспирантуре, сдав два кандидатских экзамена («минимума») по философии и иностранному языку. Философию сдавали в политехе, немецкий язык – в университете.

В осенний дождливый Питер, тогда ещё Ленинград, приехал я по дорожке, проторенной моим студенческим другом Володей Грачёвым. Он уже был аспирантом, пройдя годичную стажировку, и котировался там довольно высоко. Я остановился сначала у него в комнате, на Смирнова, 9, на 6-м аспирантском этаже новой общаги.

В среду аспирантов и преподавателей-стажёров входил с трудом, из-за своей провинциальной застенчивости, считая их более одарёнными и склонными к науке, нежели я сам. Перед зачислением меня в преподаватели-стажёры на кафедру информатики, коей заведовал профессор А.В. Соколов, мне устроили экзамен-собеседование. Из-за волнения его я выдержал не особенно блестяще. До зачисления оставалось ещё почти две недели, и я решился съездить в Молдавию - самолётом до Одессы, а там – поездом. Обо всём этом я поведал в своём рассказе «На Кагуле, в степях Буджака».

Моим руководителем стажировки определили доцента кафедры, кандидата философских наук Валерия Шлёмовича Рубашкина – флегматично-немногословного человека, лет сорока. Вёл он курсы «Высшей математики» и «Математических методов», которые меня совсем не интересовали. Зато из курса «Технические средства» у них на кафедре уже появились первые персональные компьютеры с магнитными компакт-кассетами, такими же, как на бытовых магнитофонах.

Чем занимать преподавателей-стажёров и как с ними работать, по-моему, толком никто не знал и всерьёз их не воспринимал. В принципе, это была первая «оценочно-притирочная» ступенька к аспирантуре. Вместе со мною в тот год в Питере на стажировке оказались вчерашние выпускницы нашего института Галина Черкашина и Татьяна Лотохина. Но они попали на другие кафедры. Встречались мы с ними вместе

по разу-два в месяц на семинарах по истории КПСС, который вёл для нас троих профессор Мати Коронен, ходили на курсы по педагогике высшей школы к профессору Гончарову.

Помимо этого я посещал иногда лекции А.В. Соколова, Д.Е. Шехурина, Р.Ф. Грининой. А вот педпрактику я проходил у доцента Блюменау Дмитрия Иосифовича – стройного интеллигентного человека, имевшего два высших образования (морской офицер с якорем-наколкой на правой руке и журналист-филолог), вёл практические занятия по курсу «Информационно-поисковые языки». В то время кафедра исповедовала концепцию «Социальной информатики». Вот эту-то «бумажную» информатику, а точнее теорию социальных коммуникаций и информационных документальных потоков я и штудировал основательно. Потом, вернувшись к себе в Кемерово, я и преподавал то, что было обозначено, как «Введение в информатику», «Введение в информационно-поисковые системы» и «Социальная информатика».

В общем, стажировка моя была очень даже необременительной. Мною особо никто на кафедре и не интересовался, практически я был предоставлен сам себе, лишь бы им там особо не докучал. За время этой стажировки я сдал ещё один кандидатский экзамен-минимум – по педагогике.

Весь год я прожил на шестом аспирантском этаже новой общаги на Смирнова, 9, в комнате гостиничного типа, номер 102. Моим соседом был литовец Валдис Янонис, специализировавшийся по отраслевой библиографии, кажется, общественно-политической – из Вильнюсского университета – флегматичный молчаливый неженатый парень, но педантичный в делах аспирантских. У него был чёткий план на все три года обучения: что и когда сделать и сдать. Вставал он рано, так же, как и ложился. Практически никогда не ужинал после 18 часов вечера. Правда, иногда позволял себе попить чай с овсяным печеньем или домашней сырокопчёной колбасой, которую ему присылала из Вильнюса мать. Бывали дни, когда мы с ним кроме слов «Доброе утро» и «Спокойной ночи» не произносили ничего. Целыми днями он просиживал в Публичке, если его присутствие не требовалось в институте или на кафедре.

Зато в смежной комнате жил москвич, сын профессора Д.Я. Коготкова (приятеля нашего Стаса) - Сергей, с которым мы познакомились ещё в конце третьего курса института, когда он приезжал к нам в Кемерово на практику и жил в студенческой общаге. Серёгу сюда спровадили родители, хотя он мог спокойно поступить в аспирантуру и в Москве, но там он засветился в среде вольнодумных диссидентов. И был «под колпаком» у КГБ...

Почти четыре месяца в той же комнате жил с Серёгой и немец Дитер Раух – уже доктор философии из Института библиотековедения Берлинского университета им. Гумбольта. Его моложавая жена Рената Раух была журналистом, специализирующимся по советской культуре и большую часть времени проводила в СССР. Вот Дитер и подгадал себе полугодовую командировку-стажировку в Питер, якобы, для написания учебника. Был он старше нас лет на пятнадцать, прекрасно знал русский язык и никаким образом не выказывал превосходства - своей докторской остепенённостью. Даже наоборот, живо интересовался и обсуждал научные проблемы наших диссертантов. Жил жизнью аспирантского этажа и считался среди аспирантов своим малым. Особо часто он вел споры на научные темы с Серёгой Коготковым. Вообще, Серёга был очень даже неплохим исследователем, рано и вовремя защитившим кандидатскую диссертацию, и подававшим большие надежды учёного. Я позднее бывал даже у него дома в Химках. Увы, Серёга нелепо погиб в автокатастрофе, кажется году в 1987 или 1988.

А осенью я уже сдавал вступительные экзамены. Да, собственно и сдавал-то всего два из четырёх, поскольку иностранный язык мне зачли по «минимуму», так же, как и педагогику, которую я тут сдал на «отлично». «Историю КПСС» и «специальность» я тоже сдал на «отлично». И на кафедре за год стажировки я произвёл неплохое впечатление, участвуя в неформальных посиделках, капустниках и прочих мероприятиях - даже на такую сторгую даму, как Татьяна Николаевна Колтыпина. Между прочим, из-за неё пришлось год назад перевестись в Москву нашей умнице, Ленинской стипендиатке и краснодипломнице Тане Ерёминой (Мельниковой, тоже

Николаевне). Тем более, что до меня тут с успехом уже обучались Владимир Грачёв и Наталья Гендина.

Из преподавателей кафедры был в неплохих отношениях с молодыми ещё кандидатами наук Валерием Павловичем Леоновым (который был шефом Гендиной, а позднее стал доктором наук и директором Библиотеки Академии Наук) и Валерием Михайловичем Мотылёвым (впоследствии доктором, заведующим этой кафедрой). Припоминаю скромную и обаятельную блондинку Светлану Леонидовну Лохвицкую и сдержанно-строгую, требовательную Татьяну Николаевну Колтыпину.

Путь в аспирантуру для меня был открыт. Мне было выделено Министерством культуры целевое место на дневное обучение со стипендией в 90 рублей. Такую же стипендию я получал и на стажировке. Но, видя, как тут распадаются за три года дневного обучения семьи, я сделал выбор в пользу сохранения семьи и решил податься на заочное обучение. Туда меня и зачислили, определив тему диссертации по «Способам оптимизации информационного поиска в массивах, организованных по иерархическим классификациям». А вот руководителем диссертации мне назначили всё того же В.Ш. Рубашкина. Хотя я мог бы попросить и другого, вплоть до самого Соколова. Я же поскромничал, не желая обижать Валерия Шлёмовича. И, как оказалось, весьма напрасно. За всё руководство аспирантами (я был у него едва ли не первым) у него защитился всего один человек, и тот был с наработанной темой из НИСа. В принципе, Рубашкин был весьма даже неплохим человеком и учёным, но своим аспирантам он предъявлял весьма высокие требования, считая, что диссертация должна и впрямь быть научной работой, а не компиляцией нескольких сотен первоисточников. Я частенько бывал у него дома, знаком с его женой, детьми. После обсуждения моей работы меня непременно приглашали к столу и, мы с ним нередко пропускали по рюмке-другой вина или чего покрепче, ведя непринуждённые разговоры на бытовые темы или темы истории, искусства и литературы.

За годы стажировки и обучения в аспирантуре в Ленинграде я неплохо уже ориентировался в городе, знал его

достопримечательности и исторические места, хаживал в музеи, лицезрея воочию истинные шедевры русского и мирового искусства. Смотрел спектакли во многих театрах со знаменитыми артистами. Видел на сцене Владислава Стржельчика, Сергея Юрского, Евгения Лебедева, Юрия Толубеева, Игоря Горбачёва, Владимира Рапопорта, Тамару Макарову и многих других... Бывал в Мариинском театре, в Ленконцерте.

Иные места Питера меня поначалу просто шокировали от осознания только того, что именно тут вершилась история нашей страны, что тут хаживали сам Пушкин или Гоголь, а в Публичке работал библиографом баснописец И.А. Крылов! Рядом с институтом находился знаменитый Летний сад. Всего через Набережную с высоким и широким гранитным парапетом, метрах в тридцати от здания института, несла свои не совсем чистые воды Нева, напротив, через неё и чуть правее – виднелась «Аврора», слева, через Неву и Кировский мост – Петропавловская крепость. Позади фасада института (здания бывшего Австрийского посольства, где бывал и сам Пушкин, встречаясь с Долей Фикельмон) раскинулось Марсово поле, а за ним – Михайловский дворец и храм Спас на крови... Бывал в Александро-Невской лавре на всенощной на Пасху.

Стоял у могил писателей: Александра Блока, Ивана Гончарова, Белинского и Добролюбова, Александра Куприна, Дмитрия Мамина-Сибиряка – на Волковом кладбище или так называемых Литераторских мостках. Тут же рядом вздыбливались ещё совсем свежие бугорки могил с ворохом живых цветов и временными фотопортретами - поэтессы Ольги Берггольц, артистов Ефима Капеляна, Василия Меркурьева... Черным мрамором отливали надгробия и памятники Д.И. Менделееву, революционерам Елизаровым, матери Марии Александровны и сестры Ольги нашего пролетарского вождя Владимира Ульянова-Ленина...

В Комарово – дачной вотчине ленинградских поэтов и прозаиков – на кладбище поклонился праху писателей Анны Ахматовой, Ивана Ефремова, Сусанны Георгиевской, Веры Пановой...

При этом работа над диссертацией у меня почти никак не продвигалась вперёд. Всякий раз, приезжая в Питер, на, так называемую, сессию я привозил с собой материалы – главу из диссертации, опубликованные статейки и тезисы по теме, прекрасно проходил промежуточную годовую аттестацию на кафедре... Но мой шеф считал, что всё, что я делаю – не то, что нужно. А вот – что нужно и как нужно – он мне никак конкретно не объяснял. Мы топтались на одном месте, словно завязшие в киселе. Получалось как в русской народной сказке: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то - не знаю что».

С этими результатами я подошёл и к финишу обучения. Когда дошла очередь до предоставления мной диссертации на обсуждение, то её в целом и готовом виде просто не было. Это повергло в шок всю кафедру! В том числе и самого Аркадия Васильевича Соколова! Ведь я считался вполне порядочным и перспективным аспирантом! Позорно было и мне самому...

У себя же в Кемерове, на кафедре НТИ у Стаса, я уже достаточно уверенно вёл учебные курсы, даже с избыточностью, частично выполняя и учебную нагрузку Н.И. Гендиной, которая тормознулась с защитой и ей продлили пребывание в аспирантуре ещё на полгода. Вернувшись на кафедру после годичной стажировки в Ленинграде, я получил уже должность старшего преподавателя с окладом в 143 рубля.

Стажёрско-аспирантские дни долго ещё вспоминались, как некое продолжение беззаботной студенческой жизни и студенческого братства. Вот что по этому поводу сочинилось, посвященное одному из юбилеев Галины Брагиной, которая тоже в то время была в аспирантуре и жила в одной комнате аспирантской общаги с Натальей Гендиной:

Как не худо было б снова
Всем собраться на Смирнова,
Аспирантском этаже -
Хоть в “глиже”, хоть в неглиже!
Где так молоды все были,
Где влюблялись и любили,
Где писали, где творили,
Где общались, где сроднились:
Будь ты русский иль узбек,
Немец, чех, словак иль грек,

Лях, еврей иль молдаванин,
Украинец иль болгарин,
Сибиряк, прибалт, грузин -
Был на всех единый *ЧИН:*
АСПИРАНТ! Звучало дивно,
Интригующе-призывно!
Поздно спали. Днями были:
Кто в Публичке, в книжной пыли,
Кто в музеях, кто в кино,
Кто в кафе пивал вино,
Кто в учёбе, как в дыму,
Кто у кафедры в плену;
К шефам шли, как на войну,
Неся свежую главу,
Без наград и без побед -
Диссертаций умный бред!
Вечерами - все на кухне!
Впрочем, с голоду не пухли.
Там на плитах томно млели:
Плов, борщи, шурпа, пельмени,
Бешбармак, шашлык, тефтели,
Рыба в кляре и с сунели,
Щи, хазани-хоравац,
Иль картошечка (не раз!) -
Тут уж - кто во что горазд!
В каждой комнате - чаёк...
(Коль забрел на огонёк
Ночью, часика так в два:
“Диссертация” звала...)
Помнишь, (мысли налегке)
В нашем Красном уголке
Отмечались как защиты?!
А капустники?! - Забыто?!
Нет, такого не забыть
Летою не потопить...
А наш холл?! И телик в нём?!:
Все сидим одним кружком,
Комментарий разнобой,
Сигаретный дым трубой...
Помнишь, летом - в Комарово!
На три дня - не “до второго”...

Озеро и бор сосновый
(А не скалы, право слово)
В двух палатках, помнишь, Галка:
Славик, Бэла, Таня, Алка,
Саша, Серж, Усман-узбек...
Все шестнадцать человек!
Среди прочих - я с гитарой,
Не седой, не лыс, не старый...
...Был мускат, глинтвейн и грог,
Комарьё! И - сто дорог!
Ночи белые, купанье,
Охи, вздохи, обещанья...
Танцы, песни до утра
У веселого костра.
...Как давно те были встречи
Нет иных, други - далече...

У кафедры в плену...

И пора мастерства наступила:
Вынес, выдюжил, взял высоту!
...Я терпел, но подумывал часто,
Стариком доведённый до слёз:
Вот возьму, и дойду до начальства,
На другой попрошусь паровоз...
(Виктор Баянов)

В самом начале этой главы придётся нарушить хронологию и вернуться немного назад. Уже в начале последнего курса обучения в институте из всего нашего выпуска факультета стали в качестве эксперимента отбирать наиболее перспективных студентов для будущей педагогической работы в институте после его окончания. Критерием для этого решили избрать написание дипломной работы. До этого ни в одном институте культуры нашей страны дипломные работы на аналогичных факультетах не практиковались. Наш институт, а точнее заведующий кафедрой научно-технической информацией (НТИ) Сбитнев Стас Андреевич выступил с такой инициативой, решив дипломной работой заменить два государственных выпускных экзамена по специальности – библиотековедению и библиографии. Отобрали претендентов, в

число которых попали все ребята (я, Юра Ли, Владимир Грачёв, Витя Эрлих) и три дамы: Галя Емельянова (Гордукалова), Таня Ерёмина (Мельникова) И Светлана Котлярова (Попова). Определили темы дипломных работ и руководителей. Всех нас, за исключением Эрлиха, курировал Стас Андреевич Сбитнев, которого мы меж собой называли либо просто Стасом, либо Шефом.

Шеф был весьма оригинальной личностью, которая уже при жизни обрастала легендами. По некоторым версиям его, студента (?) третьего (второго?) курса философского (?) факультета МГУ, ещё накануне войны призвали в армию. И попал он на флот, в Севастополь матросом на крейсер «Красный Крым». Когда его крейсер был потоплен, воевал он в морской пехоте, участвовал в Феодосийском десанте, в котором от двух батальонов морских пехотинцев осталось всего восемь человек, среди коих чудом уцелел и Сбитнев. Был он крепкого и крупного телосложения, с размашисто-степенной походкой моремана. Войну закончил в звании мичмана и множеством боевых наград. Попав в Кузбасс после войны, работал в комсомоле, потом – директором библиотеки горного института. Заочно окончил Московский библиотечный институт, где и познакомился с Д.Я. Коготковым. С образованием совнархозов, в начале шестидесятых годов у нас в Кемерове появился межотраслевой территориальный Центр научно-технической информации (ЦНТИ), в котором Стас работал сначала директором научно-технической библиотеки, а потом – заместителем директора ЦНТИ по научной работе. Уже тогда в ЦНТИ начали искать новые средства оперативного доведения информации до потребителей. Осуществляли малую механизацию, используя перфокарты с краевой перфорацией, разработали несколько отраслевых дескрипторных словарей. Совместно с Томским ТИРиЭТом и Алтайским политехническим институтом разработали и создали одну из первых экспериментальных автоматизированных информационно-поисковых систем «Квантор» - на 80-колонных машинных перфокартах, за которую на ВДНХ её разработчиков (в том числе и Стаса) наградили малой золотой медалью.

Кемеровский ЦНТИ, где Стас оставался замом, одновременно уже работая и в институте и даже образовав новую кафедру, одним из первых внедрил в практику информационного сервиса большую ЭВМ (М-220), работавшую на широких ленточных магнитных носителях. Эта ЭВМ была довольно громоздкая, и разместили её в левом крыле первого этажа нашего учебного корпуса на Спортивной, 91. Кстати, Юра Ли с Володей Есениным и некоторыми другими ребятами-студентами участвовали в сентябре 1971 года в строительстве зала под ЭВМ, пока мы работали на совхозных полях и на стройках.

Когда ЦНТИ получил более совершенную и более компактную ЭВМ, эту вместе с прочим оборудованием, чтобы не возиться с демонтажем, безвозмездно передали в наш институт, на кафедру НТИ. Надо сказать, что Стас перетащил в институт почти половину устаревавшего оборудования ЦНТИ и других организаций, собирая по крупицам технику и оснащая ею наши кафедральные лаборатории. Технически на кафедре мы сильно отставали от реальных условий нашего информационного сервиса, не говоря уже о зарубежных системах. На этом устаревшем оборудовании мы обучали и своих студентов, выдавая за достижение науки и техники. А фактически мы шли позади производства на два-три шага...

Тем не менее, Шеф отлично понимал, что за механизацией и автоматизацией – будущее, что век обычной печатной книги в получении знаний и информации, как ни печально, но заканчивается. Да и к книге он относился весьма прагматически, утверждая, что «Книга должна работать!». Обладая феноменальной памятью, он, вычитывая или узнавая что-либо новое даже из смежных отраслей, ухватывал суть, и пытался это адаптировать под свои задачи и проблемы. За эту его аналитико-синтетическую способность мы называли Стаса «генератором идей», которыми он просто фонтанировал. Правда, мой друг и коллега Юра Ли за это же самое называл Стаса за глаза «великим шаманом», «комбинатором» и «Остапом Бендером». И не без основания. Дело в том, что в наше время, когда мы с Юрой уже были преподавателями и доцентами этой кафедры, Стас, как заведующий, заключал

хоздоговорные научно-исследовательские темы с библиотеками и ЦНТИ. Тогда в сметах расходов госбюджетных организаций, коими являлись и почти все библиотеки, предусматривались в обязательном порядке статьи расходов на научно-исследовательские работы. Стас заключал договор по теме, обычно связанной с механизацией и автоматизацией конкретной библиотеки или какого-либо её участка. На эту тему отводились немалые средства. И начиналось «шаманство». Проводилось так называемое «предпроектное обследование объекта» - первый этап работы. С помощью нас, мэнээсов, лаборантов и студентов-практикантов, собиралась исходная статистическая информация. Её посредством математических методов, коими владели его племянник (ст. преподаватель нашей кафедры В.Т. Сбитнев) и В.П. Лушников, обрабатывали, получали всевозможные таблицы, строили графики, гистограммы, давали текстовые комментарии и выдавали в виде промежуточных отчётов по НИР. А далее – должны были идти разработка этих самых механизированных и автоматизированных участков (отделов) библиотеки и их внедрение. А вот до этого-то, как правило, никогда и не доходило. Сорвав куш на предпроектном обследовании, хозтема либо сворачивалась, либо в следующих отчётах давались весьма туманные рекомендации...

Однако, вернёмся к нашим дипломам. Параллельно с их написанием, уже на последнем курсе Стас решился ещё на один своеобразный тест – проверку нас, дипломников, на педагогическую пригодность. А для этих целей он предложил нам вести некоторые практические занятия у студентов, обучавшихся курсом ниже с последующим «разбором полётов». Это испытание прошли все претенденты довольно неплохо, особенно мы с Грачёвым, поскольку я уже почти год проработал в школе учителем начальных классов, а Володя – почти пять лет преподавал в школах уроки пения, прекрасно играя на баяне.

Опыта руководства, написания и защиты дипломных работ не было ни у кого. Что-то там писали, выдумывали, предлагали. А когда дело дошло до защиты, то четверым из нас, явных кандидатов на красные дипломы, поставили по четыре балла. Наши красные дипломы, что называется, накрылись медными тазами. Особенно было обидно Грачёву, ведь за все

годы обучения в институте в его зачётной книжке не было даже ни одной четвёрки! А Витю Эрлиха вообще завалили, обязав пересдать это уже в виде госэкзаменов. Но тут была явная интрига между нашим Стасом и руководителем Вити Эрлиха Н.И. Кудиновой. Чтобы досадить ей, всемогущий Стас отыгрался по мелочному на её дипломнике, в то время, как работа Эрлиха на самом деле была одной из самых сильных. Впрочем, Витя это прекрасно доказал в будущем, став кандидатом, а потом и доктором наук, в то время, как Стас, будучи завкафедрой и её профессором, официально не являлся даже кандидатом наук... Случай для вузовской практики – уникальнейший!

После получения дипломов почти все мы, за исключением Эрлиха, были оставлены в институте на кафедрах, в качестве лаборантов, с перспективой стажировок в Москве или Питере и последующим обучения в целевой аспирантуре.

И уже осенью 1973 года кое-кто отправился покорять столицы. Среди них были Грачёв, Таня Ерёмина, Юра Ли, а позднее к ним присоединилась и Галя Емельянова (Гордукалова), которой при распределении сразу дали место и должность заведующей нашей институтской библиотекой.

Меня закрепили за лабораторией копировально-множительной техники, которой заведовал Александр Николаевич Потёмкин, старше меня на полтора десятка лет, но сам ещё только студент-заочник нашего факультета. Мы вели с ним попарно практические занятия по техническим средствам, которыми была оснащена лаборатория. Это были уже довольно старенькие копировальные плоскостные аппараты «ЭРА» и «ВЭГА», ротатор, электронно-искровые аппараты «Элика», термокопир и даже ротапринт. Закончив занятия, обычно две-четыре пары, мы с Потёмкиным и ребятами частенько «причащались» в этой же лаборатории, играя в шахматы, пивком или чем-либо покрепче. У нас с ним появились карманные непредусмотренные деньги: мы втихушку копировали ноты, прочие текстовые документы, за которые обычно брали 10 копеек за одну страницу-копию. Заказчиков хватало, особенно, когда приезжали на сессии заочники-музыканты. Рядом находилось музучилище, где тоже были

востребованы ксерокопии нот. Иногда нам предлагали за эту работу уже натуроплату, опять же в виде спиртного, порой и хорошего – коньяка или невиданного по тем временам шотландского виски. В загашнике нашей лаборатории всегда стояло несколько бутылок хорошего спиртного.

Вообще, спиртное у нас было неким цементирующим средством кафедрального и даже межкафедрального общения и формирования коллектива. Стас, бывший фронтовик, сам никогда был не прочь выпить «пять грамм». Правда, частенько эти «пять грамм» вырастали в весьма значительные объёмы.

Сколачивая кафедру, Сбитнев подбирал для неё и соответствующие кадры. Поначалу он привлекал для ведения курсов почасовиков-практиков, как правило, своих недавних коллег из ЦНТИ и библиотек. Потом появились на кафедре некоторые преподаватели из КузПи. Это были В.П. Лушников и М.А. Сивушкин. Уже к нашему выпуску кафедра пополнилась недавними выпускниками пединститута В.Т. Сбитневым (племянник Стаса) и Г.И. Архиповой, окончившей не то столичный, не то Харьковский аналогичный нашему институт (вскоре ставшей женой Сбитнева-младшего).

С появлением на кафедре молодой поросли – вчерашних выпускников нашего института, прошедших стажировки и аспирантуры (Ли Ю.Б., Грачёв В.И., Гендина Н.И., ваш покорный слуга) кафедра набиралась опыта и весомости. Примерно в это же время её пополнили выпускники Кемеровского техникума механизации учёта Владимир Прохорович Дрягин, Владимир Фёдорович Денисов и Галина Фёдоровна Леонидова. Они, обучаясь у нас заочно, уже и сами вели практические занятия по техническим средствам. Долгое время лаборантками кафедры были Нина Ивановна Турдакова, Наталья Владимировна Булычова и бессменно – Наталья Николаевна Окунева, выполняя роль профессиональной машинистки. Коллектив кафедры вместе с лаборантами и завлабами в лучшие времена достигал пятнадцати-семнадцати человек.

К восьмидесятым годам наша кафедра, окрепнув и заматерев, по многим показателям была одной из лучших не только на факультете, но и в институте! На базе кафедры уже в

1979 году был проведён общесоюзный научно-практический семинар по проблемам автоматизации и механизации библиотечно-информационных процессов, на котором приняли участие преподаватели, учёные и практики Сибири, Москвы, Ленинграда, Минска, Харькова и других городов и регионов. Имя Сбитнева тогда гремело по библиотечно-информационному миру Союза и котировалось очень высоко, перепадало и нам лучей его славы, впрочем, небезосновательно. Свою лепту каждый из нас в дело кафедры вносил по мере своих сил и возможностей.

Все праздники и многие дни рождения мы отмечали на кафедре вместе, обычно после четвёртой или третьей пары занятий. Сбрасывались на спиртное, немудрящую закуску и устраивали в одной из лабораторий, как правило, капустники – с розыгрышами, представлениями, моей гитарой, баяном Грачёва, песнями и танцами, и соответствующими техническими средствами... А как же мы балдели, когда на кафедре появился первый в институте катушечный видеомагнитофон с видеокамерой! Делали целые «телепередачи», сочиняя и разыгрывая сами же сюжеты с информационными сообщениями... Нашей кафедре в то время могли позавидовать даже массовики-затейники с кафедр факультета КПР. Когда не хватало купленного спиртного, Стас намекал завлабам (Дрягину или Денисову), и те приносили неразведённый технический (довольно качественный) спирт, который в изобилии выдавался нам на кафедру для работы с ЭВМ и копировально-множительной техникой. По прямому назначению использовалось не более десяти-двадцати процентов спирта, остальное, разбавляя и настаивая, выпивали мы сами.

Через пять лет после окончания института наша молодая семья получила наконец-то квартиру, двухкомнатную «улучшенной» планировки в совершенно новом панельном доме по проспекту Химиков. А когда в 1982 году родилась вторая дочь Настя, я снова встал в общую очередь на квартиру, но уже на расширение.

На кафедре я вёл многие курсы, предусмотренные учебными планами и программами – как на дневном, так и на заочном отделениях библиотечного факультета. А когда Стас и

кафедра с нашей поддержки решились на подготовку специалистов для автоматизированных библиотечных систем, пришлось осваивать и вести уже оригинальные курсы по спецподготовке и руководить дипломными работами студентов по нашей специализации.

Кафедра из НТИ была переименована в кафедру Автоматизированных библиотечных систем и вычислительной техники (АБСи ВТ), а ещё через некоторое время - в кафедру Технологии автоматизированной обработки информации (ТАОИ). Как грибы на ней стали появляться доморощенные кандидаты наук: Лю Ю.Б., Гендина Н.И., Сбитнев В.Т., Колкова Н.И., Перевозчикова К.В., Скипор И.Л. Лишь я оставался без степени, да Стас. Но Стас к тому времени уже получил учёное звание ваковского доцента. Я же работу над диссертацией забросил окончательно.

Тем не менее, накопленный опыт преподавателя и куратора студенческих групп, позволил мне согласиться занять в 1987 году место заместителя декана библиотечного факультета по учебно-воспитательной работе. При этом, я выполнял полную учебную нагрузку старшего преподавателя кафедры.

В 1990 году должность замдекана на факультете упразднили вообще. Но в конце сентября я попал на полтора месяца на стажировку в Москву по курсу «Автоматизированный тестовый контроль знаний студентов». Курсы эти проходили при Московском институте нефти и газа им. Губкина. Главным теоретиком тестового контроля был профессор Аванесов А.С. Там же преподавал нам курс «Мат. статистики и доведения тестовых заданий до валидности» Георгий Александрович Сатаров – вскоре занявший должность Советника Президента по социально-экономическим вопросам.

Вернувшись в институт, я стал разрабатывать оригинальные тестовые задания для текущего, промежуточного и даже итогового контроля знаний студентов по своим учебным дисциплинам. Можно сказать, я был первым, кто грамотно применил тестовый контроль знаний студентов в институте.

А в следующем, 1991 году я принял участие в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры и выиграл его у кандидата наук, претендующего на эту должность.

В 1993 году меня избрали неосвобождённым Председателем профкома преподавателей и сотрудников института. Я стал членом Учёного Совета института. На многих заседаниях и собраниях приходилось высказывать своё мнение на те или иные проблемы. Со мною уже считались на факультете и в институте. Без решения профкома и моей подписи не могла быть распределена ни одна квартира. Тогда все квартиры распределялись ещё бесплатно. Получили новую трёхкомнатную квартиру в апреле 1993 года и мы, уже в новом микрорайоне, именуемым ФПК.

Все мы, бывшие ученики Сбитнева С.А., уже успели достаточно крепко опериться и встать на профессиональное крыло. Однако всё чаще и чаще на заседаниях своей кафедры и обсуждении различных наболевших проблем мы вынуждены были сидеть и отмалчиваться, или молча соглашаться с мнением Шефа. Заседания проходили как монологи Шефа, длившиеся порой по три-четыре часа. Стоило кому-либо из нас сказать что-нибудь в пику Шефу, тот взрывался, словно фугас, и заседание заканчивалось скандалом. При этом, Стас старался всячески оскорбить и показать: кто такой он, и кто такие мы, уничижительно относясь к своим оппонентам.

После одного из таких заседаний, в 1995 году мы собрались в одной из лабораторий кафедры и сочинили коллективное письмо в ректорат с просьбой освободить Стаса от должности заведующего кафедрой. Наше письмо было оглушительным камнем, брошенным в болото! Однако к нашему мнению прислушались, и Сбитнева освободили от занимаемой должности, оставив профессором кафедры. Заведующей до конкурсного избрания назначили Колкову Н.И. Фактически же получилось так, что Стас опять был у руля, поскольку Колкова Н.И. в то время была бледной тенью Шефа.

В этом же, 1995-м, году проводились первые «демократические» выборы нового ректора института, поскольку бывшего ректора Титаренко Е.М. перевели на новую должность - начальника Департамента образования

Администрации области. В претендентах на эту должность оказались: к.п.н. Грачёв В.И., к.п.н. Кудрина Е. Л. и доктор философских наук Балабанов П.И. По всем канонам дружбы, я должен был бы агитировать и голосовать за своего студенческого друга Володю Грачёва. Но, зная его взрывной характер и барское отношение к своим подчинённым, я, как Председатель профкома и член Учёного Совета, ему прямо сказал, что голосовать буду за другого, поскольку ему (Балабанову Павлу Ивановичу) я обещал поддержку ещё до того, как Грачёв выдвинул свою кандидатуру.

Многие из нас были уверены, что ректором станет Балабанов П.И. При таком удачном раскладе, мне был обещан пост декана факультета. А получить звание ваковского доцента, даже без кандидатской степени, при этом не было большой проблемой, поскольку у меня уже была большая педагогическая практика и достаточное количество научных и учебно-методических публикаций.

Выборы ректора на институтской конференции приобрели неожиданный поворот. Кандидатуру Балабанова прямо на конференции вдруг сняли с претендентов, поскольку у него, якобы, не было достаточного стажа руководства коллективом. Администрация области упорно двигала в ректоры Кудрину. Грачёв был заведомо битой картой. Он бы не получил поддержки большинства. Хотя и Кудрину тогда ещё особо никто не знал, она занимала довольно незначительное место в НИСе, которым до неё руководил Грачёв.

После того, как кандидатуру Балабанова сняли с претендентов, его поддержка, в лице меня, зав. кафедрой хореографии Щанкина В.И. и зав. кафедрой режиссуры Штальбаума Ю.К. (всего человек десять делегатов) покинули в знак протеста конференцию. И, похоже, мы просчитались. В ректоры прошла Кудрина. Видя мою антикудринскую политику, она своим клевретам заявила, что Арнаутову в этом институте карьера заказана.

А на следующий год заканчивался пятилетний срок моего избрания на должность доцента кафедры. Я ушёл добровольно с должности Председателя профкома, передав её моему приятелю Князеву Анатолию. На нашей кафедре тоже всё складывалось не

очень благополучно, и Стас недвусмысленно намекал, что на очередном конкурсе моя кандидатура на должность доцента кафедры может и не пройти. Психологический климат на кафедре даже и после ухода формально с этого поста Стаса оставался очень напряженным и взрывоопасным. Мы с Юрой Ли всячески агитировали на эту должность Н.И. Гендину, защитившую уже докторскую диссертацию и работавшую проректором по науке, являясь одновременно и профессором нашей кафедры. Но она от такой перспективы всячески отказывалась.

Тогда в конце учебного года, в июне 1996 года 6 человек – два доцента, два старших преподавателя и два завлаба написали заявления об увольнении из института по собственному желанию. Это было явным громом среди ясного неба! Одна из лучших кафедр института просто разваливалась! Среди подписантов на увольнение были: я, Юра Ли, Лушников В.П., Енина, В.А. Нагорный, И. Левакин... От этого шага меня пытались приостановить, всячески отговаривая, - и мой бывший декан А.В. Циркин, и оба проректора, и многие благосклонные и доброжелательные преподаватели. Я же был решителен. К тому же, если честно признаться, мне уже стала наскучивать эта моя работа. А пребывать всю оставшуюся жизнь в институте вечным старшим преподавателем или «яловым» доцентом уже никак не хотелось. Мало того, время диктовало и новые условия. Кафедра оснащалась новым оборудованием, персональными ЭВМ, компьютерами. Прежние технические средства безвозвратно устаревали и выбывали напрочь из обращения... Целые ряды традиционных учебных курсов тоже устаревали, нужно было разрабатывать новые. А с появлением в обиходе Интернета – вообще очень многие проблемы библиотечно-информационного сервиса, особенно фактографического поиска, полностью вытеснили традиционные библиотечно-библиографические технологии.

Была и ещё одна причина расставания с институтом: в те смутные времена из зарплат преподавателей исключили все добавки и доплаты, оставив лишь голый тариф ЕТС (у меня был 13-й разряд ЕТС), равнявшийся зарплате дворника и в два раза меньше зарплаты сторожа или охранника. Вузовского

преподавателя не ставили буквально ни во что, вытирая об него ноги... Так в конце июня 1996 года я оказался вне стен института. И, видимо, не совсем напрасно.

Ох, рано встаёт охрана...

Если рядом воробей –
Мы зарядим пушку,
Если муха – муху бей,
Взять её на мушку!

(Песенка из мультфильма «Бременские музыканты)

Вторая половина девяностых постылых годов прошлого столетия явилась, если и не снегом на голову во время ранней осени, то уж и далеко не бабьим летом для нашей страны. Многие из нас, её рядовых и законопослушных граждан, всё ещё верили, что распад Советского Союза - этого незыблемого колосса на одной шестой территории земного шара – лишь кошмарный сон, который вот-вот закончится и всё пойдёт по-старому. Увы, не пошло и не вернулось.

Повсеместный развал, бессовестное разворовывание и растаскивание всего, что можно было украсть – так цинично провозглашенное новым «всенародным избранником» Борисом Ельциным – делали своё чёрное дело.

Закрывались тысячи предприятий, шахт, заводов, НИИ, лабораторий, строительных организаций. Квалифицированные и опытные специалисты, так необходимые ещё совсем недавно, оказывались не у дел, их просто выставляли за порог. Повсеместный локаут профессиональной рабочей силы и творческой интеллигенции, словно весеннее наводнение, ежечасно полнил растущую армию безработных. Делалось это на фоне беззастенчивого обогащения хапуг и рвачей, как правило, ещё вчерашних идеологов и руководителей советской власти, КПСС и комсомола. Они-то своего не упускали и не хотели упускать.

И уже шёл процесс активного криминального передела нахапанного. Повсеместно полнились лишь ряды воров и охранников. Всякое мало-мальски выжившее или вновь

созданное предприятие, или фирма-однодневка взяли за моду и хороший тон создавать у себя в структурах охранные службы.

Вот и потекли отовсюду бывшие рядовые шахтёры и инженеры, химики-технологи, строители, производственники, отставные военные и изгнанные со службы спившиеся и обнаглевшие милиционеры, преподаватели школ, техникумов и даже доценты вузов в эти самые охранники. Всё-таки там платили, хотя и с большими задержками, но более-менее приличные зарплаты. Многим надо было не только кормить свои семьи и себя, но и где-то и как-то дорабатывать свой пенсионный стаж. Мне к тому времени исполнилось 45 лет, до официальной пенсии оставалось ещё 15 годков.

Кадры охранных структур многих контор, офисов и чудом выживших предприятий оказывались самыми образованными, в них сосредотачивались до 75 процентов людей с высшим образованием, ставших никому ненужными. При этом, низкоквалифицированный труд охранников, по сравнению с профессиональным образованием и прежними должностями, в большинстве случаев приводил к тому, что эти люмпенизированные вчерашние специалисты просто-напросто спивались и деградировали на глазах. Их выгоняли с одной «работы» за пьянство и прогулы, они тут же переходили в другие охранные организации. Текучка кадров доходила до 40-50 процентов в году.

Так было и там, куда попал я, в «Водоканале», преобразованном позднее в ОАО «КемВод».

А случилось всё следующим образом. Один мой приятель, Алексей Подаруев, бывший преподаватель культпросвет училища, устроившийся на работу дворником в наш ЖЭК на ФПК, чтобы получить квартиру дочери, ещё и подрабатывал охранником в «Водоканале»: сутки на охране, трое – свободен. Мало того, он «заболел» и ещё одной «болезнью», которой был безнадёжно «болен» и я с раннего детства – рыбалкой.

В мае-июне того года рыбка в нашей Томи ещё водилась немалая. Туда из Оби зашли крупные лещи и даже судаки. Ночные уловы составляли порой по пятнадцать-двадцать килограммов. Рыбку девать было некуда, холодильники были

забиты, каждодневное домашнее рыбное меню уже изрядно надоедало. Приходилось, смирив гордыню и стыд, стоять где-нибудь в людном месте и продавать свои уловы, тем самым добывать для семьи ещё и наличные деньги.

Так вот, этот самый Алексей, частенько заплывал с вечера вместе со мной в Берёзово на ночную рыбалку, но утрами я его почти никогда не видел, он исчезал. Позднее выяснилось, что он к утру просто сплавлялся вниз по течению Томи на лодке до «Зелёного острова», где с восьми часов заступал на суточную службу, приняв стакан водки и завалившись спать.

Когда я посетовал на то, что собираюсь уходить из института, он мне тут же предложил поступать к ним на службу охранником, назвав сумму зарплаты, в два раза превышающую мою доцентскую ставку по 13 разряду ЕТС.

Когда я спросил, а как туда попасть, он ответил, чтобы я брал с собой литряк водки и парочку свежих лещей, кило по два. Так я и сделал. На следующий день он привёл меня к начальнику службы охраны Бровкину Юрию Ивановичу, бывшему подполковнику-пограничнику. Смотрины состоялись. Бровкин сказал, что охранники им нужны, чтобы я проходил медицинскую комиссию, писал заявление о приёме на работу и с трудовой книжкой приходил на службу уже 2 июля.

Так я и сделал. Уволившись 1 июля из института, 2 июля 1996 года я уже был на первом суточном дежурстве на, так называемой, Основной базе «Водоканала», располагавшейся по улице Волгоградской, 47 - в сторону совхоза «Суховский».

Первые суточные стажёрские дежурства на проходной и на машинных воротах меня просто шокировали своей примитивной монотонностью и однообразием. Время тянулось потрясающе медленно, я делил прошедшие часы на суточные части: одна восьмая, одна четвёртая, половина, никак не мог дождаться окончания службы. Ко всему, внутри меня просто червоточила мысль: «Куда ты попал, Виктор Степанович? Чем ты, вчерашний доцент и замдекана, занимаешься?! Да это же – полнейшая деградация!!!»

Видя мою маету и какую-то внешнюю неудобицу, Юрий Иванович Бровкин предложил мне примерно через месяц перейти на «Зелёный остров» - новый «посёлок» коттеджного

типа, который строил «Водоканал» для своих служащих на бывшем совхозном поле, недалече от берега Томи. Там было поспокойнее и подальше от множества людских глаз. Гораздо реже туда наведывалось с проверками и наше начальство, особенно в ночное время.

А возглавлял в то время «Водоканал» опытный хозяйственник, но очень жесткий человек, Владимир Андрианович Усольцев. За любой прокол он мог тут же уволить с работы – будь ты охранник, слесарь-аварийщик, машинист насосной станции или даже классный зуботехник-стоматолог. Его все боялись, как огня. Но при нём был и порядок, при нём зачуханный городской «водоканал» на глазах превращался в технически оснащённое передовое акционерное предприятие. В его штате работали даже порядка 6-7 кандидатов наук. У «Водоканала» имелся свой профилакторий «Водолей» - со стационаром и с отличным стоматологическим кабинетом, где зубы лечили всем работникам, включая и охрану, бесплатно. Вот он и начал строить своим служащим новые трёхуровневые коттеджи (по плану на 20 гектарах земли, около 90 штук) на несколько обособленной территории - силами РСУ, являющимся структурным подразделением «Водоканала». При нём же начали строить и цех розлива чистой воды и итальянскую линию сладкой газировки под названием «Талинка».

Строящийся «Зелёный остров» охраняли три охранника с собаками и начальником караула. Начкаром там, сначала сменно-общим, был Котовщиков, потом его сменил Иван Михайлович Зайцев, работавший ранее начальником цеха, не то на «Азоте», не то на «Химпроме» или «Коксохиме». Зайцев приезжал к нам по будням на пересменок и появлялся иногда минут на двадцать-тридцать, под окончание смены эрсэушников, чтобы с ними же и уехать на служебном автобусе домой. Особо нам он не докучал. В своей смене я числился старшим охранником. И мы, охранники, с наступлением ранней зимней темноты и окончанием работы строителей, обычно заваливались спать в своих сторожевых будках, лишь изредка делая обходы территории и делая пометки в журнале обходов, находящемся на первом посту. Особенно спокойно бывало

зимой, когда все подступы к посёлку были заметены глубочайшими снегами, и попасть туда можно было только одной дорогой через первый пост. Беспокойство начиналось с таянием снегов, и особенно летом, куда просто стекались как паломники отдыхающие горожане, стремящиеся к Томи и на её берега. Случались и хищения стройматериалов, порой и не без участия охранников. Ограждения по периметру не было, имелся лишь небольшой ров, который можно было без особого труда преодолеть любому злоумышленнику. Так, уже едва ли не в первое моё дежурство ко мне подкатил мотоциклист с коляской, предлагая продать ему несколько десятков кирпичей. Я, естественно, оказал ему. Бывали и угрозы в наш адрес. А однажды, будучи в будке на третьем посту, по мне стреляли из мелкашки. Слава Богу, мимо...

Свободного времени было завались.

Кое-кто увлекался спиртным. Однажды, после дня рождения нашего приятеля, я пришёл на службу с глубочайшего похмелья, прихватив с собой по пути в киоске ещё трёхсотграммовую баночку водки. Впив её, я снова оказался пьяным. Завалился прямо днём спать. И едва не попался проверяющему. С тех пор я взял для себя за правило: на службе – ни грамма. И следовал неукоснительно этому правилу все последующие пятнадцать лет! Так что все уже знали, что поймать меня пьяным во время дежурства – невозможно по той причине, что я никогда на службе не выпиваю! Знали это и все рабочие, поначалу неоднократно предлагавшие мне выпить с ними. Я отказывался, называя причину. И те, понимая, вскоре перестали мне предлагать выпить с ними в рабочее время.

Избыток свободного времени и дефицит привычной для меня социосреды привели к тому, что я начал писать. При этом, частенько делал это прямо во время дежурств, находясь на постовых вышках. Вдохновение накатывало как днём, так и ночами. Время за этим занятием пролетало быстро. Мои дежурства уже не казались такими обременительными, как это было вначале...

Отработав на «Зелёном острове» около трёх лет, когда начали уже заселять коттеджи, охранников там стали сокращать и переводить на другие объекты «КемВода». Тогда я оказался на

«Зоне А», что располагалась по улице Терешковой и пересечении проспекта Химиков. Там находились резервуары с запасами чистой питьевой воды для города и мощная насосная станция. Там же базировались и аварийщики со своей техникой и складами запчастей и материалов. Почти три года проработал я и здесь. Помимо этих объектов пришлось охранять и основной водозабор, что находился на берегу Томи в районе Металлплощадки, и на цехе розлива - «Талинка», бывать и на других объектах.

А с июня 2003 года меня перевели на Городские очистные сооружения – уже в качестве начальника караула, где я и проработал до самого увольнения 8 лет. В моём карауле числились три охранника (иногда бывало и по четыре) и три сторожевые собаки. Состав караула менялся довольно часто. Но дольше всех я проработал с Александром Лыковым и Александром Александровым, даже подружившись с ними.

Со всеми остальными охранниками и сменными начальниками караулов отношения были весьма сдержанными, если не сказать натянутыми. Дело в том, что начкарами назначались, как правило, бывшие менты или гуиновцы – народ весьма подленький, придирчивый, мелочный, готовый в любую минуту подставить тебя, выгораживая себя или сваливая на тебя свои проколы и косяки по службе.

После Ю.И. Бровкина некоторое время начальником СБ работал В.И. Чехлатов, отставной армейский подполковник, которого вскоре сменил Сергей Фёдорович Шкрылёв – армейский капитан запаса.

Будучи сам любителем выпить, Шкрылёв стал закручивать гайки в отношении выпивох, и особенно в рабочее время. За малейший прокол и уличение в выпивке, а также сон на посту, как правило, следовало увольнение. В его подчинении находились не только вчерашние рядовые и сержанты со старшинами, но и немалое количество отставных майоров, подполковников и даже полковников. И всех он строил в один ряд! Не давал спуску никому. Беда была тому, кто прокалывался по службе. Его фамилия склонялась ещё с полгода на ежемесячных скучнейших и однообразных обязательных собраниях личного состава. Этот человек попадал под опалу.

Так случалось и со мной, пару раз, когда я пытался после подставы показать, что я не из тех, на ком можно срывать свои накопившиеся негативные эмоции. Правда, бывали случаи, когда я получал даже благодарственные грамоты и письма за примерную службу – вплоть до Губернаторских. Не говорю уже про ежемесячные премиальные. И немалые.

Однако, видя, как быстро и стремительно растёт армия охранников по всей России, вскоре опомнились и менты с государственными чиновниками. Ведь с этой армии вчерашних профессиональных военных, и даже бывших коллег-ментов и прочих деклассированных специалистов, подавшихся в охранники, можно было срубать, ничего не делая, очень даже приличные деньги!

Чиновники стали разрабатывать поспешные и не очень продуманные инструкции и статьи законов – об охранной деятельности, о служебном оружии и спецсредствах. И вот тут-то закончилась вольная жизнь охранников.

Теперь уже нужно было проходить обучение на охранника, получать лицензии на охранную деятельность, разрешение на служебное оружие и спецсредства и сдавать ежегодные квалификационные экзамены и зачёты. И всё это делалось обычно за счёт самого охранника, а не предприятия, где он работал. Сначала сдавали экзамены и зачёты в лицензионно-разрешительном отделе УВД устно, и лишь те, кто имел дело на объектах с оружием. Потом обязали сдавать и всех начкаров. А поняв халявную дармовщинку – и всех прочих охранников поголовно. Перешли на тестовую форму сдачи экзаменов и зачётов. Тестовые задания были разработаны так безграмотно и примитивно, что мне, прошедшему в Москве курс по педагогическому тестированию, все эти огрехи были видны очень даже хорошо. Но – мои знания и навыки были никому ненужными и переубедить кого-либо в некачественности (невалидности) тестовых заданий было просто бессмысленно! Мало того, нужно было ещё и сдавать стрельбу из пистолета Макарова – по движущимся и неподвижным мишеням с разного расстояния. И, если я сдавал все тестовые задания, выучив «правильные» ответы, без проблем, то стрельба стала меня огорчать. Раньше я всегда

(особенно во время действительной службы) стрелял неплохо, даже с отличием. Тут же, волнуясь, стал мазать. К тому же стали подводить зрение и дрожание руки. Пришлось однажды даже оплачивать стрельбу повторно...

Структура и численность нашей службы безопасности стала резко расти и меняться. Появилась группа оперативного реагирования, которая не столько реагировала на помощь на объектах, сколько занималась проверкой несения службы на постах и особенно в ночное время, разъезжая на специальных машинах. Мало того, оперативных дежурных обязали проверять знание охранниками статей законов наизусть. Особенно это любили делать сам Шкрылёв и особо ретивые опера. И многие охранники, волнуясь, не могли наизусть быстро и без запинок и искажений воспроизвести содержание спрашиваемого материала. Тогда доставалось и самим охранниками, и начкарам – за слабую подготовку своих подчинённых. Вплоть до снятия какой-то части премии.

С переходом на Городские очистные сооружения (ГОСК) и на должность начкара, у меня появилось гораздо больше ответственности и стало меньше времени писать во время службы. Зато я начал приносить на службу целые кипы рукописей, которые мне давали на чтение и рецензии в редакции нашего журнала «Огни Кузбасса» и Союзе писателей.

Где-то в начале 2008 года нашу службу безопасности вывели из структурного подразделения ОАО «КемВод» и сделали из неё ЧОП (частное охранное предприятие), которое возглавил Тимошкин, а Шкрылёв стал его замом.

Постоянное пребывание «под Дамокловым мечом» со стороны начальства нашего ЧОПа день ото дня делало службу всё тягостнее и невыносимее. На каждом собрании тебе напоминали, что ты ешь чужой и дармовой, неотработанный хлеб. Закручивались гайки всё туже и со стороны системы выдачи лицензий и приёма экзаменов. Нужно было вновь проходить оплачиваемую переподготовку, сдавать экзамены и получать удостоверения нового образца охранника 6-го разряда. Всё это стоило порядка 5-6 тысяч, при месячной зарплате в 12-13 тысяч рублей. К тому же, приближалось время выхода на пенсию, то есть моего 60-летия...

И я принял решение: уйти на пенсию. Уведомил об этом начальство и, переработав лишь две смены после своего юбилея, уволился из ЧОО «СБ СКЭК» 2 июня 2011 года. Что самое обидное, при увольнении и выходе на пенсию, мне никто не сказал даже спасибо за 15 лет службы в охране. Уж кому-кому, а Шкрылёву-то было это очень даже хорошо известно. К тому же, я никогда не числился среди самых плохих начкаров и охранников. Не выдали мне даже хотя бы какую-то бумажку в виде Грамоты или Благодарственного письма, ни рубля вознаграждения сверх положенной отработанной месячной зарплаты начальника караула. Обидевшись, я передумал делать даже отвальную «полянку» с нашим начальством. Правда, мои ребята из караула всё же проводили меня.

Ну, и на том спасибо... Всё, всё, с охраной покончено, как когда-то и с работой вузовского доцента... Уходя, уходи – это я взял за принцип!

Одна, но пламенная страсть...

Снова май изумрудной стопой
Марафонский взял старт к октябрю.
Ну, а я – в рыболовный запой,
И всё прочее – по фонарю!
(Виктор Арнаутов)

Ну, вот, настала пора написать и о своих любимых занятиях, или, как принято говорить, хобби. Их у меня не так много, но все они длительно-устойчивые. Прежде всего, это – рыбалка. Потом я увлёкся фотографией. Со студенческих времён не расстаюсь с гитарой. И, наконец, - сочинительство.

С рыбалки и начну. Пожалуй, процитирую тут самого себя, из моего раннего рассказа «Песнь моя колыбельная»:

«**У**влечение моё рыбалкой началось давно. С самого раннего детства. Порой мне кажется, что и родился я с удочкой в руке. Уж откуда взялась страсть эта – сказать затрудняюсь. Отец мой, хоть и брался за удочку, но крайне редко. По крайней мере, болезнью этой не страдал и всерьёз рыбалку никогда не воспринимал, в отличие от охоты. Дедов своих я или не помнил,

или не знал совсем. Должно быть, извечный инстинкт добытчика рано коснулся души моей.

С возрастом всё чаще переносишься в годы детства и юности. Многое забывается, что было совсем недавно, а вот картины детства возникают объёмно, детально, ярко: оттуда, где течёт и течёт речка со странным названием Чузик. Среди болот и лесных островков, куда ссылали многочисленных раскулаченных в тридцатые годы, петляет по Нарымским просторам Чузик, нанизывая на себя не очень частые теперь деревушки.

Что означает это название, выяснить мне так и не удалось даже у полуоседлых аборигенов-остяков. В местах наших Чузик очень извилист, на плёсах метров по двадцать пять – тридцать шириной. Почти на каждой излучине – омут. Вода тёмная, коричневая, как чай заваренный. Течение медленное, равнинное, отчего Чузик кажется каким-то приручённым, домашним. И лишь в половодье река становится сердитой, бурной, как подгулявший мужичонка.

Нет, не было в нашем Чузике знаменитых обских осетров и стерлядей. Не прыгал на перекатах шустрячок сибирских рек хариус, не шлепотил в лунные ночи ленок, не пугали редких рыболовов сказочные таймени.

Когда и как взял я в руки удочку в первый раз, кто её оснастил, кто научил насаживать червяка на крючок – не припомню. Может быть, отец, а может, мой добрый старший друг Серёга. Несомненно одно: в подготовительный класс рыболовной школы ходил я с такими же босоногими пацанами на ближнее озёрко, между Шаманской горой и речкой. Названия у него не было. Просто озёрко, метров на пятьдесят в диаметре. Мои первые уловы состояли исключительно из гольянов. Любовь и нежность к этой незатейливой рыбке сохранилась и поныне».

Итак, первыми моими уловами были исключительно из одних гольяшков. Потом я стал ловить ершей, следом – пескарей. За ними последовали караси. Один из эпизодов ловли первых моих карасей на Боталёвском озере послужил основой для рассказа «Меченые караси». Потом были окуни, ельцы с чебаками, щуки и, наконец, язи. В общем, все девять видов

рыбы, водившейся в нашей округе, я переловил летом. Исключение составили лишь линьки, которые водились только на Скитовском озере.

Караси – мой излюбленный вид рыбы, а карасёвая рыбалка – одно из самых любимых моих занятий. Карасей я ловлю с самым началом таяния льда на озёрах (иногда это бывает даже в самом конце апреля) – практически весь май и половину июня. Летом и осенью на карася выбираюсь крайне редко. И чаще это бывает где-нибудь за пределами Кемерова (Куйтун, Пудино,…). Удалось замечательно половить карасей на своей малой Родине этим летом (2014г.), в Калининском, на озере под невзрачным названием Свиной лагерь. Это – в пятнадцати минутах ходьбы от маминого дома, там мы в детстве ловили лишь весенних гольянов да бегали купаться. А оказывается, там полно карасей. Отвели душу на них сначала я со своим однокашником Николаем Шаровым, а потом и с братом Володей. Караси там невелики, граммов по сто, но Володя поймал трёх штук и граммов за триста!

Относительно щук следует сказать несколько слов особо. Во-первых, мы их добывали разными способами. Летними погожими днями эти хищники, как правило, поднимались из глубины и стояли в траве или в коряжных заводях. Небольших щурят, размером в десять-пятнадцать сантиметров, которых в шутку называли аршином и малаланом, мы силяли силышками из медной проволоки. Этим же приёмом удавалось иногда подсилить и щучек покрупнее – четвертушек и полторушек (в двадцать-тридцать сантиметров). Блёсен у нас не было. Зато за игрищами в войну, где мы использовали самодельные луки, иногда пробовали из лука стрелять и по щурятам. Лучше всех это получалось у Коли Ковецкого (Рыжего). Пробовали мы ловить щук и на живца. Очень интересной была рыбалка на живцов-гольянов на Третьем Дудинском озере, обычной поплавочной удочкой. Правда, щуки там были некрупными, граммов до трёхсот-четырёхсот, но довольно много. Об этом у меня есть в рассказе «Хом».

В то время почти в каждой семье имелось оружие – дробовики или мелкокалиберные винтовки («тозовки»). Никто не требовал тогда ни разрешений на оружие, ни лицензий на

охоту. Так вот, из мелкашек было очень удобно стрелять стоящих в заводях щук, а иногда и крупных язей. Патрончики к мелкашкам продавались пачками по 50 штук и стоили сущие копейки. А ещё на крупных щук ставили жерлицы – из довольно грубой снасти. Как-то я с братом Володей вытащили щуку килограмма на три, правда, жерлица со щукой была не наша, а соседского деда Толстова.

Зато самим, на свои снасти нам довелось половить крупных щук на Мирновских озёрах. Там попадались экземпляры по 70-100 сантиметров, и весом до семи килограммов! Мирновские озёра – это нечто! До сих пор те рыбалки видятся мне едва ли не чудом. От нас до них насчитывалось не то 40, не то все 50 километров. Ходили туда мы пешком, ребячьей ватагой, человек по пять-семь, как правило, в середине июня, на неделю, поскольку только дорога туда и обратно занимала по одному дню. Кроме щук там мы ловили на обычные поплавочные удочки, насаженные хвостиком мелкого окушка огромных окуней, весом до полутора килограммов. Таких экземпляров мне ловить больше нигде не доводилось! Трижды в 1967-68-м годах я побывал на Мирновских озёрах. Об этом я написал рассказ «В ожидании праздника».

Почти постоянным спутником наших рыбалок был мой младший борат Володя.

С переездом в Калининский я постиг ещё один вид рыбалки – зимнюю. Вот как это описано в моём рассказе «На Чузике зимнем»:

«В ту зиму появилось у нас в обиходе новое слово – «тунеядец». А вместе с ним – и сами тунеядцы. На наш ребячий взгляд, кстати, - вполне нормальные люди, чаще всего – одинокие мужчины, лет двадцати пяти – сорока. Тунеядцев присылали к нам из городов, обычно из Томска, но попадались и москвичи. Якобы, на трудовое перевоспитание.

В одном из пустых домов, что стоял напротив конторы возле Ложка, поселился тунеядец Борис – мужчина тщедушный, лет тридцати пяти, заросший рыжей редкой щетиной, гнилозубый и щербатый. Ничем бы Борис не запомнился в деревне, как и десятки других тунеядцев, уехавших через год-

два назад, если бы не одно занятие. Занятие это уже в ту зиму, как эпидемия гулявшей кори, поразило большую часть мужского населения Калиновки.

О том, что Борис-тунеядец ловил из-подо льда рыбу, первыми, как всегда, прознали мы, пацаны. Молва эта в одночасье облетела едва ли не все полсотни домов деревушки. Самое же любопытное в той молве было то, что ловит он, будто бы, на почки. На какие почки – никто толком не знал: на берёзовые, смородинные ли. А кто и вовсе говорил: на бычьи или свиные. Как выяснилось вскоре, ловил рыбу Борис вовсе даже и не на почки, а на сырое мясо или печень, нарезанное мелкими брусочками.

Место для своей рыбалки Борис выбрал безошибочно уловистое. Это мы уже поняли позднее, когда издолбили пешнями не только этот омут на Чузике, но и многие другие омута и плёсы. Лучше, чем тут, не ловилось нигде.

Снасть Бориса была не совсем обычной, нами невиданной: коротенькая палочка с рогожным утолщением для руки. К концу палочки – привязана леска, ну, а дальше, всё, как и летом – крючок и грузило. Впрочем, и не совсем так.

Здесь же мы увидели впервые у Бориса и необычные крючки, с дробинкой на цевье или месте ушка. Называл он их «мармашками». И этот непривычный для нас термин надолго вошел в наш рыбацкий обиход, а правильно произношение «мормышка» ещё долго резало слух уже и в позднее время.

Не помню, сколько прошло дней, только Борисово одиночество на омуте закончилось. Прибежав из школы после уроков, мы переодевались, торопливо, на ходу, хватали по куску хлеба, брали свои удочки – и бегом, на омут, занимать уловистые Борисовы проруби...»

С переездом в город Кемерово и, странствуя по России и Союзу, расширились и мои рыбацкие трофеи. Вообще-то в моём рыбацком трофейном арсенале насчитывается более трёх десятков различных видов рыбы, включая и морскую. При этом основным видом ловли является рыбалка крючково-лесковой снастью. И лишь на Оби и на отдельных озёрах, очень редко ловлю сетями или даже неводом. Этот вид ловли хотя и является весьма добычливым, меня привлекает совсем мало.

Попробую очень кратенько перечислить, где и какую рыбу я ловил. Итак, в Кемерове, в начале 70-х годов я прибавил в свою копилку *верхоплавку*, или *серебрянку* – рыбёшку мелкую, сорную и годную лишь на живцовую наживку на хищную рыбу.

Будучи на Шикотане, на удочку-закидушку ловил в море *морских красных окуней и терпугов.* Там же был на сайровом лове с сейнера. Специальными ловушками-сетью ловили *сайру.* В японские краболовки попадались *крабы, осьминоги, кальмары.* Этот вид рыбалки описан у меня в путинно-путевом эссе «Шикотан».

Из морской рыбы следует приплюсовать: *тараньку и морских бычков*, которых доводилось удить в Азовском море, в Белосарайке, летом 1981 года.

В этом же году, будучи в Молдавии, в Вулконештах, где жил наш дядя Толя Арнаутов, на проточном озере, которое пронизывает знаменитая речка Кагул, я впервые ловил *карпят и судачков-веретёшек.* Об этих рыбалках у меня упоминается в рассказе «На Кагуле, в степях Буджака».

Будучи в Питере на стажировке, с Ушаковского моста через Неву ловил впервые *уклейку,* а в Невке и Лебяжьей канавке – *колюшку* – мелкую несъедобную колючую рыбёшку. Тогда же ездил со студентом-художником Валерием Лунёвым на Вуоксу, ловить лещей, но ничего не поймали. Свои впечатления от той рыбалки я оставил в рассказе «За лещами, на Вуоксу». Что касается уклейки, то до недавнего времени её в наших водоёмах не было вообще, но со строительством крупных искусственных водохранилищ («морей») её развелось несчитанное количество. Летом, на кольцевую снасть она не даёт ловить крупную рыбу, обчищая крупные крючки с червями. Зато зимой, в часы бесклёвья, уклейка – безотказная палочка-выручалочка. Как-то на соревнованиях по подлёдному лову, за пару часов рыбалки я выловил более килограмма уклейки и занял первое место!

А с первыми *лещами*, точнее подлещиками я познакомился, будучи в стройотряде летом 1972 года в Кожевникове Томской области, на Оби. Чуть позднее ловил подлещиков на Обском море, в Абрашино - с лодки и с «сижей», в 1978-1980 годах.

А ещё позднее, где-то с середины 80-х годов я серьёзно заболел лещовой рыбалкой на, так называемое, *«кольцо»* - своеобразную снасть - закидушку-донку, которой рыбачат с лодок на течении. И с тех пор это – основной вид моей ловли и в настоящее время. Моим учителем по кольцевой рыбалке сначала на Оби стал Володя Чернов, бывший десантник, с которым в последние пятнадцать лет, ежегодно, в сентябре, на три-четыре ночи мы ездим к моему другу-однокласснику Анатолию Устюгову в Мельниково, на Обь. Но ловим там уже в основном плавной сетью.

Рыбалка *на «кольцо»* - одна из самых моих любимых – вкупе с летней карасёвой поплавочной и зимней, мормышечной. На «кольцо» я рыбачу с конца мая и по середину сентября, на Томи, с лодки. В лучшие времена уловы на эту снасть доходили до тридцати килограммов за ночь. И до трёх килограммов веса на один экземпляр. За летний сезон удавалось поймать по 350-400 килограммов рыбы! Сейчас уловы стали поменьше, килограммов по пять-десять за ночь (в редких случаях – кило 12-15), лещи - в среднем от 500 граммов до полутора килограммов по весу.

Этому виду рыбалки и её рыболовам-фанатикам я посвятил свою вторую книгу рассказов «Кольцом едины». Долгое время моим постоянным партнёром в этой рыбалке был Александр Дмитриев – мой друг и даже бывший коллега с 1982 года, которого убил в своей собственной квартире один мерзавец в марте 2014 года...

Число рыбаков-кольцевиков на Томи год от года всё сокращается. Из друзей-приятелей по кольцевой рыбалке остаётся неизменным лишь один Борис Владимирович Колотовкин. Пореже, но всё же появляются на ночной Томи Иван Маслов, Миша Матвеев, Юрик Кондратьев (Рыжий), Санька (Лохматый).

Чтобы закруглиться с кольцевой рыбалкой, следует упомянуть, что попутно с лещами, на неё отлично ловятся чебаки, сорога, окуни, уклейка, пескари, язи. В конце августа 2014 года, рыбача на «кольцо», под утро, перед рассветом поймал *окуня* на килограмм! Таких экземпляров на Томи брать ещё не доводилось...

Ловил в Томи на «кольцо» *карпов,* до трёх килограммов. Неплохо одно время брал и *судак,* на резку или хвостик чебака. Самым крупным моим судачьим трофеем был экземпляр весом в четыре килограмма. Случались рыбалки, когда за ночь попадалось по два-три судака. Увы, в последние годы судак на Томи стал очень большой редкостью.

На эту же снасть иногда по холодной воде, в мае-июне или в сентябре попадается *налим.* Очень редко, но ловил экземпляры до двух килограммов весу.

Осенью 1985 года я со своим студенческим другом и коллегой Юрой Ли оказался на сельхозработах со студентами института культуры в Марьевке – на родине нашего знаменитого поэта Василия Дмитриевич Фёдорова. Там протекает очень интересная речка Яя, а в неё впадает речушка Уда. Вот там-то мы и ловили своих первых ручьевых *хариусов.* Ловили на обычную поплавочную удочку, сооруженную там же из подручных средств. Насадкой служил обыкновенный дождевой червь. Попадались экземпляры граммов до трёхсот, но в основном – размером с хороших ельцов, граммов до ста. Немного позднее доводилось ловить хариусов на Енисее и в районе Ангарска. Но там рыбачили мы с дюралевых моторных лодок, на спиннинговую плавучую снасть. А ещё ловил ручьевых хариусов на речушке Быстринка, что в Крапивинском районе, в деревне Каменка, опять-таки, будучи со студентами на сельхозработах. Несколько хариусов случайно попадались и в Томи, как летом, на поплавочную снасть, так и на зимнюю, мормышечную.

В самом конце 80-х годов я приобщился *к зимней рыбалке* и на Томи, в районе Кемерова. Заслуга в этом деле принадлежит моему приятелю Андрею Масляницыну. Зимней, преимущественно мормышечной снастью, рыбачу с начала ледостава, сперва на озёрах (Ленинградка, Андреевка, Берёзовский Отстойник, Красновское озеро, Калтырак, Танай...), потом перехожу на Уньгу и Томь – и до последнего льда. Наиболее любимыми местами зимней рыбалки у меня являются Берёзовские ямы, протока Автомобилиста, район Копыта и Осерёдыша, Балахонка, Старый мост через Томь. Очень хорошо в марте месяце, когда я бываю у мамы на своей малой Родине,

ловится всё на том же «борисовом пятачке» Чузика, на омуте у впадения в него Николки, окунь. Иной раз за рыбалку (с утра и до обеда) там ловлю по пять-семь килограммов. Правда, окушок не очень крупный, но берёт бойко, практически всегда и в любую погоду. Моя мечта – хотя бы разок зимой порыбачить на Большом Мирновском озере. Увы, пока не получается...

Что касается карпов, то мне доводилось ловить несколько их разновидностей. *Карп обычный, или сазан* – водится во многих реках и зарыбленных водоёмах. Его я ловил как на поплавочную удочку, так и на «кольцо». *Карп зеркальный* – разновидность чисто прудовая. Рыбачил на прудах Калинкино и в «арыке», соединяющем «виповский» пруд с верхним. Попадались до двух килограммов. В основном же были экземпляры от 300 граммов до килограмма. Насадка – крупный червяк или пучок червей, кукуруза, варёная молодая картошка. Там же выловил и трёх штук *японских карпов* - красных. Размерами до килограмма. И ещё один вид карпов. По крайней мере, местные инструктора говорили, что это карпы, назову их условно *«китайскими»*. Дело в том, что они мало похожи на наших: полосатые наподобие окуней, с такой же жесткой чешуёй. Ловить мне их пришлось на платной рыбалке на горном озере китайского острова Хайнань. А клевали, как обычные карпы или караси, на хлебные катыши-шарики. Весом до 600 граммов.

В этих же прудах Калинкино, в Промышленновском районе, попутно поймал несколько *белых амуров, толстолобиков и даже канальных сомиков.*

Перечислю несколько видов, которые в моём рыбацком арсенале встречаются в единичных экземплярах: *бычок подкаменщик, вьюнок-усач,*

В последние годы, как и уклейка, которая водится в основном в речках, в прудах и озёрах развелось много *ротана* - это тоже разновидность бычков. Ротаны-головёшки – пришельцы, говорят, с Дальнего Востока. Но здесь они прижились и акклиматизировались. Рыба сорная и даже вредная, пожирает икру всякой другой рыбы того водоёма, где завелась. Попадается попутно, в основном при рыбалке карасей. Размерами невелика, чаще всего со среднего ерша, бывает и

мельче, и крупнее. Говорят, что вырастает и до полукилограммов, но мне таких ни ловить, ни видеть не доводилось. Однажды, на пруду у деревни Кузбасский, поймал порядка пяти десятков этой рыбёшки, перекрутили на фарш, вкус – так себе...

Теперь о той рыбе, которую ловил не на спортивную снасть – сетями и даже неводом, на Оби. Рыбалка эта – не моё занятие, но как средство добычи рыбы.

Рыбачу этими снастями (плавёжная донная сеть, ставная сеть и даже невод) на Оби, у друга-одноклассника Анатолия Устюгова. Итак, перечислю, что там попадалось помимо дозволенного: *стерлядь* (до пятисот граммов), *кострюки (осетрята*, до двух килограммов), *сырок (сырка, пелядка)* – до семисот граммов весом. Рыбалка, как и снасти, запретная, браконьерская. Но затягивает и она... Одна из первых таких рыбалок описана у меня в рассказе «Азартный ты, Парамоша...».

Теперь попробую перечислить те реки и водоёмы, на которых доводилось рыбачить. Начну с Чузика и Николки – речек моего детства и малой Родины. Там же, озёра и старицы: Школьное озёрко, Боталёвские, Дудинские, Круглое, Щучье, Светлое, Скитовское, Мирновские озёра. Притоки Оби – Нюролька и Парабель. Карельская Вуокса, молдавский Кагул...

Крупные реки: Обь, Енисей, Ангара, Томь, Нева.

Рыбачил несколько раз на Оке, что является притоком Ангары и течёт в Иркутской области, впадая в Братское море.

Притоки Томи: Уньга, Терсь (Средняя), Барзас, Каменушка, Быстринка, Чесноковка, Осиновка, Промышлёнка, Змеинка, Грязная, Заломная, Берёзовка, Писанка...

Реки и речушки Кемеровской области: Яя, Кия, Алчедат, Уда, Амзас, Кайсас, Иня...

Уральское озеро Иткуль – особая статья. Об этом у меня написано в рассказе «Уфалейские встречи». А заливное приобское озеро Юнанга в районе Молчанова! Об этом я тоже написал два варианта рассказа «На Юнанге», и пока оба варианта ещё нигде не опубликованы.

Видимо, не все виды выловленных мною рыб я тут перечислил и далеко не все места, где доводилось порыбачить.

Начав свою писательскую стезю с рассказов о рыбалке, от книг я перешёл к публикациям в газетах и даже в журналах. Так, мой друг Саня Дмитриев ещё в начале 2000-х годов порекомендовал своему институтскому однокашнику Евгению Богданову, редактору опально-оппозиционной газеты «Край», меня, как автора. И с Богдановым мы заключили негласный договор, что я каждый месяц буду давать ему в газету материалы о рыбалке. Так появился цикл моих очерков «Рыболовный календарь», который печатался ежемесячно в 2004 году в этой газете. За эти материалы редактор мне регулярно выдавал гонорар, по тем времена очень даже неплохой, в переводе на водку – бутылок по пять за публикацию.

С 2008 года я стал практически регулярным автором региональной газеты «Охотник и рыболов Сибири», где уже несколько раз перепечатали мой «Рыболовный календарь», разбавив и новыми фотографиями. Помимо прочего, там печатали и мои новые рассказы о рыбалке, а также некоторые ранние рассказы и фрагменты из повестей и даже романа. Тюменский журнал «Врата Сибири» во втором номере за 2007 год напечатал рассказ «В ожидании праздника». В художественно-литературном альманахе «Охотничьи просторы» (2011 год, книга 68,2) напечатали рассказ «Стариково – рыбацкое Эльдорадо». Ставропольский журнал «Южная звезда» в 2004 году (№ 3) напечатал рассказ «На Кагуле, в степях Буджака». Кемеровский альманах «Университете культуры» в 2009 году напечатал рассказ «Лысые романтики». Ну, и наш, основной журнал «Огни Кузбасса» начал мои регулярные публикации с рассказа «Виталя Трёхрублёвый» в 2000 году...

Что в заключение: надеюсь ещё повстречать немало интересных рыбацких мест, стать обладателем новых рыбацких трофеев и выразить надежду, что пока хватит моего здоровья и жизни – никогда не изменю этому любимому занятию.

К тому же, ведь недаром же бытует среди рыбаков пословица: **«Время, проведённое на рыбалке, в счёт жизни не входит».** Поистине: Божественное занятие!

Теперь немного о том занятии, которое сопутствует рыбалке. Я имею в виду **сплавы по рекам на резиновых лодках.**

Первая резиновая двухместная лодка ЛГН-2 появилась у меня в 1978 году. Верой и правдой прослужила она мне порядка 15 лет, да потом ещё у брата – лет пять.

А сманил меня на сплав по Томи на своей резинке-двухместке, пообещав хорошую рыбалку (ещё до того, как я познал кольцевую снасть), где-то в самом начале 80-х годов, в конце мая по большой воде, преподаватель музучилища, великолепный баянист-виртуоз и фанат-рыболов Александр Малютин, внешне очень похожий на Пьера Безухова в исполнении Сергея Бондарчука. В тот раз мы прошли от Крапивина и до Кемерова всего с одной ночевкой в Змеинке. При этом, участок от Кедрового острова (выше Шевелей) и до Кемерова мы преодолели практически за семь часов, постоянно попеременно, под моросящим дождём, гребя на вёслах!

Первый сплав по реке Мрассу мы задумали с друзьями ещё в начале девяностых годов. Но сплавиться по этой красивой горно-таёжной реке, так же, как и по Кие, не получилось. Тогда мы решили ограничиться Томью.

Втроём: я, Саня Дмитриев и Гена Миненко – мы в начале августа сплавились от Зеленогорска до Кемерова, рыбача на стоянках на кольцо. В тот самый первый сплав мы открыли для себя и рыбное место: Фомихинский плёс - от выхода из Утячьей протоки и до Крапивинского водозабора. В тот же раз были Змеинка и Городок, которые мы активно осваивали в следующее лето.

Обычно на сплав по какому-либо участку реки я отвожу от шести до четырёх суток. Это – то оптимальное время, за которое сплав и его команда не успевают надоесть. Почти все сплавы мы снимали на фото и позднее – на видео камеры. За капитан-командора сплава обычно выступаю я. Я же и инициирую эти сплавы, и подбираю команду. Наиболее постоянными членами наших сплавов являлись Саня Дмитриев, Алексей Гук и Виталий Андреевич Коротков, отставной подполковник, самый возрастной наш сплавщик. В один из сплавов, ему было уже 65 лет. Представляясь на камеру, он

говорил: «Я – уже трижды пенсионер: по военным меркам, российским и даже европейским». Самым комфортным членом команды во время сплавов является Алексей Гук – доктор философии, профессор нашего института (КемГуКИ), моложе нас с Саней лет на пять.

Вообще на резиновых лодках я прошёл с ребятами по Томи в несколько приёмов маршрут от Салтымакова и едва ли не до самого устья, то есть впадения её в Обь, общей длиной километров в четыреста с лишком. Самый удобный участок, от Зеленогорска и до Кемерова, мы прошли несколько раз. В сплаве от Салтымакова и до Кемерова принимали участие: Саня Дмитриев, Виталий Андреевич Коротков, Сергей Некрасов, Алексей Гук, Владимир Ерёменко и его сын Саша.

Участок от Кемерова и до Юрги мы одолели за четыре дня в составе четырёх человек: меня, Алексея Гук, Виталия Андреевича и Николая Шарова – моего школьного однокашника, ныне юргинца.

От Юрги до Томска по большой воде в начале августа мы прошли за три перехода. Ко мне, Сане Дмитриеву и Николаю Шарову присоединился ещё и томич, мой друг детства и юности Николай Ковшаров. В тот раз Саня Дмитриев наткнулся на рыбное место во время стоянки в Курлеке, что по реке выше Томска километрах в тридцати пяти. Потом туда мы ездили на машинах из Кемерова ещё года четыре, почти всегда приезжали с хорошими уловами, в которых помимо лещей бывало немало язей. Ездили на машинах Александра Ярощука, А.П. Карманова, Володи Чернова, Володи Денисова, Игоря Долгова, Сергея Некрасова, как правило, на две ночи. Там же, как-то в сентябре я поймал на кольцо и двух хороших налимов.

И наконец, самый неудачный и не пройденный участок Томи – от Томска и до её устья мы сплавлялись в августе 2011 года: я, Саня Дмитриев и Алексей Гук. Из состава команды ещё на начальном участке сплава, в самом Томске выбыли Сергей Некрасов и Николай Ковшаров, по разным причинам. Мы не учли, что на том участке во время малой воды почти нет течения. А встречные ветры при ширине Томи – большей, чем в её среднем течении - вообще захлёстывали волной борта наших лодчонок. Почти половину пройденного маршрута (до

Самуськов) пришлось идти на вёслах. Как раз в то время моя дочь с семьёй попала в автоаварию. Пришлось принять решение: прекратить сплав на четвёртые сутки...

Не смотря на мирный характер тех рек, по которым я сплавлялся, не раз приходилось сталкиваться и с трудностями, и даже экстримом. Связано это, прежде всего, с непогодой и с нашим сибирским гнусом. Неоднократно попадали в затяжные моросящие дожди, как это было при сплаве в самой середине лета, в июле, всемером от Салтымакова. Все мы тогда не только промокли, но и изрядно замёрзли, а Володя Ерёменко даже подхватил простуду и затемпературил. У Алексея Гук в тот раз вышла из строя видеокамера. Невероятная гроза со шквалистыми ветрами почти полдня преследовала меня с Алексеем Гук и Виталием Андреевичем при сплаве от Городка. Благо, мы были на берегу, в двухместной палатке. Но ветер так трепал палатку, что казалось, он нас унесёт вместе нею или повалит прямо на неё стоящие рядом тополя. Огромное количество мошки пришлось пережить нам же троим при сплаве по Яе. Медленное течение и встречный ветер не дали нам пройти участок Томи от Томска и до устья...

Самый же романтический сплав оказался по реке Яя, в начале июля. Намереваясь пройти по ней чуть ли не до устья, из-за обилия гнуса, мы тоже ограничились её небольшим участком – от станции Яя (железнодорожного моста) и до деревни Арышево – того самого места за Марьевкой, где мы с Юрой Ли ловили хариусов. Сплавлялись втроём: я, Алексей Гук и Виталий Андреевич. Две ночи стояли у Арышева на замечательном песчаном острове, загорая, купаясь и рыбача. А мы с Алексеем, запасаясь продуктами, сходили пешком в Марьевку. Побывали и в музее-усадьбе В.Д. Фёдорова. В речке Уда половили довольно крупных ручьевых хариусов...

А какой оказалась уха! В котелке оказалось аж восемь видов свежей речной рыбы... Да под водочку...

И, наконец, последний сплав по времени (но, надеюсь, не самый последний вообще) мы осуществили вчетвером в конце июля (2014) года от Шевелей и до Берёзова (высоковольтки). С одной ночевкой пониже острова Буян, опять же попав под дождь, сплавились на двух лодках семьями: я с женой

Людмилой и Серей Некрасов со своей Галиной. Этот сплав я посвятил памяти нашего общего друга Сани Дмитриева. Мир его праху и вечная память о нём... Как же не хватает его мне... Как и Юры Ли...

С выходом на пенсию, **я «заболел» дальними странами.** Побывав впервые в тропическом Таиланде, в самые зимние сибирские январские морозы, теперь уже планируем с женой посетить и другие страны, и опять располовинивая нашу зиму. Бывая там, свои впечатления я оставляю в ежедневных дневниковых записях. И уже дома, обработав их, делаю книжки: «Десять дней январского лета» и «Пхукет – остров спасённый» (о Таиланде), «У слияния трёх рек» (о китайском острове Хайнань), «Гоа – это тоже Индия» (о поездке в Индию на Гоа). Две последних поездки в Юго-Восточную Азию (2016 и 2018) у нас связаны с Вьетнамом, курортным городом Нячанг провинции Кхань Хоа. Я написал и напечатал две книжки, с непременными фотографиями – «В стране миллионеров» и «Нячанг – белые дома». В очень сокращённом виде эти мои дневниковые записки наепчатаны в журнале «Огни Кузбасса».

Остановленные мгновения

И остались годы эти
В «Униброме», в «Бромпортрете»,
В фотографиях «На память...»
(Дмитрий Сухарев)

Пожалуй, вторым моим серьёзным увлечением после рыбалки была фотография. Да и по хронологии – тоже.

Моя память уводит меня в самое начало шестидесятых годов. Я очарован магией фотопечати, когда при тусклом красном свете в тарелке с прозрачной жидкостью на белом листе фотобумаги вдруг начинают проявляться очертаний людей, домов, деревьев...

А чуть-чуть до этого я рассматриваю новенький фотоаппарат, пахнущий чем-то особенным и непонятным, фотоаппарат с таким же пока загадочным для меня названием - «Юнкор». Он – собственность моего старшего друга Серёги Димитренко. И стоил он шесть рублей новыми деньгами.

Фотоаппарат – широкоплёночный. На плёнку можно было сделать всего, кажется, девять или двенадцать кадров, поэтому что попало снимать Серёга себе не позволял. Снимали, в основном, своих родителей, родню, друзей, одноклассников. На природу и прочее плёнку не переводили.

Потом я с интересом наблюдаю (и даже чем-то помогаю), как Серёга из фанерок, деревянных досочек и брусочков мастерит фотоувеличитель и фонарь для красного света. Вместо фотообъектива в фанерный проекционный ящичек вставляли всё тот же «Юнкор», только без задней крышки. Вместо стекла на фанерный ящичек для красного света крепили пионерский галстук. Помню, Серёга как-то доверил мне самостоятельно сделать отпечаток с кадра, где я с мамой, братом и сестрёнками стоим вместе. Фотку эту я почти запорол, дал слишком много света на фотобумагу, и фотокарточка получилась темноватой (как говаривают фотографы, передержанной). Но это была – уже *моя фотография*, как некогда первый *мой карась*, пойманный мною самим на Боталёвском озере.

А чуть позднее, когда мы жили уже в Калининском, в конце лета 1962 года отец купил мне настоящий фотоаппарат. Назывался он «Смена», просто «Смена», ещё без цифр, это уже потом пошли «Смена-2» и далее. К нему же он купил и все принадлежности: фотобачок, ванночки, фотоувеличитель, металлический фонарь красного света... Даже и не знаю, как он решился на такое, ведь всё это стоило тогда весьма приличных денег! Сам он фотографией никогда не занимался. Осваивали это дело мы с братом, правда, приоритет был явно за мною.

Фотоаппарат снимал на 35-миллиметровую фотоплёнку, на которую помещалось до 36 кадров. Правда, из-за неопытности и отсутствия знаний, на плёнке пригодными для печати поначалу оказывалось всего-то с десяток кадров, остальные из-за неверной экспозиции (установки выдержки и диафрагмы) были либо совсем тёмными, либо светлыми. А отдельные кадры были не в фокусе, ведь фотообъектив на нём стоял примитивный, и фокусировка (метраж) устанавливалась на глазок.

Сколько плёнки и фотобумаги мы поизвели с братом – уму не постижимо. И опять-таки, я удивляюсь, как на это

родители давали нам деньги. Фотоплёнка стоила тогда 36 копеек, пачка бумаги (размером 9 на 12) – двадцать копеек, проявитель с закрепителем – копеек по пятнадцать-двадцать...

Мой темперамент не давал мне как следует выдержать все рекомендуемые сроки и параметры обработки плёнки и фотобумаги. Как только я заснимал всю плёнку до конца, мне тут же хотелось её проявить. Проявив плёнку, не давал ей как следует промыться в воде и просохнуть. А следом – уже торопился отпечатать фотографии. И снова – мой нетерпёж не давал качественных снимков: из-за плохой промывки фотоснимков после проявителя или закрепителя, снимки тут же желтели и портились. А если получались сносными, то половина их прилипало к стеклу, на котором мы их сушили. Фотоглянцевателей ещё не было... Помню, с каким нетерпением вскрывал я упаковки фотобумаги со странными и непонятными для меня названиями – «Унибром», «Бромпортрет», «Фотобром», «Йодокнт», с маркировками: №2, №3, №4, №5 и даже №6; «Нормальная», «Контрастная», «Глянцевая», «Матовая»... Ещё загадочнее были надписи на химикатах: «гипосульфит», «сульфит натрия», «метол-гидрохинон»...

На следующую ступеньку фотомастерства я поднялся, когда в сентябре 1967 года мы с братом Володей получили зарплату за летнюю работу в совхозе. Рублей сто с лишком. По тем временам – деньги немалые. Уж как нам мама разрешила потратить их по нашему усмотрению – диву даюсь, ведь мы тогда нуждались в очень многих необходимых вещах. И, тем не менее, на заработанные деньги мы с братом купили велосипед за 54 рубля и новенький фотоаппарат «Зоркий-6» - за 35 рублей! Новый фотоаппарат был уже более высокого качества, чем предыдущий «Смена». У него уже имелся сменный объектив «Индустар-50» с видоискателем, то есть устройством наводки на резкость. Качество снимаемых объектов значительно повысилось. Да и возраст уже был - не те десять-двенадцать лет.

С этим аппаратом, как со своей первой гитарой я прошёл лет пятнадцать своей жизни. Где он только у меня не побывал за то время: и на рыбалках, на Мирновских озёрах, и на охотах, и во все годы студенчества, и на Шикотане, и даже в Питере. И первые фотки наших обеих дочерей – тоже сделаны этим

«Зорким-6». Разве что не тянул со мною вместе мою морпеховскую лямку.

Фотографий, что я наснимал этим аппаратом – целые чемоданы. И не один семейный фотоальбом украшают его снимки. Разлетелись по разным уголкам нашей необъятной Родины, как и мои родные-знакомые, школьные друзья и собратья по студенчеству и стройотрядам. Верным и безотказным оказался мой этот спутник жизни.

После него у меня перебывало ещё несколько аппаратов. Конечно, «зеркалки» стояли выше обычных фотоаппаратов. И я мечтал о таковом. Купил-таки себе «Зенит», который лет через пять украли у жены в Сочи, где она отдыхала вместе с младшей дочерью Настей. Вместо него пришлось приобрести «ФЭД-5» - тоже неплохой аппарат, но не зеркалка. А поработав с аппаратом высшего класса, опускаться ниже уже не очень-то хочется. Тогда я приобрёл себе снова «зеркалку», «Зенит - ЕТ». Это был лучший фотоаппарат изо всех моих предыдущих и будущих. Увы, очень скоро время его закончилось вместе с чёрно-белыми плёнками и такими же фотографиями.

Пожалуй, стоит отметить и тот факт, что, приобретая фотоаппараты более высокого уровня, снимки по качеству получались на них не всегда лучше тех, что снимал «Сменой» или «Зорким-6». И вот почему. На заре моей фотобиографии фотоматериалы (как плёнка, так и бумага) содержали гораздо больше натурального серебра. Поэтому чистота негативов и фотографий были выше, то есть на них было совсем мало зернистости, они были чётче, у них была большая разрешающая способность. Позднее серебро стали заменять всякими химическими суррогатами, от которых страдало качество снимков.

Накопив целые чемоданы фотографий, стало очень трудно найти нужные снимки в нужное время. Тогда я решил хотя бы как-то систематизировать их. А сделать это было можно с помощью толстых фотоальбомов. И я занялся этим: сортировкой фотографий и распределением их по альбомам. Так появились сначала альбомы: мой личный, начиная с раннего детства, потом – армейский, студенческий, совместно-свадебный и досвадебный. Потом пошли альбомы наших

дочерей. Наконец я дошёл до хронологических альбомов, то есть, вклеивал в них с помощью клея ПВА текущие фотографии, а на корешках альбомов указывал даты начала и конца помещённых в них снимков. Таким образом у меня получилось 22 альбома, в каждом из которых размещалось порядка 200-250 снимков, с указанием времени снимка. Они хранятся и поныне, правда из некоторых альбомов постепенно бесследно исчезают отдельные фотоснимки.

Появление цветной фотографии перевернуло моё представление о ней и значительно изменило сам фотопроцесс. Теперь оставалась в арсенале фотографа только съёмка. Проявка плёнки и фотопечать – осуществлялись уже в фотоателье. Попервости я продолжал снимать на «зеркалке». Потом приобрёл «мыльницу» «SAMSUNG». Началось это примерно в самом конце прошлого тысячелетия. И я потерял тот прежний азарт фотолюбителя, мне стало просто неинтересно заниматься только одной съёмкой. Хотя и новые, уже цветные, фотографии я продолжал вклеивать в текущие хронологические альбомы.

А где-то году в 1995-96-м моя двоюродная племянница Наталья Шадрина привезла из Новосибирска во время своей заочной учёбы у нас в институте видеокамеру. Я попробовал снимать ею и – заболел, теперь уже видеосъёмкой. И, как у маньяка, возникла навязчивая идея: приобрести свою видеокамеру. Перейдя работать из института в охранники, появилась возможность подзаработать побольше и скопить необходимую сумму на видеокамеру. Таим образом где-то в начале 1997 года я смог осуществить эту свою мечту, приобретя за 3,1 миллиона (теми ещё «лимонными» рублями) новую 8-миллиметировую видеокамеру «Samsung».

И начались видеосъёмки, которые я потом переписывал с помощью видеомагнитофона на 16-миллиметровые трёхчасовые видеокассеты VHS. Года через три-четыре я понял, что качество видеозаписей на 8-миллиметровой плёнке получается похуже, чем с 16-миллиметровой аналоговой камеры. Тогда я приобрёл новую видеокамеру, продав прежнюю брату Сергею Некрасову. И опять – тот же процесс: съёмка, перезапись на кассеты. И снова мой видеофонд, как некогда из фотографий, стал расти снежным комом. Пришлось и эти кассеты идентифицировать, то

есть наклеивать на корешки ярлычки-наклейки с указанием фрагментов видеозаписей (где и когда). Потом дело опять дошло до тематической группировки. Так появились кассеты семейные, застольные, юбилейные, рыбацкие.

А с конца прошлого столетия – и писательские. Несколько первых кассет я записал, ещё не будучи принятым в СПР. А с момента приёма меня в СПР (с 2001 года) я стал практически видеохроникёром нашей писательской организации. Записал на видео многие мероприятия, выездные фестивали, конкурсы, юбилеи, заседания, в том числе и «полянки». Особо ценными записями считаю видеозаписи поездки на Шукшинские праздники в Барнаул, Бийск и Сростки в июле 2004 года. Там на мои плёнки попали весьма замечательные люди: киноартисты - Валерий Злотоухин, Александр Михайлов, Александр Панкратов-Чёрный, Людмила Зайцева, Ольга Остроумова, кинооператор Заболоцкий, снимавший все картины Василия Шукшина; скульптор Клыков – изваявший скульптуры Шукшина; писатели: Валерий Ганичев, Валентин Распутин, Станислав Вторушин, Виталий Зеленский, Владимир Берязев, Анатолий Байбородин, Александр Казанцев, Владимир Башунов, Анатолий Личутин, Анатолий Кирилин, Александр Родионов; бард Олег Митяев, Александр Заволокин со своим коллективом, тогдашний губернатор Алтая Михаил Евдокимов, депутат Госдумы Харитонов. Здесь же - три поколения Шолоховых (сын писателя - Александр, внук – Михаил Александрович и правнук). Не говорю уже про наших писателей – делегацию кузбассовцев: Борис Бурмистров, Иосиф Куралов, Виталий Крёков, Александр Раевский, Виктор Коврижных, Сергей Павлов и я...

Все видеозаписи я дублировал: для себя и для СПК. Но те видеокассеты, что я передавал Борису Бурмистрову в СПК бесследно исчезали. Так же, как и «замылил» одну мою личную кассету ижморец Михаил Шеховцов, которому я давал её для мероприятия по поводу Первых Матвеевских чтений.

Параллельно видеосъёмкам, я продолжал делать и фотоснимки, сначала «мыльницей», а потом и цифровиком. И снова пошли фотоальбомы, преимущественно семейные, рыбацкие и писательские. Из писательских альбомов набралось

уже три штуки (тома), начиная с 1999 года и по сею пору. В каждом из них по 100 уникальных фотографий, с надписями: кто, где и когда... Со многими из изображённых на них, уже никогда не свидеться в этом мире.

С переходом на цифровую видеосъёмку, перебрав две видеокамеры, у меня почему-то пропал интерес к видеосъёмке. И я уже почти три года ничего не снимаю. Полностью перешёл снова на фотокамеру, уже цифровую. Из цифровиков у меня теперь три аппарата: «PANASONIC LUMIX», «FUJI FILM» и «CANON». И всеми тремя я не очень доволен: не всегда устраивает качество снимков.

Что касается фотоархивов, то теперь эти цифровые снимки я сортирую по темам в отдельные компьютерные папки, храня их как в памяти своего компьютера, так и дублирую на отдельных (тематических) флэшках. Особое место теперь занимают папки с фотографиями внуков – Николки и Алёны.

Изгиб гитары жёлтой...

На гитаре моей буквы-шрамы столпились,
Как на карте, на ней города разместились,
Островов и морей, поселений названья
И, как каменных гор, цифр немое молчанье...
(Виктор Арнаутов)

Эту главу, пожалуй, следует начать с небольшого отступления от непосредственной гитарной темы. Ведь до начала её освоения в моей биографии прошло целых семнадцать молодых лет.

Любовь к песне и пению, наверное, перешли ко мне от родителей. И отец, и мама – оба имели хороший музыкальный слух и голоса. Отец самоучкой освоил гармонь и в компаниях-гулянках неплохо играл на ней. Под его гармошку не только пели, но и плясали. Плясали плясовые; вальсы с танго только-только ещё начинали входить в моду. А вот чтобы они вдвоём исполняли что-то в клубе, участвуя в самодеятельности, такого я не припомню – то ли стеснялись, то ли времени на это не было. У мамы и до сих пор остался сильный приятный голос и потрясающая память на тексты песен. Она и до сих пор поёт в

компаниях. Полагаю, даже уверен, живи она в городе и попади к хорошему хормейстеру – не испортила бы любой народный хор, а, возможно, могла бы быть в нём даже и солисткой.

А ещё в памяти отчеканилось, как мама с отцом пели дуэтом, у них это очень хорошо получалось, не мешали друг другу и не подавляли партнёра силой своего голоса. Пели в основном популярные в то время песни, что слушали по радио, смотрели и запоминали по кинофильмам. Это – и ностальгические песни моего раннего детства и отрочества: «Весна на Заречной улице», «Над широкой Обью бор шумит зелёный», «Над волной голубой синяя прохлада...», «Едут новосёлы по земле целинной», «Рябина кудрявая», «Отпел гудок заводской», «Погас закат за Иртышом», «Каким ты был, таким остался» и многие другие. Это - и ставшие народными песнями, такие, как «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом», «На Муромской дорожке», «Ой, мороз, мороз», «Отец мой был природный пахарь», «Охотник с рыбачкой», «Во кузнице», «Вот мчится тройка почтовая...», «Я пулемётчиком родился», ...

Как я уже отмечал, у отца была гармонь-двухрядка, изрядно расхристанная по гулянкам. Она стояла у нас на почётном месте в горнице, накрытая сверху выбитой вручную узорной белой накидкой. По-моему, ещё до школы, время от времени, с разрешения отца или мамы я брал её в руки и пытался что-то извлечь. Лучше всего получалось на басах, и выходило-выговаривало на них «мо-ло-ка, мо-ло-ка». Как-то зашёл к нам во время такого моего музицирования сосед, бывший учитель, Николай Фастович Крушельницкий. Одобрительно похвали меня за это занятие. То ли брат Володя, то ли сестра Татьяна ему сказали: «А у него выходит только «молока да молока». «Ничего, - успокоил он нас, - иногда из молока может получиться и масло». Настоящего масла, к сожалению, из всего этого «молока» у меня так и не сбилось. Тем не менее, я пытался запомнить и воспроизвести из того, что мне показывал отец, и на голосовых кнопках. А вот одновременно – на голосах и на басах – долго не выходило.

Когда я учился в Пудинской школе, у нас пение преподавал Иван Петрович Неретин, музыкант от Бога. Разучив

на уроках новую песню, я с нетерпением дома пытался подобрать её на гармони. Что-то из этого стало получаться.

Очередным этапом освоения мною гармони стал конец апреля 1965 года, когда из Томска отец привёз новенькую двухрегистровую двухрядку. Вот тогда-то на ней я начал по слуху подбирать многие песни и вальсы. Играл дома, на улице, а позднее - в клубе, и во время вечерне-ночных летних «жениханий». К окончанию средней школы я уже неплохо владел гармонью, не ведая нотной грамоты. Её я, к слову, так и не освоил.

Припоминаю, у нас в Калининске, на стене висела гитара, оставленная нам, кажется, дядей Толей, после того, как они переехали в Молдавию. Играть на ней не умел даже отец. А я иногда брал в руки этот инструмент и пытался на нём на одной струне, опять же по слуху, щипками извлечь какую-нибудь мелодию. Об аккордах я и понятия не имел и крайне досадовал, что на гитаре никто в нашей деревне играть не умеет. Примерно то же самое было и с моим школьным другом Санькой Кием (Собакиным). Он обладал гораздо большими музыкальными задатками, нежели я, самоучкой играл лучше меня не только на гармони, но даже и на баяне.

Когда после окончания Пудинской школы мы поехали с ним поступать в институты (он поступал в Томский университет), Санька как бы мимоходом обронил: «Ну, насчёт поступления не знаю, а вот на гитаре играть я непременно научусь». Так и случилось. В университет на желаемый факультет он не попал из-за своего дальтонизма, зато стал легендой абитуры Томского университета лета 1968 года! За неделю – от кого-то из абитуриентов он освоил гитару: научился брать семь-восемь аккордов в двух тональностях на семиструнке. Мало того, играл щипками и популярным в те времена боем-восьмёркой. Таким же боем многие песни исполнял и сам Владимир Высоцкий (например, песню «В суету городов и в потоки машин...»). Ко всему, Санька выучил с десяток песен и исполнял их под гитарное бренчание! Для меня это было – пределом моих музыкальных желаний.

Вернувшись домой после неудачных первых попыток одолеть планку вступительных экзаменов в вузы, я стал просить

Саньку научить меня играть на гитаре. Он радушно показал мне все аккорды, какие знал сам, научил по слуху настраивать семиструнную гитару. И пытался передать мне свои навыки игры на ней «восьмёркой». Эту «восьмёрку» Санька «бил» неклассически и сам. После похода с ним летом этого года рыбачить на Мирновские озёра, когда метровая щука располосовала ему указательный палец на правой руке, палец так и не заживал. Так вот, при игре «восьмёркой» Санька заменил его средним пальцем. То же самое делал и я, отрабатывая технику боя по столешнице, по коленке, по чему угодно, что подвёртывалось под руку. И лишь потом – по гитарным струнам. Получалось хуже, чем у моего учителя, но всё же получалось.

А в конце сентября Санька ушёл со своим дядей, промысловиком-охотником, на полтора месяца в тайгу, добывать соболя, я постигал технику игры на гитаре уже самостоятельно. (Замечу, кстати, что тогда он лично сам добыл семь соболей и чуть было навеки не остался там из-за заражения крови в пораненном пальце). Так вот, на концерте к Октябрьским праздникам, когда Санька был ещё на охоте, я со своим другом Колей Ковшаровым уже исполнял со сцены нашего деревенского клуба песню «Гренада» под игру на гитаре. И это стало моим публичным гитарным дебютом.

Труднее всего было с самой гитарой. В магазине их было не достать - не то чтобы в деревне, даже в городе – начался повальный гитарный бум, особенно среди студенческой молодёжи. В это самое время появились и вошли в моду бытовые катушечные магнитофоны. И на затёртых некачественных лентах, переписанных по нескольку раз, были записи бардов: Высоцкого, Кима, Городницкого, Анчарова, Галича, Клячкина, Кукина. Эти песни под гитару бардов первой волны покоряли сердца и умы пытливой молодёжи. Они отлично пелись под нехитрое гитарное сопровождение во время походов, вечеринок, стройотрядовских вечерних костровых посиделок. Да и сама гитара была легка и неприхотлива в таких условиях. А эти песни можно было не только петь хором, но и просто слушать!

Та гитара, что висела до поры до времени у нас на стене, куда-то исчезла. Санька нашёл себе невесть как какую-то плохо строящую гитарёшку. А я на время его отсутствия выпросил гитару у одной деревенской пожилой вдовушки, к которой прилабунился кто-то из моложавых городских фраеров, высланных за тунеядство и бродяжничество в наши края. Всего его имущества и было-то лишь гитара, сам он куда-то временно исчез.

А в декабре этого же 1968-го года я попал в учителя начальных классов во Львовскую восьмилетку. Там, как я уже отмечал в одной из ранних глав этих воспоминаний, у моего коллеги-сокомнатника Иванова имелись магнитофон «Астра» и старенькая гитарёшка с высоко поднятой от струн декой и узким корпусом. На одной из катушечных плёнок было записано в плохом качестве несколько ранних песен Высоцкого, Юлия Кима, Анчарова и Городницкого. Я выучил эти песни и самостоятельно подобрал под них гитарное сопровождение. А у кого-то из учеников, на чердаке дома, обнаружили гитару с поломанным корпусом и натянутыми вместо струн ... заячьими петлями. Корпус этой гитары мы отремонтировали, вклеив клин и замалевав его жёлтой краской, и поставили настоящие струны. Как ни странно, но звук у неё и аккордный строй были даже лучше, чем у гитары моего компаньона, с которым мы иногда выступали даже дуэтом в самоделке со сцены местного клуба.

С тех пор гитара стала на долгие годы моим постоянным спутником и другом. А впервые я стал обладателем гитары после возвращения из Кожевниковского стройотряда осенью 1972 года студентов Томского политеха, где я был комиссаром, а друг и постоянный мой сценический партнёр Коля Ковшаров – командиром отряда «Меридиан». Тогда на каждый самостоятельный линейный стройотряд, областной штаб ССО выделял ещё и одну новую дешёвенькую (рублей за семнадцать) гитару-семиструнку. Шестиструнные гитары в то время ещё не вошли в моду.

В отличие от более поздних, корпус этой моей первой гитары был не жёлтым, а тёмно-коричневым, плавно переходящим к центру в более светлые коричневые тона. У кого-то из ребят я увидел на корпусе гитары надписи. Тогда-то и

я впервые оставил на корпусе моей звучащей подруги шариковой ручкой глубоко вдавленную надпись «Кожевниково ССО 1972 год». С тех пор на ней, словно на карте, разместились наименования тех мест, где я бывал с ней и выступал под её аккомпанемент. По сути это – наша общая совместная гео-биография. После неё у меня побывало не менее десятка различных гитар, но эта, латанная и подклеенная, с поломанными колками и самодельной уже кобылкой под струны и верхним порожком на деке, жива и поныне, и на ней можно ещё извлекать кое-какие дребезжащие звуки.

Студенческая пора... Как же да без гитары, всё с той же, самой первой! Ни одна вечеринка не обходилась без гитары или баяна. А иногда с той и другим вместе. Когда у Володи Грачёва появился баян, а жили мы с ним в одной комнате общаги, то неплохо умудрялись совмещать два этих инструмента. Конечно же, лидировал баян, но и гитара была нелишней.

Как-то в самом начале 80-х годов мы с женой приехали в Молдавию, в гости к дяде Толе. У него в доме были баян и гитара. Подстроив гитару под баян, приняв на грудь изрядное количество его замечательного домашнего красного винца, с наступлением темноты и обострением природной акустики, мы слаженно, как нам тогда казалось, музицировали, задушевно напевая «Ой, мороз, мороз», «Тройку», или его любимые «Черимэ» и «На крылечке вдвоём...». И по Вулканештско-Кагульской молдавской округе разносились наши слаженные русские голоса... А петь и играть там любят и умеют...

Не разлучался я с нею и в Ленинграде, будучи на стажировке. Что самое смешное, мою самодеятельную игру на ней и пение одобряли даже ребята с музыкальными образованиями. Помню, одно время мы скорешились с аспирантом Димкой Журавлёвым, окончившим Одесскую консерваторию. До сих пор не могу понять, как он мог переносить и даже поддерживать меня в моих гитарных изысках, не знающих даже нотной грамоты... А вот в армию, точнее на действительную службу, свою гитару я не взял. Зато как-то дал там сольный концерт бардовской песни, исполняя под собственный аккомпанемент на электрогитаре.

Ни один капустник, ни один КВН, в которых я участвовал, ни одна вечеринка, стройотряд или поход не обходились без моей гитары.

Очень многое в плане песен под гитару я перенял от Коли Смольского, сначала студента специальности дирижёров народных оркестров нашего института, а позднее и преподавателя. Появился он, когда мы уже сдали вторую зимнюю сессию. Приехал он из Томска, где два года числился в студентах-электрофизиках ТПИ.

В гитаре он был виртуоз, а точнее в исполнении бардовских песен. Эти песни хлынули на меня потоком. А где-то году в семьдесят девятом, когда Смольский вернулся из армии (упекли его-таки после института и двухгодичной стажировки в Москве), при Кемеровском горкоме комсомола был создан КСП (клуб самодеятельной песни) «Гренада». Верховодили в нём сначала Виталька Лизин, сам сочинявший песни под гитару, потом Юрий Кувшинов, студент мединститута. И, наконец, Коля Смольский. Вот тогда-то и стали приглашать от КСП к нам на концерты бардов, что называется, живьём! Кого в ту пору у нас только не перебывало. Концерты проходили в переполненных залах – то в КузПи, то в универе, то в меде, то в нашем институте, или в ДК шахтёров. За это время тут выступали и даже по нескольку раз: Юрий Визбор, Евгений Клячкин, Валентин Вихорев, Вадим Егоров, Александр Городницкий, Юрий Кукин, Владимир Туриянский, Александр Розенбаум, Юлий Ким, Борис Бурда, Луферов, Муравьёв, Вахратимов с Бруновым и многие другие.

С некоторыми из них довелось, хотя и шапочно, но пообщаться: Вихорев, Кукин, Егоров, Визбор. А с Юрием Визбором и Юрием Кукиным посчастливилось даже принять по соточке... До сих пор жалею, что не поехал домой к Евгению Клячкину, когда во время одной из кафедральных вечеринок в Питере предложил мне это сделать завкафедрой Соколов А.В. Оказывается, они когда-то вместе учились в школе, а я постеснялся...

На концерты эти я, как один из активистов бардовского движения, ходил бесплатно. А после концертов, которые записывались на катушечные плёнки, благодаря Коле

Смольскому, я становился в числе первых обладателей магнитофонных записей этих концертов. И почти тут же разучивал и исполнял под свою гитару концертный репертуар из наиболее понравившихся мне песен.

Дошло до того, что несколько песен я сочинил и сам. И даже выступал с ними на фестивалях и на концертах, совместных с другими ребятами из клуба. Так случилось и с песней о Шикотане, где мне достался второй приз. Слова, правда, были не мои.

Лет шесть назад жена с дочерью Ярославой подарили мне новую хорошую акустическую гитару, шестиструнную, которую я строю на семиструнный лад.

Редко дело обходится без гитары и сейчас, в домашних посиделках, или выезжая к друзьям на дачу или пикничок. Правда, стал это делать всё реже и реже. Стал забывать тексты песен, да и техника игры на гитаре тоже оставляет желать лучшего...

Но до сих пор люблю слушать песни других под гитару, и тихонько подпевать, если песня окажется знакомой мне...

Среди писателей

У поэтов всё не слава Богу.
Не давая сердцу отдохнуть, -
Рано собираются в дорогу,
Первыми заканчивают путь.
(Валентин Махалов)

О том, как я начал писать, повторяться не буду.

А вот с писателями, которых считал небожителями, «живьём» пришлось свидеться, будучи студентом института, едва ли не на первом курсе. Тогда было в порядке вещей приглашать местных писателей в студенческие аудитории и устраивать с ними встречи.

Так вот, уже в самом начале семидесятых годов я увидел и слушал стихи таких наших кузбасских поэтов, как Валентин Махалов, Виктор Баянов, Евгений Буравлёв, Михаил Небогатов, Геннадий Годенов, Геннадий Юров, Игорь Киселёв, Николай

Колмогоров, Виталий Крёков. Встречался с прозаиками Зинаидой Чигарёвой, Владимиром Мазаевым, Любовью Скорик.

Колмогоров и Крёков были ещё достаточно молодыми. Оказалось, что Николай Колмогоров – всего только студент музыкального училища, что находилось напротив корпуса нашего института. А Крёков – вообще обычный работяга, одолевающий вечерне среднюю школу. Кстати, Крёков стал частенько захаживать к нам в ребячью комнату, когда мы жили на втором курсе в учебном корпусе на пятом этаже. Несколько раз он даже оставался ночевать в нашей общаге на свободной койке. Он и явился для меня первым писателем, с которым можно было запросто общаться.

Громом среди ясного неба стало для меня в самом начале девяностых годов увиденное в газетном ларьке: там среди прочей продукции стояла книжка в красном переплёте с названием «Голос», на которой значилась фамилия Есенин. Что-то я не припоминал, чтобы у Сергея Есенина было что-либо подобное. Из любопытства я взял её в руки и обнаружил, что автор её – тот самый Володя Есенин, с которым мы вместе учились в институте и даже жили целый год в одной комнате общаги! Вовка Есенин – и писатель?! Я не верил своим глазам. Но это было так. В книге находились рассказы и повести. Читал с упоением, ещё не замечая огрехов и авторских просчётов...

А когда я и сам написал в середине девяностых годов несколько своих первых рыбацких рассказов, нужно было их кому-то показать. Сначала всё написанное было от руки. И я решился переступить порог той двери на Советском проспекте в центре города, что вела к писателям, а точнее в журнал «Огни Кузбасса». С огромным волнением я зашёл туда. Поздоровался. За одним из столов я увидел мужчину (теперь уже и не могу даже сказать, кто это был). Сказал, что принёс почитать написанное. «Что у вас?- поинтересовался мужчина.- Стихи, проза?» Я ответил, что рассказы. Протянул ему тоненькую картонную папку с листками, исписанными вручную. Он взял у меня папочку, небрежно раскрыл и, обнаружив ручную писанину, даже не удосужившись глянуть, что там написано, тут же вернул мне. «Мы не принимаем материалы, написанные

от руки», - таков был безжалостный вердикт. Униженный и оскорблённый я покидал обитель писателей.

Года два после этого я не предпринимал никаких попыток показать кому-либо написанное мною. Я ещё по нескольку раз переписывал и правил свои первые рассказы. Потом приобрёл в каком-то комиссионном магазине бэушную пишущую машинку «Москва». Перепечатал эти рассказы и решился наконец-то показать их своему бывшему сокурснику, а к тому времени уже и коллеге по институту Володе Ерёменко. Это были рассказы «Песнь моя колыбельная», «Меченые караси», «В ожидании праздника», «На Чузике зимнем». И каково же было моё удивление, когда ироничный и педантичный в литературе Ерёменко (с режиссёрского отделения) проявил неподдельный восторг от прочитанного! Мы пообщались с ним, и он сказал, что передаст эти рассказы Сергею Донбаю.

А незадолго до этого я, будучи Председателем профкома института, посодействовал Володе Ерёменко в получении новой квартиры, большего метража, чем у него была. Так вот, при переезде в 1994 году, у него в помощниках оказались и некоторые писатели. Я таскал в паре с Александром Ибрагимовым на девятый этаж тяжелые контейнеры с картинами Володиной мамы – самодеятельной художницы-примитивистки Ирины Ерёменко. Там же был и Донбай. Уже тогда мы шапочно познакомились с ними. А немного погодя, Донбай появился у нас в институте на какой-то творческой встрече, и я купил у него небольшой коллективный сборничек стихов, получив при этом писательский автограф (после автографов Виталия Крёкова и Володи Есенина).

Примерно через месяц, после нашей встречи с Ерёменко по телефону позвонил тот самый Донбай, что являлся руководителем литературной студии «Притомье» (и одновременно – ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса»). Он представился и сказал, что прочитал мои рассказы и приглашает меня на студию «Притомье». Занятия (или заседания) студии проводились дважды в месяц, по четвергам, с шести часов вечера.

В то самое первое для меня занятие я познакомился с некоторыми студийцами, среди которых были, в основном,

поэты: Виктор Кальсин, Антонина Шматкова, Альбина Радченко, Володя Дылевский, Светлана Куралова, Андрей Правда, кто-то ещё, всего человек пятнадцать. Сначала читали свои новые стихи они. Я сидел, как на иголках, пока не дошла очередь и до меня. Сергей Лаврентьевич Донбай представил меня. И я начал со своего первого рассказа «Меченые караси». Слушали меня внимательно и доброжелательно. Сделали несколько замечаний. Потом предложили прочитать ещё. Осмелев, я прочёл рассказ «На Чузике зимнем». Получил одобрение студийцев. После занятия была «полянка», я расслабился и осмелел ещё больше.

С тех пор (где-то с декабря 1998 года) я стал постоянным участником занятий студии «Притомье». Читал свои рассказы и даже некоторые стихи, обсуждал чужие. Выступал оппонентом прозы. В общем, вливался в среду будущих писателей. Через «Притомье» я познакомился с Андреем Пятаком, Сергеем Самойленко, Александром Зарубиным, Сергеем Павловым, Ветой Боргес, Анатолием Кулаковым (Валентиновым), Ниной Глушковой, Ниной Суровой, Дмитрием и Натальей Мурзиными, Константином Акатновым, Алексеем Патшиным (Белогвардейцем) и многими другими начинающими авторами. Временами сюда заглядывали по «старой памяти» и недавние студийцы, среди которых оказались и мои бывшие студенты – Юлия Лавряшина и Михаил Стрельцов. Иногда наведывался и Володя Ерёменко.

Появлялись со своими новыми книжками и стихами именитые поэты: Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Семён Печеник, Борис Бурмистров, Александр Ибрагимов, Виктор Баянов, Иосиф Куралов. Захаживали и некоторые художники: Николай Бурцев, Василий Кравчук, Валерий Громов, Николай Вертков, Владимир Сотников, братья Корягины; почти завсегдатаем являлся народный художник Виктор Сергеевич Зевакин. Нередко появление кого-либо из художников или писателей сопровождалось непременными последующими посиделками в «предбаннике» со спиртным. Подключался к ним и я, скромно выставляя в качестве лепты пиво и вяленую рыбу своего улова.

Постепенно эти «вливания» стали перерастать и в сферу уже признанных и опытных поэтов и прозаиков. Я стал захаживать в Дом литераторов не только на «Притомье», но и так, по случаю. Там я познакомился с Владимиром Мазаевым, Александром Катковым, Анатолием Кругляковым, Геннадием Естамоновым, Анатолием Иленко, Валерием Козловым, Владимиром Шумиловым, Александром Брюховецким, Анатолием Козловым, Владимиром Ширяевым, Валерием Зубаревым. Приезжали и иногородние, с области: Александр Раевский, Виктор Боков, Сергей Побокин и Сергей Подгорнов, Валерий Ковшов, Любовь Никонова, Тамара Рубцова, Тамара Страхова, Алексей Бельмасов и Галина Золотаина...

Частенько в ДЛК устраивались шахматные баталии и даже турниры. Неплохо играли в шахматы Валентин Махалов, Виктор Баянов, Анатолий Иленко, Анатолий Кругляков. Призы же и первые места чаще всего доставались худощавому поэту и прозаику из Старо-Бачат моему ровеснику Виктору Коврижных.

Где-то году в девяносто девятом я познакомился с поэтом и прозаиком Владимиром Ивановым. А получилось так, что мы оказались с ним в одной организации – «КемВоде», только я работал там охранником, а он редактором малотиражки «Вода и люди». Мы обменялись с ним книжками, я подарил ему свою первую книгу рассказов «Вокруг рыбалки», он – один из последних сборников стихов «На Родину еду» и книжку прозы «Вот какая история».

Та откровенность и чистота, что я обнаружил в стихах и прозе Володи Иванова, сразу настроили меня на расположение к нему. Взаимные симпатии (и общий приятель, если не друг, Володя Есенин) нас тут же толкнули друг к дружке. С тех пор мы с ним настоящие друзья! Он же инициировал и приём меня в Союз писателей России (СПР). Если бы не эта его настойчивость, ходить бы мне в писательских подмастерьях ещё лет пять. (Кстати, многие из студийцев «Притомья», с кем я начинал, издав уже по несколько книжек, так и не приняты до сих пор в Союз).

А случилось всё следующим образом. В 2000 году в Новосибирске у меня вышла вторая книжка «Кольцом едины». На подходе была третья «От Ленинграда до Курил». Мои

рассказы «Виталя Трёхрублёвый» и «Второй год службы» были уже напечатаны в альманахе «Огни Кузбасса». Писалось и дальше. Встречаясь с Володей, мы часто говорили с ним на темы литературы, наших творений, читали друг другу новое. И вот, где- то в середине ноября 2001 года он говорит мне: «Пиши заявление о приёме тебя в Союз писателей России, дней через десять будет общее собрание. А то будут тебя волынить ещё несколько лет, у нас это любят делать...». И я написал заявление о приёме меня в СПР. Пошли с ним в ДЛК. Я взял литр водки, пива, прихватил с собой вяленых лещей. Посидели там, пообщались. Я сказал Бурмистрову, что хочу вступить в СПР, передал ему своё заявление. Потребовались срочно рекомендации. Одна была уже - от Иванова. Другую обещал дать Сергей Донбай. Тут же согласился дать мне рекомендацию и Валентин Васильевич Махалов. И ещё я заручился одной рекомендацией – от Володи Есенина (оказывается, его приняли СПР уже лет пять назад).

Таким образом, в срочном порядке я попал в кандидаты на приём в СПР на ближайшем общем собрании, которое состоялось 29 ноября 2001 года. Вместе со мной принимали ещё троих поэтов: Андрея Правду, Алексея Бельмасова и Елену Быкову. На тайном голосовании я прошёл без единого «чёрного шара», в то время, как остальным таковых бросили по три-четыре штуки.

На этом же собрании я познакомился с замечательным поэтом и человеком, рыбаком и охотником - Леонидом Михайловичем Гержидовичем, и его женой Ниной Красовой, тоже пишущей стихи и прозу. С тех пор у нас с ними настоящие дружеские отношения, не смотря на то, что живут они в пятидесяти километрах от Кемерова, в таёжном селе Юго-Александровка и видеться с ними приходится не так часто. Тогда же познакомился и с поэтом Олегом Максимовым – из Таштагола, который протежировал в Союз молодую поэтессу Елену Быкову – с прицелом на литинститут.

Всё, путь в большую литературу мне был открыт, правда, как напутствовали рекомендующие – пока ещё только авансом.

19 июня 2002 года мои документы и книги (высылал туда уже три книги) рассмотрели на Приёмной комиссии в Москве. И

там мне тоже не бросили ни одного шара «против», зато Лену Быкову прокатили вообще. Мне выписали членский билет Союза писателей России за номером 6127, который я получил в августе этого же года. По этому случаю, естественно, была «полянка» в ДЛК со всеми моими писателями-доброжелателями. Тогда наш юморист и остряк Владимир Фёдорович Матвеев, произнося тост в мой адрес сказал: «Ну вот, в нашем Союзе стало ещё одним членоносцем больше». А прозаик Анатолий Иванович Кругляков пригвоздил меня ещё крепче, сказав, что Арнаутов въехал в Союз писателей верхом на карасе!

Мой писательский билет, который торжественно вручил мне Борис Бурмистров, обмывали в самом конце декабря 2002 года на предновогоднем празднике.

Несколько слов скажу о том, что к тому времени, когда я попал в среду кемеровских писателей, Союз писателей Кузбасса был расколот на два крыла. Одну его часть возглавлял Валерий Зубарев, другую – Борис Бурмистров. Произошёл раскол Союза писателей с развалом Союза ССР, где-то в середине 90-х годов. Половинки эти были примерно равными по количеству членов в них, человек по 25. Как-то я поинтересовался у Володи Есенина: а чем же отличаются они друг от друга? Тот не без юмора ответил, что в одном союзе – пьющие, в другом – непьющие. Сам он к тому времени с выпивкой завязал основательно, но подвергся иной пагубной страсти – азартным играм в автоматах. Так вот, Есенин был в «крыле» «непьющих», у Зубарева. Там же к тому времени состояли писатели Иосиф Куралов, Владимир Куропатов, Зинаида Чигарёва, Любовь Скорик, Владимир Мазаев, шорцы-новокузнечане, кто-то ещё. Но со временем оттуда стали объявляться перебежчики. И где-то году в 2003 оба крыла вновь объединились под Председательством Бориса Бурмистрова. А матёрые члены упразднённого крыла вошли в состав Правления и редколлегии журнала «Огни Кузбасса». При этом, Куралову отдали секцию поэзии, а Мазаеву – прозы.

Что касается журнала «Огни Кузбасса». До 2006 года он числился альманахом, выходя по 2-4 номера в год, иногда вообще сдвоенными номерами. На переломе тысячелетий, в самые трудные для него годы, лет шесть возглавлял его Виктор

Михайлович Баянов, а ответственным секретарём журнала был Сергей Донбай. Впервые я увидел Баянова в ДЛК ещё довольно моложавым и пышущим здоровьем. Но на моих же глазах он стал резко и стремительно сдавать, даже внешне. Уже в моём присутствии он несколько раз просил Бурмистрова освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. Но Баянова просили оставаться хотя бы, как знамя и лицо журнала, поскольку его поэтический авторитет был очень высоким.

А в конце 2003 года состоялось расширенное заседание редколлегии журнала и Правления уже объединённого СПК. Каким-то образом на него попали и мы с Сергеем Павловым, только что принятым в СПР. На должность главного редактора претендовали Серей Донбай и Иосиф Куралов. Ситуация складывалась очень неустойчивой в пользу обоих претендентов. Уж каким боком дали нам с Павловым высказаться, но мы были категорически за Донбая – нашего недавнего шефа по «Притомью». Главным редактором избрали Сергея Донбая. Виктора Михайловича Баянова оставили пока в составе редколлегии в качестве консультанта. А уже с начала нового, 2004 года, Донбай предложил мне сотрудничество с журналом (альманахом), и вскоре, со второго номера этого года, моя фамилия уже значилась в составе редколлегии, хотя и шла после фамилии В.М. Баянова. Было одно время даже предложение от Донбая возглавить в журнале секцию прозы, но я заскромничал. И тогда секцию прозы он отдал В.М. Мазаеву. В состав редколлегии вошёл и Валерий Зубарев. Кроме указанных членов, в редколлегии журнала были: Валентин Махалов, Владимир Иванов, Александр Катков, Борис Бурмистров, Любовь Никонова, Юлия Лавряшина и Василий Попок (отдел публицистики). А с третьего номера 2006 года и до сих пор моя фамилия стоит первой в списке членов редколлегии журнала. Таким образом, в этом году (2014-м) я отметил своё десятилетие работы в составе редколлегии журнала «Огни Кузбасса», который уже восемь лет выходит шестью номерами в год, являясь с 2010 года журналом писателей России.

Некоторое время, пока не стал ответственным секретарём журнала Дима Мурзин, я вёл в нём рубрику «Литературная жизнь». В каждом номере давалась на полторы-две странички

информация о том, что делалось в течение прошедших двух месяцев в нашем Союзе (журнал стал регулярно выходить один раз в два месяца). Нередко помещались там и мои фотографии. Работа трудоёмкая и ответственная, за которую доплачивали копейки. Потом, с выводом из редколлегии Васи Попка, я стал делать обзоры литературных журналов, таких, как «Сибирские Огни», «Начало века», «Алтай», «Бараул», «Бийский вестник», «Родная Ладога», «Литературный меридиан», «День и ночь», «Всерусский Соборъ».

Начиная с 2000 года, времени публикации моего первого рассказа в журнале и до сих пор, мои рассказы, эссе, очерки и публицистические материалы были напечатаны в 24-х номерах «Огней Кузбасса», не говоря уже о рубриках «Литературная жизнь» и «Литературные обзоры».

В 2011 году за опубликованный в нём журнальный вариант моего романа «Велимир» («Предприниматель») я стал лауреатом Премии журнала «Огни Кузбасса».

В прошлом, 2013 году, главный редактор журнала Сергей Донбай предложил мне, как профессиональному библиографу, составить библиографический указатель содержания журнала – к 65-летнему юбилею этого литературного издания. Такой указатель за первые 25 лет (с 1949 и по 1974) был уже составлен Областной научной библиотекой. Когда я прикинул объёмы работы, то понял, что это займёт очень много моего времени и труда. Тогда я предложил ограничиться последними годами, начиная с 2000 и по конец 2013 года, написав при этом и большую обзорную статью о 65-летней истории журнала «Огни Кузбасса». Работу эту я выполнил за три месяца упорного и кропотливого труда, хотя и с некоторыми нарушениями правил библиографирования. Несколько раз пришлось переделывать в угоду Донбаю. Но до сих пор мой Указатель пока ещё не увидел свет. Жаль, но надеюсь, что он всё же выйдет отдельным изданием.

Уходит время, уходят в прошлое и многие писатели, стоявшие у истоков начала кузбасской литературы. О них как-то постепенно начинают забывать. А жаль. Этот факт побудил меня на написание очерков об этих писателях. А первым, о ком я написал, был очерк о поэте и прозаике Косте Акатнове, моём

приятеле, нелепо погибшем в 2003 году. Потом я написал литературно-биографические очерки о наших корифеях: Виталии Степановиче Рехлове, Михаиле Александровиче Небогатове, Геннадии Модестовиче Молостнове, Владимире Фёдоровиче Матвееве, Валентине Васильевиче Махалове. Эти очерки печатались параллельно – в нашем журнале «Огни Кузбасса» и в альманахе «Красная Горка», который возглавлял поэт Геннадий Юров, и у которого я печатался подряд лет семь-восемь в каждом номере. (Кстати, в это время у меня сложились неплохие отношение ещё с одним корифеем кузбасской литературы – Геннадием Евлапмиевичем Юровым). Изменённый вариант очерка о Г.М. Молостнове был напечатан в 2012 году и в красноярском альманахе «Енисей».

Помимо очерков и своих рассказов, я стал писать отзывы с рецензиями и на книги моих коллег, в основном, начинающих. А первым, о ком я написал, был поэт Валерий Козлов, ставший моим приятелем. Написал о его поэтическом сборнике «Сазонов ключ». Отзыв был напечатан в газете «Кузнецкий край» у Жени Богданова ещё в марте 2001 года.

Потом пошли отзывы и рецензии на книги Леонида Кирчика (Юрга), Владимира Неунывахина (Новокузнецк), Геннадия Неунывахина (Мыски), Михаила Кривошеина (Мыски); Геннадия Дырина, Владимира Иванова, Сергея Павлова, Александра Ярощука, Александра Хохлова, Игоря Петрова, Геннадия Дорогова, Валерия Баранова, Вольдемара Горха – все Кемерово; Анатолия Грохова (Прокопьевск), Валерия Берсенёва (Междуреченск), Виктора Коняева (Новокузнецк), Станислава Вторушина и Анатолия Кирилина (Барнаул), Андрея Калугина (Белово-Хиросима), Вольдемара Франка (Германия), Михаила Спивака (Виннипег, Канада) и других авторов.

Возможность оперативно напечатать в газете «Кузбасс» подобные рецензии и отзывы появилась с началом ежемесячного приложения рубрики-вкладыша «Круг чтения», которую пробил в 2005 году и курировал известный журналист, недавно принятый и в СПР, Василий Попок. За три года в этом приложении к газете «Кузбасс», где платили ещё и неплохие

гонорары, я опубликовал более десятка своих, довольно объёмных для газеты, статей и рецензий.

Большинство рецензий и отзывов были доброжелательными, отчего авторы рецензируемых произведений и книг вскоре становились, если и не друзьями, то моими приятелями. К концу 2012 года поднакопилось материалов подобного рода уже на целый приличный сборник (295 страниц), который я издал в 2013 году под названием «Как слово наше отзовётся». За него я стал лауреатом областной литературной премии «Энергия творчества» в номинации «Публицистика» (уже во второй раз, в первый раз – в 2009 году за повесть «Мелодия текущего тока» - в номинации «Проза». В третий раз получил я диплом победителя конкурса в 2014 году – за «Указатель содержания журнала «Огни Кузбасса» (2000-2013 годы).

Что касается литературных премий иного ранга, то я трижды номинировался на литературную областную премию им. А.Н. Волошина (в первый раз за книгу «Где Чузик мой коричнево змеится» ещё в 2004 году), и меня трижды прокатывали. Полагаю – чисто из конъюнктурных соображений, а не из-за слабости моих номинируемых книг.

То же касается областных наград и премий. За всё время я удосужился получить лишь благодарственное письмо и одну денежную премию Администрации области, в то время, как почти все члены нашего Союза имеют по две-три медали областного значения. Обо мне даже забыли, когда журнал отмечал своё 60-леие (2009 год). Тогда все члены редколлегии и его редакторы (бывшие и настоящий), кроме меня, получили Почётные грамоты Администрации КО с денежными вознаграждениями.

В моём гео-издательском арсенале имеются следующие периодические издания и города: «Огни Кузбасса», «Красная Горка», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Тюмень литературная», «Врата Сибири» (Тюмень), «Южная звезда» (Ставрополь), «Охотничьи просторы» (Москва), «Новый Енисейский литератор», «Енисей» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Образы жизни» (Сан-Франциско, США), «Новое время» (Виннипег, Канада). Это –

журналы и альманахи. Пообещали напечатать мой рассказ, из ранних, и в альманахе АСПУРа «Чаша круговая» (Екатеринбург).

Кроме того, печатался в газетах нашей области: «Кузбасс», «Край», «Площадь Пушкина», «Земляки», «Культура Кузбасса», «ЛиК», а также в региональной газете «Охотник и рыболов Сибири».

Написанные рецензии и отзывы на книги моих коллег, нередко служили поводом для возникновения дружеских взаимоотношений. И это перерастало, как правило в то, что уже я инициировал приём в СПР наиболее талантливых, с моей точки зрения, писателей. Так, не без моего усилия и помощи, в Союз писателей России были приняты прозаики: Владимир Максимович Неунывахин, Александр Михайлович Ярощук, Игорь Фёдорович Петров, Александр Андреевич Хохлов, Михаил Александрович Кривошеин, Валерий Викторович Берсенёв, Виктор Фёдрович Коняев, Нина Сурова, Сергей Васильевич Чернопятов.

Давал я свои рекомендации в СПР Леониду Кирчику – из Юрги, Антонине Шматковой.

В последние годы жизни нашего маститого поэта и прозаика Валентина Васильевича Махалова мы были довольно близки дружески. Нередко общались с ним на «полянках», ездили вместе на рыбалку на Томь, в Змеинку, бывали на выездных чтениях (Мариинск, Марьевка). Не забывал его я и тогда, когда он был уже неизлечимо болен, навещая его дома, до самой смерти. Бываю и на его могиле...

Завязались очень тёплые и настоящие дружеские отношения с писателями Владимиром Неунывахиным, Леонидом Гержидовичем, Владимиром Шумиловым, не говорю уже про Володю Иванова. И уже более полутора десятков лет продолжается наша настоящая дружба с Сергеем Павловым и Александром Ярощуком. Дружим уже семьями, регулярно встречаясь как в Союзе, в ДЛК, так и в дачно-домашних условиях, с баньками, вечерними застольями, с пением под гитару и ночевками. Частенько в программы таких встреч входит и чтение вслух своих произведений, с последующими замечаниями и обсуждениями... Как-то на одной из «полянок»

Сергей Донбай обозвал нашу троицу за оппозиционность и строптивость «Детьми лейтенанта Шмидта». С тех пор так и повелось... Дай-то Бог, чтобы эти наши отношения продлились как можно дольше.

Хотя бы перечислю ещё некоторых доселе не упомянутых писателей-кузбассовцев, с которыми приходится общаться на различных встречах и мероприятиях: поэт и прозаик, маг-волшебник, заслуженный артист России Владимир Андреевич Переводчиков, поэты-кемеровчане - Василий Феданов, Вячеслав Лопушной, Владимир Соколов, Людмила Чидилян; полковник запаса КГБ прозаик- кемеровчанин Михаил Петрович Гоголев, геолог-прозаик Сергей Чиняев, писательница-универсалка, кандидат наук Вера Лаврина, критик-публицист Валерий Плющев; березовчане - Анатолий Горепякин и Юрий Михайлов, новокузнечане - Николай Ничик, Эдуард Гольцман, Геннадий Косточаков, Михаил Анохин, Александр Паршуков, поэт-мысковчанин Виктор Жаданов, гурьевчанин поэт Дмитрий Клёстов. Из «молодой» поросли: Юрий Дубатов, Сергей Чернопятов, Виктор Киселёв, Ирина Тюнина, Алексей Петров, Марина Брюзгина; шорцы: Таяна Тудегешева, Любовь Чульжанова, Любовь Арбачакова, Вениамин Борискин и другие.

В бытность начала моего внедрения в писательскую среду довелось несколько раз пообщаться с Представителем Президента по Кемеровской области, писателем, отставным полковником Валерием Казаковым и его женой, поэтессой Элеонорой Акоповой.

Членство в СПР и в СПК дало мне возможность бывать на различных литературных мероприятиях за пределами и нашего города, и области. А это – потрясающие возможности расширить свои личные знакомства с писателями других регионов!

Так, на одном из юбилеев нашего Союза писателей Кузбасса, ещё в 2002 году, довелось познакомиться с интересными писателями Горного Алтая – Аржаном Адаровым и Бронтоем Бедюровым. Тогда же на праздник приезжали к нам в Кемерово и наш бывший земляк Гарий Леонтьевич Немченко,

и главный редактор «Нашего современника» москвич Станислав Юрьевич Куняев.

На Чивилихинских чтениях в 2004 году в Мариинске познакомился и с замом гл. редактора «Н.С.» публицистом Александром Казинцевым. На Фёдоровские чтения неоднократно приезжали к нам писатели из Томска, Новосибирска, Барнаула.

Из томичей хорошо знаком с поэтом и бардом Николаем Хоничевым, моим земляком-пудинцем Владимиром Крюковым и поэтом Геннадием Скарлыгиным (оба – председатели Томских отделений СПР и СРП и соредакторы журнала «Начало века»). Знаком с поэтом и неплохим бардом, окончившим некогда наш институт, Сергеем Максимовым. Был знаком и с Александром Казанцевым. Несколько раз встречался в Томске и общался с патриархом от литературы Борисом Николаевичем Климычевым. Сначала заочно (обменялись книгами и письмами), а недавно и воочию познакомился ещё с одним мэтром томской литературы - Вадимом Николаевичем Макшеевым.

Шукшинские чтения в 2004 году расширили мои знакомства со многими писателями Алтая. Это – Станислав Вторушин, Валерий Тихонов, Сергей Филатов, Анатолий Кирилин, Александр Родионов, Владимир Башунов, Людмила Гаркавая, Валерий Казаков.

Там же посчастливилось видеть и немного даже пообщаться с классиком нашей современной русской литературы Валентином Григорьевичем Распутиным. Очень скромный и несколько даже замкнутый человек. Здесь же присутствовал и Председатель нашего СПР москвич-профессор Валерий Ганичев.

Из новосибирцев был знаком с гл. редактором «Сиб. огней» Виталием Зеленским; его преемником Владимиром Берязевым и нынешним Председателем Правления новосибирцев Анатолием Шалиным.

Дважды, если уже не трижды, встречались с очень интересным иркутским прозаиком и учёным-литературоведом Анатолием Байбородиным.

Красноярцы - ещё одни наши ближние соседи. Пожалуй, самый близкий и знакомый для меня писатель – это мой бывший студент, ныне Председатель Правления Красноярского отделения СРП Михаил Стрельцов, сменивший Романа Солнцева на этом посту. Как писатель, он весьма своеобразен, разнообразен и современен. Ещё в самом начале моей писательской деятельности я задумал сделать коллективный сборник стихов и прозы писателей-выпускников Библиотечного факультета нашего института. В этом сборнике «След от полёта», изданном в 2004 году, в авторах оказались я, Володя Есенин, Юлия Лавряшина и Миша Стрельцов (тогда - ещё кемеровчанин). Он же, Стрельцов, посодействовал и тому, что два моих рассказа были напечатаны в Сан-Франциско (США), в русскоязычном альманахе «Образы жизни».

Заочно был давним поклонником рыбацкой прозы красноярца Бориса Петрова. То же самое касается и Сергея Кузнечихина – рыбака и оригинального, с юморинкой, прозаика и поэта. С обоими довелось лично познакомиться в декабре 2011 года, на 60-летнем юбилее Красноярской писательской организации. Там же познакомился с писателем Сергеем Кузичкиным, главным редактором «Нового Енисейского литератора», у которого был напечатан ещё в 2008 году мой рассказ «Нашёл – не радуйся и потерял – не горюй!». Встречался с писателями Александром Щербаковым, Алексеем Мещеряковым, Анатолием Зябревым и Александром Астраханцевым. Готовя очерк о Г.М. Молостнове, немало нового почерпнул при общении с этими писателями. Особо же помог с новыми материалами о Молостнове ещё один красноярский писатель-краевед – Владимир Яковлевич Шанин. С ним мы обменивались несколькими письмами. Он же помог напечатать этот обновлённый очерк о Г.М. Молостнове и в красноярском альманахе «Енисей» (2012 год).

На семинаре редакторов сибирских литературных журналов в Кемерове, встречался с красноярцами Мариной Саввиных и молодым поэтом Иваном Клиновым.

Очень много в плане расширения внешнего знакомства с писателями иных регионов дали мне **участия в ежегодных конференциях Ассоциации писателей Урала и Западной**

Сибири (АСПУР). Трижды я побывал на таких конференциях – представителем от писателей Кузбасса: в Челябинске (ноябрь 2006 года) и в Оренбурге (ноябрь 2012 года). Эти участия подарили незабываемые встречи и дали возможность познакомиться с замечательным талантливым организатором и очень плодовитым писателем, Главным Координатором АСПУРа – Александром Борисовичем Керданом! Общались с ним и у нас, в Кемерове. В Челябинске, по соседству с моим, в гостиничном номере шикарной гостиницы «Малахит» жили тюменцы-ханты-мансийцы Николай Денисов и Андрей Тарханов.

Конференция в Челябинске позволила более тесно познакомиться с Николаем Васильевичем Денисовым – поэтом, прозаиком, публицистом и издателем «Тюмени литературной», где он напечатал в 2007 году мой очерк «А что у нас?». Ещё один тюменец-издатель журнала «Врата Сибири» прозаик-краевед, исследователь поры декабристов и их пребывания в Сибири, Анатолий Васильев, напечатал в этом журнале в 2007 году мой рассказ «В ожидании праздника».

Здесь же, в Челябинске, познакомился (и даже принимал участие в творческих встречах в библиотеках города) с писателями Андреем Расторгуевым, Сергеем Аксёненко, Вадимом Осиповым и Арсеном Титовым – все из Екатеринбурга, поэтом Николаем Шамсутдиновым (Тюмень), прозаиком Сергеем Луцким (Нижне-Вартовск), Ириной Аргутиной (Челябинск). Запомнились умница Нина Ягодинцева - доцент Челябинской академии культуры, поэтесса и литературовед, а также - замечательный краевед, поэт Кирилл Шишов. Шапочно, но знаком с писателем-генералом из Кургана В.А. Усмановым, Галиной Четвериковой и Валентиной Ерофеевой-Тверской – из Омска, Татьяной Козловой – из Сыктывкара), Вячеславом Моисеевым и Петром Красновым – из Оренбурга.

Блистательно выступал, покоряя аудиторию своими глубокими знаниями и остроумием, и бывал душой застольных межсобойчиков профессор-литературовед и поэт-импровизатор из Екатеринбурга Леонид Петрович Быков (Рыжий Лёня)! В

этом я убедился окончательно и через шесть лет, на конференции в Оренбурге.

Конференция в Оренбурге, в ноябре 2012 года, была ещё маститее – по количеству учёных-писателей. Так, одних только докторов наук там оказалось аж четыре человека, это – Кердан Александр Борисович, Быков Леонид Петрович, Быковский Василий Алексеевич (г. Муравленко Ямало-Ненецкого нац. округа) и Фатыхов Салим Галимович (Челябинск).

Василий Быковский – доктор-экономист, организатор-управленец, бывший глава Администрации города Муравленко, мой ровесник и даже «близнец», (у нас с ним 2-3 дня разницы, как и с екатеринбуржцем Сергеем Аксёненко). Обменялись с Василием книгами и автографами.

Доктор наук, профессор Салим Фатыхов стал лауреатом премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка – за солиднейший и фундаментальнейший труд «Мировая история женщины». Человек он поистине интеллигентнейший, очень образованный, ко всему ещё и хороший поэт. С ним у меня сложились доверительные отношения, я подарил ему одну из своих книг, а он мне потом прислал аж две своих книги, каждая только весом более чем по 2 килограмма! Ещё одним лауреатом премии стал Владимир Мазин – кандидат наук, поэт, кажется, из Нижне-Вартовска.

Выступал с докладом на этой конференции и я, так же, как и на творческом совместном вечере со сцены в прекрасном татарском национальном театре. Не очень удачно. Доклад мой попал не совсем в струю темы конференции, а на вечере, начав читать своё стихотворение «Как маняще давно я на родине не был», на второй строфе споткнулся, растушевался и забыл слова... Правда, второе стихотворение прочёл нормально, под аплодисменты зала.

На этой конференции упрочил своё знакомство с писателями из Оренбурга Петром Красновым (кстати, в Челябинске мне и Арсену Титову доверили вручать ему премию им. Д.Н. Мамина-Сибиряка) и Славой Моисеевым. Тут же познакомился ещё с тремя интересными оренбуржцами – Сереем Хомутовым, Виталием Молчановым и Иваном Юлаевым.

Приезжал из Москвы и мой бывший земляк-томич, секретарь Правления СПР Василий Дворцов. Кроме того, что он неплохой поэт, он ещё и художник.

Туда и обратно, в одном купе поездов (от Кургана и до Кургана) ехал с Председателем правления курганцев Владимиром Филимоновым. Здесь же познакомился с дамами-поэтессами: Анной Самойловой (Барнаул) и Ольгой Даниловой-Пушкарь (Тюмень). Из Уфы приезжал Айдар Хусаинов, которому я подарил один из номеров нашего журнала.

Получилось так, что на сей раз моим постоянным соседом по месту в экскурсионном автобусе и на мероприятиях конференции (в том числе и банкетах) оказался Павел Черкашин – из Ханты-Мансийска, очень душевный человек лет сорока, поэт, отставной майор, прошедший уже войны и ранения в Чечне.

В третий раз на конференцию АСПУРа я ездил осенью 2017 года в Нижний Тагил. Встречался там со многими писателями Урала и Сибири - уже как с давними и хорошими знакомыми.

А накануне к нам в Кемерово, с целью знакомства кузбассовцев с писателями Алтая приезжали Анатолий Кирилин и Александр Карпов. Кирилин подарил тогда мне книгу-роман «Семена для попугайчиков». Я написал отзыв на неё и послал Кирилину. Он хорошо отозвался о моём отзыве, и уже на Тагильской конференции мы с ним были едва ли не друзьями. Ксати. Сейчас он возглавляет писателей Алтая.

Нижний Тагил добавил в мою копилку знакомств Сергея Трахимёнка (Председатель Правления Союза писателей Беларуси), пародиста Сергея Солдаева (Оренбург), Олега Павлова и Владимира Курбатова (Челябинск), Василия Овсепьяна (Нижний Тагил), Наталью Паэгле (нынешняя жена Вадима Осипова и автор замечательной книги из серии «ЖЗУ» «Дмитрий Мамин-Сибиряк» - за неё она стала лауреатом Премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка), Геннадия Викторовича Иванова (Москва, Отв. Секретарь Правления СПР).

Незабываемой осталась и поездка на родину Мамина-Сибиряка в Висим. Там мы побывали в доме-музее, у памятника этому писателю, выступали в местной школе и клубе. Об этой

поездке я написал очерк «На родине писателя Мамина-Сибиряка», отдав его в наш журнал.

Чем ещё интересны такие мероприятия, кроме общепознавательных в географическом плане, так это межсобойчиками. В Оренбурге, например, трижды собирались после всех официальных мероприятий; два раза в фойе на нашем этаже, образуя товарищеский круг (со спиртным, естественно), где и на самом деле по кругу читаются стихи. И один раз, уже под завязку – в Доме литераторов Оренбуржья. Потом продолжили в купе поезда, едва ли не до самого Челябинска... Тут люди раскрепощаются и очень быстро знакомятся и становятся с родственными душами...

На 100-летие со дня рождения В.Д. Фёдорова, в июле 2018 года, к нам приезжал из Воронежа известный литературный критик Вячеслав Лютый, подарил и ему по этому поводу свои «Этюды».

На юбилей Кемеровской областной писательской организации (55 лет), в июне 2017 года приезжали Александр Борисович Кердан, Николай Иванович Дорошенко (гл. редактор газеты «Российский писатель»), Владимир Скиф (глава писателей Иркутской области, свояк Валентина Распутина), Анатолий Шалин (глава пистелей Новосибирска), Геннадий Скарлыгин, Сергей Максимов (Томск), Юрий Перминов (Омск).

К этой дате мною был подготовлен биобиблиографический каталог «Писатели Кузбасса», в котором отражено порядка 170 пресоналий, начиная с наших «могикан»-первопроходцев, всех ныне здравствующих, уехавших в другие регионы и, увы, умерших. Каталог получился объёмом в 360 страниц – это наиболее полное справочное издание о наших писателях и их основных публикациях. Большую помощь в его подготовке, правке, редактировании и дополнениях мне оказали: доцент КГУ (к.ф.н.) Галина Ивановна Карпова, моя бывшая однокурсница Татьяна Киреева (Новокузнецк), моя бывшая студентка В.И. Лаврушкина (Краеведческий отдел ОНБ) и дочь М.А. Небогатова – Нина Михайловна Инякина. Огромное им всем спасибо!

До сих пор немного жалею, что в своё время не оценил, не уделил достаточного внимания и не познакомился лично с

корифеем нашей поэзии Михаилом Александровичем Небогатовым, зато после опубликования очерка о нём, у меня завязались неплохие отношения с его дочерью от первого брака Ниной Михайловной Инякиной.

То же касается и ещё одного корифея от русской литературы советского периода, кузбассовца, выходца из деревни Марьевка – Василия Дмитриевича Фёдорова. Уже в первый год после открытия в Марьевке (в 1985 году) дома-музея поэта и памятника ему в этой усадьбе, я с другом и коллегой Юрой Ли оказался там со студентами на полтора месяца на осенних сельхозработах. И лет десять уже являюсь обладателем уникального акварельного портрета Фёдорова, который висит в моей комнате, выполненного художником Черепановым.

Будучи преподавателем института, видел и слушал на одном из творческих вечеров в нашем актовом зале Роберта Рождественского. Из ныне именитых и популярных столичных писателей бывал на творческой встрече Сергея Алексеева (ноябрь 2009 года), от которого получил автограф на книге «Возвращение Каина», кстати, почти моего ровесника и уроженца Зырянки Томской области. В марте 2011 года встречался и общался даже в неформальной обстановке с прозаиком Алексеем Варламовым. В моих фотоархивах имеются и фотографии с ними вместе.

Так что круг моих знакомств с писателями России расширяется.

Правда, за время моего официального членства в СПР наш Союз писателей Кузбасса понёс и невосполнимые утраты. Среди тех, кого я знал: Максим Сибирцев (Александр Голунчиков), Анатолий Козлов, Зинаида Чигарёва, Виктор Баянов, Геннадий Естамонов, Тамара Рубцова, Тамара Страхова, Евгений Левшов, Валерий Ковшов, Владимир Куропатов, Константин Акатнов, Анатолий Кругляков, Владимир Ширяев, Александр Курицын, Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Любовь Никонова, Семён Печеник, Любовь Скорик, Валерий Зубарев, Алексей Бельмасов, Леонид Гержидович, Геннадий Юров, Владимир Мазаев, Анна Дронова, Михаил Гоголев, Мэри Кушникова, Вячеслав Тогулев, Виталий Крёков, Владимир Ерёменко, Эдуард Гольцман, Иван Полунин, Валерий Плющев.

Через два дня после знакомства с моим рыбацким кумиром - писателем Борисом Михайловичем Петровым, он скончался в середине декабря 2011 года в Красноярске. Не стало и томича Бориса Николаевича Климычева...

Над могилами некоторых из наших писателей я взял добровольное шефство: Владимира Матвеева, Кости Акатнова, Семёна Печеника, Валентина Махалова. Захаживаю поклониться и помолчать и на могилы других писателей, что похоронены на 4-м и 5-м кладбищах города Кемерово.

Мир их прахам и вечная память... А память останется, прежде всего, в их созданных и опубликованных творениях: стихах, поэмах, рассказах, повестях, романах, публицистике.

К настоящему времени у меня издано уже 20 авторских книг. Одной из последних является книга моих повестей «Этюды на предлагаемые обстоятельства» (2017 год). 6 книг вышло из цикла «Записки кемеровского туриста» - о загранпоездках в Таиланд, Китай, Индию, Вьетнам. А в 2018 году я решился-таки издать свои дневниковые записи под общим названиме «Литературная хроника». Вышло уже три тома, по 400 страниц каждый (том первый - 2001-2005 годы, том второй - 2006-2009 годы и том третий – 2010-2014 годы). Пока о них только положительные (до восторженных) отзывы (В. Шумилов, В. Иванов, С. Павлов, Н.М. Инякина, Г.И. Карпова, В.М. Неунывахин).

…Ну, а пока – живу я сам. Живу по-разному. Вот уж, воистину, как любила говаривать наша баба Настасья: **жизнь прожить – не поле перейти.**

И надеюсь пожить ещё недожитыми годами моего отца Степана, рано погибшего в сталинских лагерях деда Фёдора, павшего на войне маминого приёмного отца Якова Андреевича, убитого на Даманском пограничника одноклассника Ивана Ветрича, моих преждевременно оставивших этот мир друзей - Миши Синицына, Саши Собакина, Юры Ли, Сани Дмитриева...

Пожить ещё, чтобы сделать что-то несделанное и недоделанное мною, оставив после себя и память, и свой след...

Кемерово, 16 июня – 15 сент. 2014 г. – окт. 2018 г.

К МАМЕ

(Рассказ)

Лет шесть тому назад я возвращался в Кемерово из своей малой Родины – Пудино. Ездил на 80-летний юбилей нашей мамы, которая так и осталась, помыкавшись по городам и весям России, там, где и появилась на свет. Досталось нашей маме хлебнуть и испить в жизни – ой как немало, и чаще всего – напитков горьких да солёных. Четверых, считай, одна подняла на ноги, выучила и в люди вывела. Только поразлетелись мы все по разным местам, там и гнёзда свои посвивали, детей, её внуков, нарожали…

Видно, Бог за все мытарства и самопожертвования наградил её долголетием. Здоровьишко, правда, никудышное. Зато оптимизма и жизнелюбия – хватит на многих, в том числе и всех её детей, семерых внуков и (теперь уже) десятерых правнуков.

Непоседа наша мама, лишнего часа не полежит, нежась в постели. Поднимается едва ли не с солнышком. Встаёт обычно с головокружением: давление, что ни день, сюрпризы преподносит – то скаканёт за 170, то упадёт ниже 80. Приняв кучу таблеток, тяжело ступая больными ногами по скрипящим деревянным половицам, мама принимается за неотложные дела: прежде всего – непременно умыться и обиходить себя. Потом печь протопить сухими жаркими берёзовыми дровами, сварить кофейку (в зависимости от давления), завтрак горячий сгоношить, марафет навести в избе, отзвониться младшей дочери, живущей через два дома от неё. К обеду мама основательно оживает, а вечером – уже и до песен с топотушками дойти может, коли гости подвернутся. Для гостей у мамы завсегда двери не заперты.

А уж коли в клуб Пудинский пригласят (что в четырёх километрах от её родной деревни) – тут уж мама и вовсе, что прима в театре! Без её частушек и заводных песен ни одно мероприятие не обходится. Может под настроение и рюмочку-другую крепенького пропустить. Ещё и говаривает, дескать, если в клубе побывала на празднике, да домой вернулась без выигранного приза в каком конкурсе – зря и приходила туда. Любят и уважают её там за это…

Ни одну компанию не испортит своим присутствием наша мама, ни одно мероприятие. Случалось, и в профессорской среде за одним столом ей сиживать, и среди офицеров чинов немалых, и даже писателей.,.

После завтрака – смотря по сезону. Зимой – со снегом, если навалит, справиться. Боже упаси, если останется неубранным в ограде и не подметённым начисто с деревянных дорожек-тротуаров. В магазин деревенский прогуляться, к дочери с зятем наведаться. По субботам – непременно баньку истопить, что стоит в ограде, в пяти метрах от крашеного крылечка. И тут пока сама себя ещё обслуживает, да и веничек ещё запарит свеженький – берёзовый с душицей. Вечером или в непогоду – телевизор, как теперь без него? Или книжки читает с журналами, что, обычно я ей привожу – свои и моих друзей-писателей. Знает и любит она стихи моих друзей: Лёни Гержидовича, Володи Иванова, Володи Ерёменко, Бориса Бурмистрова. По нескольку раз уже принималась и за мою прозу, роман-сагу Сергея Павлова, повести и рассказы Любы Скорик, Александра Ярощука, Владимира Неунывахина, Миши Кривошеина, Владимира Переводчикова…

Про лето и говорить не стоит, работы всегда предостаточно. В огороде - соток пять картошки, в огородчике – зелень всякая. Лук с чесноком, едва ли не в кулак на грядках вырастают, ветки помидор ломаются от налившихся пурпурных и оранжевых плодов. Палисадник её дома с ранней весны и до белых мух яркими цветами изукрашен, как и все избяные подоконники. А про ягоды – и подавно: клубника-виктория, малина, смородина, ирга, облепиха, даже калина с рябиной… Мало того, ещё и в бор, через речку Чузик на лодке, если попутчики подвернутся, по чернику в сезон раза два-три выберется. А осенью – на болото, клюквы ведёрко-другое нашиньгать… Потом морсы, компоты с киселями варит; раздаёт эти ягоды с вареньями, самой-то куда ей столько?

Ну, и мы, дети, её не забываем. Младшая дочь Раиса с зятем Михаилом – каждый день по нескольку раз наведываются. Едва ли не по месяцу гостит, помогая с генеральной уборкой в квартире, обычно весной, другая дочь Татьяна, приезжая из

Красноярска. И мы с братом Володей приезжаем, подправить-подлатать домишко – то изнутри, то снаружи…

Вот и на этот раз съехались все гамузом - на её юбилей. Даже трое внуков приезжали и две правнучки. Подарков, живых цветов посреди зимы надарили – только живи на радость нам.

Застолье в мамином доме из одних только самых близких родных - за один стол не усадить. Да человек десять друзей-подружек, которых год от года становится, к сожалению, всё меньше и меньше. Я, как обычно, на правах старшего, за тамаду. Брат – снимает на видео и фото, пока до гармошки дело не дойдёт, он и тут мастак.

А маме и присесть особо некогда: то телефоны – звонки за звонками отовсюду: местные поздравляют, томичи, кемеровчане, новосибирцы, с Кубани и даже из Москвы и Питера; то на кухне суетится – как же без её указаний? То же и с сервировкой стола, да так, чтобы на нём и местечка свободного не оставалось…

К столу мама непременно принарядится в красивое и модное платье, лёгкий яркий шарфик на шею, наденет бусы из крупного натурального жемчуга, серьги; подрумянится, распушит в причёске свои редеющие, крашеные в каштановый цвет, волосы, пшикнет на себя дорогими духами…

Тосты-поздравления в адрес мамы сыплются, как в телевизионных передачах для юбиляров. Я непременно прочитаю свои новые вирши в её адрес, получив одобрительные аплодисменты, вроде этой:

В год голодный, в сибирской России
Родилась ты весенней порой.
Нарекли тебя в честь Евдокии –
Старомодно, но всё же святой.
Дети с внуками, правнуки – стая,
Вереницею вслед за тобой.
Ты для всех нас – такая святая,
Что и в мыслях не держим другой!
Вот и восемьдесят подкатили!
Набежали, как в море волна.
Прочь печали! Про хвори забыли!
Ты – всегда оптимизма полна!

Ну, и так далее, в этом же духе, с поздравлениями и пожеланиями…

А родилась мама и впрямь, на святую великомученицу Евдокию, 14 марта, уже здесь, в месте ссылки спецпереселенцев, в голодном 1932 году, двойней, с сестрёнкой Валей. И так-то хорошего было мало – привезли и высадили родителей, считай, на голу кочку. А тут и вовсе, через три года от цинги её мать умерла. Сестрёнку Валю и старшего брата Сашу оставили с отцом, а малолетнюю Дусю отдали в приёмыши, к дальним родственникам…

Говорим и об этом. Мама не может сдержать своих слёз, особенно когда я предлагаю помянуть её сестричку-близняшку, у той ведь тоже в этот день – день рождения. Да, только видно, её Ангел-хранитель оказался не таким усердным, как у нашей мамы…

А далее - и мы, её дети, уже со своими детьми, споём что-нибудь хором из нами же переделанного, под гармошку брата, вроде этого:

Редко, но навещаем
Уголок небольшой –
Где живёт наша мама,
Молодая душой.
Нежной, ласковой самой
Никогда не забыть:
Мама, милая мама,
Как тебя не любить!

Ну, и далее, куплетов на шесть-семь…

День-два проскакивают почти незаметно в гомонливом окружении слетевшихся гостей (внуки аж из Красноярска, на своей машине приезжали). Мама всё это время, хотя и уставшая, но счастливая и радостная… Так и светится вся…

Первыми уезжают на своей машине по накатанной ещё зимней дороге красноярцы, мамины внуки - Алёша, Лена с Пашей и с правнучкой Машуткой.

Торопится и сестра Татьяна, боясь скорой распутицы. К тому же, она и приезжала сюда первая. А я с братом Володей, с утра по морозцу, часа по три занимаемся то уборкой снега – с

крыш и из палисадника, то переносим сухие дрова из одного дровника в другой, то складываем в высокие берёзовые поленницы – тяжеленные, сырые, из только что привезённых из лесу дров – на сушку…

А к обеду и после него – скорее на Чузик! К любимому с детства занятию – рыбалке! До нашего заповедного омута, куда впадает речушка Николка, от маминого дома всего-то минут семь ходьбы. Клёв на сей раз отменный! Клюют окушки, хотя и не очень крупные, но резво. Попадаются и ельцы с чебаками, про ершей уж и не говорю.

Только и Володе уже пора возвращаться на работу в Красноярск – дорабатывает в службе безопасности (после инженерных должностей, и немалых) до своей пенсии.

А я – тяну до последнего, до самого конца марта и начала распутицы. И не приведи Господи – попасть под неё. Дороги-то у нас – аховые! Точнее, стокилометровый участок – от Пудино и до самой Кёнги. Бывает, так размесят его большегрузы, идущие на буровые и нефте-газовые месторождения, что окружили со всех сторон нашу малую Родину, без тягачей и не обойтись.

Дорогу эту строили ещё при Советах, когда только-только начали осваивать углеводородные месторождения в Томской области. Тогда же и новый вахтовый городок Кедровый рос, будто на опаре. Хватало денег и на то, и на другое. Два новых микрорайона из панельных пятиэтажек, на пять тысяч населения, отстроили в красивом месте – в сосновом бору с брусничником, в полутора десятках километров от Пудино, поближе к Томску.

На завершение строительства дороги до Кедрового, (а до него от Томска почти пятьсот вёрст), не хватило каких-то двух-трёх лет существования советской власти. И место – самое гиблое, рямно-болотистое. Вот и мыкаются теперь люди и машины с весны и по осень, застревая, порой в дороге суток по двое-трое. Деньги-то на косметический ремонт дороги из области выделяют исправно, ежегодно, по нескольку миллионов. Да только уплывают они, как подлатанные гати в бездонное болото, неизвестно куда. Правда, в народе поговаривают, что на материке у сменяющихся едва ли не через

два-три года мэров Кедрового, появляются новые благоустроенные квартиры, коттеджи и даже собственные клиники…

Сколько помню себя, сюда летали из областного Томска и районного центра Парабель (и до него – двести вёрст) самолёты, в основном - вечный труженик-тихоход Ан-2. Сюда и было-то, как в песне: «Только самолётом можно долететь». Потом недалеко от Кедрового построили новый аэропорт, с бетонным взлётно-посадочным полем, принимавший не только «кукурузники», но и самолёты посерьёзнее: Л-410, Ан-24 и Як-40. Однако с крушением Советов и с началом «строительства» «царства капитала», рухнула и малая авиация. Новый аэропорт сгорел (а, скорее, сожгли умышленно). Из-за отсутствия дороги рейсы автобусов из Томска сюда не положены.

На смену самолётам пришли «маршрутки» частников. В основном, вездеходы-уазики-таблетки, вмещающие в себя семь-восемь пассажиров. Только им и под силу одолевать непроходимую нашу васюганско-нарымскую грязюку, особенно в распутицу. Вместо двух часов самолётного времени теперь до Томска по семь-восемь часов (в лучшем случае) добираться приходится.

…Дотянул я в этот раз с отъездом до последнего. Ещё день-два, и маршрутки вообще не пойдут на Томск. Тогда – хочешь-нет, а кукуй до середины мая, пока не просохнет дорога, если, правда, не повезёт договориться с вахтовым вертолётом.

Днями наша снежная деревенская дорога превращалась в водянистое месиво-тюрю, а на самой трассе большегрузы уже вовсю нарезали глубоченные глинистые колеи, под самые карданы. И лишь за ночь, к утру, ещё ненадолго приморáживало. Вот и торопились проскочить по подмороженному маршрутки-уазики те самые сто километров гиблого болотистого отрезка пути.

Крайней точкой маршруток, уходящих на Томск (и даже Новосибирск, расстояние – примерно одинаковое) была наша Калиновка. Моя родня снарядила мне в дорогу тяжеленный баул-сумку, затарив домашними гостинцами. Оказавшись из Калиновки единственным пассажиром, я занял место рядом с водителем – самое удобное для моих саднящих в коленях ног. И

очень радовался тому, что отъехали мы раненько, ещё около восьми часов утра.

Как мог, утешил маму, пустившую слезу расставания: что летом, дескать, непременно приедем с братом – перестроить покосившуюся веранду.

Километра через полтора, в Лушникове, в уазик подсели ещё парочка пассажиров, да столько же в Пудино. Наше северное солнце уже преизрядно оторвалось от мохнатого таёжно-лесистого горизонта. Его золотистые лучи бросались в атаку на осевшие черымистые, но всё ещё ослепительно белые, остатки зимнего снега. Под колёсами маршрутки похрустывали замёрзшие за ночь ледяные комки, хрустальными брызгами разлетаясь в стороны. До Кедрового доехали минут за тридцать. И уже было видно, как местами вытаявшая за прежние солнечные дни и приморожденная ночью, почерневшая земля, начинала покрываться смолянистой влажной коркой.

Мы тормознулись у конечной остановки в Кедровом. Курящие вышли подымить. Выбрался и я из кабины, дохнуть свежего воздуха и размять ноги, успевшие всё же слегка затечь. Солнце золотило оранжевые стволы стройных сосен, плотно обнимавших панельные пятиэтажки второго микрорайона Кедрового.

Мои уши уловили ясные и отчётливые птичьи посвисты, переходящие с пощёлкиваний на короткие трели. «Неужто уже скворцы прилетели?» - удивился я. И, как доказательство, на одной из берёзок, затесавшейся между сосен, я увидал вестников весны - парочку скворцов. Их тёмные суетливые силуэты отливали сине-зелёным перламутром. От их беспечного поведения и посвистов мне стало как-то даже радостнее. И тут же почему-то я отчётливо представил маму – нет, не печально-провожавшую, а всякий раз радостно-встречающую нас, с уже протопленной банькой и приготовленным столом, а на нём – и рюмашки для самодельной – с устатку и за приезд!

Стоянка наша затягивалась, кто-то из пассажиров, как обычно, не торопился. А без них, записавшихся на рейс предварительно, ехать было нельзя. Я нервно поглядывал на часы. Время убегало неумолимо быстро, а мы всё ещё никак не могли отъехать из Кедрового. Мне было куда торопиться:

успеть бы на последний междугородний автобус, уходящий из Томска на Кемерово. К тому же, с каждой лишней минутой тот самый гиблый участок дороги становился для нас всё более труднопроходимым.

Подошли ещё двое опаздывающих. В салоне маршрутки оставалось всего одно незанятое место. Уазик этот был явно неприспособлен для дальних перевозок людей. Откидные сидушки располагались в основном по бокам. Весь задний кузовной отсек был до отказа забит багажом. Посредине салона неудобно лежало запылённое (явно ещё с лета) запасное колесо, мешая пассажирам. Но куда было деваться и кому жаловаться?

К нашей машине резво подъехал «ментовский» уазик, лихо крутанувшись и едва ли не зацепив маршрутку. Из него спешно выскочили двое полицейских – с лейтенантскими и сержантскими погонами. За ними последовала женщина, лет тридцати, о которых говорят – «не первой свежести».

Её малиновая куртка была нараспашку, бесстыже показывая грязно-засаленную бледно-дымчатую подкладку. Тёмного цвета брюки на коленках носили слабые следы известковых пятен. На непокрытой голове вразнобой топорщились пряди свалявшихся волос. Лицо её было озабоченным, с явными признаками похмелья и бурно проведённой ночи. На губах местами ещё алела стёршаяся помада. Обутые на скорую руку сапоги с облупившимися носками, не были даже до конца застёгнуты на молнии.

Оба полицейских и за ними женщина спешно подбежали к дверце маршрутки, отворили её на всю ширину. Заглянув внутрь, принялись сначала бегло, потом внимательнее осматривать пассажиров, вглядываясь в их лица. Этой же процедуре подвергся и я. Стало как-то не совсем уютно.

- Кого ищите? – недоуменно интересовались пассажиры.

- Кого надо, того и ищем, - хамовато отреагировал полицейский сержант.

- Нет, его здесь нету, - оценивающе, бросила полицейским женщина. – Он был в шапке… Ну, такой, норковой…

По салону среди пассажиров поползли слухи о том, что какой-то очередной хахаль из заезжих вахтовых буровиков-

нефтяников, или командировочный украл у неё деньги и смылся.

- Да какие там деньги? – возражал пожилой мужчина, видимо, знавший дамочку. – Когда они у неё водились? И откуда им взяться?

- И пили-то, поди, на его же деньги…

- Шалава! – презрительно пригвоздила в определении дамочку женщина-пассажирка.

Пообщавшись с полицейскими, водитель нашей маршрутки, что-то записал в свой блокнотик.

Так же быстро, как и подъехали, полицейские с женщиной уселись в машину, и полицейский уазик, прозванный в народе «мельтонкой», рыкнув, в вираже, рванулся дальше.

В нетерпении нервничать уже начинали и другие пассажиры: когда же отравимся, ну, сколько ещё можно ждать?

- Может, поедем уже? – настаивала пожилая женщина.

- А, может, тот, кого ждём, уже уехал с кем-нибудь, - высказывал предположение другой.

К машине спешно подбежал сухощавый мужчина, лет тридцати пяти.

- Ну, наконец-то… - едва ли не разом отреагировали пассажиры, рассевшиеся по местам.

Мужчина был одет в тёмно-синюю куртку на синтепоне и уже изрядно потрёпанную тёмно-коричневую норковую шапку. Весь его вид был явно чем-то озабоченным. Он сразу же направился к водителю, который в сторонке докуривал сигарету.

- Вы на Томск? – без лишних слов и приветствий обратился он к водителю.

- Да, на Томск? Как Ваша фамилия, - несколько замявшись водитель глянул в свою бумажку-блокнотик, и запинаясь, не очень уверенно добавил: - Си-разит-кулов?

- Нет, - уклонился прямого ответа мужчина. – Командировочный я. Нужно срочно уехать…

- Нет мест, - ответил водитель. – У нас все пассажиры по предварительной записи.

- Мне бы с вами…

- Уедите двенадцатичасовым, - отговаривался водитель. – На него обычно бывают свободные места.

- Нет, мне сейчас надо, - наседал на водителя мужчина.

- Да берите вы его, и поехали уже, - настаивала женщина. – Какая вам разница, кого везти и с кого брать деньги за проезд…

- Маму в больницу положили срочно на операцию… - жаловался водителю мужчина. – Возьмите, - канючил он.

Водитель, похоже, уже и впрямь готов был взять на рейс этого подвернувшегося пассажира, вместо того, с нерусской и труднопроизносимой фамилией Сиразиткулов. Он отщёлкнул в строну окурок сигареты и собрался было уже садиться в водительское кресло.

И тут, запыхавшись, с тяжеленным рюкзаком за спиной, подбежал мужик, с явными признаками лица «кавказской национальности».

- Вы на Томск? Ждёте не меня? Я – Сиразиткулов…

- Где вас носило столько времени? – проявил своё недовольство водитель. – Все пассажиры уже давно на месте… Опаздываем уже с отъездом на полчаса лишних, а дорога – сами знаете… Всё, поехали…

- Ну, возьмите ещё и меня, - едва ли не хныча, умолял водителя мужчина в норковой шапке… К маме еду… В больнице она…

- Куда я вас возьму, на колесо, что ли? – отнекивался водитель.

- Да я и на колесе согласен, только бы к маме успеть, до операции…

- А, может, и вправду, пусть уж на колесо садится, потеснимся, - начали высказываться сердобольные пассажиры.

- К матери человек, в больницу…

- Ага, сейчас, возьму его на колесо, - иронично отреагировал водила. И тут же начал набирать на своём мобильном номер, кому-то звоня.

- Может, диспетчеру? – высказал кто-то из пассажиров своё предположение. – Разрешение просит.

- Ну, да - диспетчеру. Как же… - возражали. - Ему томские гаишники такого диспетчера пропишут – мало не

покажется… И какой это – командировочный? У него даже нет никакой сумки…

- Ну, когда поедем-то? – настаивали пассажиры. – Все уже на своих местах…

- Сейчас, сейчас. Одну минутку ещё…- отговаривался водила маршрутки.

В это время к нам снова подкатил ментовский уазик. Видно, им-то и звонил водитель нашей маршрутки. «Командировочный», просившийся в Томск, занервничал, даже сделал попытку убежать. Выскочившие из уазика полицейские догнали его, подвели к женщине, выглядывающей из дверцы «мельтонки».

- Этот?

- Он, он самый! – завопила женщина. - Это он украл мои деньги, да ещё и часики мои свистнул…

А мужчина в норковой шапке уже и не сопротивлялся, переходя в наступление, деланно удивляясь:

- Какие деньги? Какие часики? А на какие шиши мы гуляли с тобой?!

- Ладно, пошли, - прервали препирательства полицейские, - там разберёмся.

Задержанного посадили в «уазик». И мы наконец-то двинулись по направлению Томска.

- Ишь ты, надо же: придумал то чё… - сокрушалась женщина. – К маме, говорит, в больницу надо…

- Ага, говорит ещё: до операции успеть бы…

- Да, измельчал народец, – поддакивали, вынося безжалостный вердикт. – Ничего святого не осталось… Даже мать…

Мне было чем возразить.

Но я промолчал…

А к маме нашей мы так и продолжаем собираться ежегодно, то вместе, то поочерёдно. Иногда и по два раза в году. Вот и нынче были, отметили ей уже 86 лет…

Кемерово, 1-2 апреля 2018 г.

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

(Очерк)

- Поедешь на конференцию АСПУР? – делает мне предложение председатель нашей писательской организации Борис Бурмистров.

- А чего сам не едешь? – В ответ вопросом же отвечаю ему, зная, что на ежегодную конференцию Ассоциации писателей Урала и Западной Сибири ездят обычно первые руководители. И добавляю, - а куда?

- Никак оправиться не могу после болезни до сих пор, - отвечает Борис и продолжает, - в Нижний Тагил. Ты ведь уже ездил на конференции…

И в самом деле, я уже умудрился побывать дважды на подобных конференциях – в первый раз в Челябинске, одиннадцать лет назад, другой раз – в Оренбурге, в 2012 году. Что всегда прельщало меня в этих конференциях, так это – возможность побывать на новом месте, на неведомом мне Урале. Но самое главное, пожалуй, – новые личные знакомства с писателями, встреча со «старыми», ставшими уже не просто знакомыми, а приятелям, обмен книгами с автографами. Однако с годами и возрастом почему-то всё реже хочется куда-то уезжать из дома. И я, прикинув все «за» и «против», пытаюсь отговориться от поездки, предлагая по очереди кандидатуры других, в основном, своих друзей.

- Ну, ты подумай всё же хорошенько, - советует Борис, - и перезвони.

Я уклончиво и неуверенно обещаю подумать, для себя уже решив отказаться от поездки. А тут ещё одна причина: пропущу целую неделю самого рыбацкого перволёдка, которого ждёшь, как свидания, целый год…

Едва успел дойти до дома, звонок по мобильнику:

- Виктор Степанович?! Это Кердан, Александр Борисович.

Я рад слышать знакомый и приятный, всегда оптимистичный и мажорный, голос нашего Координатора АСПУРа. Обмениваемся приветствиями и дежурными телефонными вопросами.

- Витя, приезжай, - переходит Александр Борисович на дружеское обращение. – Тебя уже тут многое знают, ты – тоже. И земляк твой, Сергей Аксёненко, приедет…

Я всё ещё в некоторой нерешительности, но одно упоминание о Сергее, поэте из Екатеринбурга, бывшем полковнике-афганце, с которым мы познакомились и на раз взаимно сошлись более десяти лет назад, ещё в Челябинске, делают своё дело. Молодец Кердан, знает: чем и кого взять. Уговорит любого, да так, что и отказаться нет никакой возможности. И я уже даю обещание, называя и его лишь по имени – Саша. А Саша-то, между прочим, - тоже из военных, полковник, к тому же – доктор культурологи!

На сей раз конференция – уже восемнадцатая по счёту, и приурочена она к 165-летию со дня рождения уральского писателя Мамина-Сибиряка. Классика русской литературы!

Смотрю в программу конференции, что дал мне Бурмистров. В ней значится тема, докладчики и места проведения. А ещё дата, с 5 по 7 ноября 2017 года.

«Творческое наследие Мамина-Сибиряка. Его преемственность и традиции в современной литературе» - примерно так обозначена теоретическая часть конференции. И докладчики – мне хорошо знакомые, из Екатеринбурга: Леонид Петрович Быков и Андрей Петрович Расторгуев. Оба поэты. К тому же, первый – доктор филологии, профессор, второй – кандидат наук. Знаю обоих, слушал и общался с ними. Остроумны, талантливы. Одно удовольствие от таких общений!

А вот места проведения конференции мне пока ещё незнакомые. И если о Нижнем Тагиле я, конечно же, хотя бы слыхивал, то посёлок ***Висим*** – мне ни о чём не говорит. И я даже путаю его название с забайкальским Витимом.

Сутки скорым поездом до Екатеринбурга. И вот я уже качу дальше, на электричке, на север, жадно выхватывая через окно пейзажи лесистого уральского предгорья. Всё слегка забелено недавно выпавшим снежком.

Увалы с распадочками, а по ним – многочисленные речки и ручьи. Озерушки с камышово-рогозовым обрамлением уже покрыты матовым ледком, на котором маячат тёмные фигурки рыбаков-зимников. И я завидую им, одновременно

утешая себя: у нас-то ещё пока никакого льда нет. А, стало быть, вся моя рыбалка-перволедье непременно дождётся меня дома. А ещё, подспудно, вертится в голове думка, делая северный Урал чуточку ближе: где-то там, ещё севернее, у пресловутого перевала Дятлова, в «Ивдельлаге» оборвалась в 1942 году жизнь моего деда по отцу, арестованного совсем накануне начала большой войны, 12 июня 1941 года - профессионального военного, подполковника, осуждённого опертройкой по 58-й статье…

Чем ближе к Нижнему Тагилу, тем выше поднимаются и темнеют горы. Минуем несколько городов: Верх-Нейвинск, Невьянск, возле которых большие рукотворные водоёмы, чем-то похожие на наше, Беловское «море».

В Нижний Тагил подъезжаю даже не в сумерках, потемну. Город весь залит разноцветными огнями, как будто радуясь приезду чужака. Как и обещал Кердан, на железнодорожном вокзале уже встречают приезжающих на конференцию – миловидная Алёна и парень, лет под тридцать. К этому времени мой приезд опередил лишь один делегат из Оренбурга. Знакомимся, быстро переходя на «ты». Его зовут Сергей, он – поэт-пародист. Перебираем общих знакомых: я – оренбуржцев, он – кузбассовцев. Есть контакт!

В половине восьмого вечера по местному времени нас с Сергеем привозят на легковой машине к санаторию «Ключики», где в холле уже встречают, фотографируя, и распределяя по номерам. А ещё нам выдают по красивому нагрудному именному бейджику на синей тесёмке и по подарку - фирменному бумажному пакету, с эмблемой АСПУР, портретом Д.Н. Мамина-Сибиряка и факсимильными рукописными строками писателя.

А в пакетах тех – традиционный набор: блокнот участника (тоже с фирменной ламинированной обложкой), шариковая ручка; программа конференции, с детальным, почасовым распределением мероприятий, проект резолюции конференции; новый выпуск альманаха Ассоциации «Чаша круговая» (какое удачное и метафоричное название!).

А ещё – книга. Да не просто книга – фолиантище, на 640 страниц! В красивой твёрдой обложке, бархатисто ласкающей

руки. На обложке стоит имя и фамилия автора – Наталья Паэгле. Ни имя, ни тем более, несколько странная фамилия, мне пока ни о чём не говорят. А книга эта имеет серийный надзаголовок – «Жизнь замечательных уральцев» - аналог знаменитой серии «ЖЗЛ»! И название книги «Дмитрий Мамин-Сибиряк» - с его фото и живописными портретами. Кроме того, на обложке фотография дома, залитого ярким солнцем, утопающего в зелени деревьев, и фото въездного символа в населённый пункт, на котором крупным буквами значится ВИСИМ…

Заселившись в номер, я тут же с нетерпением раскрываю книгу, выхватывая сначала многочисленные фотографии вклеек – старинные чёрно-белые фотокопии и современные цветные… Читаю бегло предисловие, из которого узнаю, что автор этой книги – профессиональная журналистка, и ***что*** ей стоило написание книги, выуживая и собирая по крупицам факты из биографии писателя. А потом – и само издание книги… Честь и хвала автору!

Перехожу к началу книги. И не могу оторваться.

Боже! До чего же скудны мои знания об этом большом, истинно русском писателе! Что я знал о нём прежде? Да, читал и смотрел телефильм (уже давно) по роману «Приваловские миллионы». Читал совсем недавно своим малолетним внукам (и не по одному разу) «Серую шейку», а те заливались слезами. Читал про храброго зайца из «Алёнушкиных сказок». Припомнил рассказ «Зимовье на Студёной», читанный ещё в школе, про старика-охотника и его собаку Музгарку… Знал о том, что Мамин-Сибиряк написал романы «Золото» и «Горное гнездо», но не читал их. Вот, пожалуй, и всё.

Хотя нет. Во вклейке книги я увидел цветную фотографию могилы писателя, похороненного вместе с его дочерью Алёной и женой-актрисой Марией Абрамовой. А рядом – могила Куприна – в Питере, на Литераторских Мостках Волковского кладбища. А ведь я был там, сорок лет назад, стоял у могил А. Куприна, И. Гончарова, А. Блока, и… Мамина-Сибиряка… Было это осенью, примерно в такое же ноябрьское время, когда моросил дождик, омывая мраморные памятники, а на гранитные могильные плиты осень роняла со своей палитры цветные мазки из желтых и багряных листьев…

Да, ещё, чуть не забыл. Ведь именно в честь Д.Н. Мамина-Сибиряка учреждена самая главная и почётная ежегодная литературная премия АСПУР!

Читаю долго, заполночь, пока не смежаются мои веки. К тому же, сказывается ещё и разница во времени, как-никак, а два часа кое-что значат. И во сне всё нахожусь под впечатлением читанного, в каких-то фантасмагоричных картинках, перемешавших прошлое и настоящее…

А наутро – неподдельно-радостные встречи! Здесь уже заселились и только ещё подъезжают знакомые мне: и неунывающий Александр Кердан с милейшим усачом Арсеном Титовым, и учёные поэты – Леонид Быков с Андреем Расторгуевым (все четверо из Екатеринбурга). С большим огорчением узнаю от Кердана, что на конференцию не приедет Сергей Аксёненко: попал в реанимацию с обширным инфарктом.

Прибыли наши соседи-сибиряки: Анатолий Кирилин (Барнаул), Анатолий Шалин (Новосибирск), Геннадий Скарлыгин (Томск), Валентина Ерофеева-Тверская (Омск).

А вот и ещё один свердловчанин (простите, екатеринбуржец) – мой давний приятель – поэт и фотохудожник Вадим Осипов. Да не один. С женой. А жена-то у него… оказывается, - тот самый автор читанной накануне книги – Наталья Паэгле! Вот это сюрприз, для меня! Я тут же высказываю новой знакомой свои слова восторга и восхищения от книги! Косвенно перепадает и Вадиму – ведь это он ездил вместе с Натальей по всем Маминским местам, собирая материалы, ведь это его фотографии помещены в книге.

Всегда приятны минуты встречи и общения с обаятельной, умной женщиной и талантливой поэтессой Ниной Ягодинцевой – из Челябинска, между прочим, тоже кандидатом наук и доцентом, родственного мне института культуры.

Приятной неожиданностью для меня стало знакомство с Сергеем Александровичем Трахимёнком, которого я уже давненько знал по публикациям в «Нашем современнике» и даже в наших «Огнях Кузбасса», - первым руководителем всего Союза писателей Беларуси! Ещё более удивился я, когда узнал,

что и он, замечательный прозаик, имеет учёную степень - доктора юридических наук!

Познакомился и с писателем–москвичом, с самой русской из русских фамилий, Ивановым Геннадием Викторовичем. И тоже – далеко не рядовым прозаиком и писателем – Первым заместителем Председателя Правления Союза Писателей России!

Вот это кворум для писательской конференции! Можно судить и о её качественном теоретическом уровне! Но не будем о научно-практической её части… Остановлюсь лишь на поездке на малую Родину Мамина-Сибиряка, многократно воспетую им в своих произведениях.

В тот самый загадочный и неведомый мне доселе **ВИСИМ.**

Его история уходит аж в Петровские времена, самых первых заводских промышленников Демидовых. Основан посёлок Висим ещё в 1715 году, у слияния речек Висим и Шайтанка, впадающих в речку Межевая Утка – приток реки Чусовая. Пойму рек, вдоль которых селились беженцы с Керженца, - кержаки-старообрядцы, защищали от ветров пологие уральские горы – Шульпиха, Осиновая, Кокурниковая и Балимбай. Безлесые вершины этих зелёных гор назывались по-местному шиханами. Так, шихан, пожалуй, самой красивой коры Кокурниковая, на которую частенько взбирался молодой Митя Мамин, находится на высоте порядка 700 метров над уровнем моря.

Горы эти оказались богатыми не только своими уникальными уральскими камнями-минерами, но и месторождениями медных и железных руд, золота и даже платины!

Вот поэтому-то, в поймах рек и строились железоделательные и медеплавильные заводы. Без воды металлургическое, как и старательское (добычное) производство, – никуда. Есть версия, что и сам термин «завод» получился от «за водой». И, прежде, чем построить завод, в первую очередь нужно было перегородить реку плотиной, образовав значительные запасы воды. К тому же вода – источник механической энергии и пара (так было вначале) для

механизмов – мельничных кругов, прессов, кузнечных молотов и проч.

Обнаружив месторождения и застолбив земли, Демидовы начинают строительство многочисленных заводов, перегораживая реки плотинами. Так уже в 1739 году, в указанном месте Акинфием Никитовичем Демидовым начинается строительство Шайтано-Висимского железоделательного завода, который был запущен в производство через пять лет, в 1744 году. А для строительства и работы на нём нужны были люди. Прежде всего нанимали местных аборигенов из кержаков. Не гнушались и беглыми людьми, которые шли в старатели и заводские работники, постепенно становясь крепостными заводскими рабочими. Широко распространялась практика привоза на работу крестьян из центральной России и Малороссии. А таковые заселяли целые слободы, или «концы», живя обособленным своим полупатриархальным укладом, постепенно становясь уже и сами «местными».

Так в бытность детства и юности будущего писателя Дмитрия Мамина, в Висим Демидовыми были завезены партии крестьян из Тульской и Черниговской губерний. А заселённые ими слободки – *концы* стали называть «туляцкими» и «хохляцкими». Слободка-конец местных аборигенов получила название «кержацкой». Так и сохранились в обиходе на долгие годы названия этих улиц-концов, быт и нравы которых позднее были описаны в романе Дмитрия Мамина-Сибиряка «Три конца».

…В Висим мы выезжаем двумя микроавтобусами около 12 часов дня 5 ноября. Человек двадцать пять. Нашими сопровождающими (и попутно гидами) являются Глава администрации Горноуральского городского округа Николай Иванович Кулиш и начальник Управления культуры Нижнего Тагила. Здесь же – тележурналисты из Ханты-Мансийска и местные телевизионщики. Признаться, такого количества писателей, собравшихся из разных городов Урала и Сибири одновременно, на малую Родину Мамина-Сибиряка, приходится встречать не так часто. Этого не скрывают в своих волнениях и наши кураторы.

В Нижнем Тагиле миновали городскую площадь с оригинальным памятником Ленину, я таких ещё не видывал, а наш гид сказал, что похожих памятников было всего 3 на весь СССР. А оригинальность заключается в том, что скульптура Ленина в полный рост (похоже, и в натуральную величину) стоит на шаре, символизирующим, очевидно, глобус, или земной шар. А этот шар – на высокой, метров пяти, стеле.

Проехали мимо музея-завода, ещё демидовских времён, что оставался внизу, справа по ходу автобуса. Завод этот ещё работал лет тридцать назад. А вот теперь его превратили в музей. И правильно!

Дорога идёт на юго-запад, обратно в сторону Екатеринбурга вдоль замечательной холмистой местности. По пути полюбовались видами города. Временами комментирует пролетавшее за окнами автобуса нижнетагильский поэт Василий Овсипьян. Он хороший рассказчик, и многое знает из истории Нижнего Тагила. От Тагила до Висима по трассе километров 45.

Висим. Не просто посёлок, каковых многие тысячи в нашем Отечестве. Висим – малая Родина писателя Мамина-Сибиряка. Здесь он не только родился и вырос, не только исходил все улочки посёлка, рыбачил в пруду и речках; будучи семинаристом и студентом во время каникул избродил с ружьём все окрестности лесов, взбираясь на шиханы гор… Сюда он возвращался всю свою сознательную жизнь – в воспоминаниях и в своих многочисленных произведениях. Висим – это неиссякаемый родник творчества классика русской литературы. Здесь и поныне живут и работают немало творческих и разносторонне одарённых людей…

В настоящее время посёлок Висим и его округа – своеобразная туристическая Мекка. Сюда ежегодно приезжают десятки тысяч всевозможных туристов и прочих деловых и творческих людей.

По дороге, не доезжая километров 12 до Висима, остановились – в знаковом месте. Это – символическая граница между Европой и Азией. На небольшой площадке высится столб-стела, на ней - шар. На одной стороне цилиндрической стелы написано «ЕВРОПА», на другой – «АЗИЯ». Кстати, и сам посёлок Висим тоже находится на границе двух континентов. И

про это писал ещё сам Дмитрий Мамин: дескать, окна его дома с одной стороны смотрят в Европу, а с другой – в Азию.

Здесь нас встретили радушно хлебом-солью (и чаркой водки, что было весьма кстати) Глава Висимской администрации и местный фольклорный ансамбль. С ними мы даже немного потанцевали на подпевках.

Далее путь лежал на окраину посёлка, точнее, в «Туляцкий край», где мы посетили усадьбу местного умельца, мастера «Золотые руки» Виталия Николаевича Черепанова. Это – и впрямь чудо-усадьба! И – чудо-мастер! Добродушный, улыбчиво-приветливый и отзывчивый усач. Его усы почти ни в чём не уступают знаменитым «чапаевским» усам Арсена Титова. Не удержавшись, я фотографирую их вместе.

Приехав сюда однажды, Виталию так понравилось здесь, что он (по рассказам, бывший военный лётчик), приобрёл в Висиме дом и усадьбу, соток в пятьдесят. И вот, начал он эту усадьбу и сам дом облагораживать своими руками. Резными наличниками, ставнями – да такой красоты, что даже иностранные туристы, приезжая сюда, не могут оторвать своих взглядов. И непременно фотографируются на этом фоне. На одном из таких резных «окон»: будто кино-сказительница Зуева начинает баять… Облагорожены и входные ворота. Уже на входе – целые скульптурные композиции из сказов и мультиков: здесь и «русалка на ветвях сидит», тут и почтальон Печкин со своим велосипедом, а там – старуха Шапокляк, крокодил Гена и Чебуршка. А перед стеной, что со стороны входа в сени – «Три девицы, за окном, пряли поздно вечерком» и подсматривающий в окошко за их разговорами сам царь Салтан. А вот – золочёная карета, в которой я даже запечатлел себя с разрешения хозяина, а потом – и с самим хозяином. Далее – баба Яга, со ступой, метлой и котом Баюном… Со стороны огорода – вид на двухскатную пологую крышу дома-усадьбы (квадратов на сорок), которая вся разрисована масляными красками (кажется, по жести) – этакая висимская панорамища!

В длинной полутёмной галерее сеней – масляные картины хозяина: пейзажи, панорамы, натюрморты, не менее трёх десятков. Представляю, что внутри самой избы! Туда, к сожалению, не входили…

Мы все просто в неописуемом восторге от увиденного! Много фотографируемся. И всё это – дело рук одного человека!

Время подошло к обеду. И нас радушно принимают в местном кафе, где на первое – замечательная классическая солянка со всеми необходимыми ингредиентами.

Отобедав и поблагодарив за угощения, далее по плану у нас – митинг, приуроченный ко Дню рождения писателя – у памятника ему. Памятник находится посреди широкой висимской центральной улицы, носящей его имя, недалече от отчего дома писателя. Замечу попутно, что имя Д.Н. Мамина-Сибиряка носят ещё и местные школа с библиотекой. Как говорится, сам Бог велел. Кстати, имя писателя местной библиотеке было присвоено 100 лет назад, ещё до революции.

Памятник построен на средства висимчан, создан скульпторами Ю. Клещевниковым и В. Гороховым и открыт в 1962 году (к 110-летию со дня рождения). На высоком мраморно-розовом постаменте установлен бюст Дмитрия Наркисовича, его голову покрывает каракулевая папаха. И смотрит он в сторону своего дома…

Митинг открывает Глава Администрации посёлка Висим. Затем добрые слова говорит Н.И. Кулиш. Ну, а потом – писатели: А.Б. Кердан, Л.П. Быков, С.А. Трахимёнок, кто-то из местных жителей… Мы возлагаем к подножию памятника по живой красной гвоздике и делаем снимки на память.

Далее наш путь лежит к дому-музею народных промыслов.

Проезжаем улицей, нас сопровождают сплошные старинные кержацкие дома, которые видели ещё самого Дмитрия Мамина, его отца – попа Наркиса Матвеевича, мать Анну Семёновну, братьев Николая и Владимира, сестру Лизу… Да дома-то всё какие добротные, основательные, под тремя коньками, ничего им не делается и со временем… Встречаются и кряжистые, двухэтажные, на каменных фундаментах. Тут всё делалось основательно, надолго. И сравниваешь их со своими, нарымскими домишками-времянками, слепленными наспех спецпереселенцами (ссыльными).

Многие дома строились как бесплатное жильё для привозных заводских рабочих. Им же выделялось и по гектару

земли на душу. А какие-то дома построены уже и самостоятельно. Особенно старателями, после удачливых сезонных фартов. Или скупщиками добытого старателями золота и платины. Или местными купцами.

Строились и завезённые на завод рабочие, с учётом особенностей того места, откуда они были привезены сюда (кержаки-аборигены, туляки, хохлы). И невольно думаешь: да разве пошли бы на бунт и переворот (революцию) люди, живущие в таких домах? Конечно, работа на заводах была далеко не мёд, многие становились калеками, инвалидами, зарабатывали туберкулёз лёгких… Но ведь жили же, стремились дать хорошее образование своим детям, отправляя их после церковно-приходской местной школы – сначала в гимназии, реальные и духовные училища, а потом – в институты и университеты, выводя – «в люди»… Вот и сын священника Митя Мамин, проживший в Висиме 14 лет, был отправлен учиться сначала в Екатеринбургское духовное училище, потом – в Пермскую духовную семинарию. А после них были и военно-медицинская академия, и университет – в Санкт-Петербурге…

Читаю подаренные мне книги из истории Висима. В лучшие дореволюционные годы в селе (А как же! Ведь здесь был православный Свято-Никольский белокаменный храм, о пяти золочёных крестах, поднятых на высоту 13 саженей, и несколько церквей) проживало тысяч до пяти жителей. Судите сами, по статистике, в 1900 году только на Висимо-Шайтанском заводе трудились более 900 рабочих и служащих. А при открытии храма в 1895 году присутствовало более 2 тысяч прихожан!

Замечательным оказался и музей быта и ремёсел, расположенный в старинном двухэтажном доме, построенном ещё в 1870 году. Принадлежал он кержацкой семье Черемных. А создание и открытие музея в этом доме инициировал внук первохозяина, бывший глава Висимской администрации Михаил Николаевич Черемных.

Там столько оригинальных экспонатов! От самодельных ткацких кросен, шерстобитной машины, металлических образцов продукции первых заводов, … и до ушедших в

недалёкое прошлое телефонных аппаратов и фотоувеличителей…

Особо следует сказать о великолепной (в стенной нише-алькове) диораме «Висимо-Шайтанский завод, 1860-е годы», выполненной художником Е.В. Седухиным. Это как раз время детства Дмитрия Мамина. На переднем плане – милая церквушка, обрамлённая деревцами. Позади неё – простирается водная гладь пруда, вытянувшегося в пойме аж на десяток километров. За прудом, на взгорье – разбежались дома хохляцкого конца, и среди них – ещё одна церквушка. Позади домов – раздваивающаяся дорога, взбирающаяся на лысую зелёную пологую гору-шихан Кокурниковая. Справа, на переднем плане, плотина с мостом, а сразу за ней, ещё правее – чернеет сам завод, дымящий трубами…

Да, ещё и хранители этого музея – фанаты своего дела, с присказками и песнями, с обрядами - в гостевых старинных нарядах: ярких сарафанах с вышивками, в кокошниках на головах - ежедневно принимающие по несколько экскурсий… На прощание и всем нам подарили по самодельной деревянной (свежей и ещё неокрашенной) ложке.

Дом-музей писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Как музей, открыт был он в 1979 году. А в 2002 году, в связи со 150-летием со дня рождения писателя, он был значительно обновлён-отреставрирован. В нём расположились и обновлённые экспозиции, максимально приблизив к времени детства и юности писателя.

Этот жилой дом был специально построен более 180 лет назад для местного священника. А таковым почти на протяжении пятнадцати лет, в Висиме и являлся именно Наркис Матвеевич Мамин.

Здесь родился и Митя Мамин 6 ноября (по новому стилю) 1852 года.

В этом доме он жил, учился в школе, что стояла рядом с его домом, сначала у отца, потом – у дьякона Дюкова, которого все называли Матвеичем. Здесь родились и выросли братья писателя - Николай и Владимир, самая младшая сестра Лиза.

В самом доме-музее (так было и прежде) не менее семи просторных комнат. Четыре из них – «жилые»: маленькая кухня,

небольшой кабинет отца, просторная гостиная и детская комната. Все эти комнаты обставлены мебелью и интерьером того времени: письменные столы с подсвечниками, конторка, плетёные и обычные стулья; обеденный стол с точёными ножками и с медным самоваром на столешнице, покрытой скатертью (именно тем самым самоваром, за которым чаёвничала семья Маминых). В детской - кровати, небольшой обитый кожей диван, с высокой спинкой, на котором любил лежать и читать маленький Митя… По стенам – экспозиции фотографий, точнее, их копии хорошего качества. В гостиной – плетёное кресло-качалка. Полки и стеллажи с книгами – и тех, по которым учился читать и читал будущий писатель.

Три оставшиеся комнаты музея представлены книжными экспозициями – рукописными автографами (чаще – факсимильными копиями) рукописей и писем; прижизненными книжными изданиями писателя; книгами, которые читали Дмитрий Наркисович и его отец. Тут же и экземпляры многочисленных книг, которые издавались в советское время у нас в стране миллионными тиражами! Есть и зарубежные издания писателя.

Всё это характеризует не только то время, но и достаток среднезажиточного семейного сельского православного церковно-служащего. Прямо скажем, не так уж и плохи были жилищные условия семьи сельского попа!

А рядом с домом Маминых сохранилось и здание той самой церковно-приходской школы, куда ходил Митя. Длинный общий стол, с лавками-скамейками по его бокам, человек на тридцать, письменные принадлежности (гусиные перья), чернильницы, с чернилами из сажи, грифельные доски, классная доска, на которых учились писать ребятишки, большая печь. А на печи, на самом верху – глиняный горшок, литра на два, в котором варилась каша для учеников и которую они ели, с раздачи учителя, на переменке. Отсюда и название своих собратьев – одно*кашники*… В этой же школе преподавала девочкам рукоделие и мама писателя Анна Семёновна.

С переполненными чувствами от прикасания к быту юного Мити Мамина, мы покидаем и этот гостеприимный знаковый уголок Висима. Спешим к средней школе, где нас уже

ждут и встречают с десяток школьников старших классов. Школьное здание добротное, просторное, совсем не такое, в каком учился Митя, и даже не типовое продолговатое, деревянное, тридцатых-сороковых годов. А вот учеников во всех классах сохранённой общеобразовательной средней школы (сколько их уже позакрывали из-за малокопмплектности!) – чуть больше сотни. И всего… одна выпускница…

Недолгое общение с учениками и учителями нынешней школы, небольшая викторина на знание биографии и произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка, подарки победителям – книги, конечно. Делаю школьной библиотеке и я подарок от писателей Кузбасса: два последних номера «Огней Кузбасса», номер альманаха «После 12» и сборник рассказов «Братья наши».

А в сельском клубе нас уже поджидают собравшиеся висимцы и участники местной самодеятельности.

По сложившейся уже традиции, все писатели – участники Конференции – непременно выступают перед местными: будь то обычный сельский клуб, библиотека, актовый зал института, зрительный зал филармонии или даже театра.

Вот и теперь, открывает нашу встречу приветственным словом Глава Горноуральского городского округа Н.И. Кулиш. После него бразды правления берёт на себя наш «машинист» - Александр Борисович Кердан.

Он по очереди приглашает на сцену «вагоны» нашего писательского «поезда», следующего с востока на запад. И первым таковым «вагоном» является наш, западно-сибирский, разместивший в себе барнаульцев, кемеровчан, томичей и новосибирцев. А это – Анатолий Кирилин, Геннадий Скарлыгин, Анатолий Шалин и я, ваш покорный слуга. В нашем, не очень удобном для зрителей и слушателей «вагоне», из четверых – три прозаика. А прозаиков слушать со сцены всегда менее интересно, чем поэтов. И каждому, стоящему перед зрителями, отведено не более пяти минут времени.

Открыть выступление «машинист» предлагает самому титулованному и опытному писателю – барнаульцу Анатолию Владимировичу Кирилину. Со своей задачей,

«первооткрывателя» он справляется весьма успешно, под завязку прочитав одно из стихотворений своего алтайского друга. За ним следует выступление поэта из Томска Геннадия Скарлыгина.

Моя очередь в этом «вагоне» третья. Я очень волнуюсь, боюсь сбиться или что-то забыть сказать. Поприветствовав собравшихся и поблагодарив организаторов, я продолжаю словами:

- У каждого живущего на земле есть две столбовые знаменательные даты: день рождения и день ухода в мир иной. Сегодня мы отмечаем 165-летие со дня рождения замечательного вашего земляка Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. И в этом же году исполняется 105 лет со дня его смерти.

У каждого человека на всей земле есть только два особых знаковых места: там, где он увидел свет, и там, где его бренное тело нашло своё последнее пристанище. Родился Дмитрий Мамин именно здесь, в Висиме. А местом его упокоения является Волковское кладбище в Петербурге. То место, где похоронены писатели, называют Литераторскими мостками. Сорок лет назад мне довелось побывать там и постоять у могилы писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка… После посещения Волковского кладбища у меня появились такие вот строки:

«На Литераторских мостках
Дожди ноктюрн играют,
С палитры осень второпях
Мазки роняет.
Дождинки струйками текут
По мокрым плитам –
По тем, кто в памяти живут,
И по забытым…»

По окончании стихотворения, под искренние аплодисменты, всё ещё сильно волнуясь, я покидаю сцену.

Разрядку залу даёт замыкающий нашего «вагона» новосибирец Анатолий Шалин – своими остроумными миниатюрами.

И так, чередуясь с очень яркими номерами местной самодеятельности, наш литературный «поезд» под руководством опытного «машиниста» катит дальше: предуральцы (Нижне-Вартовск, Ханты-Мансийск, Омск, Тюмень), южно-уральцы (Оренбург, Челябинск), средний Урал (Екатеринбург, Пермь, Нижний Тагил). Завершают выступления писатели из «виповского, СВ-вагона» - С.А. Трахимёнок и Г.В. Иванов.

Помимо аплодисментов благодарных висимцев и собратьев по перу, каждый из писателей в конце встречи получает в подарок по две замечательные книги-альбому: «Три века висимской истории» и «В краю талантливых людей».

Назад, в Нижний Тагил, возвращаемся всё ещё возбуждённые и ставшие чуточку ближе и роднее друг другу, чем были накануне.

Спасибо Висиму – малой родине писателя Мамина-Сибиряка!

Спасибо Дмитрию Наркисовичу, написавшему более трёхсот произведений, из которых только одних романов более десятка, и собравшему нас сюда всех вместе!

Не менее интересной и насыщенной оказалась и вторая часть конференции, проходившая 6 ноября в актовых залах Нижнетагильского социально-педагогического института. Но об этом – уже иной сказ…

Вернувшись домой, мне захотелось восполнить свои пробелы в знании произведений, написанных Дмитрием Маминым-Сибиряком. Я зашел в один книжный магазин, другой, третий… Кроме книжек для детей, типа «Серая шейка» и «Алёнушкины сказки», ничего там обнаружить не мог. И везде был один и тот же отрицательный ответ, с мотивировкой: «Мы не заказываем книги этого писателя…»

Увы и ах… Придётся прибегнуть к помощи библиотек.

Кемерово, ноябрь 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ **Стр.**

От автора **. 3**
Мир тесен, или парадоксы совпадений (Эссе) . . . 5
Профессия – студент! (Воспоминания) 81
Глава первая. Абитура, абитура! 81
Глава вторая. Ученье – свет!!! 95
Глава третья. Нас все учили понемногу... 109
Глава четвёртая. Шеф. 126
Глава пятая. Общага. 134
Глава шестая. «От сессии до сессии» 155
Глава седьмая. «А сессия всего два раза в год». 178
Глава восьмая. Сверим наши песни 191
Глава девятая. Ах, эти свадьбы... 209
Глава десятая. Идущие по пятам. 220
Глава одиннадцатая. На финишной прямой. 238
Не поле перейти (Автобиографическое повествование).. 253
Небольшое вступление 253
Сказка синеокая детства моего 256
Школьные годы чудесные 269
Из ученичества – в учительство 289
Студенчество 295
Во флотском бушлате, но в армейских сапогах 300
Не то – учёба, не то – наука 308
У кафедры в плену 317
Ох, рано встаёт охрана 328
Одна, но пламенная страсть 336
Остановленные мгновения 350
Изгиб гитары жёлтой 356
Среди писателей 363
К маме (Рассказ) 383
На родине писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка (Очерк). . 394

ББК 63.214(2Р=Рус)

А 84

Литературно-художественное издание

АРНАУТОВ ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

(Воспоминания, эссе)

Подписано в печать 10. 01. 2019 г.
Бумага офсетная 80 г/кв. м. **Тираж 200 экз.**

Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».
650033, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В